Сокровища древнерусской литературы

Виршевая поэзия

Сокровища древнерусской литературы

Виршевая поэзия

(первая половина XVII века)

Москва
«Советская Россия»
1989

Р1
В52

Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии
В. К. Былинина, А. А. Илюшина

Рецензент
доктор филологических наук
А. С. Демин

Оформление
Б. А. Диодорова

Виршевая поэзия (первая половина XVII века) /
В52 Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина; Оформ. Б. А. Диодорова.— М.: Сов. Россия, 1989.— 480 с.: ил.— (Сокровища древнерусской литературы).

В книге впервые собраны древнерусские вирши первой половины XVII в., представлен широкий неизвестный и малоизвестный материал, воссоздающий картину первоначального этапа в истории русской письменной поэзии.

Адресованная широкому читателю, книга строится таким образом, чтобы с возможной полнотой показать ранние достижения отечественной стиховой культуры, ее становление в условиях растущего многообразия литературных жанров, познакомить с богатой плеядой первых русских стихотворцев.

С $\frac{4702010102-303}{М\text{-}105(03)89}$ 162—1990 г. Р1

ISBN 5—268—00568—5

Начало русского виршеписания

История русской поэзии, если представлять ее не иначе как через более или менее заметные имена творцов, мастеров стиха, обращена к нам «всего лишь» тремя с небольшим веками своего существования и развития: от Симеона Полоцкого (70-е гг. XVII в.) до текущего момента, и между этими хронологическими рубежами располагается практически все, что долгое время было известно широкому читателю о нашей поэзии. Стихи, конечно, писались и раньше; всякая история имеет предысторию, всякое литературное явление — свои истоки и предыстоки. Начало XVII в.— это и начало русского виршеписания, время новизны, ознаменовавшееся возникновением в литературе особой отрасли.

Характеристика этой новизны — в чем, собственно, она заключается — требует осторожности и четкости. Никак нельзя сказать, что и до XVII в. у нас не было поэзии, не было стиха. Иначе мы зачеркнем и фольклор (былины, песни исторические, лирические, обрядовые), и церковное молитвословие. И то и другое было, звучало, пелось. Господствовал стих напевный и безрифменный — как в народной поэзии, так и в богослужебных текстах, что и позволяет при всем их несходстве приписать им некую общность: хоть и совершенно разные напевы, но все же напевы! И противопоставить им стих говорной, для пения не предназначенный, и к тому же рифмованный. Таковой и возобладал в виршах XVII в.

Необходима еще одна оговорка. Явление рифмы было знакомо русской словесности с древних времен. Ею пользовались, но нерегулярно, от случая к случаю, и скорее даже в прозаических произведениях, чем в стихотворных. В XVI в. она изредка дает о себе знать и в стихотворных сочинениях. И только в XVII в. рифмовка становится регулярной, охватывающей весь в целом текст стихотворения, будь оно маленькое или большое по объему. Нормой становится и независимость текста от напева — самостоятельность поэтического слова, гораздо реже сказывавшаяся в предшествующие времена, когда стих предпочитали «пети», а не «глаголати».

Новизна еще и в том, что поэзия стала по преимуществу оригинальной, тогда как была по преимуществу переводной — с греческого, позже с польского (имеется в виду, конечно, письменность, о фольклоре нет речи). Многие тексты церковной славянской гимнографии, относящиеся ко времени до XV в., вообще трудно воспринимать как факты русской поэзии: мало того, что это переводы,— они скорее всего и сделаны-то не на Руси; а у южных славян, и лишь потом переписаны у нас... Другое дело — XVII в. с его половодьем оригинального сочинительства, в котором ощущается русская действительность, дыхание исторического и повседневного.

Вирши — слово, заимствованное в 70-е гг. XVI в. из польского языка;

означает то же, что и стихи — слово латинского происхождения. Русские виршеписцы первой половины XVII в. слагали свои сочинения неравносложными строками с произвольным ритмом, напоминающим прозу, применяли парную смежную рифму. Получалось, к примеру, так:

Изложенна бысть сия летописна книга
О похожении чюдовского мниха,
Понеже бо он бысть убогий чернец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие России возмутил
И диадиму царскую на плещах своих носил.

Автор этого стихотворения, датированного 1626 г.,— князь И. М. Катырев-Ростовский. А «герой» — Лжедмитрий I, бывший чернец, монах (мних) Чудовского монастыря (вспомним соответствующие сцены из пушкинского «Бориса Годунова»: тема с веками не устаревала). В 20-е гг. XVII в. это уже историческая фигура, отошедшая в прошлое: труп давно сожжен, прах развеян... Но в стихотворении присутствует не только историческое прошлое, но и настоящий момент. Вот она, только что изготовленная летописная книга,— как бы показывает на нее виршеписец,— читайте! Причем он сам ее «слагатай», составитель, и скорее всего — один из авторов.

Стих будничный, говорной,— не только не напевный, но даже и не ораторский, о самозванце сказано спокойно, без гневно-осуждающего пафоса. Это похоже на доверительную беседу с читателем, в которой, пожалуй, было бы неуместно метать громы и молнии, о чем бы ни шла речь. Столетия спустя дозировка прозаизмов в поэзии станет сложной проблемой, они будут врываться в нее с боем, озадачивая критиков и читателей: стихи «опрозаиваются»! А для XVII в. это не что иное, как естественная атмосфера виршеписания, возникшая вместе с его возникновением. Сейчас виршеписцев того времени редко называют поэтами. Чаще, находя их имена в различных справочниках, встречаешь определения типа следующих: «обществ.», или «церк.», или «обществ. и церк. деятель, писатель», даже если эти «деятели» писали стихи, о чем тоже сообщается. Но ведь они п о э т ы. А иные из них — поэты в первую очередь.

Виршеписание, как мы видим, касалось исторических событий века, но их широкого отображения не дало. Метания преступного царя Бориса Годунова, бунт Болотникова и нового Ильи (Илейки) Муромца, возвышение хитроумного Василия Шуйского, девятнадцать авантюристов-самозванцев, посягавших на царский престол и колебавших его, польскими саблями пролитая на снег в глуши костромских лесов кровь Ивана Сусанина («спас Михаила!»), первый худосочный Романов и его могучий отец патриарх Филарет, фактически правивший страной, воцарение Алексея Михайловича, подавившего восстания в Москве и Новгороде и окончательно узаконившего крепостное право,— все это вмести-

лось в первую половину XVII в. («смутное время» плюс еще несколько десятилетий, не менее «смутных»), но отдаленным эхом отозвалось в той поэзии, прошедшей мимо некоторых важных событий и имен. И все-таки приметы времени запечатлены в ранних русских виршах — свой след история в них оставила.

В древнерусской жизни, политике и культуре огромную роль играло духовенство. Частые в старину словопрения вокруг догматов веры, отдававшие схоластикой богословские диспуты были не так далеки от насущных и реальных общественных интересов, как это сейчас может казаться. Какое дело русскому священнику Ивану Наседке до того, что где-то в Дании набирает силу протестантизм, распространилось учение Лютера (чье ненавистное имя созвучно слову «лютый»)? Однако дело есть. У Руси с Данией вот-вот наладятся династические брачные связи, потому и послан Наседка туда с некой миссией, знакомится со страной, а в результате им написаны антилютеранские вирши (по-видимому, это богословие с политической подоплекой):

Написание о лютом враге Мартине,
В лепоту рещи — о блядивом сыне,
Иже вся своя ереси в все концы ввел
И всех их во дно адово свел.

В этом сердитом «написании» основательно досталось и Мартину Лютеру и его «злому ученику» Кальвину: «Мнелися злодеи веру християнскую развратити, Ино несть мощно адовым вратам церковь божию затворити, Основана бо паки на камени твердом И на всяком сердце милосердом». Столь же нетерпим автор к католицизму, в осуждение которому им сочинены вирши:

О римских и латынских папéжах,
Аки о бесовских мрежах:
Ими же человеческия души уловляются
И во адово дно низпосылаются.
Еще же вкратце рцем о нынешних нечестивых папах,
В них же держими суть людие, аки овцы в волъчьих лапах,
И держаще бо их злодеи своими лютыми прелестми,
Тем и поглощены быша адовыми челюстми.

Огнепальный темперамент Наседки, непримиримого к инаковерующим, в чем-то предвосхищает явление протопопа Аввакума. Кстати, в конце жизни наш виршеписец пострадал от того же патриарха Никона, с которым впоследствии так отчаянно боролся Аввакум.

Высокий авторитет духовенства не исключал весьма гневных и едких инвектив в его адрес. Сохранилась анонимная сатира на церковников, предположительно датируемая первой третью XVII в. Неизвестный автор обрушивается на священнослужителей, которые подают дурной пример православным, забыли о боге, пекутся только о

собственном благополучии, разжирели и побагровели от обжорства и пьянства, утопают в роскоши. «Токмо домы своя и чрева строите, И токмо паки брадами и брюхами своими взяли, А божественное писание погами своими едва не попрали». С горькой иронией безымянный виршеписец показывает разительное несоответствие «паству имущих» евангельскому идеалу пастыря, именуемого «солью земли» и «светом миру». Смелость и острота этих выпадов усугубляется тем, что опи направлены против всего духовенства: речь идет не об отдельных недостойных его представителях, а о священстве в целом. Обращение «вы...» нужно понимать как «вы все».

Но нельзя забывать и о иных, славных и героических традициях в истории русского духовенства, о воинах и подвижниках, об отражавших атаки интервентов крепостях-монастырях. XVII в.— это век патриарха Гермогена и протопопа Аввакума, эти великие имена говорят сами за себя. Их было много, истекающих кровью и палимых огнем борцов, мучеников. И о них тоже слагались вирши. По крайней мере, до нас дошли стихи Авраамия Палицына о том, как польские войска осаждали Троицкий монастырь, оказавший врагам мужественное сопротивление. Авраамий — известный и большой писатель, окончивший жизнь в Соловках, где сохранилась его могила. В своем знаменитом Сказании он описал оборону Троице-Сергиевой лавры в 1608 г.— не только прозой, но и рифмованными двоестрочиями. В частности, им поведано, как сражались с неприятелем монахи, вынужденные выходить за стены обители «дров ради добытия», что не обходилось «без кровопролития»: рубка дров оборачивалась рубкой тел, голов...

Наш современник, с его вкусом к историзму и реализму, может посетовать и на то, что стихотворений, живописующих реальный быт эпохи, не так уж много в ранней виршевой поэзии. Проза того времени в этом отношении дает гораздо больше, чем стихи. Поэт начала XVII в. мало и редко рассказывает и о самом себе, о своих личных переживаниях, впечатлениях, реакциях на все происходящее. Личность автора чаще прячется, чем выказывает себя. Такой, например, стих, как «И еще без лености хощу потружатися чернилом и пером»,— драгоценнейшая редкость: он и бытописателен, и, если угодно, психологичен, и свидетельствует об авторском отношении к стихотворству как к труду. Любовные, семейные дела и чувства поэта, как правило, скрыты; если вдруг приоткрываются — это воспринимаешь как замечательную и неожиданную находку.

Виршеписцы не ставили перед собой осознанной задачи «рассказать о времени и о себе». В их самосознании отсутствовало гордое представление о собственном избранничестве, особой миссии, бессмертии их дела в веках (нерукотворном памятнике, воздвигаемом стихами) — обо всем том, что станет атрибутами русской поэзии намного позже. Свои произведения они называли виршами, или согласными, т. е. рифмованными, стишками, понимая, что стихотворство требует

известного умения, что это дело небесполезное и отмеченное подчас знаком учености, но, пожалуй, не более того. Стих, безусловно, доставлял им большое удовольствие, но не сжигал кровь и не уносил дух в заоблачные выси. В нем могли быть зачатки лиризма, изобразительности, гражданственности и пр., но пока именно зачатки, без претензий на что-то большее.

Если уж говорить о «претензиях на что-то большее», то они по преимуществу сводились к попыткам философствовать. Далеко еще было до подлинной философской поэзии, философской лирики, но желание порассуждать в стихах о бренности всего земного и о вечных небесных ценностях — разумеется, согласно Священному писанию — давало-таки о себе знать. Позже Аввакум скажет знаменитые слова о «виршах философских», которыми сам он не привык «речи красить». Такие философские вирши писались не только его современниками, но и предшественниками.

Вот,— философствовал анонимный автор «согласных стишков о человечестем естестве»,— «родится человек на свет», совсем еще несмысленыш, затем растет, «в совершенный разум входит», и благо, если ведет праведную жизнь, но вдруг не убоится бога и поддастся бесовским искушениям — погубит душу! — характерный мотив, характерная интонация у виршенисцев первой половины XVII в. Следуют описания адских мук как неизбежной расплаты за грехи — и откуда только берется в таких случаях та «свирепая изобразительность», которой обычно отмечены инфернальные пассажи:

   Будут связаны по рукам и по ногам.
А чтоб не досталос и нам,
   языцы их будут молчати
и ничого никому вещати.
   Вытягнут изо уст на локоть,
и кожа будет на теле покать...

(«Покать» — видимо, звукоподражательный глагол: «пок... пок... пок...» — так трескается кожа поджариваемого грешника, подвешенного на крюке за язык над костром; подобные изображения воспроизводились также иконописцами, писавшими Страшный суд.)

В целом же, характеризуя «философские» вирши XVII в., особенно первой его половины, нужно отметить намеренную ограниченность их интеллектуального потенциала. Древнерусский книжник ценил мудрость, но боязливо сторонился умствования. Мудрость — от бога, свыше, приосеняет своей благодатью праведников, а умствуют (лжеумствуют) безбожные грешники, в их числе многие философы и риторы. Сочувствия к ним нет и не может быть, они достойны осуждения. Такое понимание вещей, конечно, препятствовало развитию философской поэзии, замыкая ее в круг богословских представлений о добре и зле, о дозволенном и недозволенном. Не будь умником, будь

смиренником! — бытовало и в народе. Мифологема «горе уму», «горе от ума» выстрадана русской жизнью и русской культурой в незапамятные времена.

Однако ограничение не должно и не могло было стать искоренением. Культура оставалась культурой, и умственность была ей все-таки нужна. Стихи сочинялись, придумывались и, следовательно, требовали интеллектуального напряжения и изобретательности, без которых невозможно самое примитивное сочинительство. И мало того, что они стали заметным явлением быта (разумеется, духовного или хотя бы одухотворенного быта),— версификация вошла в контекст тогдашней филологической науки; о «просодии стихотворной» и о «степенех стихотворныя меры» рассказывала «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, пытавшегося преподать современникам правила стихосложения. То была объективно несостоятельная да и не отвечавшая настоящим потребностям эпохи теория стиха — но все же теория! К тому же Смотрицкий показал себя и поэтом-практиком, иллюстрируя свои теоретические положения строками собственного сочинения, в которых продуман буквально каждый слог:

Ум чист и непорочное
Даждь ми сердце, Исусе мой.
. . . .
Утешителю Душе, окаянна
Не презри мене, хвалу ти дающа.

Эти и подобные им образцы ученой, филологической поэзии оказались как бы в стороне от реально развивавшегося стихотворства XVII в., не готового к восприятию «правильных» стихотворных размеров (да еще в том их причудливом понимании, которое предлагал Смотрицкий). До эпохи ямбов и дактилей было еще очень далеко. Виршеписцы не были грамматистами, более того, допускали подчас грамматические ошибки, но такой ли уж это важный недостаток? Может быть своя прелесть и в языковых неправильностях, поэзии они не противопоказаны и порою даже совместимы с убедительной человечностью поэтической интонации. Таковы, например, скорбные ламентации князя Ивана Хворостинина:

Бедою многою изнемогох,
И никто ми помогох,
Точию един бог,
А не народ мног.
Писах на еретиков много слогов,
Того ради приях много болезненых налогов.

Тут на своем месте — старые глагольные формы прошедшего времени — *изнемогох, писах, приях* (т. е. «я изнемог», «я писал», «я приял»). Но «помогох» («я помог»)? Ошибка. Возможно, ради рифмы. Это все

равно что сказать «никто не помогаю». Правильно было бы «И никто ми поможе», что нарушило бы рифму. Вот она, неученость, но щемяще-трогательная человечность: писатель не овладел в должной мере грамотой, но посмотрите, как он изнемог в борьбе с еретиками (сколь много писал против них, столь же много перетерпел).

Стихотворство врывается и в частную переписку. В культурном быту распространенным явлением становятся письма в стихах. Многие из них могут несколько озадачить: не вполне ясно, ради чего они сочинялись. В них соблюден известный этикет; пишущий умеет и всячески подчеркивает свое умение обратиться к адресату, т. е. соблюсти некую риторическую фигуру обращения, умеет — затем — попрощаться с адресатом и назвать себя, автора. Но ведь, казалось бы, должно же быть что-то сверх этого, содержание письма? Вот его-то не удается иногда обнаружить. В этом подозревается некая особенность стихотворно-эпистолярной культуры XVII в., не характерная для нового времени, и к этому стоило бы приглядеться подробнее.

Представим себе: переписываются два старца, монаха; обмениваются посланиями в стихах. Собственно делового, практического содержания в этой переписке либо нет вовсе, либо его настолько мало, что хватило бы для его выражения нескольких слов и незачем было бы сочинять довольно пространные стихотворения, тексты которых скорее затемняют, чем проясняют это в общем-то незатейливое содержание. Зато много в них к делу не относящегося, и добро бы это было что-нибудь интересное, оригинальное — так ведь нет же, набор христианских трюизмов. Старцы рассуждают, к примеру, о том, что нет ничего полезнее божиих заповедей, что дерзость и своеволие наказуемы, а смиренномудрие спасительно, что душу свою спасут те, чей удел — воздержание, а не обжорство и блуд, и т. п., причем подобные сентенции могут повторяться в пределах одного письма. Это отнюдь не спор: старцы — единомышленники и весьма усердные монахи, им не нужно убеждать друг друга или самих себя в том, что для них является непреложными истинами. Как же тогда понять и оценить их добродетельно-нравоучительное рвение?

Тут в основе всего — удовольствие писать стихи: в столбик, с рифмами и другими прелестями виршеписной техники. Этому научились совсем недавно, можно сказать — только что. Этому соблазнительно предаваться не ради деловых и практических соображений, а просто так. Своего рода самодовлеющий артистизм, когда чувствуешь, что стихи хороши уже тем, что они стихи. С годами и столетиями это чувство постепенно притуплялось, к стихам предъявлялись все иные и иные требования.

Казалось бы, напрашивается возражение: артистизм артистизмом, но ведь — тем более! — неуместны банальности и начетничество. Артистизм склонен скорее к нестандартным решениям, чем к повторениям общеизвестного, в то время как наши старцы (и об этом уже

шла речь) выглядят тишайшими скромниками и смиренниками, беззубо пережевывающими старые догмы. Получается, что небывалая новизна формы противоречит сугубому традиционализму суждений, самому их духу.

Но исторически и психологически это легко объяснимо. Именно новаторам формы в первую очередь необходимо было засвидетельствовать и подчеркнуть свою лояльность по отношению к господствующей религии, сверенность своих суждений с духом и буквой Священного писания. Иначе виршеписание с беспримерной новизною его форм стяжало бы себе слишком опасную репутацию: все новое — дерзость, всякая дерзость — богопротивна, ее того и гляди заклеймят как ересь, со всеми вытекающими из этого последствиями. Пионеры виршеписания не могли с этим не считаться. То, что они пишут не так, как раньше, и не так, как все, а «двоестрочием» (двустишиями), нуждалось в оправдании: дескать, это не богохульство, а совсем даже наоборот. Как писал чернец Савватий:

Аще и двоестрочием слогается,
но обаче от того же божественнаго писания избирается —

и такой ход вполне характерен для практики раннего виршеписания. Об этом же приходилось беспокоиться иногда и намного позже, во вторую половину XVII в., когда наши мастера рискнули перелагать двоестрочными виршами псалмы и Соломоновы песни.

Вернемся к нашим старцам и их стихотворной переписке. Внимательно читая тексты, нетрудно заметить в них акростихи, требующие прочтения по вертикали сверху вниз всех первых букв — построчно. Прочитав же акростих, начинаем понимать то, чего не поняли из текста стихотворения при его «горизонтальном» просмотре: один старец просит другого прислать ему книгу для переписки («Дай ми книгу списат») — просьба, выраженная всего лишь четырьмя словами, но высказанная значительно большим количеством не только слов, но и целых стихотворных строк. Из акростиха же узнаем и имя одного из старцев — Феоктист. Это к нему обращается с просьбой его товарищ (Ларион). Прием в то время очень распространенный: виршеписцы часто называли подобным образом и свои имена и имена своих адресатов. То был и способ увековечить имя.

Об акростихиде (краестрочии, краегранесии) как об одном из средств утвердить свое авторское «я», оградить свое сочинение от посягательств плагиаторов, которые «чюжие труды присвояют себе и о тех акы о своих хвалятся», писал еще Максим Грек в XVI в., приводя в пример греческого песнописца Иосифа, запечатлевшего в акростихе свое имя. Едва ли это пример был по-настоящему поучителен в культурных условиях Древней Руси, где представления об авторском праве и плагиате никак не вязались с присущим литературе характере анонимности. Однако сам по себе прием акростишного воспроизведения

имени поэта, рекомендованный Максимом Греком, пришелся впоследствии по вкусу русским виршеписцам XVII в., и это закономерно, в этом своеобразно сказался голос и стиль переломной эпохи: скачок от безымянности к именитости.

Эта новая тенденция к утверждению личного, «именного» характера словесности встречала противодействие: традиция анонимности все же была сильна. Переписчик, встретив в тексте стихотворения имя автора или адресата, заменял его обезличенным словцом «имярек». Но такое возможно, если имя написано горизонтально. Акростих же в этом смысле неприступен: пришлось бы разрушить весь текст или его большой участок. Имя, заключенное в акростихе, практически неуязвимо, надежно застраховано от подобных покушений — Максим Грек знал, что посоветовать. А послание, как никакой другой жанр, настоятельно располагало к именованиям, поскольку автору нужно и себя назвать и к адресату обратиться.

Послания, эпистолии стали вообще наиболее распространенным жанром виршеписания, который прочно закрепился в нашей поэзии на века. Переходя от единичного примера с перепиской Лариона и Феоктиста ко всему многообразию жанровых типов послания, бытовавших в стихотворчестве первой половины XVII в., можно убедиться в том, что дело тут, конечно, не ограничивалось бескорыстным удовольствием сочинять стихи и отправлять их по адресу — в приятной надежде получить стихотворный же ответ («отвещание»). Нет, в эпистолиях часто высказывались просьбы о насущном: чтобы адресат помог автору материально, деньгами, или вызволил его из трудного положения, замолвив за него словечко перед власть имущими. И стихи в этих случаях писались не потому, что они доставляли пишущему удовольствие, а для пущей важности и, вероятно, в расчете на то, что стихотворная просьба звучит солиднее прозаической и ответить на нее пренебрежительным отказом будет как-то неудобно: все-таки это искусные вирши, рифмованные и нередко с акростихом.

Князю С. И. Шаховскому, неоднократно попадавшему в опалу, приходилось трудно - и вот он отправляет просительное стихотворное послание более удачливому князю (Пожарскому). Заканчивается очередная полоса невезения, Шаховской снова в почете — и уже сам получает просительное стихотворное послание от бедствующего князя Шелешпанского. Последний разумно рассчитал: Шаховской сейчас силен, даже вхож, возможно, к царю, а ведь незадолго до этого сам пострадал и поэтому может посочувствовать обездоленному собрату.

Писались также и покаянные, и обличительные послания, и сатирические, и даже просто пародийные. Старорусский стих умел серьезничать, но умел и скоморошествовать, дерзить, «сказать дурака» адресату. Бывало, что и о страшном, лично пережитом — пытках, смертельной истоме — человек говорил с юмором и веселыми прибаутками, как если бы сам не был жертвой трагически сложившихся обстоятельств.

Вот, например, восставшие под предводительством Болотникова крестьяне вздернули на дыбу дворянина Ивана Фуникова, мучают, угрожают ему казнью, однако же уцелел Фуников и, хотя все тело у него болит, написал приятелю о своих злоключениях смеючись и каламбуря: «За старые шашни хотели скинуть с башни» — и все в таком духе.

Наконец, жанр послания-поучения — от наставника к наставляемому. Тон дидактический, назидательный: то самое «учительное слово», которое издавна звучало в русской литературе, побуждая чтить ее воспитательно-педагогическое значение. Автор такого послания-наставления называет себя дидаскалом (учителем), предостерегает ученика от лености и нерадения, которые необходимо преодолеть тяжким неустанным трудом, чтобы набраться знаний и стать впоследствии почтенным и уважаемым человеком. И, разумеется, правильно делает ученик, когда не щадит «сребра» ради наук — щедро платит своему дидаскалу. Таково наставление Савватия, обращенное к молодому князю М. Н. Одоевскому.

К жанру стихотворного послания естественно примыкает жанр стихотворной молитвы. И там и здесь обращенность к адресату: в первом случае к живому современнику, во втором — к богу или к святому, однако иногда, судя по той же назидательной интонации, вовсе и не к богу. Так, анонимный автор «Молитвы на вирш ко Господу Богу» предпослал ей рассуждение, начинающееся словом «подобает»! И, кстати, там есть слова, почти совпадающие с цитированными выше словами Савватия о том, что двоестрочие не мешает следовать божественному писанию. Впрочем, это не сама по себе молитва, а предисловие к ней, о «жанре» же предисловия речь впереди.

Что касается собственно молитвы, то она, как правило, звучит проникновеннее и лиричнее, чем послание. Непревзойденным и доселе неизвестным образцом этого жанра в поэзии XVII в. является «Молитва против разлучения супружества» С. И. Шаховского, которому закон угрожал расторжением четвертого брака, причем небездетного (трижды овдовев, нельзя было жениться еще раз). Вот полностью текст этого замечательного стихотворения:

Помилуй, господи царю,
и сохрани жену мою,
аще и незаконно поях ю,

и чада моя,
еже еси даровал, презря
мои согрешения.

Соблюди их, владыко, и помилуй,
и долгоденьствия даруй.

Во здравии и спасении
посети, владыко, милосердием

своим.
Во веки, аминь.

Тут и форма необычна. Не только двоестрочия, но и трехстишия с соответственно тройною рифмой, как в самом начале: *царю* (звательная форма слова *царь* — обращение к господу) — *мою* — *ю* (ее). Особенно же впечатляет то, что не назовешь иначе как лиризмом. Текст личностен, как бы озвучен голосом автора, насыщен его очень понятными нам переживаниями: боже, помилуй мою жену, пусть незаконную, и детей, коль уж ты даровал мне их, несмотря на мои грехи... Это человечно и трогательно. Будь это стихотворение анонимно — все равно чувствовалась бы незаурядность его автора. Но оно не анонимно, а о Шаховском мало сказать, что он хорошо известен: он, в своем роде, легендарен, по крайней мере таковым стал в наше время, когда возникла фантастическая версия (и большая научная дискуссия вокруг нее), согласно которой он будто бы подделал переписку Курбского с Иваном Грозным. Кстати, еще раньше Шаховскому приписывалось одно из сочинений не менее, чем он сам, известного его современника, князя И. М. Катырева-Ростовского.

Ситуация, которую тоже можно было бы назвать «разлучением супружества», в середине XVII в. спровоцировала еще одну изумительную стихотворную молитву, причем даже предназначавшуюся для пения (судя по ее подзаголовку). Ее автор — Евфимия Смоленская, достойная предшественница многих наших женщин-поэтов. Ее, мать троих сыновей, лишили мужа, священнослужителя, «предикатора» (проповедника), отправив его, по-видимому, в ссылку:

Святыя церкви служитель,
любовный мой сожитель,
внезапу от мене отлучися —
глава с телом разлучися.

И вот она молится о возвращении мужа, отца ее детей («детки со мною младенки, сиротки остались маленки»), в то же время подчеркивая свое и их смирение, местами доходящее до несколько забавного самоосуждения. Наделенная даром перевоплощения, она присоединяет к своему голосу имитируемые ею голоса сыновей, которым так нужен отец:

— Первый и болший аз сын,
именуемый Савин.
Годен жезлом ранен быти
и многи язвы носити.

С материю господу всех воспеваю,
благодателю возсылаю.
— И средний аз, Леонтей,
достоин есмь многих плетей.

С рождьшею к богу глас возсылаю
з братом в песнех соглашаю.
— И аз, Николай, к вам приполз,
Годен прияти многих лоз.

С крепостию к болевшей мною
восклицаю,
немотуя, прорицаю:
О, мати моя...— и пр.

Прямо-таки драматургическое решение! В молитву как бы вкраплены реплики «действующих лиц». Каждый сын пропел свое. Затем голоса детей сливаются в согласное трио, а под конец чередуются и перекликаются с голосом матери: «Возврати церкви служителя, мене, грешной, сожителя, возлюбленного ми друга, и востану от скорби недуга. Нам же трем младым братом — родителя, во юности наказателя. Да не в глупости погибнем... Даждь нам здрава его видети...»

В жанровый состав виршевой поэзии XVII в. заметный вклад внесли так называемые предисловия — к разным сочинениям, в основном прозаическим, но необязательно (выше уже упоминалось стихотворное предисловие к стихотворной молитве). Некоторые предисловия можно рассматривать как произведения, имеющие самодовлеющую ценность — независимо от предваряемых ими текстов. Таковы, например, «Вирши на Езопа» Ф. К. Гозвинского, открывающие подготовленный им сборник прозаических переводов древнегреческих басен. Это стихи, запечатлевшие контраст между внешним безобразием и высокой духовностью Эзопа,— о том же более чем через сто лет писал А. Д. Кантемир в одной из своих эпиграмм.

Но чаще предисловия просто излагали — коротко и в стихах — то, о чем речь шла в сопровождаемых ими сочинениях. Если это повесть (например, о Варлааме и Иоасафе), то и предисловие к ней, соответственно, обретало жанровые черты стихотворной новеллы. Если это полемический богословский трактат (например, против лютеранства), то и предисловие к нему выглядело стихотворным микротрактатом. Порою стих как бы порывался соревноваться с прозой: вдруг виршевая миниатюра-предисловие окажется интересней и увлекательней самого прозаического сочинения, которому она предпослана? По-видимому, это согласовалось с читательскими вкусами и потребностями: интерес к стихам был разбужен, и в XVII в. вирши читались с удовольствием.

А современный читатель, любящий поэзию,— что интересного для себя может он найти в виршах первой половины XVII в.? Их «устаревший» язык малопонятен или труднодоступен для неспециалистов. Впрочем, архаика теперь не жупел, как и вообще всевозможные языковые головоломки (иначе необъясним был бы возрастающий интерес широкой аудитории, например, к стихам Хлебникова). Воспринимаемое с усилием и напряжением едва ли не в большем почете, чем воспринимаемое легко, или, как говорится, облегченно. Беглого чтения здесь быть не может.

Выше демонстрировались некоторые поэтические находки ранних

русских виршеписцев. Примеров могло бы быть больше. И уж подавно больше, если бы все тексты дошли до нас в исправном виде, без неизбежной порчи в сохранившихся списках. Читая стихи нового и новейшего времени, мы редко замечаем опечатки и почти не сомневаемся в том, что напечатанное адекватно тому, что было написано поэтом. Другое дело — старые вирши. Они нуждаются в своего рода сотворческом чтении, с сомнениями и недоверием, даже с попытками представить себе, как же все это выглядело в правильной авторской редакции (коль скоро автограф неизвестен).

Особенно наглядную картину в этом отношении являют акростихи. По ним легче всего судить о неисправностях текста. Читая первые буквы строк по вертикали сверху вниз, видим: вот здесь должно было размещаться имя *Михаил*, а получается *Михаит*. Откуда взялась литера *т*? Ее навязывает акростиху строка на эту букву: «тамо лютых и скорбъных страсти низлогаются». Следовательно, для корректировки акростиха и текста в целом здесь достаточно в данной строке изменить порядок слов — без ущерба для смысла: «лютых и скорбъных страсти тамо низлогаются», и *л* вместо *т* вернет акростиху искомое имя *Михаил*. В другом месте автор «челом бает» вместо безусловно требующегося «челом биет». Разница опять-таки в одной букве — нужна не *а*, но *и*, и достаточно строку начать другим соединительным союзом (не «а мы такожде...», а «и мы такожде...»), чтобы все стало на свои места. Такова возможная мысленная реставрация попорченного текста. Но почему бы сразу не издавать вирши в исправленном виде? Нельзя, ибо нет твердых гарантий того, что наша «фантазия» сработает в нужном направлении.

Не только акростихи, но и некоторые рифмы располагают к такого типа мысленной реставрации. Вот, например, встретилось бедное созвучие *пречистых — благих*, где сходны лишь окончания прилагательных *-ых* и *-их*, да и то одно ударное, а другое нет. Для XVII в. и эта рифма в принципе допустимая, но и тогда виршеписцы интуитивно предпочитали более полные созвучия типа *пречистых — истых*, а кстати, слово «истых» в данном контексте было бы вполне уместно. Но, конечно, придуманный вариант — опять-таки не более чем предположение, настаивать на нем нельзя. А бывает и так, что прямо-таки напрашивающиеся точные рифмы взамен допущенных неточных решительно невозможны. Взять хотя бы такое созвучие: *быша — Гришка* («быша» — старинная форма прошедшего времени глагола «быть»). Казалось бы: почему же не *быша — Гриша?* Рифма стала бы идеальной. Кстати, это из стихотворения Петра Самсонова, который сам себя называл то Петрушкой, то Петрушей. Но увы — нельзя. «Петруша» — можно, а «Гриша» — нельзя. Ибо речь идет о самозванце Гришке Отрепьеве. Он ни в коем случае не Гриша и даже не Григорий, а именно Гришка, расстрига и еретик. Так незаметно разговор о рифмах уперся в политику (хорошее напоминание о том, что форма — содержательна).

Ценитель рифмы обнаружит в виршах XVII в. много любопытного. При этом нужно иметь в виду, что рифмы, сейчас кажущиеся банальными или, по крайней мере, привычными, тогда воспринимались иначе, смотрелись гораздо свежее и праздничнее — такие, как *любовь — кровь, вера — мера, казнь — боязнь, Христа — креста, муки — руки, слухом — духом* и пр. Намечались было неудачные стандарты, но нередко их вытесняли находки, отмеченные знаком изобретательности. Так, над созвучием *глаголет — приемлет* убедительно восторжествовала безукоризненная рифма *глаголет — колет;* над тавтологическим *божию — безбожию* одержала верх прекрасная рифма *божию — подножию.* И вот еще примеры превосходных, изысканных сочетаний: *прелесть — челюсть, пепел — усвирепел, каплям — хаплем* (от глагола «хапать»), *ямка — мадиямка* (жительница Мадиама), *пастырь — пластырь, Павлу — лавру, правда — измарагда* (изумруда)... Этот список можно было бы продолжать и продолжать. Имеются и виртуозные составные рифмы: *просто — во сто, саны — на ны* (на нас), и почти каламбурные типа *Троица — строится.* Иноязычные имена объединяются в пары с созвучными русскими словами: *Аристотель,* понятно, ищет себе в пару существительное с суффиксом *-тель* («сказатель»), *Арсению* суждено влечься к *-ению* («разумению»), *Олоферна* тянет к прилагательным типа *многомерна, благоверна, Максим* тяготеет к *к сим, Зевес* рифмуется с *бес,* и т. п. Словом, в XVII в. явственно ощутилась высокая драгоценность рифмы.

А ритмы? Наш современник, чей вкус воспитан на классических образцах поэзии XIX в., пожалуй, скажет, что старейшие русские вирши аритмичны, и будет отчасти прав. Неметрические стихи, беспорядок в количестве слогов, в сочетаемости ударных слогов с неударными — все это действительно производит впечатление аритмии, дисгармонии. Иногда, впрочем, попадаются строки, как бы укладывающиеся в «правильный» стихотворный размер. Смотрите, например, две первые строки в цитировавшейся выше молитве Шаховского — это же прямо-таки четырехстопный ямб! Или обратите внимание на один стих в «Декларации...» самозванца Тимофея Акундинова:

Я естем здесь непознанный князь Шуйский...

Этот великолепный стих вполне мог бы прозвучать в стихотворной трагедии XIX в., пятистопноямбичной, как «Борис Годунов» Пушкина, в монологе самозванца, слегка стилизованном в польском духе (словцо «естем» вместо «есмь»), и это была бы изумительная находка, воссоздающая исторический и стилистический колорит воскрешаемой старины. Пусть это случайность, пусть это исключение, а не правило. Но такое — есть. И право же, читательских симпатий заслуживают не только такие, обгоняющие свою эпоху, стихи, но и нескладные разносложники, трогательные в своей ритмической беспомощности, которую не нужно отождествлять с несостоятельностью.

По-своему и они хороши. Они положили начало мощной традиции в нашем стихотворстве, досягнувшей до XX в.

Собственно, остается сказать об этой традиции, о том перспективном, что оказалось заложено в раннем русском виршеписательстве. Во второй половине XVII в возобладало силлабическое стихотворство, строго требующее равносложности строк, метрически упорядочивающее их. Но некоторые вршеписцы продолжали писать по-старому — разносложные стихи, как, например, сподвижник протопопа Аввакума Авраамий. А вирши начала XVII в. по-прежнему переписывались — они и дошли-то до нас по преимуществу в поздних списках. Наступил XVIII в., но и тогда память о старых виршах сохранялась, особенно раешного, балаганного типа: «Бык не захотел быть быком...». Тредиаковский в 1740 г. (уже эпоха ямбов и хореев!) в знаменитом Ледяном доме приветствовал новобрачных шутов разносложными залихватскими раешниками: «Здравствуйте женившись дурак и дура...».

Наверное, своей жизнеспособностью разносложные вирши обязаны именно близости к народному раешному стиху: все, что народно, — прочно. Этот стих испробовал и Пушкин в сказке о Попе и работнике его Балде. Но интересно, что раешный вариант разносложных неметрических стихов — не единственный в практике любительского стихописания в XIX—XX вв. Вспомним, какое письмо в романе Достоевского «Бесы» капитан Лебядкин прислал Лизе:

О, как мила она,
Елизавета Тушина,
Когда с родственником на дамском седле летает,
А локон ея с ветрами играет,
Или когда с матерью в церкви падает ниц,
И зрится румянец благоговейных лиц!
Тогда брачных и законных наслаждений желаю
И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю.
Составил неученый за спором.

Рассказчик, ознакомившись с этими, в духе XVII в., стихами, замечает: «Я знал одного генерала, который писал точь-в-точь такие стихи». Это уже намек на распространенность подобных версификационных форм для любительского стихописания второй половины XIX в. А в 1910 г. Горький в статье «О писателях-самоучках» опубликовал несколько виршей такого же типа, принадлежащих перу неизвестного корзинщика, автора повести в стихах «Дневник проститутки».

Я есть бедный кустарь корзины плету
буду ожидать за мой труд одобрительного ответу
представьте хотя я и бедный а что воображаю
до невозможности презренный металл обожаю

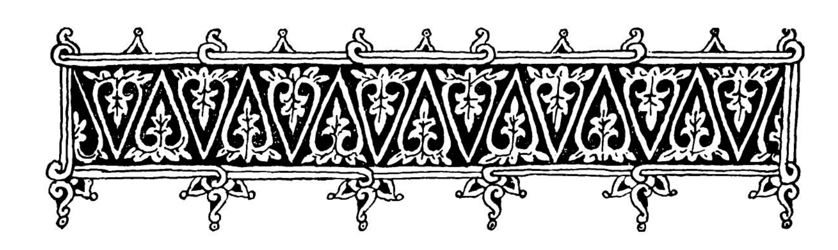
если на моих мозолях не один рублик заблестит
сердцу моему это очень польстит.
. . . .
По всему свету проститутка существует
и всякая нация по ней тоскует
а никто на них внимания не обращает
и в целях добрых не помогает.

К такому же типу стиха часто прибегал Демьян Бедный в 20—30-е гг. Примером может служить «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» — предполагаемый прообраз поэмы о Христе Ивана Бездомного из романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (Бедный — Бездомный, Придворов — Понырев).

Так сложилась традиция. Оказалась живучей. Многочисленные изобретения более совершенных стиховых форм ее не отменяли. А истоки ее — в раннем русском виршеписании, которое возникло почти четыре столетия тому назад.

В. К. Былинин
А. А. Илюшин

Провозвестники виршевой поэзии



Иван Фуников

Послание дворянина к дворянину

Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жителства присносущу питателю, государю моему имярек, жаданный видети очес твоих светло на собя, яко же преже бе не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, яко же прежней рабец, греха же моего ради яко странный старец.

Вожделен до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия, не простирает бо ся сицево писанийцо за оскудение разума моего и за злу ростоку сердца моего. Точию рех ти: буди, государь, храним десницею вышнага параклита.

А по милости, государь, своей, аще изволишь о нашемь убожестве слышать, и я, милостию творца и зиждителя всяческих, апреля по 23 день, повидимому, в живых. А бедно убо и скорбно дни пребываю, а милосердия твоего, государя своего, всегда не забываю. А мне, государь, Тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки,
да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска,
и послана рогожа, и спать не погоже.
Сидел 19 недель, а вон ис тюрьмы глядел.
А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе,
за старые шашни хотели скинуть с башни.
А на пытках пытают, а правды не знают.
Правду-де скажи, а ничего не солжи.
А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился:
не много у меня ржи, нет во мне лжи,
истинно глаголю, воистину не лжу.
И они того не знают, болши того пытают.

И учинили надо мною путем, мазали кожу дважды кожу
кнутом.
Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
баня дурка, да и мовник глуп.
Высоко взмахнул, тяжело хлеснул,
от слез добре велик, и по ся места болит.
Прикажи, государь, чем лечить,
а мне, государь, наипаче за тебя бога молить,
что бог тебя крепит, дай господи, и впредь так
творить.
Да видех, государь, твоего государя моего имярек,
рукописание прослезихся,
и крепости разума твоего удивихся,
а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся,
и богу моему за тобя, государя моего, помолихся.
Да от сна вставая и спать ложась, ей-ей всегда то ж
сотворяю.
А тем, государь, твое жалованье платить,
что за тебя бога молить, да и всяк то говорит:
добро-де он так творит.
Да писал бы, государь, немало,
да за великой смуток разума не стало.
Приклоних бо главу свою до земля, рех ти: здравствуй,
государь мой о Христе. Аминь.
Да немало, государь, лет,
а разума нет, и не переписать своих бед.
Розван, что баран, разорен до конца, а сед, что овца.
Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до
кола.
Рожь ратные пожали, а сами збежали.
А ныне воистинну живем в погребище и кладем огнище,
а на ногах воистину остались одне голенища, и
отбились голенища.
Зритель, государь, сердцам бог, не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова, и та не здорова.
Видит бог — сломило рог.
Да бог сердца весть — нечего есть.
Велел бог пожить, и не о чем тужить.
А я тебе, государю моему, преступя страх,
из глубины возвах, имя господне призвах,
много челом бью...

Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу, не бо ум мой постигнути или писанию предати возможет. Да и тебе скорбь на скорбь не наложу. Твоя ж и моя вся взята быша без останка.

Федор Гозвинский

Вирши на Езопа

Баснослагатель Езоп не украшен образом[1],
Прочитай же сего обрящется с разумом:
Плоть — сосудец его аще и не зело честна,
Но душа в нем живущия зело изящна.
Пиша притчами сими зверския нравы
И в них изображает человеческия справы:
Птицами и рыбами поставль основание
И над баснами творит нам истолкование.
Притча к притчам — сказание и глагол притчи,
И в притчах притчослагатель глаголет вещи.
Глумление сея притчи не в глумех,
Но утешительное прочитание в разумех;
Нравоучительная нам сей беседует[2]
И в притчах полезная житию дарует,
Яже от еллинскаго преведена суть мною.
Прочитай я, любимиче, утешайся <со> мною.

Слово о нравах сребролюбца

Всяк сребролюбец скор ко взятию.
Косен к подаянию.
И готов глаголати аще что истощит.
Нем бывает аще что присовокупит.
И не хощет никогда истощевати.
Но всегда хощет исполняти.
И зело велико дело поставляет.
Еже аще когда что истощавает.
Неудобь о сем скорбит, печалуется, докучает.
Жалостьми содержим бывает.
Щедрь в чюжем.
Скуп же во своем.
И немилостив ко всем.

И своей гортани ядения оскудевает.
Сокровище свое исполняет.
Плотию своею сохнет, корыстию богатеет.
Сего же не разумеет:
Еже зле собирает, зле и погибнет.
Понеже сие вскоре суд божий постизает.
Еже аще что от злаго произыдет,
Сие паки во зло и обращается и не приходит ко благому.
Понеже не происходит от благого.
И сего ради сребролюбец не имат живота.
Ниже сего привременнаго.
Ниже вечнаго.

Авторская помета к «Тропнику» папы Иннокентия

В премудростех славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делех художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвизаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самем наставляемый —
Феодор Касиянов, сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик.

Антоний Подольский

Послание священноиерею Симеону Федоровичу

Словесныя убо моея и тричастныя душа[1] великому отцу,
Во очищении бо грех желающу тоя представити вышнему творцу.
Явственно убо о нас пред престолом божественным предстателю,
Щедраго же и великаго трисоставнаго бога призывателю.
Его же убо божественному и преизящному и честному иерею,
Наставнику же и учителю и богоукрашенному верою.
Настоятелным убо и богослужителным саном освященному,
От благаго же и великаго бога предпочтенному.
Много обремененну отягчением духовному учителю,
Усердну же о моих гресех непрестанному богу молителю.
Истинным богоразумием попремногу одержиму,
Еуаггелским же и боговещателным учением искусно учиму.
Радость же многу о сем сотворяет худости нашей,
Еже со вниманием разсуждающе в добродетели вашей.
Ю же бо учиши нас на себе понести по божественному вещанию,
С величим прилежанием исправляти по усердному тщанию.
Елико же убо от тебе изтекает благоспасителное учение,
Мне же паки толико сотворяет духовное просвещение.
И яко же убо полагаеши зде добродетель многу,
О словесных бо овцах тщишися ответ дати богу.
Ныне же аз своим неразумием о сем что содеяти могу,
Умное благолепие того описати по достоянию како возмогу?
Философское убо безрителное учение разумно навыче,
Еще же и божественным предоброе извыче.
Достоянием бо своим любомудреным выну украшается,
О неизреченней же и велицей милости божией сподобляется,

О ней же убо разум свой во всем благоумне устрояет.
Велелепному же тому благожителству мнози ревнуют
И своим усердием к богу неуклонно утренюют.
Чувствено бо и усердно непрестанно к богу подвизается,
Умудренною же верою яко светом украшается.
В настоящем бо пребывании за ны непрестанно молящеся,
Непредкновенно же своим крепкоразумием нелицемерно молящеся.
Алча же и милоственныя струи яко води проливает к богу,
Словесному же своему стаду тем сотворяет ползу многу.
Тем же убо своим благоверием чада своя по бозе снабдевает,
О себе же их благодетелством к добродетели понуждает.
Яко же убо тма от света светлением просвещается,
Щедротами же божественными того ради милостив кождо обогащается.
И сего ради вязания и решения тому от бога вручишася,
Христоподобному, понеже нраву по всему научившеся.
Поистинне убо «врач душевный» тем да нарицается,
Ревностию понеже верою в добродетелях исправляется.
Им же убо душевныя вреды далече соотимаются,
Сатанинская же неисцелныя ст<р>упы явлением открываются.
Но сии бо являемыя язвы спасителным исцеляет учением,
О нем же аще кто потрудится со усердным прилежанием,
Рачително таковаго исправляет кротости духом,
Аще кто слушает его со внимателным слухом.
Достоино убо того благочиние описати недоумеваю,
О нем же и слухом своего разума не достизаю.
Во исправлениих божественых к горним по всему уподобляется,
Аще и немощною сею человеческою плотию обязается.
Того убо духовная вера яко солнце пред богом светлеется,
И к мирским и суетным молвам никако же уклоняется.
С великим убо дивлением чюдитися нам сему достоит,
Явственно понеже свою добродетел<ь> на небеса возводит.
Несуменное бо свое же к богу посылает усердие,
Елико ж<е> тем да получит божие великое милосердие.
Душеспасителное ж<е> убо и нам житие понужает исправляти,
Основателную добродетель к богу устрояти.
Сего ради убо того многую благодарим добродетель,

Тем бо да отпустит нам владыко злую детель.
О том бо нам подобает своя согрешения очищати,
И его благосердою верою себе яко елеем умащати.
Ныне ж<е> убо аз окаянный что содеяти могу
И которое благое поспешение улучити возмогу?
Сын убо духовный того паствы нарицаюся,
Недостоинством же велиим зело отягчеваюся.
Достойное убо того аще и поминаю чювство,
Устыдением ж<е> свое забываю велико злоумство.
Христоподобному бо того усердию еже к богу удивляюся,
От добродетелнаго ж<е> его деиства далече отгребаюся.
Вскуюж убо аз люто жизненное се житие являю,
Нынешнее течение здешнее вотще препровождаю.
Якож<е> убо погибшее овча от спасителнаго стада заблудихся,
Того ж<е> благоумнаго деиства в беззаконии удалихся.
Взысканием же обаче душеспасителным желаю обрестися,
Оставителным того прашением от грех спастися.
Елико убо мое согрешение пререщи б тое множеством,
Яко превосходити числа песка морскаго множеством.
Преокаянным же убо отягчением зело умножим есмь,
Аще и младоумною юностию одержим есмь.
Сего ж<е> ради убо благочинное твое молю священие,
Толика добродетелнаго нрава украшение.
Выспрь воздев руце пр<и>сно о мне ко господу молися,
О моем же паки окаянстве добродетелно потщися.
Неизреченное же убо свое и великое посли ми благословение,
Тем бо да отпустит ми владыко многое мое согрешение.
От тебе убо требую очиститися грех моих,
Непрестанно же желаю паки молитв твоих.
К тебе же убо ныне предлагаю мое моление,
Обаче да послет ми бог твоими молитвами умиление.
Преудивленное ж<е> убо твое благопребытие в нас вспоминается
От великих моих грех избыти сим понуждается.
Добродетел<ь> бо твоя елико во уме моем сияет,
От смертных налог душу мою попремногу свобождает.
Любозрителное твое любомудрие многое,
Смышления же моего паче разумение убогое.
К твоему убо велеумию отписати по достоянию не могу,
Остроумное ж<е> твое разумение похвалити не достигу.
Иже бо толикаго моего духовнаго учителя,
Благоспасителнаго ж<е> паче моего и усерднаго рачителя.

Люботрудным любомудрием како того ублажу,
Аще и по премножеству тому всячески изложу.
Глаголанием удобным[2] елико тому от части пишу,
От него ж<е> убо душеспасителнаго благословения непрестанно прошу.
Словесную убо душу сим просветити желаю,
Любодейственую ж<е> мою страсть явственно паки проявляю.
От страстных бо налог души моей поможение тем свыше сходит,
Владыце Христу аще о том со усердием помолит.
Елико ж<е> аще и мое множеством непрестанное согрешение,
Неизреченное ж<е> того толико духовное поможение.
И аще убо и во вселенныя концех[3] далече от него пребываю,
Явственно же и усердно на того моление уповаю.
Паки бо прошу твое честное благочиние,
Радостное ми от тебе узрети предчинение.
Отписати убо молю про свое благоумство,
Своим начертанием возвеселити мое чювство.
Иже убо о сем радостно возвеселюся,
Твоим же всечестным стопам со усердием поклонюся.
И о тебе убо мы да позвеселимся явственно,
Честное твое пребывание аще к нам проявится здравственно.
Естественное же убо свое покажи к нам милосердие,
Лютому моему неразумию свое усердие.
Остуди ж<е> убо мое прочее многое неистовие,
Младенческое и грубое малоумие.
Благожизненное ж<е> свое житие аще к нам проявиши,
И тогда убо паче по премножеству нас возвеселиши.
Елико ж<е> убо твое древнее к себе милосердие воспоминаю,
Толико ж<е> и нынягинего твоего благосердия желаю.

Послание некоему сребролюбителю <в защиту Косого>

Послание некоему сребролюбителю
и к злохристиянс<к>ому томителю,
рабское течение на себе не имущу
и самому некую славу влекущу.

Како и что напишу к суемудренному твоему разумению,
понеже вазжа<жда>лась душа твоя многому неправедному имению?
Зло убо есть, воистинну, зло таковым недугом кому одержиму быти,
от него же никому же души своей добра не получити.
В лепоту убо нарицает апостол <...> второе идолослужение[1]
и душам человеческим злое повреждение:
яко же магнит камык вся железа к себе привлачит,
тако и сребролюбивая юза всех содержит.
Понеже ничто же любезнее сребра и злата,
его же ради некогда ин погубляет своего брата.
Таковый лица божия не будет видети.
Того ради не подобает никому никого обидети.
Ох, увы, таковым недугом одержимым! —
горети бо будут огнем негасимым.
Аще и не повелевает никому никого осуждати,[2]
но не возбраняет же злаго нрава обличати.
И вси есмы слабостию своею грехотворители
и сего прелестнаго и суетнаго мира любители.
И коиждо нас своим грехом побежден бывает,
того ради и стязания от бога много приимает.
Тем подобает друг друга поучати
и от злаго дела отвращати.
И уже доволно время доходят про тебе таковыя нелепые слухи,
что отъемлеши у бедныхь и последния уси ухи.
Юродство есть, воистину, таковое разумение,
что насилованное и неправедное приимати имение.
Таковым, яко же выше рехом, спеется огнь неугасимый,
занеже ничто же злее таковаго нрава,
разоряет бо дом недобрая слава.
Ничто же точно благонравну мужу,
разумеет бо всякую брата своего нужу.
Царское одеяние сребром и златом, и бисерием украшается,

а разумный мужь добрыми своими делы прославляетъся.
Аще помилован еси зде от Христа своего и бога,
и молися ему, чтобы тебе нелишенну быти от него небеснаго чертога.
И уже доволно время мнози вопиют на тя со слезами,
ихь же еси напрасно оскорбил многими винами.
Что твой разум и многое приобретение,
аще постигнет тя вечное мучение?!
Люто убо есть, воистинну, люто обидети сирот,
понеже не видети тому божественных щедрот.
Многоковарен мужь, аще и повинен, прав является,
и в такова божия благодать едва вселяется.
Аще еси и зде и<з>бавлен будеши от всех бед,
но тамо никако же заглажден будет душевный твой вред,
понеже вся тайная наша деяния господь свесть,
и нам лукавством своим злохристианства своего от себе не отвесть.
И еще нам много не достало к тебе писати,
чтобы тебе от таковаго злаго своего обычая и нрава престати.
Почто таковым недугом одержимь?
Его же ради разве хулы никого еси хвалимь,
кроме твоих другов и любителей —
таковых же злых християнскихь томителей.
Тии тебе по своему нраву вельми похваляют
и государю твоему[3] своими лестными словесы заступают,
а християньству никако же помогают,
паче же неправедными словесы оклеветавают.
И государь ваш к тем словесем ихь прекланяется
и ко християнству своему не умиляется,
но и паче на них же немилосерд становитъся.
Смутивый же грех в рай не вселитъся.
И паки ложным словесемь веры емлет,
а от бедных словес не приемлет.
И паки безделне ихь отсылает
и на нихь же болшую вину пологает.
Аще паки зде избудеши на ся всякия крамолы,
но тамо за свое злохитръство не минуеши врящия смолы
Добро убо есть, воистинну, от таковаго нрава отстати
и к богу крепкою верою пристати,
и к подручным ти милость показати,
и у кого что взято, тому хотя мало отдати!
И бог тебе милость свою покажет
и елеом[4] главу твою помажет.
Есть убо от вас некто — нелепое звание Касаго,

иже пребывает у того благодатнаго прага
и яко пес от крупиц падающих[5] душю свою питает,
а на тебе горкия своя слезы проливает.
Паче же от всего сердца болезненно воздыхает,
что на всяк день конечною бедностию погибает
и яко вран без крыл меж домы скитается,
аще в молитве от того благодатнаго дому и питается.
Что изобидел де ты его сребренников сторицею,
а родился пред тою же безсмертною десницею;
что никако никоими обычаи неложно глаголет,
бедность бо его всегда аки ножем колет.
И ныне молим данную твою честность,
чтобы тебе не воставати на его великую бедность
и милость бы тебе к нему своя показати,
хотя мало что ему, бедному, отдати,
чтобы ему, безпомощному, не погибнути до конца,
а тебе бы тако же милость получити от содетеля своего и творца.
Аще не послушаеши сего нашего к тебе речения,
блюдися от бога вечнаго мучения.
Силен бо бог сирот своих мстити;
творящему же зло добра не получити.
Аще еси и сам божественнаго писания много умеешы,
а нрава своего и обычая уняти не умеешы.
Лют бо есть, воистинну, лют человеческий нрав!
Добро убо тому, хто ни к кому не лукав.
Паче же аще кто никого не обидит
и всегда божественное писание видит,
и вся исполняет по его речению,
и не поостряется к`человеческому мучению.
Но обаче подобает друг друга учити,
чтобь никому зла дела не творити.
Аще и самый аерь словес написати,
а кто чего не слушает, того не наказати.
Слышахом бо, яко некто от другов твоихь к тебе писал,
чтобы ты от таковаго своего нрава и обычая престал.
И ты де отнюдь словес его не слушаеш,
а горесть християнскую аки мед кушаеш.
Или мниши, яко супрузе и чадом собрати? —
аще не господь поможет, всуе будет дом созидати.[6]
Всем убо есть кормитель и промысленник бог,
иже по своей милости возвысит християнский рог.[7]
Много и самыя высочайшия за свои нелепыя дела низу сходят,
а наша чета и давно без вести отходят.

2—150

И ты во уме своем мужайся и крепися
и от таковаго своего злаго нрава отщетися.
Аще ли не лишишися того злаго нрава,
то не будет ти от вечныя муки избава.
Блюдися, да не яко неплодная смоковница посечена
будеш[8]
и потом вечных и нестерпимых мук не избудеш
за таковое свое нелепое деяние;
и паки восприимеш от бога вечное истязание.
И сему писанейцу или епистолейцу считается конец,
а добродетелным мужем всегда спеется нетленный венец,
а злому и строптивому зло и будет,
аще в том своем злом нраве пребудет.
Всяк убо человек сам себе другь и врагь бывает,
аще не во един добрый устав ум свой прелогает.
Вящши того уже не имам что к тебе писати.
Подобает кораблю к пристанищу стати.[9]
Аще и аерь словес наполнити,
а убогаго дома не наполнити.
Люто убо есть, воистину, кому нрав свой пременити
и от прелестнаго сего мира отбыти.
Всем убо египтяном и еросалимьляном и до гроба
льстит;
а мзда и у самых у мудрых очеса слепит.
У нас же с тобою не дивно ослепити,
понеже мы во обычных чинех с тобою учинены быти.
Обаче ум и смысл в себе имееш
и божественное писание разумееш,
и веси доброе от худаго,
того ради не держи обычая злаго.
Подобает тебе самому себе смотряти
и таковый обычай от себе отревати.
Писано есть: горе в разуме согрешающим[10]
и божественныя заповеди преступающим!
Во веки, аминь;
а бедных от твоего жалованья не отринь.
Вящши того не имам что к тебе писати,
не имам бо и сам добрых дел ни единыя власти.

Послание к некоему горду и величаву,

*и по бесовскому навету нравом своим
и обычаем лукаву. Еще же нелеп образ себе
имущу, того ради таковым званием и словущу.*

*От некоего же человека же естества,
желающа милости от триипостаснаго божества*

Како и что напишем к твоей бесовской гордости,
Аки к некоей неученной конной борзости?

Иже самого коня в пропастный ров вметает
И всадника на нем погубляет,
Такоже и твоя безумная гордость ум твой заношает
И благородную твою душу во ад низпосылает.
За что тако гордишися и возносишися,
И таковою славою нелепою обносишися?
А сам еси многому божественому учен,
Да почто таковою лютою страстию аки в волчию кожу оболчен?
И паки много богодухновеннаго написаннаго веси,
Мню, яко всевают ти в сердце твое таковую страсть лукавыя беси.

И каков еси взором и видением,
Таков еси и бесовским тем лютым кичением.
Скажи ны, что еси и откуда учинен?
Не от того же ли общаго нашего творца содетеля
сотворен
И на сотворенную им землю пущен?
И на се нам имети ум свой совершен.
Не такоже ли земля еси и пепел?
И почто таковою безумною гордостию своею усвирепел?
Не такоже ли кал еси и смрад?
Почто оскверняеши душевный свой виноград?
Или богат и честен зришися?
И почто таковою лютою страстию побеждаешися?
Все богатство твое с тобою в погибел да будет,
А лукавая твоя душа наипаче вечных мук не отбудет.
Помяни прежних гордых и злых царей,
Аки лютых и неистовых зверей.
Како за злую свою гордость зле погибоша,
И во адову пропасть душами своими снидоша.
А ты пред ними — обычная чета,
Тако творя не надейся же вечнаго живота.
Первие помяни, за что Денница[1] с небеси свержен
И во дно адово ввержен,
И ныне нерешимыми узами связан,
И от главы и до ногу обязан,
Последи же мучен будет в безконечныя веки
И с подобными ему человеки.
Помяни, за что фараон в мори потоплен
И со всем своим воинством водою покровен,[2]
И ожидает вечных мук.
И всяк возносяйся такоже не избудет от бесовских рук.
Помяни, за что Навходоносор царь в вол претворен
И на времена царства был лишен,
И аще бы пред богом не смирился,
То бы на веки во ад вселился.
И не бы был устроен попрежнему во свое царство,
Понеже и всякого человека возношает многое
богатство.
Яко же и ты, как учал быти богат,
Так учинился еси аки рогат.
Зри, яко может бог и не тебя смирити
И по предваршему в нищете тя учинити.
Помяни, за что гордый Антиох зле живот свой
испроверже,
Сам себе в сердце свое ножем вверже[3].

Тако же во дне ада до века пребывает,
И вечных и нестерпимых мук ожидает.
Помяни, за что Озия учинися прокажен,
Подобно же тому и ты тем обложен.[4]
Аще еси таковое злодейство твориши,
То гордостию своею такоже душу свою погубиши.
Помяни, за что окаянный Ирод жив червми снеден,
И такоже во дно адово сведен.
И ныне у самого сатаны в коленех седит,
И сам пред собою свою гибель зрит.
И много таковых в тогдашнем и нынешнем веце,
Добро убо есть смиреномудрие в всяком человеце.
Видиши ли, каковы быша велики,
А не сподобился со избранными лики.
И своею гордостию и высокоумием туне погибоша,
Также и, преже рехом, душями своими во дно адово снидоша.
Зри сего и внимай,
И создателя своего не забывай.
Всяко высокоумие в человецех мерзко есть пред ним,
А мы сами себе превыспренно мним.
Что же великий апостол Павел пишет,
Яко драгим бисерием нижет:
Гордость всяку отложше и удобь обратный грех,
Понеже гордый и величавый бывает в посмех,
Последи же зле потребляется
И душею своею во ад низпосылается.[5]
Почто аки водный говор надымаешися
И умом своим паче своея меры возношаешися?
Почто нами, последними четами, гнушаешися
И тленным своим богатством возношаешися?
Не веси ли, яко тленное богатство ржа и тля?[6]
Едина добродетель богу, та будет без тля.
И не хощеши нас нарещи прямым званием,
Но раковым и юродивым нарицаеши нас именованием.
И кличеш нас к себе, аки псов,
И гордостию своею держиш в сердцы своем, аки усов.
Аще бы еси сам не имел таковаго нелепаго порековала,
То бы безумная твоя гордость тако и нас не нарекала.
А то сам еси нелепым прозванием словешь,
Общее естество раккою[7] зовешь!
О прочем же помолчим,
Да в конец безумие твое обнажим,
Понеже вси есмы повинни греху,
А таковою страстию также не быти вверху.

Лишись, лишись таковаго обычая и нрава,
Да будет ти от мук вековечная избава.
Аще ли утвержением злаго своего обычая не хощеш лишитися,
То зле будет во гроб тебе вселитися,
Зане господь бог гордости и величания не любит,
Всяк бо царство небесное добродетелию купит.
И паки гордым бог противляется,[8]
И всяк возносяйся и нехотя смиряется.
И паки гордость никому добра не сотворяет,
Токмо душу во ад низпосылает.
Или не веси, яко бог мертвит и живит,
И всех нас сердца наша и мысли зрит,
И богатит, и убожит,
А благодатному человеку лета умножит?
Яко же глаголет божественная Анна,
Душа бо ея пред богом аки небесная манна.
Глаголет в третей своей песни,
Словеса бо ея пред богом нелестни:
Сице не хвалитеся и не глаголите высокая в гордыни![9]
Мы же глаголем: добро убо есть жити в душевней простыни.
Зле же в гордости и в лукавстве пребывати,
Такоже и в неправедном богатстве дни своя изживати.
Паки та же святая Анна глаголет,
Яко же некоим осном колет:[10]
Ни да изыдет велеречие из уст ваших,
Якоже видех при очесех наших.
Когда еси был небогат,
Тогда никому был супостат.
Не токмо небогат зрелся,
Но рад бы тогда был како и наелся.
Ныне же по царьской милости обогател,
Того ради нами, убогими, и возгордел.
Может бог, дав, и отняти,
А несотворшему добра, добра не видати.
Хотехом было с тобою знатися,
Ино несть мочно убогому з богатым соединятися.
Ниже достоит с ним дружбы имети,
Комуждо своя верста знати,
И выше себе не искати.
Яко же глаголет премудрый Исус Сирах,
Понеже всегда богатый убогому бывает страх.
Глаголет же убо: з богатым дружбы не имей![11]
Того ради и ты по сему разумей.

И паки несть мощно агньцу с волком жити,
Также и убогому з богатым дружбу чинити,
Еще же смиренному з гордыми и величавыми
И нравы и обычаи лукавыми.
Или кому, последней чете, з благоплеменитым знатися,
Но достоит от них удалятися.
Понеже они таковыми гордят
И глаголати с ними не хотят.
Тем довлеет всякому свое число лобзати,
И на бога вся упования полагати,
И у него милости и заступления прошати.
Тот может все, и кому благодать свою дати,
И убогих сирот обогащати.
Той паки — всем промышленник и питатель,
Понеже — общий нашь творец и зиждитель.
О всех нас промышляет,
И на всех нас милосердым своим оком призирает,
И повелевает нам в дом свой к себе приходити,
И чтоб тебе беседа с нами чинити,
И в препирателных словесех нас уничижати.
Или будет в мале нас хощеши напитати,
И тебе нас тем единем часом не накормити,
Вемы бо, что хощеш нас чем любоукорити.
И паки единем словом нас яко утешаешь,
А другим аки ножем в сердце уязвляешь.
Ино лучше убо есть ничтоже даяти,
Нежели досадителными словесы разсужати.
И сие писанейце во уме своем разсужай,
И сам себе вразумляй.
Гордость николи добра не приносит,
Разве душу во ад низносит.
Того ради нрава и обычая таковаго лишися,
И под крепкую руку божию смирися,
И будет ти зде и тамо благо,
Понеже смиреномудрие всегда драго.
И да не прийдеш в первое свое достояние,
И от всех людей будешь в посмеяние.
И сие писанейце писано к тебе досатително,
Обаче будет тебе и вразумително,
Понеже от таковыя страсти возбраняет
И твое безумие обличает.
Аще еси много разумеешь божественаго писания,
Но не можешь стояти противу бесовскаго запинания.
Всякому бо человеку такову страсть в сердце всевают,
Тем от творца нашего и содетеля далече нас отвращают.

Аще ли послушаеш сего нашего к тебе речения,
Да избудешь оного вечнаго мучения.
Аще не послушаеши, сам веси,
Что всевают таковую страсть в сердце твое лукавыя беси.
И ты мужайся и укрепляйся,
И против общих супостат, радуяся, вооружайся.
И таковей страсти не давай в себе прохода,
И молися Христу богу до последняго своего душевнаго исхода.

И да будеши сын света,
И да сподобишися праведных совета.
И вящи же того не имам, что к тебе писати,
Затченых убо ушес не наказати,
Такоже гордых и величавых,
Таковии бо не приемлют словес здравых:
На свою гордость и упрямство уповают
И добро аки худо вменяют.
Аще ли возносишися своим отечеством,
Но грехом своим нелеп еси уродился человечеством.
Тако бо есть от бога первый дар.
А гордому обличителныя словеса бывают в пар.
И сему писанейцу — конец.
А творящему злое не будет от бога венец.

Послание к некоему

Слово 1-е.

О человечестем нраве,
живущем добре во христианстей славе.
Еще же о жестости и о немилости з гордостию

Заношает бо некоего всадника конь своею борзостию
и по случаю вметает в пропасть непроходную,
и паки сопривносит ему беду неизгодную.
Тако же и гордость заносит всякого в пропастный ров,
и не приидет уже таковый во христианский зов.
Много бо от такова наука смерть случается,
всяко бо творяй злое в муку отсылается.
Потому ж жестокии и немилостивии добро не сотворяют,
но токмо держащим ю адския двери отверзают.
Сложение бо и сочинение зрится двоестрочно,
ничто ж убо божию долготерпению точно.
Бездна же убо есть пред ним нашего согрешения,

паче же бездна его, божия, долготерпения[1].
Ты же, любимый друже, умом своим о сем разумевай,
всяку гордость и немилосердие от себе отревай.
И внимай, и ревнуй всегда доброму нраву,
и да получеши от бога добрую славу.
Ведомо буди твоему честному достоинству,
и да не позазриши моему к себе непристоинству.
Аще будет и неизрядне что написуем,
но обаче твоему благоумию назнаменуем.
Аще ли же своим доброразумием и сам сия свеси,
что злии и люти греховнии наши привеси
душу и тело наше зле же и люте погубляют
и во адская мучения и томления нас низпосылают.
И паки злии и жестоцы человеческия нравы
лишают нас вечныя и нескончаемыя славы.
Начнем же зде к твоей честности изрековати
и в твоя честная и пречестная ушеса влагати:
ничто же убо будет злее человеческаго нрава,
его же бо ради погибает и добрая слава.
И паки ничтоже лютее человеческия жестости,
не поминает бо в себе божественныя ревности.
Егда бо человек злым обычаем своим ожесточает,
тогда всехь наказанных ему от бога забывает.
Внегда убо в летех и нетерпимых болезнех бываем,
последи же всего того себе забываем.
По оздравии же от болезний паки своя хотения творит,
да окаянному телу своему во всем угодит.
Како таковою горестию человек одержим бывает,
яко ни самая медвенная сладость услаждает?
И никоторыя сладости могут усладити
и таковую лютую и несказанную горесть утолити.
Ниже паки прочая хитрости могут уврачевати,
егда убо чювства наша учнут в таковых болезнех пребывати.
И кто паки может таковую лютую горесть знати?
Мню, яко ни самому мудру мужу написати,
понеже несть мочно к чесому привменити,
мню бо паки, яко всех горестей земных превзыти.
Колми паче душевный исход лют бывает,
понеже в той час всего ума своего человек отбывает
и всеми уды своими и члены не владеет,
понеже к последнему дыханию душа его спеет,
ниже паки помнит, что от настоящих,
токмо видит окрест себе много предстоящих.
И ничтоже к ним языком своим и усты вещает,

токмо аггелов божиих и лукавых подзирает,
хотящих душу его с телом разлучити,—
к праведным или ко грешным присовокупити.
Ничтоже паки отходяй света сего сказует,
токмо страх и трепет всем предстоящим ту назнаменует.
Како убо тою душею своею томится,
неисповедим страх и трепет во очесех его зрится.
Еще же грознее и страшнее всего того сказати,
трепещет бо и трясется грешная десница написати.
Но обаче по нужди деянию и глаголу послужит,
всяк убо человек не вовремя по душе своей потужит.
Сам Христос бог наш в той час распят на кресте
является,
и она, грешная душа, семо и овамо обзирается,
яко же убо некто муж мудр и разумен о сем написа[2].
Такова убо болящему в тот час бывает гроза.
И не весть камо от такова страха бежати,
понеже не может всеми уды своими двизати.
И лежит человек на одре своем, яко весма безгласен.
Аще в сем веце временнем язык его был и ясен,
обаче не рачил себе добрых дел творити,
токмо в леностн и презорстве изволил есть жити.
И паки зрит очима своима неисповедим страх,
всяк убо земен человек пред господем яко прах.
И паки не помнит сам себе в таковое время,
токмо видит пред собою грехов своих великое бремя;
яко явно пред очима его в той час предстоят
и делы и деянми ему зле и люте претят.
И то не может нас таковое видение устрашити,
чтобы, воставши от своих болезней, греха не творити.
И мы, когда оздравеем, всего того забываем
и окаянному телу своему во всем угождаем,
и паки на злый свой обычай возвращаемся,
и к греховному паки деянию поощряемся.
Что ж убо во оном веце указует муки несказанны,
и грехи наша предстанут пред нами вси явны,
и что ж тогда может усты своими отвещати? —
Токмо лютии аггели[3] будут нас в вечныя муки гнати!
Обаче и то нас, грешных, в веце сем устрашит,
всяк бо человек свою волю и хотение творит:
и грехи своя аки ужем долгим на ся привлачит,
дондеже, пришед, смертный его час посечет.
Ин же ни в самой старости от злаго дела отставает,
того ради душу свою во ад низпосылает.
Сия бо вся случаются нам от лютаго нашего обычая

и от земнаго и конечнаго нашего неудержания,
и забытия от нас божественнаго писания,
еще же — от дияволскаго злаго уловления,
и от конечнаго ж нашего неудержания.
Воистинну, яко безумни и несмыслени являемся,
что самохотно от заповедей божиих удаляемся
и паки на всякия злыя дела поучаемся,
аки свиния в кале греховне и во всяких сквернах
валяемся.
Еще же паки похотеваем и на блудное смешение,
и на конечное душевное и телесное погубление.
Како убо не боимся лютаго онаго геенскаго пламене? —
Всяка убо грешная душа будет аки главня за злая своя
неподобная деяния.
Того ради отпадаем божественнаго упования.
Еще же инии в велицей славе и богатстве живут
и бедных и беззаступных аки львы овец жрут.
Инии же в царской светлости пребывают
и паки аки львы народное множество устрашают,
и усты своими яко змии на бедных зияют,
понеже на погибелное свое богатство и славу уповают;
и гордостию своею аки кедры высоцы возносятся,
того ради сами душами своими во адово дно сносятся.
И паки таковии своего конца до конца забывают,
того ради зде и тамо безвести бывают,
и не чают на себя смерти и кончины приити,
а не ведят, яко и неволею будет в вечныя муки итти.
И толко кому в веце семь временнем ни жить,
а смерти своея и кончины никому не избыть!
Еще же инии в черных и пестрых ризах во властех
бывают,
и тии також на славу свою и честь взирают,
и дни своя и лета в гордости и в величании
препровождают,
а последняго своего конца не воспоминают;
и того ради незапныя же смерти приемлют,
аще и многия себе грады и села обемлют.
Мы же, не судя сия, глаголем:
недобро убо ходити всем по своим волям[4].
Добро убо есть всякому дела господна творити,
да будет со Христом богом своим во веки жити.
Еще ж зли и люти тати разбойницы бывают,
а от злаго своего обычая не отставают;
и по заказании и по муках то ж творят
и сами себе смертию губят,

и паки потом живот свой нелепо скончавают
и вечных благих себе отнюд не обретают.
Подобне же тому и всякия грехотворцы творят,—
по покаянии многих своих грехов в то ж зрят,
возлюбихом бо до конца временный сей век.
О, воистинну зла и люта человеческая жестость!
От нея ж погибает божественная ревность,
к тому ж гордость.
И немилосердие когождо губит,
всяк бо грехотворец о души своей не болит,
а грехи своими аки рожцы наслаждается,
тем видимо душа его во ад низпосылается.
Аще же кто учнет о души грешней своей радети,
таковый будет всегда лице божие зрети.
Ничтож убо господь бог без покаяния оставил,
но от сложения мира святых своих преуставил.
И паки безумнаго и злаго ничто ж накажет,
токмо во аде зле и люте спостражет.
Ты же, любимче, буди делы своими благ,
и да не запнет ти общий наш враг.
И последняго своего часа до конца не забывай,
и всегда на господа бога своего с верою взирай.
И тако спасеши свою благородную душу,
и да изсядеши яко и Израиль на блаженную сушу[5].
Прочее ж — буди покровен десницею вышняго бога,
и да сподобишися от него небеснаго чертога.

Слово 2-е.

О прелестнем сем и видимом нами свете,
и о живущих нас всех человеков в Новем Завете,
и о всем нашем временнем и суетнем житии,
и о невнимании нашем, еже о вечном бытии;
и о многоработней нашей и тленней плоти,
бываем ея ради яко безсловеснии скоти;
и о окаянной нашей несытой утробе,
иже бо смеятися нам творит, видящи мертвеца в самом гробе;
а еще ж о лености нашей и презорстве к богу,
пребываяй кто в нем не доспеет к небесному чертогу.

Аще и двоестрочием или речи сугубством строк слагается
и от многих вин вкратце объявляется,

и хотящим е неленостно прочитати
и всякому самому себе яко в зерцале смотрити[1],
како сей свет не дасть нам о душах своих пещися
и от прелестнаго обдержания отрещися.
Аще и кроме нас, грешных, святыми отцы изнаписано
и все наше временное сие житие изписано,
но неизлиха будет и нам, грешным, написати
и от того же божественнаго писания вкратце сказати,
и невнимание наше и презорство объявити,
и в ваша честная ушеса вложити.
Аще паки и двоестрочием счинися,
но обаче божественному писанию не возбранися.
И паки любящим е внетелне прочитати,
а нелюбящим в том нам, грешным, не зазирати,
понеже ничто же писано, кроме святых отец писания
и нашего к добрым делом невнимания.
Обаче рещи,— общая то наша чаша.
Аще изволит послушати духовная любовь ваша,
начнем же о свете сем прелестнем
и о всем нашем житии телеснем.
Воистинну сей свет аки лукавая блудница,[2]
нань же зря, веселится и безсмертная наша царица.[3]
Паки неложно есть лукавая блудница,
яко и мудрых сердца до гроба льстит
и паки яко некоторою уздою всех человек содержит:
не токмо младых и юных и во благоденствии живущих,
но и самыя смерти и конца себе ждущих.
Егда во образе смерти пребываем,
тогда света сего и сотворенная в нем забываем.
Егда же от сна своего возбуждаемся,
тогда световным тем осиянием возвеселяемся:
зрим, како солнце осиявает всю вселенную
и веселу, и радостиву творит плоть нашу тленную,
и паки красно и радостно нам видети своими очесы.
Зрим землю, украшаему различными цветы,
и не поминаем, яко вся та нам писана суть уметы.
Зрим, како садове цветут и различны винограды,
а не помышляем, како бы нам достигнути в небесныя ограды.
Зрим грады и домы, сограждены превелики,
а не воспоминаем, како пребывают праведных лики.
Зрим полаты и домы сограждены
превелики, светлостию и хитростию утворены,
того ради забываем самыя нашея всетворителныя вины.
Зрим некогда различное ризное украшение,

от него же бывает во уме нашем возношение.
Зрим много злата и сребра, и бисера многоценнаго,
того ради забываем камыка безценнаго[4].
Зрим многия яди и пития различныя,
и образы и зраки наличныя,
и тем сердцы своими и очесы уязвляемся,
и к вечному пребыванию не возпомянемся;
и конец естества нашего забываем
и тем от Христа своего и бога далече бываем.
Некогда и сами себя в ров погибелный пореваем,
а вечных и нестерпимых мук не помышляем и
не воспоминаем.
Зрим паки доброту и красоту коегождо убо лица,
и тем уязвляются некрепкая наша сердца.
Некогда же бывает безсмертная наша вещь,
иже посылаются за таковыя грехи во огнь и пламенную
пещь.
Зрим и слышим входящую в гортань нашу сладость,
и от того нам бывает чювственная радость.
Некогда же случается и блуду вход,
и тем забывается нам душевный наш исход.
Сладок убо, воистинну сладок, мудрым мудрых совет,
тако ж и прилепляющимся к настоящему сему житию
зримый сей свет.
Аще кто будет и в велицей своей старости,
и тот не отлагает от себе земныя сея радости,
и мнится, яко безсмертен быти,
и мыслит во уме своем, чтоб ему во благоденьстве жити
и временныя тоя славы не отпасть,
а невесть, како приидет божия власть,
сиречь смертный и страшный и последний час,
пожнет бо много и несозрелый клас.[5]
Зрим пред собою множество предстоящих,
а не воспоминаем ово во гробех лежащих,
и не помышляем, яко тацем же всем быти,
а — кому сколко ни жити, а смерти не избыти!
Цари же паки и владетели царство к царству
привозхищают
и тем велию себе хвалу и честь приобретают.
Вельможи же их, видяще к себе честь велику
а не воспоминают во уме своем, како бы им достигнути
к праведных лику.
А богатии богатство к богатству прилагают
и во всяк день прибытки к прибыткам причитают
и радуются, и веселятся, зря на свое богатство,

а не помышляют, како бы им внити в небесное царство.
А нищии и неимущии о нужных своих пекутся,
также и тии — далече от Христа своего и бога несутся.
А инии о иных своих потребах всегда попечение творят,
також о души своей мало прилежат
и во вся дни живота своего пекутся о своих телесных,
а не поминают по себя посланников безвестных.
Неложно бо есть сей свет прелестная пиявица.
Радует же ся и тот, на ком лежит и малая славица.
Вящшая же слава и болши ум возвышает
и душевныя добродетели творить не повелевает;
по Великому Богослову[6]: не токмо египтян льстит,
но и всех нас, иерусалимлян[7], очеса межит.
Еще же и самый пастырский жезл держащих
и поснические житие проходящих
честию и славою, и сапом прелщает
и ум их к возношению возставляет.
И паки глаголет златый языком Иоанн,[8]
иже от чрева матерня божественным светом осиян:
Мир сей яко лукавая блудница,
поистинне, яко злоковарная лисица.
Неложно бо паки речено, яко мзда омрачает очи мудрых[9]
и творит их аки безумных и немудрых,
и от того их погибают правыя глаголы,
и чинятся в них душевныя от того расколы.
Сего ради не даст сей свет о души своей пещися,
и до конца прелести его не отрещися:
Не токмо в славе и богатстве живущии
и радуются, и веселятся,
но и в недостаточных житиях пребывающии
о смертном часу не тщатся;
вся дни живота своего пекутся о телеснем потребстве
и помышляют же о суетном и о земнем богатстве.
Понеже сей свет прелестными своими зло льстит
и ум наш, и сердце всегда веселит,
и паки сладостен и радостен нам является,
потому слабый наш ум к нему прилепляется.
Не вем, како бы ум и мысль приложити,
развее на всесилнаго бога надежда вся возложити,
чтоб всякому христоименитому конец благ получити
и с ним, со Христом и богом нашим, во веки веков жити.
Не хощет бо он, творец наш и бог, никому погибнути,
и нам бы к нему сердцы своими слово благо отрыгнути,
и к добродетелем его всегда подвизатися,
и противу супостат своих вооружатися.

Слово 3-е.
О человечестей плоти

Что же рцем или что возглаголем о многоработней нашей
окаянней плоти?
Якож вначале рехом: бываем бо некогда ея ради яко
безсловеснии скоти.
Или, рещи, горши того безсловеснаго скота,
забываем бо ея деля вечнаго живота,
внегда бо вь ея хотении пребываем,
а к вечному селению не помышляем.
И паки день и нощь об ней печемся,
тем от Христа своего и бога далече несемся.
Не токмо они, неверныи,
но и мы — вернии,
окаянному своему телу угождаем
и никако ж к вечному тому пребыванию помышляем.
Кто силен будет тело свое уморити,
тот возможет и душу свою от вечныя муки
свободити.
Аще кто в похотение его вдастся,
тот и нехотя в места мучения предастся,
день бо и нощь во своих похотех пребывает
и госпожу свою аки злый конь всадника низлагает[1].
Не вемы, како ея <плоть нашу> смирити,
душу свою от вечныя муки свободити,
совокуплена бо есть с нею, безсмертною царицею,
и сотворенна бысть тако ж всесилнаго бога
десницею;
и друга без другой не можета зде быти,
а и во оном же веце вкупе же имут жити.
Аще добре или зле зде пожиста,
райския или адския двери себе отвориста.
Ох, увы, злая и лютая томителница
и всякого греха любителница,
паче всех любодейца,
госпожи своей и себе лютая злодейца!
Пространное ж ея деяние не у время зде написати,
могут о том любомудростныя книги сказати —
какова ея сила и действа,
и многая ея различная злодейства.
Мы же зде вкратце абие изрековаем,
к вашей духовней любви предлагаем.
Кто неработен будет своему телу
и кто тако потщится к духовному делу,

якож день и нощь о телеснем своем потребстве печется
и от Христа своего и бога далече несется.
Того ради подобает противу ея аки храбру воину стояти
и воли ей в ея хотении не давати.
Аще и несть мощно души нашей без нея быти,
но обаче не все бы в ея хотении жити.
Тем подобает ея аки коня браздою крепким умом своим
кому держати[2]
и во всех ея похотениих воли ей не давати.

Приложим же глагол

О несытой нашей утробе,
яко ж и выше рехом, смеятися нам творит,
видящи мертвеца при самом гробе

Ея ж многия вины от святых отец некто изрековает[3],
от нея ж лютое падение души нашей бывает.
И ин некто мудр и свят муж об ней изнаписа[4]
и вся ея мудрования тонце исписа.
И вси святии отцы об ней изрековают
и всегда утесневатися повелевают.
Понеже насыщение чрева целомудрие раззоряет
и бдению многу спону сотворяет,
и прочим добродетем супротивляется,
и никогда же к горнему пребыванию возвышается.
И аки свиния обыче в кале валятися,
всегда бо хощет чрез меру насыщатися.
И паки всегда к своим волям и хотением течет
и всех нас доле влечет.
Ея же ради забываем и самаго аггельскаго прихода
во время душевнаго нашего исхода.
Како страшно и грозно аггел душу нашу исторгает
и выспрь или вниз с нею отлетает,
и, по божию велению, тамо ея посаждает.
Она же до суднаго дни тамо пребывает
и потом во уготованное ей место отсылаема бывает,
и радость или злость претерпевает.
Горце же рещи, како лютыя бесове исторгают
и, вестно есть, яко в место мучения с нею отлетают
и тамо ю паки посаждают.
Она ж тамо сетует и воздыхает,
и конечнаго мучения ожидает.
Ох, увы, окаянное наше тело!

Его же ради презираем всякое духовное дело
и ищем всегда телеснаго наслаждения,
тем же забываем душевнаго нашего спасения.
И паки всегда ищем плоти своей потребных,
а не поминаем страшных словес судебных.
Кто до конца окаянную нашу сию утробу смирит,
всех бо нас в похотениих своих крепце содержит? —
Токмо аще у кого твердый и непоколебимый будет ум,
иже отревает от себе всякий пустошный глум
и выну помышляет в себе горнее пребывание,
и паки отревает от себе всякое плотское мудрование,
и на всяк день сам себе морит аки злый супостат,
понеже хощет себе видети добрыми делы богат
и не хощет душе своей в вечней муце быти,
и помышляет, чтоб в безконечныя веки со Христом жити;
и паки зелным воздержанием плоть свою удручает,
и тако востание ея на дух умучает.
Той возможет ю таковым начинанием смирити
и вся похотения ея умертвити.
Ничтож бо нам тако весело и радостно является,
якоже бо утроба наша всегда насыщается,
и ничтож тако печално, яко же гладом измирает,
и ни о чем бо обыном в то время помышляет,
токмо бы потребными своими насытитися
и всеми чювствы своими возвеселитися.
О ней же по вся дни многое тщание творим,
о души жь нашей и сторичнаго жребия тако не приложим!
Чтожь паки подобает к ней еще рещи?
Не имам, како ум и смысл приложити
и како бы до конца ея смирити.
Понеже несть мощно человеку живу быти,
аще живота своего не кормити.
Обаче, рещи, вся злая от утробы человеку раждаются,
того ради вси человецы от творца своего удаляются.
Вначале ж реку лютую страсть — блуд,
о нем же нам будет неумолим суд;
его же ради вся злая на земли совершишася,
а творящии его сами душами своими во ад вселишася;
и днесь злая в нем совершаются,
и паки делающии его во ад вселяются.
Паки ж утробы ради и чрева свары и бои бывают,
много ж от того и смерть приемлют.
Чрева ж ради и утробы в раби и в холопи человецы предаются.

Во время ж глада и сами богатии со всем богатством
отдаются,
яко же быша во Египетстей земли[5].
Всяк убо утробе своей внемли,
не может бо не ядеши много терпети,
ниже, объядшися, в добрых делех бдети,
алкати же и жадати много не терпит.
Насыщенная утроба душу и тело губит,
по насыщении же чрева паки ясти похотевает,
прирожденнаго же естества своего не оставляет.
Аще когда и от матерних ложесн младенец родится,
тогда божиим промыслом самоучне воскричится
и абие восхощет млека от сосцу матери своея ссати,
потом и к дебелой пищи учнет прилежати
и паки потом поидет к болшему ращению,
а простиратися учнет к вящшему чревному насыщению.
Что ж реку и что возглаголю и коею хитростию
премину? —
Понеже и сами святии отцы изрекоша многую ея вину,
что от нея злая вся совершаются,
угождающии ей едва в рай вселяются.
От матерних ложесн с прирожденным своим естьством
изыдет,
с тем же естеством и во гроб идет.
Не вемь, како ум мой и мысли не могут постигнути,
како бы царство небесное достигнути.
Кто не работает телу,
и никто тако потщится к духовному делу,
понеже убо люто есть достигнути
и нужно есть от прелестнаго сего жития остати.
Что ж еще реку и что возглаголю о невнимании нашем
и презорстве к богу,
иже всегда повелевает нам итти к небесному своему
чертогу?
И — еже о небрежении нашем о наших душах,
како презираем божественный страх?
Еще же и — о некрепости нашего ума,
понеже умь наш к сему свету прилежит весма?
И — како забываем того страшнаго часа,
а слышимь всегда многая божественная словеса?
Како не устрашимся того страшнаго суда? —
Потом комуждо будет и нестерпимая мука,
и лютое вечное мучение,
и огненное геенское изжение.
Како не воздрогнем, слышаще нестерпимыя муки,

в них же попирати нас будут бесовския руки?
Како божественныя книги аки горы положены
и вся наша обычаи и нравы обнажены?
Те ж господни слова и святых отец маки трубы вопиют,
а всех нас в царство небесное зовут.
Мы же вся сия мимо ушей своих пущаем
и аки аспиды глухия ушеса своя затыкаем[6],
и друг чрез друга аки неистовы пореваемся,
и о многогрешной душе своей не подвизаемся.
Мним ся всяко, яко безсмертни быти,
а тщимся всегда, чтобы зде во благоденстве жити.
А все окаяннаго ради нашего того несытства чрева,
его же ради забываем вечнаго мучения...
Что нас может вящьше того устрашити,
чтоб нам злых дел своих никогда не творити?
Чим же скончаю и что еще глагол приложю? —
И паки всю надежду на Христа, бога моего, возложю.
Той всю нашю слабость и небрежение весть,
и всякого человека, конец жития его, свесть,
и веде, яко слабо есть естество наше ко греховному падению.
Того ради ожидает нас господь на чистое покаяние,
и да подасть нам господь многое свое наказание,
чтоб мы от злых своих дел удалилися
и к нему, творцу своему и богу, добрыми делы приложилися.
Аще ли не тако, то аки неплодная смоковница посечены будем[7]
и вечных и нестерпимых мук не избудем.
От них же всех избавит нас господь своим милосердием.
И не прогневан буди тем нашим к тебе злым жестосердием.
И ты, господи боже наш, от милости своея нас не отрини
и от греховнаго рва нас изрини.
Без твоея бо помощи не можем спастися
и к горнему пребыванию вознестися.
Ты бо, владыко, не хощеши никому погибнути
и падшаго естества нашего не воздвигнути.
Аще ли не твое долготерпение, то вси погибнем
и душ наших от греховнаго падения не воздвигнем.
Того ради надеемся на твоя премногия щедроты
и да не лишени будем красныя и райския доброты.
Аще и самовластием нашим бывает нам греховное падение,
но твое к нам ожидает нас многое долготерпение.

Да будет, пресладкий наш Иисусе, в горнем Иерусалиме
наше водворение
и со Отцем, и со святым и животворящим Духом, и со
всеми святыми веселие. Аминь.

Слово 4-е.
О чести родителей своих

Добро убо есть, воистину добро, родительское имети
поучение

и рождьшия своея матере повеление,—
когда ея кто с покорением слушает,
тогда аки с сахаром семидалный хлеб[1] кушает;
егда же престанет кто ея слушати,
тогда аки опреснок[2] з горчицею учнет кушати.
Добро бо есть, воистину добро,
аки избранное и чистое сребро,—
кто рождьших своих с покорением слушает,
яко на всякь день аки с медом хлеб свой кушает.
Зор убо есть, воистину зло, родителям своим не
покарятися
и всегда своимь волямь вдаватися.
Таковии человецы зде зле пострадают
и сами себе аки некими узами вяжут.
Писано бо есть: чти отца твоего и матерь[3]
и не буди чюжих доброт надзиратель;
и тако будеши на земли долголетен,
и всем будеши во зрении своем благолепен;
и родителем твоим о тебе будет веселие,
а тебе самому — за честь их — в рай вселение
и тамо — райския пищи наслаждение,
всегда, ныне и присно и во веки веков упокоение.

Слово 5-е.
О пиянстве и о блуде

Люто убо есть, воистинну люто, пиянство,
понеже погубляет душевное богатство,
пиянству держащихся умь и мысли помрачает
и душевнаго богатства горе к богу не возвышает.

Море без рук и без ног убивает,
також и пиянство, не имея никоторых удов, всякого человека погубляет
и самого того безплотнаго ума нашего помрачает
и на всякое злое дело поощряет,
и творит человека яко нечювственна и безстрашна,
и гнушатися духовнаго брашна.
Совершенно же о сем рещи
и к настоящему слову притещи:
Вся злая и нелепая от него совершаются,
а пияный человек аки во тме шатается
и вне ума своего бывает,
а естественнаго своего ума не отбывает,—
ходит умом своим яко тмою помрачен.
Зло убо, воистинну зло, иже кто таковому деянию обучен!
А вся таковая творятся нашим невоздержанием
и общаго врага нашего и борителя запинанием.
Той бо никому от нас не хощет добра.
А удержание от греха пиянства — паче всякого сребра.
И паки не прелщайтеся чюжимь взором,
и да не пребудеши посреде аггелским и человеческим позором,
яко от взора, по реченному, похоть раждается,
потом человек в дело привмещается.
Яко же глаголет божественный апостол: похоть, заченшаяся, раждает грех[1],
а грех, заченшийся, сотворяет бесом смех;
потом исходатайствует смерть,
понеже всем нам предлежит таковая сердечная сеть.
И паки к чюжим частем не прикасайся,
противу общаго врага и борителя мужественне вооружайся.
И паки пий воды от своих студенец,
да получиши от бога нетленный венец.
И еще паки глаголет: будите доволни своими оброки,
и да не творятся в вас таковыя душевныя пороки.
Ничтож злейши таковага уязвления
и — ничтож добреиши сицеваго ненавидения.
Сего ради от бога комуждо свой закон вдан
и чтоб всякь от таковаго греха был оправдан,—
ничто ж убо лютейши блуда и прелюбодеяния,—
и не творил бы таковаго злодеяния.
Вси греси легчайше прощаются,
а сицевыя тяжце запрещаются.

Тако ж на долго время тела Христова причащатися
возбраняют
и тако святыни божия лишают,
душу же и тело погубляют
и во ад низпосылают.
Того ради блюдися и снабдевайся крепко
и да не будет хождение твое лепко,
паки же — буди ти неослабно ступати,
а заповедей господних не преступати.
Запалит ли тя аще таковое зжение,
воспомяни во уме своемь вечное мучение.
В той час содрогнися душею и телом,
яко ж некто глаголет от святых великих отец,[2]
ему же открыся глубина духа вконец:
люто убо очима яту быти
и сердце свое тем уязвити.
О прочих же удех наших зде прекратим,
да не в конець беседу продолжим.
Ин глаголет: соблюдай око твое чисто[3], да не видит
зла!
Ин паки глаголет: не даст господь на жребии своем
жезла.[4]
И паки пророк глаголет: ничто ж лукавее ока[5].
И вси святии глаголют: ничтож злейши душевнаго порока.
Паки ж глаголеть вышереченный отец,[6]
ему ж открыл господь разум и премудрость в конец:
да будут очи твои прикровени аки девица в чертозе,
а тебе б удержевати себе на мнозе.
Паки ж глаголет: очи убо лакоме и некасаемых
касаются,
а души наши велми от того повреждаются.
Паки той же великий вселенный учитель Павел апостол
наводит[7]
и тем всех нас в страх божий приводит,—
яко блудником и прелюбодеем судит бог.
И тако, блюдися — да не вознесется на тя таковый
фиалный рог.
Понеже и все мы тому пристрастни
и сотворенни бо есмы к добру и злу самовластни,
того ради подобает нам крепость во уме своем имети
и всегда смертный час пред очима своима зрети.
Таковое аще злое дело делом совершиши,
и ты от творца своего и бога едва милость получиши;
многими же поты аще не потрудишися,
и ты отнюдь телу и крови Христове не причастишися.

Вся же священная правила велми о том запрещают
и на много время тела Христова причаститися не
повелевают.
Паче же огненный столп, царьству тезоименит[8]
о том нам вемли же претит.
На многа лета во епитемию положил
и на всех нас аки крепкую бразду наложил;
не исполнив лет, не велит таковому страшному делу
касатися, —
и страшно убо есть и грозно телу Христову касатися.
Недостойне, зло бо есть, зло таковое прелютое дело,
понеже погубляет ум и самую душу, и тело.
Неложно есть, воистину — второе пиянство,
повреждает бо наше душевное богатство,
исходатайствует бо нам вечное мучение...
Что ж нам о том много свидетелство приводити?! —
Подобает нам самим себе учити,
чтоб нам таковаго дела не творити,
а творцу своему и создателю не грубити,
души своея и тела не губити,
а с ним бы, творцемь нашем, во веки жити.
Глаголати же о прочем помолчим,
а всю есмы надежду на творца своего и бога возложим.
Той бо есть милостив ко всем,
воистину, аще и прогневаем его в чем,
а он всех нас ждеть на чистое покаяние
и в вечное с ним пребывание.
Аминь.

Авраамий Палицын

Стихи о том, «како господь немощных укрепи противо сопостат» из Сказания об осаде Троицкого монастыря

И разумеша вси чюдотворца молитвы и поспех,
И уже нази не боятся блещащихся доспех.

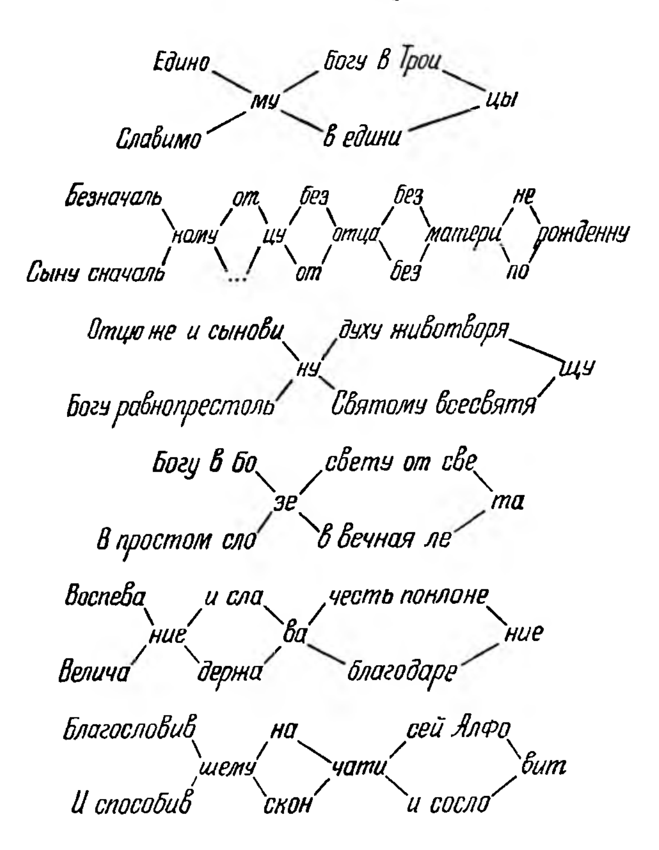
И хотящеи дом пресвятыя Троица гордостно низложити
осадою,
Всегда обагряеми кровьми бегают от немощных
низлагаеми подсадою.
И ждущеи приати различныя муки
В руки своя прияша крепкиа луки.
И лениви быша к жерновом востающеи мельцы,
Внезапу быша на сопротивных удалые стрельцы.
Не часто уже ударяются к стенам носящеи на главах
шлемы,
Смерти бо ищущеи во очеса тем верзающеся яко пчелы;
К язвам же сынове беззаконнии всегда суть терпки,
Но зверски низлагаются кормящимися серпы.

Стихи о «побиваемых у дров» из Сказания об осаде Троицкого монастыря

И мнозем руце от брани престаху;
всегда о дровех бои злы бываху.
Исходяще бо за обитель дров ради добытиа,
и во град возвращахуся не бес кровопролитиа.
И купивше кровию сметие и хврастие,
и тем строяще повседневное ястие;
к мученическим подвигом зелне себе возбужающе,
и друг друга сим спосуждающе.
Иде же сечен бысть младый хвраст,
ту разсечен лежаше храбрый возраст;
и идеже режем бываше младый прут,
ту растерзаем бываше птицами человеческий труп.
И неблагодарен бываше о сем торг:
сопротивных бо полк со оружием прискакаше горд.
Исходяще же нужницы, да обрящут си веницы,
за них же и не хотяще отдааху своя зеницы.
Текущим же на лютый сей добыток дров,
тогда готовляшеся им вечный гроб...
Их же господь еще закры, тии благодарствоваху,
а их же суд постиже, тии злые рыкаху.
Отец бо исхождаше, да препитает си жену и чяда,
и брат брата и сестры, тако же и чяда родителей своих;
и вкупе вношаеми бываху дрова
и человеческаа глава.

Евстратий

Сей стих римляне нарицают серпентикум версус, с греческаго языка ἕρπων επω.



Иван Шевелев-Наседка

Из «Изложения на люторы»

Дива убо есть велика та палата видети[1],
Христианом же истинным зело ю достоит ненавидети.
Златом убо и сребром много устроена телеснаго та,
В них же тайна блудная вся открыта срамота,
Их же блудным рачителем в виде зрети утешно,
Конец же зрения есть мучение вечно безутешно.
В толику убо гордость король он Христианус[2] произыде,
Яко же и сатана на северныя горы мыслию взыде:
Горе́ убо устроил двоекровную палату,
Долу же под нею двоеимянную ропату,
И по-лютерски нарицают их две кирки[3],
По-русски же видим их: отворены люторем во ад две дирки;
Горе́ убо устроен в палате блуда и пианства стол,
Долу же под ним приношения пасения их на божий престол;
Горе́ бо в палате бесование земное,
Долу же в кирке приношение, по их, небное.
Многих же вводят в кирку ту смыслу королевску дивитися,
Велеумным же мужем не подобает безумию их дивитися:
Явный бо той есть враг божий,
Иже возвысился на образ божий.
Нигде убо в них и инде не видети написанных образов божиих,
Яко же дивным письмом в тех дву кирках не божиих,
И не на поклонение святыя иконы добротою в них воображены,
Но в урок христианом, святых икон поклонником, предложены.
Поне же в выспрь убо над самем тем престолом королевское место,
Долу же под ним образу божию отнюдь быти не место.
Аще бо горе́ бесованию быти пиршественному,
То отнюдь невозможно быти доле возношению божественному.

И естеством Благий вся терпит до конца,
Не кающихся же о сем имать мучити без конца.
И о сем не бывшим тамо православным християном
греческого закона несть ведомо,
Ныне же буди всем православным християном о их
злочестии сведомо,
Яко во всем господне учение отвергоша.

Написание о лютом враге Мартине[1],

в лепоту рещи — о блядивом сыне,
иже вся своя ереси в все концы ввел
и всех их во дно адово свел

Еще же рцем о нем, прелютом враге креста Христова,
Недостоин бо окаянный благодатнаго слова.
За свое злое еретическое учение
Поверг себя в тартар в вечное мучение.
Того ради проклят и препроклят от всех человек
В нынешний настоящий и будущий век.
Превратил бо, окаянный, християнскую веру
На свою проклятую еретическую меру,
Не у нас же зде, у провославных,
Но у отступлших от нас не весма от лет давных.
Обрете окаянный слабых и нетвердых людей,
Яко же сатана — беззаконных июдей,
И вниде в них злым своим бесовским коварством,
Улови Июду неправедным богатством.
И возмути их на самого господа нашего Иисуса Христа,
Ему же покланяется всякая православная верста.
Они же, злодеи, самого творца своего и бога распяша
И сами себе, окаяннии, связаша.
Тако же и окаянный Мартин вниде во вся немецкия люди
И сотвори их, злодей, аки песьи груди,
И улови их и прелсти на своя злыя дела,
И та ево злая прелесть всех с ума свела.
Они же уязвившеся своими сердцы на его прелесть,
Того ради вси поидоша во адову челюсть.
И вси утвердишася на его злом учении,
За что и ныне обретаются в мучении.
Мы же, православнии, держим свою правую веру
неизменно;
Да будет всем верующим несумненно,
Яко вера наша християнская сый столп водружена

И от самого господа нашего Иисуса Христа и от святых его апостол предана,
И потом от святых вселенских соборов утвержена,
И яко на основании твердем укреплена.
Аще и прелютый враг, Мартин, такову прелесть учинил,
И злый ученик его Калвин[2] тако же превратил.

Мнелися, злодеи, веру християнскую развратити,
Ино несть мощно адовым вратам церковь божию затворити.
Основана бо паки на камени твердом
И на всяком сердце милосердом.
Силен убо есть господь — не даст грешным жезла на свои жеребьи[3],
И сожжет нечестивых аки предилныи изгреби.
Токмо окаянныи во уме своем мнелися
И своею неблагодарною мыслию прелися,
И, завидев друг друга, един единаго...

Да не ведет в конечную беду,
И поставиша его пред людми на среду,
И сожогша его на месте, глаголемом <Же>неве.[4]
И тако испусти живот свой в такове гневе.
И потом насташа Михаила Сведа ученицы
И начаша учити западныя и полуночныя концы.
И первие окаяннии нарекошася иконоборцы.
И всякаго нечестия и беззакония единодворцы,
И самаго сатаны истинные угодницы,
И всего християнскаго закона расколницы.
В лепоту убо рещи, антихристов предтеча,
Словеса бо его, злодея, бывают аки бранная сеча.
У нея же во время роду многи главы кладутся,
Тако же и от таковаго ради врага бесчисленныя души во ад несутся.
Развратил бо тако окаянный весь християнский закон.
Просто же молвити, аки водный зверь дракон,
Иже самый диявол, сатана имянуется,
И яко велия гора в море волнуется,
Иже всем сущим в водах царь нарицается.
Такоже и тот окаянный Мартин во всех немцах прославляется,
Яко же и выше речем, за еретическое то злое составление
И за бесчисленное душам человеческим погубление.
Явися злодей се бо настоящия седмыя тысящи лет,
Учинися в ней таковый злый навет,
Во втором сте четыредесят в седмое лето
Таковое злое умышленное дело доспето.
И научи себе злаго того ученика Калвина,
Его же, злодея, учение сладко яко осина,
Аще учеником его, калвинцем, сладко мнится...
Занеже тако же веру християнскую развратил
И всех же злому и богомерскому тому делу научил.
Имел у себя друга, зовома Михайла Сервета,
Того же одного дияволскаго совета,
Понеже инии ученицы их злии начашася быти
И тако же своим еретичеством людей губити,
Всех же их имена не у время написати,
Токмо подобает их проклятию предати.
И тех немец тем своим еретичеством людей губити прелстиша.
И свое еретичество до конца в них вкорениша.
Паче всех един Мартин славою своею обносится,
Яко брат его, диявол, егда по воздуху носится,

И на земли, ходя, человеки прельщает,
Тако же и он, окаянный, всех своими прелестми
уловляет.
О злых же прелестех его впреди да скажется,
Всяк убо лютор плеиицами своими да свяжется,
Но верующих въ его проклятое предание
И отложших от себе вечное надежное упование.
Аще и мнятся окаяннии прямы пред богом быти,
И милость его и щедроты к себе получити,
Паче же рещи в геену огненную внити
И тамо со отцем своим, сатаною, жити.
Понеже веруют тому злому еретическому учению,
Того ради вси отходят к вечному мучению.
Мы же, православнии, истиннии християне,
Крещены есмы в божественней бане.
Аще пред своим творцем и богом и согрешаем,
Но, кающеся, грехов своих милости от него себе чаем,
Негли нам грешным подает свое милосердие
И отимет от нас всякое наше жестосердие.
Той же окаянный Мартин отвергся нашея православныя
веры,
И возлюби, злодей проклятый, все бесовския меры,
И своя проклятыя в богомерския законы уставил,
И божественную благодать от себя оставил,
И всех западных немец еретичеством своим прелстил,
И души их и ум в конец, злодей, оболстил,
И всех же с собою во дно адово и лютыя муки свел,
И тем себе с ними вечное жилище обрел,
И даже и до днесь своим еретичеством со истинного пути
сводит
И яко во тме или во мраце всяк лютор от него ходит.
И несть убо дивно, яко от безумных сия творят,
Дивно же и предивно, яко и от премудрых тут же зрят,
И предаются в ту проклятую латинскую веру,
И любят тое богоненавистную меру,
И нарицают того Мартина мудрым учителем,
По нашему же достоит нарещи злым губителем,
Понеже злодей бесчисленныя души погубил,
И всех с собою в различныя муки вселил.
И был окаянный по их языку зовом кординал,
Воистинну неложно, божественныя благодати отпал.
Нашим же диалектом зовом митрополит,
Ныне, рещи, во дне адове связан сидит.
Паче же рещи, яко зловонный сосуд мутныя воды
налит.

Тако же естественную нужду уставил, иже несть мощно
человеку пити,
Токмо достоит ю в скверныя места пролити,
И самех бессловесных достоит ею напоити
За его многоскверная и пагубная учения,
Занеже всех ввел в лютая мучения.
Нецыи и бывают в православном рождении
И по его прелести вручаются от правыя веры во
отвержение,
И туда же паки, в лютая мучения, грядут,
И души свои за него, окаяннаго, напрасно кладут,
Понеже проклятый устав его от бога отриновен
И от православныя нашея веры отлучен.
И за то, окаянный, от всех провославных християн
проклят.
Кто же от таковаго лютаго врага и не воздохнет,
Зря его на таковую лютую нечеловеческую прелесть?
Понеже верующии в него вси идут во адову челюсть.
И не токмо от единых руских християн,
Но и разных многих стран.
Паче же от вселенских четырех патриарх,
Того ради окаянный до конца бых яко прах,
И анафеме, окаянный и злонравный, предан до конца,
И ныне пребывает у сатаны, своего отца.
Идеже вкратце рцем о его злом умышлении
И християнскаго нашего закона развращении.
Своей паки прелести всех научил
И нашу православную веру развратил.
Ея бо нам дал есть Христос, вечную надежду,
Мы же имеет ю яко нетленную одежду.
Паче же паки одеваеми ею яко драгими покрывалы,
И отторгаем от себя мусикийския кимвалы.[5]
Еще, проклятый и неблагодатный,
И от самого отца своего, сатаны, званный,
Не убояся ни устыдеся и на крест господень хулу
нанести,
Его же господь учини в великой своей чести.
И паки его господь в великую славу свою нарече,
Тогда убо ис пречестных его ребр кровь и вода истече.
Сего ради смерть и ад разрушен бысть
И погибе тогда до конца адова корысть,
И пламеное оружие разбойнику плещи подаде,
Тем господь, праведное солнце, разбойника в рай введе,
Знамение нам честнаго своего креста обеща
И явити его славою своею веща.

Той же Лютор Мартин хулным своим языком,
Яко бы некоторым змииным зыком,
Не бойся, злодей, виселицею его нарицая,
Тем, окаянный, сам себе во огнь вечный вметая,
Не токмо бесчестити и гнушатися его повеле,
Но, аки лютый зверь, усты своими нань возреве.
И что будет злейши того бесовскаго умышления
И пречистыя богоматере и надежди нашея досаждения?
Богородицею ея, окаянный и проклятый, не назва,
Но просто, лютый и богоненавистный, Мариею прозва.
Пост же и воздержание и поклоны отверже
И паки сам себе во огнь геенский вверже.
О нем же из давних лет пророк изрек[6]
И ему, окаянному Мартину, путь присек,
И повеле всем християном поститися
И Христу богу своему всегда молитися;
И по том господь постися,
И весь род християнский постом просветися,
И святии апостоли и ученицы господни постишася,
И многая чюдеса постом и молитвою сотворишася.
И учинен пост от Христа бога на спасение душам человеческим
И на последование законам отеческим.
И всяк подвиг, иже от Христа бога ради учинен, отрину
И паки сам себе и сущих с собою во дно адово врину.
Аще вечнаго ради живота в будущем веце,
Иже благодать божия бывает на всяком человеце,
Вся сия, злоумный и проклятый, ни во что вмени
И душевную и телесную чистоту до конца измени,
И люди божия со истиннаго пути coврати,
И паки на свой проклятый закон всех превратиi.
И аггелскую службу ничему же, злодей, уподоби
И все свои диаволския состави кови,
И всех от добродетелныя одежди обнажи,
И сам себе в вечную муку вложи.
И хиротонисанье святителское[7] и сан ни во что же вмени,
Иже поставляти весь священный чин от простых людей учини,
И всех церковных чиновников отрину.
И паки сам себе, неблагодарный, во дно же адово врину
И вместо совершеннаго от простых мужей рукополагатися им устави,
Детским игранием небесная образования постави.

Паче же, окаянный и злонравный, божественная вся обруга,
Воистинну неложно рещи, самаго сатаны слуга.
Священные же сосуды в мирския претвори,
Тем злодей сам себе адовы врата отвори,
Тако же и драгоценные фелони и стихири,[8]
Ими же всегда красуются божественныя олтари,
И прочая божественная драгая одежда,
Им же сам господь зрит своими вежди,
И вся церквам божиим на красоту преданы
И, яко невесты, златыми манисты были украшены,
Иже от сребра и злата драгаго.
Избави нас от таковаго начинания злаго.
И паки от бисера церковныя вещи вся в мирская искроя,
И паки сам на себе, злодей, божий фиял излия.
И на торжищах повеле, окаянный, продавати
И потом своя еретическая уставляти.
И десятословие[9] на время дано июдеом,
И в лепоту рещи лютым Христовым злодеем,
То повеле твердостне и крепостне учинити
И по пространному пути всем июдеом ходити,
Иже вводит в вечную и конечную погибель
И в непостоянную и непроходимую зыбель,
И уподобный же и спасительный путь от себя отревати,
И адския двери комуждо себе отворяти.
И евангилская и апостолская положения,
И святых и богоносных отец наших изложение,
И паки христианский закон самем господем избранный,
И от всех святых и богоносных отцех похвалный
Своим еретическим умышлением от себе отрину,
Чтоб ему с самем сатаною быть единосоветну.
И всему злому и душепагубному делу научил
И паки всех на слабость греховную изучил;
И на всякое скверное житие люди божия приведе,
И сотворил их в последней быти беде;
И на всякия блудныя страсти привел,
И сотворил им аки в чистой пшенице плевел,
И сам, окаянный и неблагодарный, отпал,
И паки к самому отцу своему, сатане, в колени впал.
Отречеся, окаянный, иноческаго обещания
И отвержеся от супружнаго законнаго завещания,
Скинув с себя иноческое одеятие, и в мирския порты облечеся,
Того ради нелепая слава о нем промчеся.

И паки диаволским навождением жену себе поят,
И за то от сатаны велия себе дарования прият.
И всем латынским иноком повеле иноческаго одеяния
совлачитися
И в мирския ризы заповеда одеватися,
И невозбранно всем жены себе поимати.
И тако учинити их на таковое неподобное дело
наскакати,
И на многия студодеяния предложи,
И всех от милости божия до конца обнажи.
Их же не леть зде исписати,
Токмо достоит его, злодея, всем проклинати.
Его же лютому развращению несть конца,
Токмо, рещи, сын самого сатаны, своего отца.
Все немцы западныя и полуночныя ему, врагу,
последуют,
Того ради вся места адская себе наследуют,
И паки вси же прелестми его погибают,
И адовы врата сами себе отворяют.

О римских и латынских папежах,

аки о бесовских мрежах:
ими же человеческия души уловляются
и во адово дно низпосылаются

Еще же вкратце рцем о нынешних нечестивых папах,
В них же держими суть людие, аки овцы в волъчьих
лапах,
И держаще бо их злодеи своими лютыми прелестми,
Тем и поглощены быша адовыми челюстми.
Глаголем, западныя и полунощныя немцы,
В лепоту же рещи: злыя неверныя иноземцы.
Поне дюже окаянным Мартином прелщени быша
И тако вечное мучение себе получиша,
И даже да днесь нечестивыи тако пребывают,
И выну в место лютаго мучения посланцы бывают.
О нем же, окаяннем Мартине, впреди да скажется.
Мы же тезоимените Христу нарицаемся,
А поганых и нечестивых всех вер отрицаемся.
По том же окаянном и проклятом папе Фармосе[1],
Иже сатанин фимиам носил во своем носе,
И по окаянном же и проклятом Петре Гугнивом[2],
В лепоту убо рещи, по сыне блядивом;

И о сущих бесовских истовых собеседников,
И самаго отца их, сатаны, наследников,
Иже самохотне отпадоша божия благодати,
И воздвигоша на церковь господню многия рати,
И на всю православную истинную веру,
И уставиша свою еретическую злую меру.
По них же, окаянных, таковии же злодеи начашася быти,
И потому же божия люди со истиннаго пути сводити,
И ко своей прелестной и еретической ереси приводити,
Чтобы всех до конца божия благодати лишити.
О проклятых же именех их не у время изнаписати,
Токмо достоит их окаянных всех проклинати.
И несть ползы нечестивых имена вспоминати,
Токмо такожe достоит их всех анафеме предати.
Зде же токмо злейших и вящих воспомянухом
И многаго ради продолжения скоростию преминухом.
Пространее же поведает о них историская писания,
Яко многия от них начашася быти претыкания,
И на церковь божию и на православную веру велия гонения,
И на весь христианский закон злое развращение.
И паки начаша люди господни со истиннаго пути сводити,
И своим проклятым латынским ересем всех учити,
Чтобы им не примешиватися к православной вере,
И пребывати бы им всем вь еретической мере,
И паки бы всех прелестми своими уловити,
И злое то еретическое учение в них вкоренити.
И тако от окаянных их злое умышление и збышася,
И учение их во всех тверде вкоренишася,
И бесчисленныя души от них, злодеев, погибоша,
И в место лютаго мучения внидоша.
Да и днесь, окаяннии и нечестивии, сводят,
По них же инех в конечную погибель соприводят.
О злых же ересях их впред воспомянухом,
Яко мутныя реки потоки преминухом.
Нужно бо есть воистинну праху напавшую воду пити,
Такожде и еретическое замышление во устех носити,
Вкус бо уста человеческая оскверняют
И самому богу и творцу нашему досаждают.
Аще бы мощно таковое злое речение преминути.
Но несть ключими будут противу их дерзнути,
Против же злаго их еретическаго учения и умышления,
И яко бесовскаго лютаго ополчения.
Того ради по нужде будет глаголу послужити

И по нашем руском изрядном диолектите носити.
Аще великими святителми себе нарицают,
А божественныя благодати не похваляют
И правоверную нашу истинную веру похуляют,
А свою, еретическую и богомерскую, похваляют;
И уставленную от самого господа нашего Иисуса Христа,
От него страшится всяка христианская верста,

И от святых его апостол и учение преданную развратиша
И к своей же проклятой ереси всех преклониша.
Еще же досаждают, окаяннии, самому Христу
И ругаются его животворящему кресту:
Вместо честнаго и животворящаго креста господня на ногах своих творят крыж,[3]
Вы же, римляне и латыне, уст своих не движ
На таковое лютое пап своих возношение
И самому господу нашему Иисусу Христу досаждение.
И таковую бесовскую гордость папы ваши на ся взяша,
И сами на себя фиял божий взяша:

И в ту свою проклятую ногу велят людям себя целовати,
По нашему же, достоит на ню плевати.
И тако они с клевреты своими ликуют,
И с самим отцем своим, сатаною, ликуют.
Еже от иных земель приходящии тож содевают,
И къ их проклятым ногам приникают,
И по тому же деянию сотворяют
И им окаянным во всем угождают,

И таковою лютою гордостию возвышаются,
И самому богу и творцу сопротивляются.
Еще злии самем тем Великим Римом хвалятся,
Потому пред господем богом не исправляются,
Понеже когда в нем благочестивыя папы бываху,
Тогда святителския престолы добре управляху
И благочестивую веру крепко исправляху.
Тогда был тот Великий и славный Рим свят
И благочестием же и верою от всех был превзят.
И ныне злым нечестием аки тмою стал омрачен
И от истинныя православныя веры во всем отлучен.
Прекратим же паки о сем,

Да не в долготу слово простреем.
Настоящее речение соприввнесем
И о выше реченных, о Петре и Павле, рцем:
Аще и господине слово к Петру апостолу соприввносят
И всюду таковое речение произносят,
И нам тем словом и глаголом яко бы воспрещают
И несведущим божественнаго писания запинают.
Сице рече господь к самому апостолу Петру:
Аз же тя римлянине и латыняне сице препру.
Ты еси «Петр», на сем камени созижду церковь мою.[4]
Вы же, римляне, познайте совесть свою.
И паче рече господь, врата адова не удолеют.
И ты же, римлянине, сими словесы нам не рей
И тем укором нас, православных, не препирай,
Паче же нечестивая уста своя заграждай.
То не о вашей церкви Петру речено,
Но к Петровой твердости привменено.
В лепоту и нарече и господь «камень»,
Но являсь твердость его таковым прозванием,
Понеже тверд и тепл был Петр ко Христу верою;
Аще вмале и поколебася страховною мерою,
Но обаче исповеда его, сына божия,
Должен убо есть, всяк стояти у его святаго подножия,
И от него же, творца своего, милости просити,
Чтоб всякому желателная от него получили.
Мы же паки противу сего речения их ответ сотворим,
Паче же ереси их яко во очесех своих зрим.
Где у них християнское законоположение? —
Токмо все еретическое злое умышление и учение,
Все противно нашему християнскому закону,
Поне же церкви божией учиниша всякую спону.
И паки велию брань на церковь господню воздвигоша,
И многочисленныя души человеческия во дно адово
сведоша.
И глаголют от отца и сына духу святому исходити[5],
По нашему смышлению, так станет святому параклиту
сослужебну отцу и сыну быти.
И божественную службу служат опресноками,[6]
И действуют кровавыми своими руками:
Епископи их во время брани сами ополчаются
И потом божественней службе касаются;[7]
И прежде инех ходяща в брань биются.
Вем, сами во дно адово несутся.
Аще ли лучится Рождество Христово или Богоявление,
в субботу поста не разрешают.

Тем божественному уставу лают.
И пречистыя Богородицы материю господней не зовут,
Тем их святии наши соборне проклятию предают.
И мы вси им же, святым, последуем
И их святому божественному писанию веруем.
Зовут же злии токмо «святая Мариа»,—
Научишася от окаяннаго и проклатаго Ариа[8].

Еще же, окаяннии, божественную службу служат
в рукавицах
И скверно смешение содевают на молодицах.
И перстни на проклятых своих руках носят
И сами же себе во дно адово сносят.
Трижди в четырежди попы их по един день в одной церкви
служат,
По таковой своей беде не тужат.
А младенцев крестят не по нашему християнскому
обычаю,
Но все по еретическому злому обычаю:

Крещаемому младенцу соль во уста влагают,
И тако до конца божественное уставление отлагают;
И, плюнувше на левую руку, правою растирают,
И тем же сами себе адовы врата отворяют;
И тем крещеным младенцем уста помазуют
И самому сатане и з бесы его толдуют[9].
Еще же всех святых иконам не покланяются,
Тем от нашия веры християнския отчюждаются.
И в костелах своих святых икон не пишут,
Токмо своя бесовския жемчюгом и бисером нижут.
И иныя ереси их много уставы многочетны,
И от всего божественного писания тщетны.
О них же о всех не у время изнаписати,
Токмо достоит всякому православному проклинати.
Зде же паки о нужных воспомянухом,
Яко научени, окаяннии, диаволским духом.
Аще кто имеет рачение, сам да прочитает,
И без всякаго размышления да проклинает,
То ли их пред богом правое исправление, —
Токмо пред богом конечное досаждение.
И несть свято, что господь им терпит за такое злое деяние;
Егда послет на них гнева своего излияние,
Тогда ничто же суемудрием своим успеют,
Токмо во огнь вечный поспеют.
Терпит же господь и всем нам грешным,
Но обаче не велит нам прилежати ко внешним,
И паки не велит нам къ еретическим мерам взирати,
Но повелевает единаго бога знати.
И паки мы, православныя, от всех вер отведены,
И божественные его заповеди пред нами предложены.
И елика сила наша — исправляем,
И от него, творца своего и бога, милости чаем.
Нечестивыя же их веры еретическим умышлением учинены,
Того ради все в место мучения сведены.
И аще от нечестия своего не отвратятся,
И к нашей православной вере не приложатся,
То до конца вси погибнут,
И никакого же от тмы к свету возникнут;
Обаче рещи, и так вся во ад идут
И на будущий страшный суд не приидут.
Яко же песнопевец Давид глаголет,
И таковым словом, яко перстом, во око колет.
Того ради на исповедании веры рече к Петру господь,

Яко да не похвалится пред ним всяка плоть.
Тем не на Петре апостоле церковь основана,
Но на исповедании таковым речением названа;
Церковь же убо являет себе господь, владыку
всяческим,
Добро убо быти возлюбием отрочатским.
Есть же кождо нас церковь и храм божий бывает,
Аще кто на твердом исповедании себе утверждает.
И, еже рече, врата адова ей не удолеют,
В лепоту церкви божии еретическая уста ничтоже спеют.
Сия глаголы не наших грешных уст реченна,
Но велия и свята мужа преизведенне,
Ему же, государю святителю, звание Христом
Прилично же и достойно и праведно ко *златым устом.*
Аще паки глаголют окаяннии, яко «Петр и Павел у нас
в Риму пребывают,
И молитвами своими нас ограждают».
Аще бы мы богу досаждали,
То бы зде великое наказание от него принимали.
И аще бы святии апостоли нам не помогали,
И еще бы нам и возражали;
Что уже несть пред ним нашего неисправления,
Понеже ничто же творим, кроме его уставления.
Мы же паки к ним отвещаем, яко в молитвах своих и нас
не забывают,
И в скорбех наших и в бедах всегда нам вспомогают.
Такоже и мы, грешнии, благодарение к ним приносим,
И гласы своими и усты возносим,
И их, великих апостолов, на помощь к себе призываем,
господни,
И великую милость от них приимаем,
Понеже они, государи апостоли верховнии и ученицы
Молят и о всем мире от лет своих и до сего дни,
И паче паки всех от господа почтени,
И нетленныя им венцы от Христа предани,
И ходатайствуют о нас ему, нашему творцу и богу,
Да сподобимся от него мы нетленнаго его чертога.
Аще и не у нас, в руской земли, пребывают.
Но молитвами своими нас снабдевают.
Папы же римския своих всех римлян прелстиша
И паки всех же своим злым ересем научиша,
И самыя злыя греховныя слабости пред ними
предложиша,
И сердца их, и ум, и очи до конца омрачиша.
За них всех немцы, окаянных, умирают,

И велми их, злодеев лютых, похваляют.
И паки все им западныя и полуночныя немцы голдуют,
И злому их ухищрению и учению ревнуют,
И за них, злодеев, умирают,
И души своих за них, окаянных, полагают,
И преданный закон от них крепце и всеусердно держат,
И очима своима невидимо во дно адово зрят.
Они бо всех прелстиша слабостными грехи,
Яко же некоими сладостными своими стихи[10].
Сего ради и до днесь зовется от них всяк проклят,
И к тому паки от таковых врагов не воздохнет,
Понеже весь мир град Италию прелстиша,
И души их в бесконечныя муки вложиша.
Аще кто днесь от нас римских пап похвалит
И наших государей и великих ерархов умалит
Или еще от безумия своего хулу нанесет,
Таковый сам себе во дно адово снесет,
И да будет проклят в сем веце и в будущем,
И во веки веков никогда же минующем.
Аще же кто их и сопрестолником святых апостол наречет,
Таковый сам себе язык отсечет,
Но отидет душею своею и телом во тму кромешную,
Яко сам себе возлюбит лесть и славу внешную.
Яко же от неких и от мудроумных слышахом,
Обаче не до конца ограждены божественным страхом,
Аще же самым отцем их, сатаною, научени,
И во дно адово душами же своими сведени;
Или будут от высокомыслия своего тако с ума сходят,
И яко волцы во овчиях кожах зде ходят,
Тако безумнии и немысленнии глаголют,
Яко осными железными неистовыми словесы своими колют.
Есть же инии во благоверии и православии пожиша,
Последи же сами себе исторжиша,
И во проклятую того папину унею отидоша,
И сами же себе своим высокоумием живых погребоша.
И таковое дело бывает диаволским навождением,
И высокоумным и неразсудным смышлением,
И гордостным бесовским навождением,
И от самого господа нашего Иисуса Христа отпадением.
Яко же Денница с небеси за гордость спаде,
И себе и своим силам вечное мучение наведе.
Избави нас, господи, от таковаго злаго начинания,
Да не отпадем вечнаго упования.

Мы же паки тезоимениты есмы Христу,
Иже просвещает нашу всяку православную версту.
Аще кто от православных учнет у латынь учитися,
Таковому будет во христианском звании и едва ключитися.
И от православныя веры не отщетитися.
Того ради подобает о том Христу богу молитися,
Да не впадет в таковыя лютыя сети;
Воистину самаго сатаны — неистовыя дети,
Понеже они, злыя и злохитрыя латыни,
И чюжаются нашея христианския святыни.
Того ради своими ересми зле прелщают,
И яко удами православных християн уловляют.
Тако бо они, злии, тайными своими умышлении творят,
И бесчисленныя человеческия души губят.
Яко же рыбы не познавают лщения на удех...
Удивляюся тому латынскому лютому умудрению
И бесовскому злохитрому научению,
Яко же и выше рех, яко же удою влекут к своему прелщению
По научению отца своего, сатаны, умышлению.
Еще же злодеи аки сладкою ядию гортанью услаждают,
Тако и они, злии, ересми своими некрепкоумных уловляют.
Случает же ся много у разумных ум омрачают,
И нас тои лютыя ереси привлачают,
Яко же аки и выше о сем рехом,
И ныне к тому же речению доспехом.
И паки аще кто у них, у лукавых, во училище пребудет,
Таковый едва без беды избудет,
Понеже паки иными внутренными некоими умышлении украдают
И латынскую грамоту свою всех болши похваляют.
И глаголют про нея, яко всех мудряе,
Мы же глаголем: несть латыни зляя.
Паче же рещи, не от свята мужа грамота их сотворена,
Но от поганых и некрещеных еллин изложена,
И умудрена великими замышлении и затеи,
Яко же мудрыми афинскими витеи,
Чтоб един язык был во всем свете.
И были тогда вси мудрие царие и князи местныя, и воеводы во едином свете.
И сия быша после Троянскаго пленения,
И конечнаго ея <Трои> от грек разорения.
И паки вси быша тогда во единой мысли,

И некто у них мудрец таковую грамоту замысли.
И вси книги на латынский язык преложени быша,
И от тех мест и до сего времени прослыша.
Наша же словесная грамота от свята мужа сотворенна[11],
Яко цвет от всех трав произобранна,
И болгаром и нам, словяном, преданна,
Дабы всякая християнская душа к заповедем господним приведена.
И сему речению и сказанию — конец,
А праведным от Христа — нетленный венец,
А злым злое и совершится,
А нечестивым и грешным едва в рай вселится.
Ныне и присно и во веки веков, аминь.
И нас, господи боже, от своего нетленнаго чертога не отринь,
И во веки веков, аминь.

Семен Шаховской

Послание князю Д. М. Пожарскому

Твое же, государь, писано словенъски по красгранесии[1],
Аще умом своим вонмеши, тогда да увеси
Наше же убогое, не весма ти объявлено,
Зане же многими и безмерными грехи обременено.
Несть ползы во многогрешном нашем нарицании,
Аще не пребудем в добродетелном деянии.
Ваше же бы явно и славно было везде,
Чтоб враги царевы боялись во всякой орде.
Подобает паки светлым и благоплеменным ражатися
И против сопостат мужественне вооружатися,
Без таковых бо земля крепко и славно не может стояти,
Вящи же всего всесилна бога достоит на помощь
призывати.
Яко не силою бывает брань, но божиим поможением
И богоносных и чюдотворных отец к нему молением.
Зане же всего силнее бывает чистая к богу молитва,
И на невидимые враги, аки некая изощренная бритва.
Ей, ей, тако не ложно,
Без нея быти невозможно.
И еще ми много слово недостало рещи о твоем мужестве
и храбрстве
И о совершенной твоей добродетели к богу и о душевном
паки богатстве,
И о божиих к нам великих щедротах, и о долгом терпении,
И о нашем к нему жестокосердстве и всегдашнем
неисправлении.
И хощем воспомянути твою к себе милость и рещи
о своей скорби и недостатце,
Не можно бо великия ради нужды преминути сего
въкратце.
И еще без лености хощу потружатися чернилом и пером
И убогою своею мыслию и недостаточным своим умом,
Понеже мысль моя разгорается во мне, аки пламень
в пещи,
Нудит мя о всем твоем добродеянии доволне рещи.

Аще и без нас, недостойных, идет о тебе предобрая слава
всюду,
Яко всегда имееши на враги мечь свой остр обоюду,
Да не без лиха будет и наше малое сие к тебе, государю,
прошение,
Понеже отняли есте тогда от всех поношение.
Что же рцем, и возглаголем, но воспомянем вышереченное
слово.
Было же врагов наших зияние на нас, аки рыкание львово,
И мыслили во уме своем владети во веки землею
Российскою,
Яко же поганыя богомерзкия турки и ныне владеют
Палестинъскою,
И господь бог совет их разорил,
И гордость их до конца низложил.
А ведомо есть, стояли на нас, аки острыя ножи.
И паки господь бог не дал им того сотворити и по их
умышлению не учинилося,
И все великое государство на них, врагов, вкупе с вои
собралося.
И дал нам бог вас, крепких и нелестных по вере
побарателей,
Что отгнали от нас таких злых и немилостивых
наругателей,
И что учинил такову славу и похвалу в нынешния роды,
Яко же вы избавили всех православных християн от
конечныя тоя невзгоды.
Неложно паки пред всем государством правда ваша
изошла,
Яко же преже помянутая Июдив[2] всего Израиля спасла,
Яко же тогда от единыя жены все асириане ужасилися,
Тако же и наши враги от крепкаго вашего сражения
смесилися.
И побегоша кождо их с страхом и трепетом и придоша
неправе,
И не возмогоша урядитися к многокозненной своей
справе,
И объят их весь страх и трепет от вашего против их
воополчения,
Паче же от божия и от пречистыя его матери и нашея
заступницы поможения,
А и ныне надеемся на божия его щедроты и пречистую
царицу,
И ея ради молитв являет нам победителную свою десницу,
И на государевы праведныя молитвы, яже самому
всесильному богу,

Да преткнет их, окаянных и богоборных, нечестивую ногу,
И на вас, крепких его, государевых воин и неизменных воевод,
Да разсеяни будут с своим умышлением, аки древний исполин Немврод[3],
Пониже без вины хотят нашу православную веру на разорение,
Обаче рещи, есть и наше пред богом велие и согрешение,
Сего ради подобает о том бога молити и просити со слезами,
Понеже всегда за грехи наша смиряет нас всякими бедами.
Аще учнем ему с верою молитися, не предаст своего создания
И не презрит и ныне по-прежнему нашего к нему стенания.
Милостив и премилостив есть, утолит свой гнев и ярость
И даст нам над ними, над враги, по-прежнему велию радость.
Яко же и сам инде глаголет: «Обратитеся ко мне, и обращуся к вам[4]
И учиню вас страшны и грозны многим окрестным ордам,
Аще ли не послушаете мене[5], чюждия землю вашу поедят,
И жены ваша, и дети, и богатъство все пленом пленят».
И по сему его святому речению вся над нами за грехи наша сбылося,
И великое государство во многих концах от них, врагов, разорилося
Милуючи, господь бог посылает на нас таковыя скорби и напасти,
Чтоб нам всем злых ради своих дел въконец от него отпасти.
Свойственно бо есть християном в сем житии скорби и беды терпети
И к нему, своему творцу и богу, неуклонно всегда зрети.
Аще бы не посылал на нас таковых бед, отпали б его вконец,
И никто тамо получил бы нетленный венец.
И никако же бы удерживалися от зла и шли б вси в муку вечную,
И ни един бы сподобилъся внити в радость безконечную.
Сего ради премудрым своим промыслом и правдою все устрояет,
И аки коня браздою, тако и нас тацеми бедами от грех возражает.

Аще бы не тако нас возражал, и зверей бы дивиих горше
были
И паки бы вконец друг друга и брат брата не любили.
Что же нас и так лютее и жестокосердее? Кое естество
в бессловесных?
И кто может исчести, колико бывает над нами смертей
безвестных?
И зря над собой такови скорби и никако же от зла
отвращаемся,
Но и паче друг на друга, аки враг на врага, завистию
вооружаемся.
И милосердный господь, еще терпя нашим грехом, ждет
нас на покаяние,
Того ради посылает на нас таких лютых врагов в
наказание,
Некли приидем в чювство и принесем к нему сердечную
веру,
Да воздаст нам и во оном своем веце сторичную меру.
Аще ли и тем не накажемся, что нам будет от него,
от своего творца,
Понеже никако же не можем смиритися преже конца.
Писано есть: «Отраднее будет Содому и Гоморе[6], неже
тому роду»,
Приличны же и мы к сему речению, поне забываем
прежнюю свою незгоду.
Сего ради не на тщету, но на ползу дает нам таковы
казни,
Чтоб нам жити пред ним, своим творцом, не без боязни,
Яко же негде пишет: «Ползует пелынь злопитающих
утробы»,
Тако и мучением грешным полза, зане возъбраняет от
всякия злобы.
Тем не люто нам прияти язва, люто по язве не
наказатися,
Ей, подобает нам всем от злых своих дел отвращатися,
Да не сами себе будем враги и уготоваем вечныя муки,
И зде не впадем врагов наших нечестивых в руки.
Положим же паки надежду на всемилостиваго
в щедротах,
Он же избавил своего Израиля[7], бывъшаго во многих
работах.
Его святая воля, что хощет, то по своей воли и
сотворит,
Аще не захощет предати нас, то врагом нашим конечно
возбранит.

Ты же, государь, буди всегда чист душею своею и телом,
Понеже во оном веце всяк восприимет по злым и добрым делом,
И держи храбрость с мудростию и подаяние с тихостию,
И господь бог будет к тебе с великою своею милостию.
Обаче рещи, и так дела твои аки труба вопиют всегда,
Не щадиши бо лица своего противу сопостат никогда.
К тому же присовокупил еси велие милосердие ко всем,
Всякаго приходящаго к тебе не оскорбляеши ни в чем,
Яко некая великая река неоскудно всех напояет,
Тако твоя прещедрая душа таковым подаянием всех утешает.
Ей, воистинну не имеем себе ныне такова благоутробна дателя.
Да будет ти за то мъзда от всех творца и создателя,
Зритель тебе господь, вси людие дивятся твоей велицей милости,
Никто же бо оскорблен бывает, приходя к твоей благонравной тихости.
Ты же, государь, во уме своем не скорби, ниже паки стужай,
Но на мъздовоздателя всю надежду свою и упование полагай,
Той бо воздаст ти во оном своем веце стократное воздаяние,
Зрит бо в сердцы твоем неоскудное, ни тщеславное ко всем подаяние.
Яко же и сам глаголет: «Блаженни милостивии, яко тии помиловани будут»[8],
А немилостивии и жестокосердии вечных мук не избудут.
Никто же есть вящи милости, та бо множество грехов прощает,
И не токмо до небеси, но и до самого престола божия душу провожает.
И паки: велик человек милостив, и хвалится милость на суде[9],
Того ради слава твоя добрая и хвала идет ныне везде.
И уже не вем, како конец сказати твоей велицей щедрости,
Яко помогаеши многим людем в конечной бедности.
Понимаючи божественное писание, яко «дающаго рука не оскудеет»,
А удерживаяй богатство и ничто же себе успеет.
Того ради многое православие за тебя, за государя, молят бога и владыку,

Еже бо еси много правсославных прекормил и учинил славу и похвалу велику,
И ныне не пременил еси своего добраго обычая и нрава, всех утешаешь,
И всякаго приходящаго к тебе никогда не оскорбляешь.
И не презрел еси, государь, и нашея тогда великия скудоты,
Прекормил еси нас с супружником нашим[10] и с родшими от нас сироты.
И потом не въменил еси себе в тягость нашего же к тебе стужения,
И не видя от нас никотораго к себе рабъского послужения,
Пожаловал нас своею великою милостию и нищих нас не отпустил,
Но человеколюбец бог добрая тебе, государю, на ум положил,
И довольно время твоим великим жалованием и с червишками[11] питалися,
И всегда поминаючи твое милосердие к себе, утешалися.
Паче же плачю и рыдаю, и горкими слезами землю омакаю,
И к твоим государьским честным ногам главу свою подъклоняю.
Буди ми помощник и заступник в сей моей беде и напасти,
Чтоб ми, бедному, и с червишками вконец не пропасти.
И во веки бы за тебя, за государя моего, бога молити,
Чтоб тебе, государю, вся желанная от него получити.
Сам, государь, веси, напрасно стражду и погибаю,
Помощника и заступника себе в таковой сущей беде не обретаю.
Рад бы был, иже бы жив въшел во общую матерь землю,
Понеже на всяк день смертное биение от спекуляторей приемлю.
Но не мощно ми сего сотворити, что самому себя смерти предати
И многогрешная душа своя и тело во ад низпослати.
И паки веси, государь, стою всегда не на лепом том позоре,
Аще бы не Христово имя, гонъзнул бы живота въскоре,
Тем укупаю себе живота от того тления смертнаго,
Не хитро и не славно осудити и погубити мужа безответнаго.
А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
Мню же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,

Отнюдь просто рещи: чюжая беда и напасть никому не болит.
И вержен есть аки камень в море, ником изъвлеком,
Аще бог человеколюбец не пощадит праведным своим судом.
Разве вижу в твоем сердцы есть сияет истинный свет,
Поне бо даешь ми, государь, всегда благоутешный ответ.
И паки умилися сердце твое о нашем убожестве и сиротстве,
Но избран еси сосуд уродился во своем благочестивом родстве.
И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возьмет твоя мощь,
А уже нам, грешным, в скорби сей и день, аки темная нощь.
И на том тебе, государю, много челом бью, падая на ниц земли,
И ты, государь, душею своею и сердцем себе внемли.
И по тебе, государю, въменится в самую истинную правду,
И всегда помышляти таковое дело твоему разсудному измарагду[12].
Ничто же бо таковыя милости вящи у бога не бывает,
Кто в скорби и беде поне малым чим помогает.
Писано есть: «Аще не можешь помощи делом, и ты поне словом,
Яко утвердит кто непокрыту храмину твердым кровом»[13].
Аще ли, государь, не возможешь тем ныне помощи,
Не прогневайся, иже о чем тебе, государю, дерзнем изрещи.
Что же реку и что возъглаголю и како еще дерзну к твоему величеству?
Не вем бо числа сказати твоему милостивому количеству,
Велик студ и зазор обдержит к тебе, государю, стужати,
Но презельныя ради скорби и беды не могу в себе молчати.
Понеже нужды ради весь страх и срам в сердцы отлагается,
И кто на страсть не дерзает, той желанного своего не сподобляется.
Общая наша госпожа и всех томителница[14] свойства своего желает,
И для ради прироженнаго своего естества весь срам отлагает.
Яко некоторый гладный пес или волк на вся человеки шибается,
Подобно же тому и гладная утроба никого не срамляется.
И паки: ничто же есть тако зло всякому человеку, яко же глад,

Его же ради некогда взят бысть не един великий и
преименитый град.
В лепоту реченно: глад уязвляет не менее меча,
От него же самых крепких и сильных немощны бывают
плеча.
И всякому человеку начало животу хлеб и вода, риза
и покров.
Ей, ей, не мы глаголем, но сама наша великая нужа
и кровь.
Аз же грешный за премногия грехи своя всего того пуст,
Но токмо мало нечто имею изо многогрешных своих уст.
Тем убогую свою душу и тело питаю и утешаюся на всяк
день и час,
И еще не презре нас до конца своими щедротами
всемилостивый Спас
И что было ваше жалованье, государей моих, то все
изошло,
А ныне, государь, и сам веси — по грехом по нашим
понужное время пришло.
А се, государь, особная великая скорбь и беда за грех
мой постигла,
И без чернаго одеяния и без самоволиаго обещания до
конца постригла[15].
А не имею милующаго, ни ущедряющаго искренно в
нынешнее время,
Зане, по апостольскому речению, уродилося все
немилосердное семя
И злым немилосердием и скупостию одержими, аки
слепотою,
И самохотно гнушаемся душеспасителною нищетою.
Сего ради презираем есмь от всех, аки трава, ростящая
в засени,
Поистинне нелепо рещи: от великая тоя печали подобен
есмь стени,
Или яко руб при пути повержен, от всех ногами попираем,
Тако же и аз грешный и недостойный от всех человек
презираем,
Или яко некий сосуд непотребны изметаем бывает вон.
А ведомо есть, всяко земное житие пара есть и сон.[16]
И что ми о том много вещей к твоему благородию
приводити,
Подобает же на всесилнаго бога вся надежа возложити.
Той всем нам надежа и упование, и промысленник
и кормитель,
И на вся видимыя враги наша непобедимый прогонитель.

И еще мышлю в сердцы моем, надеюся на тебя, государя моего милосерднаго,
Вем бо тя верою к богу и правдою аки адаманта твердаго.
Яко же и преже рех, не имею милующаго, ни ущедряющаго отнюд,
Вем бо паки, многих свела лютая скупость и немилосердие в незазорный студ,
Не поминающе апостольскаго речения: «Не брашном брата своего погубляй,
Но егда в нужди и в беде есть, тогда ему всячески помогай».
И паки пишет: «Брат от брата помогаем бывает,
Яко град тверд, и презирающии и немилующии и сам своим душам вечныя муки проуготовляют».
Ты же, государь, не внимай, не ревнуй таковому злому обычаю и нраву,
Да получишь себе не токмо зде, но и тамо, у Христа бога, весную славу.
Еще молю твою премилостивую и многощедрую ко всем утробу,
Да не прежде времени предадимся бездушной вещи гробу.
Ущедри свое благонравное сердце и буди въместо бога,
Да сподобищися стати у самого его небеснаго чертога.
И паки: укупи благородной души своей и телу спасение,
Да будеши имети у владыки Христа бога велие дерзновение,
Понеже всех добродетелей вящи у него вменяется
И у самаго его страшнаго и неприступнаго престола поставляется,
Иже кто в скорби и беде сущей другу своему поможет,
Той воздухи и облаки и солнечныя луча пройти возможет.
Яко же и выше рех, стати у самаго его престола божия,
А мы, грешнии, плачемся, стоя у твоего государева подножия,
З горькими слезами и болезненным сердцем к тебе, государю, вопием,
Понеже по грехом своим преданы есмы злым и немилостивым змием,
Иже на всяк день и час тянут сердце аки клещами,
И злым умышлением измождавают жилы, аки огненными свещами,
Для ради своего тленнаго прибытка и кровавыя корысти,
Понеже извыкли, аки червь, древо православных християн грысти.

Пожалуй, государь, что на искупление от того тления
смертнаго,
Да сподобит тя господь бог со избранными своими венца
нетленнаго.
И на препитание многогрешной души и телу и з горькими
сиротами,
Да украсится душа твоя добрыми делы, аки драгими
пестротами,
Как тебе, государю, вышняго промысл известит и
пречистая его мати,
Да даст ти всегда силу и помощь враги царевы
побеждати.
И молю тя, государя, в гнев не положити,
Ни в великую тягость и паки не позазрити,
Поне от нужды и от беды тако дерзаем
И твоему достойному величеству и добродею докучаем.
Аще бы не в таковей скорби и беде, не так бы тебе,
государю, и скучали,
Разве бы милосердаго слова и сладкаго ответа от тебя
ждали.
Вем бо, что уже тяжко ти, государю, от нас вменится,
Да зритель господь, что не к кому, кроме тебя,
государя, приклонится.
Многи бо, аки аспиды глухия[17], затыкают своя слухи
И забывают, яко неимущих ради дает бог благорастворены
воздухи.
Аще помилован еси, государь, от небеснаго царя,
и от земнаго
Сам помилован будеши. Не погуби самовластным
изволением шесточисленного камени драгаго[18],
Пожалуй нас грешных и призри в конечной сей беде,
Да даст ти господь благая и полезная получити везде.
А мы должни за тебя, государя, его молить,
Дондеже и душа в теле, чтоб тебе, государю, и до
смерти правда творить.
Кто словом и делом последний невежа, въсе в его божией
и всемогущей безсмертней деснице содержится,
И кто на него уповает, той во всем врагов своих
не убоится.
Его святая воля буди, что хощет, то по своей воли
и сотворит,
И за твою великую правду и кровь сугубо тя воздарит.
И аще ти, государю, будет и негоде, не вели ввергнути
в подножие,
Зане царево и рождьшаго тя именуется ту лице божие,[19]

Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально
во всех,
Понеже бо еси, государь, не бывал никогда побежден
во бранех,
Паче же самаго бога и пречистыя его матери, общея нашея
заступницы,
Сам, государь, веси, та посрамляет вся
законопреступницы,
Чтобы божию имени, его матери, купно и цареву не было
бранно,
Веси паки и сам, что християньское имя от всех родов
преизбранно.
Паки здравствуй, государь, о всещедром Христе,
И побеждай враги царевы о пречестнем его кресте,
Еже бо тем бывает на них победа и одоление,
И некли услышит господь наше к нему моление,
И чтоб вам, государем, дал бог на них, супостат наших,
победу,
Отнюд просто рещи, не осталось бы их в земли нашей
следу.
Мнози бо людие дивятся мужественному твоему
храбръству
И радуются, что бог тебя принес к великому государству.
Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
К богу и царю и ко всем человеком правду творишь.
И сподобил тя владыко видети образ пречистыя царицы,
Та бо всегда подает победу на враги <...>
Потом же в светлости и радости лице царево,
Его же роди и воспита благоплодное чрево.
Тако же и свою рождьшую и супругу с чады,
Вси бо от бога и от вас чаем отрады.
Еще же ближних своих приятелей и добродеев.
Да побиет врагов правда твоя, аки огнь сирских
халдеев.[20]
Потом же паки виде все православное множество,
Желали же видети твоего зрака и наше убожество.
Мнози же паки жаждали видети в радости твоего лица,
Аки дети, долго не видючи своего отца.
Свидетель на то бог,
Иже возносит християнъский рог.
Аминь.

Послание к некоему другу зело полезно

от божественных писаний,
сложенное за премногу его любовь
и посещение его, когда ему случися стрегому
быти в царстей опале сущу неповинну

Сие писанеицо в конец приити едва возмогох,
поне же от уныния болезнено духом исчезох.
Аще не бы государь мой, Семен Гаврилович, добродеица,
то бы мне было всяково пущи лиходеица.
Он, государь мой, совершенную веру к богу показует,
а нас, убогих, доволными брашны напитует.
Наполняет собя в мире добрыми слухи,
тем прогоняет от собя далече лукавыя духи.
Нам, убогим,— присныи питател,
за то ему подаст нетление благодател.
Кими бо похвалами могу его почтити?
Но не возмогу по достоинству ума своего обострити.
Воистинну, во всех людех добронравием похвален,
паче же от бога в бесконечныя веки будет славен,
понеже Христа, бога нашего, учение помнит,
сущим в скорбех помогати волит.
С ним же ты, государь мой, здрав и радостен навеки буди,
а меня, искателя своего, не забуди.
Послано к тебе сие писанеицо Семионом грешным,
а твоим искателем и работником вечным.
Хощет ли мне, грешному, хто уведати изящное имя,
то на конец послания сего поищи мя.
Есть убо сему снискатель
роду ерославсково исходатель,
ему же звание сице,
на три части пишем толице:

Двадесятпое <К> с пятъдесятым <Н> и по ряду вне числа
тридцат шестое слово <Я> и наконец седмое <З>.
Еще двусотное <С> с пятым <Е> и четыредесятое <М> с пятым <Е>,
наконец покрыти пятъдесятым <Н>.
И еще наконец его звания
изящное вещание:
Прийми число от начала и паки дойди двадесят шестаго слова,

от тово прийми начало <Ш> и к тому приложи единно <А>,
и шестьсотное <Х> семъдесятым <О>, и паки второе <В>
со двемасты <С>, и двадцатое <К> с семьдесятым <О>,
и наконец осмое <И>.

Молитва против разлучения супружества

Помилуй, господи царю,
и сохрани жену мою.
Аще и незаконно поях ю,

и чада моя,
еже еси даровал, презря
моя согрешения.

Соблюди их, владыко, и помилуй,
и долгоденьствия даруй.

Во здравии и спасении
посети, владыко, милосердием

своим.
Во веки, аминь.

Молитва преподобному Димитрию, Вологодцкому чюдотворцу

О, преблагий наш пастырю и учитель!
О, великий чюдотворец Димитрий!
Услыши мя, грешнаго, молящаго ти ся,
призывающе имя твое святое (на ся).
Вижди мя, убогово, в толице беде суще погружаема,
вижди мя, немощнаго и уловляема
отовсюду, и всякаго блага лишенна,
и умом от малодушия помраченна.
Потщися, святче божий, плененнаго свободити
мя, не остави мя, грешнаго, врагом в радость быти
и лукавых моих деяний умрети.

Моли о мне, грешнем и блуднем, содетеля моего и владыку,
ему же ты со безплотными предстоиши лики.
Молитва ко мне сотвори бога моего.
В нынешнем веце и в будущем,
да не воздаст ми по делом моим
и по нечистоте сердца моего,
но по своей благости воздаст ми.
На твое бо милосердие уповаю и тобою ся хвалю,
и имя твое святое на помощь призываю,
и к цельбоносному гробу твоему недостойный аз припадаю,
и исцеления прошу: избави мя, светильниче Христов,
от злых бед, находящих на мя,
и востающая волны укроти.
Отовсюду да не обымет мя напасть за имя твое святое,
и не погрязну в пучине глубоце,
в тимении греховне.
Моли, преподобне Димитрие, даровати мне,
грешному, от Христа бога велию милость.

Иван Хворостинин

Молитва Христу Богу

иже во христианех многу неволю от царей
и от правителей неразсудных
злобы приемлют
многи,
еще же и от еретик и чревоугодных человек;
таков есть глагол прискорбных,
краестрочие имуще по буквам, на римские ереси

Полки обнищавшие, Иисусе, вопиют к тебе,
Речение сие милостивное приими, владыка, в слух себе.
Еже на нас вооружаются коварством сего света,
Всегда избави, господи, нас от их злаго совета.
Оне убо имеют в себе сатанину гордость,
Да отсекнут нашу к тебе душевную бодрость.
И твой праведный закон по своей воли изображают,
Злочестивых к совести своей приражают.
Лестными и злыми бедами погубляют нас, яко супостаты,
А не защитят от твоего гнева их полаты.
Желаю бо аз единаго тя, Спаса истиннаго,
Еже верую в тебе, творца милостиваго.
Не предаждь нас, раб твоих, точию,
И посещай своих благочестивою мочию.
Яко безсловесных скотов нас имеют,
Коварствы неправедными укоряют.
Но мнози убо на себе клятвы наложили,
Яко злыми, лукавыми нас обложили.
Злой прибыток себе утверждают,
На нас души злостьми вооружают.
Владыка вседержитель, ты нашу беду видишь,
А глаголющиа поистинне молитвы наши приимешь.
Не дай врагом вознестися злостию на ны,
А злостныя да не будут на нас их раны.

О гонении на святую церковь краеграние сие по буквам

Каин со Авелем две церкви знаменуют,
Но из Адама два естества именуют,
Яже богу всесожженную жертву принесли,
За нь же молитвы свои к тому вознесли.
Яко Каин грешный богу не угоди
И лукавым сердцем к нему приходи,
Веселый Авель от бога милость принял,
А его же господь дары и всесожжение внял.
Но внегда молитвы Авель богу воздал,
А Каин его тщателно убити помышлял[1].
Но потом брата оного умертвив
И тщаньми своими себе окаянный показнив
И жертвы оного омерзив,
Мерзостным убийством сам ся погубив.
Родоначалие убийством первие погубися,
Иже кровь праведнаго, яко вода, пролися.
Иже таковы Каиновы внуки,
Выникше во останошныя веки,
Иже снопы злобы на жертву возлагают,
Часто души неправедно погубляют.
И похвалою людское себе улучили.
Христово величество имя себе улучили,
Злыя далеко суть от святаго пути,
От беззаконник навыки пребыти.
Радостную славу на земле коренят,
О божественной славе радети не хотят.
Собою нарекли на земле славы имяна,
Та и память им смертная не может быти имена.
И грады и села тысящми собрали,
За Христовы рабы дерзостна себе нарицали,
И хотением болшую земную славу наследили,
Но во дни и в нощи мамону стяжали.
И люди божиа от них, яко класы, ся пожинали.
Иже своя враги во веки погубили,
И от нас любят приняти частую оферу
И повелевают держати свою веру,
Без ереси и греха ему являти
И послушанием оного почитати.
За послушание царство нам даруют,
За преслушание ж муки уготовуют,
Яко Авель терпит от убийцы брата,

И будет молитва наша пред вышним прията,
Да лубомудрия держит с Каином Рим,
И будут оне яко скоро шедший дым.
Авеля восточную благую церковь именуем,
Каина ж губителную западную церковь нарекуем.
Да того ради нас за Христа избивают,
Против закона и канона писание издавают.
Сего их учения прекословна отвращаемся,
Во благочестивой вере утверждаемся.
Слышите сия, боголюбивыя народы,
Не приимайте словес еретических[2] в своя роды.
Ложь бо человечья с богом не царствует,
И леность неправедных скоро погибает.
Кто любит Христа, на прелесть не ходит
И терпение свое к нему принудит.
Но в остатний век спасайся,
И к папьскому собору не прилучайся,
И страхом уловляемь не буди,
И доброту Христову в сердцы своем нуди.
Веси, кто тя кровию свое откупил,[3]
Да бых к противному от него не отступил.
Цену крови свей истинно за тя дал[4]
И за избавление наше и душу свою отдал.
Аще и от единых святых соборов прияша,
Но много благолепия благословнаго отъяша.
Онаго ж бога чтут и в него веруют,
Но не подобна бога в Троицы разумеют.
Поминай милость твоего гроба,
В нем же изтлевает твоя земная оздоба.
Украшенных бо словес не приимай в слухи,
Да не бы твое врази не имели утехи.
И красная сего мира мудрость богу неприятна,
Но истинно зело злостию превратна,
Ее же латинския учители имеют,
Злокознием души наши ловитвою веют.
Изволим, братие, держати святую простоту,
Восточныя церкви божественную доброту.
Аще богословнейшии житие преходят,
Но по воле Его умы своя водят,
А человеча мудрость богу противна,
Превратна течением и злолстивна.
Но святый Павел, буйством ея нарекше[5],
Косну и всестрастну ея в делесах обретше,
За нею же жидовское и агарянское племя ходит,
Яко жено в безумие их множицею приводит.

Латина ею всех прелщают,
А от божией мудрости всех обольщают.
Но, любимии друзи, все благоверныя,
Аще и творят вам многия пакости зловерныя,
Не напивайтеся от горькаго студенца,
Хвалите бога даже и до конца,
Восточныя церкви разуму учитеся,
От тоя же любви благоразумия научитеся.
Рачители вы есте сего мира света,
Отрицайтеся папежскаго злокозненаго навета,
Сих же училища ересь разсевают,
Тако благочестиа еретичеством насевают.
Избави нас, господи, и не дай во многия беды,
в напасти,
И сокруши римскиа гордыя власти.
Аще и согрешившаго спасл еси Лота[6],
Изсуши праведным солнцем греховныя болота.
Умиление же есть божественное писание,
Поздно любомудрецем прочитание.
Писмо богодухновенно,
И любящим его благо и спасенно.
Книги духовныя — разумныя цветы,
Научают воздати Христовы обеты.
Книги, аки солнцем, душевныя мысли освещают,
Чистое писание грехов темности убеляют.
Книги юных нремудроствено творят,
Простых в страх божий приводят.
Ни Платон[7], ни Пифагор[8], ниже Аристотель[9] —
Не обретается из них духовный сказатель,
Ис которых латини хвалению поучают
И безумную ересь в себе полагают.
Христа ради, молю вас, на прелесть не ходите,
А ни чада своя зло не водите.
О господе братиа, христианския чада,
Избавите себе от темнаго ада!
Не в научениах латинских веру разумевайте,
Их вредами от православия не отступайте,
Не погубите святую боголепную веру,
Не приимайте латинскую сугубую меру.
Много злата на прелесть давают
И душевное благоразумие муками растерзают.
Егда вознесеся бог на небеса,
И тогда яви нам многия чюдеса.
З горы масличныя ко Отцу взыде,
Тако же с плотию судити нас прииде.

Тогда ученицы во вселенную проповедаша,
Народом и царем о нем возвестиша.
И в страны мира слово пронесеся,
И от лести к богу народное множество обратися.
Всю землю на части себе пределиша
И Евангелием людей осветиша.
В них же бысть святый Андрей Первозванный,[10]
От числа полка ученик Христовых избранный.
Из Иерусалима в Византию дойде
И оттуду паки в Россию прииде.
Таже в град Киев по Днепру ходяше
И посреде поган крест знаменоваше.
На горах Киивских молитву сотворил,
Дабы там господь благодатию одарил,
Дабы было в России имя его величано,
Христианьство им живущим даровано,
Иже в идолех были упражнены
И во зловерии бесовъском ослеплены,
Дабы бездушным престали служити,
Но в православии благолепно сподобимся жити.
Вострубив начало, проповедь святую,
И проповеда в России святыню благую.
Честныя быстрины Христова учения на полунощь принесе
И имя Христово пред всеми ясно изнесе.
И ныне хвалится полунощная страна,
Понеже их беззаконная вера предрана
Христом, избавителем нашим,
Уже конец приведшим бывшим,
Яко красуешся святыми церквами,
И богови служиши чистыми жертвами.
Поминайте жертвы апостол славных
Просвещенны от веков давных:
Святое начало от них нам явлено,
Яко от самого бога повелено.
Честный граде Киев! в тебе вера возсия,
В тебе же и богомудрыя зело просия.
Возлюбим непревратное благоразумие
И отринем от себя суетное суеумие.
И будем просто работати,
Ни дохматы вечныя от себе отринути.
Не наши суть пастыри западныя отцы,
Но римския святители быша волцы.
Не мы быхом отметницы святыя веры,
Но еретицы творят присныя богу оферы.

4*

Не наши пастыри церковныя сопостаты,
Иже прелазят, а не входят истинными враты.
Не таков бысть господь, иже наш спаситель,
И Андрей апостол, российский учитель.
Не таковы римския учители,
Но всему миру великия мучители,
Несть бо их дух з богом над земными,
Начало з богоненавистными убийцами.
Мы же возлюбим Христу угождати
И святое имя его величати,
И сохраним твердо гонимую веру,
И отмещем мерзкую оферу.
И беды и страхи их скоро минуют,
Которыя ныне на нас возставают.
Ибо господь наш много за нас пострадал
И нам терпения свой образ предал.
Таже святый Андрей крестную смерть приял,
В Патрех Ахайских за Христа пострадал[11],
Благих всемирный ловец,
Неложный пастырь Христовых овец.
Не бы в нем гордости, ниже златолюбьства,
И научив бо всех братолюбства.
Всему христианьству и Кииву граду,
Богом избранному верному стаду,
На вечныя лета церковь стоит
И добрым утвержением всех боголюбивых учит.
Бог бо нас к себе благоверием приближит
И милость паче первородных к нам умножит
И мужи и дети и жены и старцы,
Все православныя братолюбцы,
Лукавых лихоимцев сих зрите
И в пути их тщателно не грядите.

Двоестрочное согласие, вместо предисловия, к читателю

Зри, читателю, римския нравы,
Ты убо держися великия божиа славы.
Не ищи истинны от чюжаго закона
И не пременяй святых отец канона.
Вижждь заходныя церкви уставы,

Наших телес разрушены быша составы.
Западная ж церковь темна во дни и в нощи,
Горки бо бе их зело израстуют овощи.
Осмой собор не по истинне совершиша[1]
И многих святых томлением предаша,
Муками и злыми томленьми осудили
И вои множественныя на них вооружили.
Велика бысть гнева их волна.
Аз обличитель бых ереси их издавна.
И хотех убо нечто оставити народу,
Христианскому священному роду,
Но злы быша сопостатныя народы
Смутили наши блаженныя роды.
Простроx руку мою на спасение,

На еретическое известное потребление,
И вместо чернил быша мне слезы,
Зане окован бех того ради железы.
В темницах пребых многа,
Время тамо бых долга.
И бегах неправеднаго злата,
Аки сквернаго поганаго плата.
Скрывахся крамолныя ради злости,
Не пострах своей писание трости.
В полконачалии не дах хребта врагом,
Не сотвори ничто же мана своим другом.
Время печално бе внегда,
Уповах на сердцевидца всегда.
Той моя крепость и утвержение,
Того помощника имех от рождения.
Закона его никако не отринух,
И многих ереси губителныя изринух
Учителными блаженными словесы,
Божественных отец правыми делесы.
Сыноположение стяжах,
Восточныя церкви веру держах.
Не обыкох с неучеными играти,
Ни обыклости нрава их стяжати.
Бедою многою изнемогох,
И никто ми помогох,
Точию един бог,
А не народ мног.
Писах на еретиков много слогов,
Того ради приях много болезненых налогов.
Писанием моим мнози обличишася,
А на меня, аки на еретика, ополчишася,
Отревая мя от святаго писания,
То было мне от них воздаяния:
Яко еретика мя осудили
И злости свои на мя вооружили.
Зрите наши злыя нравы,
Будите душами своими здравы.
Но и рабы мои быша мне сопостаты,
Разрушили души моей полаты.
Крепость и ограждение отъяша
И оклеветание на мя совещаша.
Злы бо их зело беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы,
Зло бо быша их порода,
Аки аспидскаго рода.

Пущали на мя свои яды,
Творили изменныя ряды,
Вопче на мя приносили
И злочестием меня обносили.
Владыка господи! Ты им суди
И с ними мя разсуди,
Ты веси мое чювство,
Ты зриши их буйство.
Хлебы мои же вскормиша,
И благость моя на зло их обратиша.
Слава быша в руце господня
Краше сладчайшаго крина.
Проклято рабское господьство,
Скоро и отменно бо его коварьство!
Не сыпте злата пред свиниами,[2]
Да не осквернят своими ногами.
От раб приях многи налоги,
Сотворили на мя злыя прилоги.
Не помянули Христова слова,
И не избегнул аз от них злаго лова.
Они не боятся небеснаго бога,
Иже всем дает добра многа.
Словеса их верна, аки паучина,
И злоба их — злая паучина.
Аз бых един над ними,
Над изменники своими,
Господином им поставлен
И от бога паче их прославлен.
Но быша ми зелныя врази
И осквернили клятвою душевныя прази
Ради чесовыя своей воли,
Хотяше отбегнути господьския неволи.
Они бо, яко стрелу, на господина своего мерят,
Дивно о тех, которыя им верят.

Иван Катырев-Ростовский

Начало виршем, мятежным вещем

Сих же разумом прочитаем
И слагателя книги сея потом уразумеваем.
Изложенна бысть сия летописна книга
О похожении чюдовскаго мниха[1],
Понеже бо он бысть убогий чернец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие России возмутил
И диадиму царскую на плещах своих носил.
Есть бо то во очию нашею дивно,
Предложим писанием, чтоб во веки незабытно.
И наши приклады в книги сей имаем,
И того в забытии не оставляем.
Тогда бо мятежные времена были,
И славные роды отечества своего отступили.
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем
И предидущий род воспоминанием удивляем.
По сем предние строки углядаем
И трудолюбца дела сего познаваем.
Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченнаго князя Михаила[2] роду Ростовскаго сходатай,
Понеже бо он сам сие существенно видел
И иные его вещи от изящных безприкладно слышел.
Елико чего изыскал,
Толико сего и написал,
Всяк бо что разумевает
И дела толикие вещи не забывает.
Сие писание в конец преити едва возмогох
И в труде своем никоея ползы обретох.[3]

Федор Шелешпанский

Послание князю Семиону Ивановичу

Горе небеснаго Иерусалима вселения желателно,
От дел познаваему несумненно о сем упователю.
Сему дерзнух в скорби моей достизати,
По благоданному дару могущему в бедах утешати.
От благоразумия твоего насладитися хощу,
Да сег<о> ради христоподобныя любве твоея ищу.
Авраамля дела слышу боголюбиве творима тобою,[1]
Ревнуя тому, свершенне покажи ми образ собою.
Юж<е> имееши в недрех милования гостинницу,
Мою душу с телом приими в сию яко странницу.
От благих боголюбиваго душевнаго ти дому ухлеби мя,
Еже имаши и вино словом божиим разтвореное, сим напои мя[2].
Мое же к тебе благодарение противу воздарение,
У вышняго царя милости о твоем здравии прошение.
К сему ж<е> прочее начну ти о моем скорбном пребывании поведати,
Но не достизает от многия печати язык мой потонку изглаголати.
Яж<е> попущением божиим грех ради моих случиша ми ся,
Зело от великих напастей и умныя ми детель умалишася.
Юже имех от бога дарованнаго ми разума красоту,
Сего ми оземствование[3] мое нынешнее явило тщету.
Есть убо сие мое настоящее к тебе беседование,
Многою скорбию изообилуемо и слезами текущее.
И аще яко ж<е> и прежде боголюбивый разум в тебе содержится,
О мне твое благородие, неищую, умилится.
Нищетою убо разума и в потребных зело содержит есмь,
Увы, и не помышляю, яко и не таков едва кто есть.
И есть ли благовнимателный ти слух милосердие приклониши,
Вины, о ней же ти дерзнух писати, впятелне послушаеши.
Аще и зело грубо за скудость уме вещаю,
Но благолепная твоя разумения к милости поощряю.

О них же сам пострада и искушен был еси,
В тем и нам напаствованным пособствовати мощен еси.
Ибо аз слышах тя прежде скорбная претерпевша,
Честь же достоинства твоег<о> всех, разумеваю, не погубивша.
Юж<е> по печалней тризне терпения мзду приял еси,
Философиею божия помощи мню сию стяжал еси.
Добрыя сея твоея и мы желаем получити.
Корень и верх всех добродетелем есть и глаголется любов,
Аще сея свершен рачител<ь> явишися не будеши во благих убог.
Шествия твоя права по добродетелному ти пути слышу[4],
Ея ж<е> стези и аз всегда усердно обрести мышлю.
Лепо ти благочестиве и своиствено такову милостиву быти,
Еж<е> и о нас, безутешных, братолюбне попечение имети.
Шуяя части, тоя ради добродетели Христос избавит тя,
Покоя ж<е> и веселия с праведными в десных сподобит тя.
Аще без пестроты добрыя детели совершиши,
Леть без возбранения в вечная селения инех предвариши.
Сего ради, боголюбче, усердно ныне потщися,
К требующим благотворити не отрецыся.
О сем паче всего благородию твоему стужаю,
Ибо усерднее инех здравия твоего слышати желаю.
Чтоб мне тем в скорбех сих отраду приимати,
Еже часто светоподобная писания твоя прочитати.
Лютая моя вся подробну изявити не возмогаю,
О них же паче благоразсудна ведца самог<о> тебе уповаю.
Малое сие и грубое мое писанеице молю приими,
Братолюбне же сотворив, своя ми благодарне возсли.
И прочее молю незабытлива тя о нас быти,
Еже о вашем пребывании к нам ведомо чинити.
Того есмь зело желател<ь>,
Дабы еси был во благих пребыватель.

Послание князю Алексею Никитичу

Ко благочестиву и милосерду ти по бозе прибегаю,
На милование себе человеколюбие твое премоляю,
Яже благая по своему добронравию твориши инем,

Земли касаяся челом, и аз прошу тя о сем.
Юже аще без пестроты добродетел по бозе совершиши,
Аггельскаго спребывания по желанию за се не
погрешиши.
Лучшая вся и угодная богови слышу творима тобою,
Ея же, милости получити желаю, к совершению
добродетели подаждь ми собою.
Конец всем добродетелем наричет писание любовь.
Сея рачител явився, и ты во благих не будеши убог.
Елико по Христову заповеди паче клеврет ныне милостию
поспешиши,
Юн сый леты, но со старейшим смыслом во вход царства
небеснаго инех предвариши.
Непричастна мя и лишена всякаго добра призрети не
отвратися,
И к требованию моему милость и человеколюбие, бога
ради, показати не отрецися.
К надежи всех и содетелю своему, Христу, о пременении
скорбных молюся
И тебе, желателю небесныя доброты, о поможении ми
веюся.
Ты же, о пречестне, к болезненыя душа <моя>, молем,
ухо свое приклони
И в напастех и скорбех моих облехчение учини.
Честь и славу благородию твоему от бога за се наипаче
притяжеши,
Юже аще бога ради милость на мне, беднем, покажеши.

Стих[1]:

О подобосолнечных луч теплоте зимою бед содержимый,
милосердию твоему, надеяся, притех, вопию ти:
обогрей от скорбей озяблое ми сердце теплым и
милосердым своим призрением!

Алексей Зюзин

Послание Стефану Матвеевичу

Великое убо светило на тверди небесней тогда пресветле
сияет и вся твар уясняет,
егда лучезарнаго сияния темный облак не закрывает.
Мысленое же солнце тогда паче преизобилует славою,
егда не помрачено будет печалию многою.
Довлеет же, по апостолу, таковыя печали лишатися[1],—
от нея же вражде на бога ражатися.
Печалование же стяжати нам таково,
иже покаяние нераскаянново
спасение соделовает.
Которое ж прежде возглаголю?
Свое ли скорбное другу возвещу?
И боюся, да не опечалую сим,
еже о нас дружелюбнаго сердца;
или вопрошу о настоящем благопребывании дружне,
негли сим ослабу печали своей восприиму, по реченному
словеси.
Весть бо всегда слово полезно утешати скорбь
и беседа ближняго разсыпати печаль.
Искренняя ж и древняя наша любы,
вселшаяся в нас искра сердечное распаление распалает,
и паче невещественаго огня ревность твоего дружелюбия
воспоминание вжигает,
и душевная ми чювства уязвляет;
не своя о своих благодеянии или злострадании изъявляти
понуждает,
но яже о вселюбезных наших, паче же присных,
благопребывании уведати всеусердне желает.
Другу бо рече Сирахович: верну несть измены и несть
равенства доброт его[2].
Что же ли ныне, твое дружелюбие, преж изреку?
Или чему тя подобна сотворю?
Которое ж твое изрядное доброродство,
паче ж в добродетелех удобство
воспомяну?

Им же, от всех дающаго всем беззавистно благодать,
преизобилно одарован еси.

*

Милостию всещедраго и всядержащаго бога
И его божественными лучами озаряему премного.

Люборачителнаго ради и к высоте вперяемаго разума,
Обаче же добродетелнаго ради жития и благонравия.
Совершено же чистоты ради светлости,
Творимо держимыя богом во твоей крепости.
И паки же к нашему малоумию неисповедиму благодателю,
Всеизящнаго божественаго писания глубине открывателю,
И грубоумия моего светлостию сего озарятелю,
И превысокаго философскаго учения дивну сказателю.
По всему зрю, моего неразумия вразумлятелю
Радостию реку и веселием сердца,

Ибо в душе ми написася любов твоя, о блаженная верста.
Яве, яко ныне год безвременен нам ко всему наста.
Твоея же духовныя любви воспоминание сия ми вся разгна,
Елма любовнаго душа всегда в души любимаго.
Любов бо истинную подобает имети аки столпа неколебимаго.
Мню, яко и твое боголюбие о сей подобно сице прилежит,
О еже в забвение духовныя любви по заповеди не подлежит.
Сторицею двоица <С>, десятицею десят трегубо <Т> и дважды два со единем <Е>, и паки трижды три <Ф>, и един <А>, и паки пят пятицею сугубо <Н>, к сим же четверочастное сторицею <У>.
И паки десятое четыре <М> и един <А>, и трегубное сторицею <Т>, и дважды един <В>, и три з двема <Е>, и паки пятица единицею <Е>, и един двоицею <В>, и трижды два з двема <И>, и паки десятица девятицею <Ч>, и сторица четверицею <У>.
АСЕТЛЕЙ ФЮФИК (ОЛЕШКА ЗЮЗИН) челом биет.

*

Глагол множественных сокращенне время належит преминути,
Обаче же должно есть любовный соуз воспомянути.
Сего ради и сию епистолию вмале абие дерзнух написати,
Понеже бы светлосиянныя любви, по Спасову глаголу, не забывати,
О пребывании же кождаго друг другу возвещевати,
Да тем душя и сердця унывающа попремногу возвеселяти.
Еже благовозвещанием печал и уныние разсыпается,
Забытием же приятеля та в сердце зело вселяется,
Да тем человек, аще безпомощен и безнадежен, сокрушается,
Разумнаго устава и существа умнаго отрешается;
Абие же и в день светлости аки в темне нощи пребывает,
В суете ума своего дни своя, живя, препровождает.

Михаил Татищев

Послание царю

Великих превысочайших государей превосходящему
властодержцу,
елико Уропии и Азии многих государств преславных
самодержцу,
любителю и хранителю изрядну заповедей богословных
и доброопасному правителю закон православных.

Которое таковому ныне принесу́ многое благодарение,
иже древних во благочестии сиятелных царей превосходит
его милосердие,
им же российский скипетр преславно украшается,
государем великим пограничным выну страшен имянуется,
о нем же велелепная хвала в конца вселенныя истекает,
слава и богомудра и милостива всяка страна того
нарицает,
предивна и храбра и всякими благостынями цветуща,
основание незыблемо в вере Христове попремногу имуща.
Добротою бо целомудрия чистоты выну украшается,
аще и царскою диадимою преславно присно облачается,
Росийскаго царствия народом богоданный пастырь,
благочестия державным целомудрия пластырь,
любовию же к богу всякими добродетелми наипаче
превосходит,
аще и земнаго царствия скипетроправления повсюду
проходит.
Готова себе тем бога в помощех выну обретает,
о нем же везде упование свое со усердием полагает.
Честно убо во звездах на аере пресветлое солнце,
его же ко всем милосердием наполнено сердце.
Светло же и преславно на тверди озарение лунно,
тако же милосердие сияет ко всем нам непременно,
им же власти и саны благородным богатно даруются,
вышней же чести достойнии от него сподобляются,
и иже под властию сущих всякия благости наслаждая,
царское же свое благосердие в них сим умножая.

Аще и многия ему от врагов приключаютца кручины,
реки проливает молитв к богу от сердечныя пучины,
просит царьстей своей державе быти немятежней,
от вражиих прилог сохранитися невредженней.
Щадит же многия враги своя везде повинны,
аще нецыи являются и смерти достойны,
дарует свою царскую благосердую милость
и свою огненосную уставляет о них ярость[1].
Хощет бо и враги на любовь мирну обратити,
о ней же и впредь верным в соединении жити,
лесть и лукавство отнюдь в них не именоватись,
общей же всем единой власти царьстей его
повиноватись.
Прошу же и аз твоего царьскаго милосердия прияти,
а свое рабское страдание тебе, государю, явити.
Светлость твоего милосердия выну на мне сияет,
всячески же презелною милостию всегда озаряет.
О всех же на тебя, государя единаго, упование
возлагаю,
еже твое царское древнее обещание к собе поминаю.
Государское царское ваше слово непременно бывает,
о нем же кто на бога надежду свою выну возлагает.
Мне, холопу, и писати к тобе, государю, невместно,
и самому тебе, государю, многая о мне, холопе,
известно.
Хощет ми ся, государь, тебе, государю, пред лицем
твоем послужити,
а твое благонравие и впредь нас утвердится
воспоминати.
Лепо нам работати тебе, государю, аки богу,
коя нам работа всегда приносит радость многу,
аще и главы своя за тобя, государя, всегда полагаем,
твое царское крестное целование сим исполняем.
Аще и вина которого от нас пред тобою, государем,
явится,
твоим же царским праведным судом таковый казнится,
и да не начнут таковии впредь злая паки дерзати,
щедроты твоя царския на гнев подвизати.
Еже неких, слышим, зломудренныя советы ухищряют,
вину законопреступну неповинным налагают,
и многое зло в мире от таковых выну содевается,
в них же правда в слово истинное не обретается.
Еще кто со усердием своим выну на бога уповает,
ложна совета и льстива того бог избавляет.
Истинна же пред лицем лжи не срамится,

глаголати же и действовати своя не стыдится.
О прочих же ныне писати тебе, государю, не имею,
свою же рабскую работу обявити тебе, государю,
не смею.
Прошу, еже на ны суетнаго слуха и льсти не приймати,
о них же царскому ти богомудрому сердцу в печали
не пребывати,
да во всех устнах слава будет непрестанна,
аще твоя царская ушеса к таковым будет неуклонна.
Рука твоя царская тогда паче на враги укрепится,
бывшая злая всяко от всех аще от среды изженутся.
Тебе, государю, истинне и правде подобает внимати
и лжу суемудренных наношений всяко отревати.
Правда правых всегда от смерти избавляет,
разум же истинну хотящих приязнь сподобляет,
им же кто, божественный апостол Павел глаголет,
поработится
сему и рабы ти всяко не усрамится[2].
Ваше царское, еже в подручных попечение имети,
о всех же всяко подобает доброопасно смотрети;
ими же кто себе приобретает честныя саны,
хулныя же и тщетныя глаголы произносит на ны,
царскому остроумию о сих внимати не подобает.
Аще кто неистинну в царския твои ушеса влагает,
речей хулных кто глаголати на нас когда не срамится,
сей действовати многа зла не стыдится,
конечную скорбь содевает радости вашей
и непременное сетование наносит худости нашей.
Христоподобное еже твое царское молю милосердие,
свое рабское от души молебное предлагаю усердие,
величества царския ти светлости видети хочю,
еже и милость твою совершенну на собе сим улучю.
Тогда убо, государь, в нас всяка истинна и лжа явится,
лыста же ноги моея предстати тебе, государю, истинне
укрепятся,
хитрости же в нас никоторые никто не обрящет,
о них же кто на ны и многия клевещет.
Что же, государь, имам впредь о сем сотворити,
аще твое благонравие не имат нас возвратити,
хуление же и поношение мя от вас, государей[3], о все не
удалит.

Борис Репнин-Оболенский

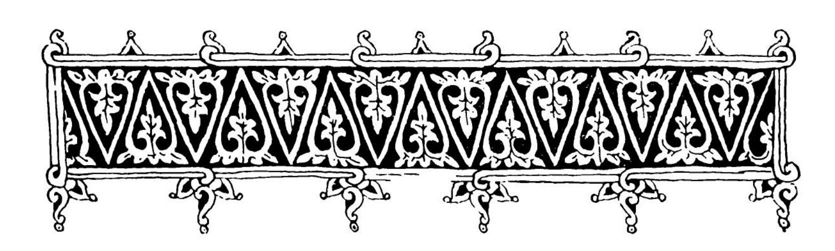
Казание о человеческой жизни двоестрочно, велми душеполезно

Человече, не похвалися восходящии на верх самыя высоты,
веселящися и радующися, зрящи всего мира красоты.
Но паче помышляй, еже бы ти безвредно оттуду слести
и паки на обычном своем смиренном месте сести.
Внимай, душе, аще и велию честь себе от бога и от человек получи,
и ты все житие свое господеви богу своему со усердием поручи.
Ничесо ж во уме своем свыше меры предлагай,
о господе бозе укрепляйся и возмогай,
<и> нищелюбием и милостынею грехом своим помогай.
Видех днесь и утро окаянную свою душу честию облагаему,
от неких же лестию и завистию, и ложными словесы облыгаему.
Изволих паче во уме своем хулное себе имя стяжати,
нежели здешняя ради чести во оной муце пищу собою червем учрежати,
бояся, да некако нынешняго века утешением тамошняго избуду,
идеже лики святых водворяются, изгнан буду от<т>уду.
Слышу по вся дни почитающих мя и зовуща человеком началным
и ужасаюся присно и хожду сетовалным сердцем печалным.
Да некако вменит ми ся сия величания и в гордость,
и отъемлется от мене сего ради разумение и бодрость.
За то ли, окаянная душе, венцем царствия небеснаго венчают,
что во здешнем веце честно провожают и встречают?
Не срамляеши ли ся, видев пред собою столы доброуделчаты
и настилаемы на них пред очима твоими скатерти затейчаты?

Ризами украшаешися и одры покрываеши постелми
глаткими,
и пищею и питием различными утешаешися сладкими.
Помышляи егда, како здешняго ради веселия
получиши во оном веце плачевнаго адскаго селения.
Не приложат тебе та оправдания нынешных времен
настоящих
и не призовут в помощ здешняго века слуг твоих, ныне
тебе предстоящих.
Но всяк кийждо от нас тамо мзду свою понесет,
яже отсюду с собою добродетель и злобу принесет.
Многия помыслы и размышленья на душу мою приходят —
и об величествии сана, и об несолюбственном
разсуждении, в жалость мя приводят.
Боюся, да некако впаду в неразсудную дерзость
и явлюся пред богом и человеки непотребен и мерзость.
Несть ми лепо уста отверзати пред господем богом
своим и Спасом,
или исправитися пред содетелем своим дыханием
и гласом.
На что твое упование, еже мниши не своею волею во
властех,
а не останешися суеты и присно во вся часы пребываеши
во страстех?
Не подобися величеству оному прегордому фарисею[1],
но ревнуй в разсуждениих с тихостию боговидцу пророку
Моисею[2]:
со смирением и с тихостию дело господне учрежати
повелевай,
кротостию и терпением жестокия нравы одолевай!
Колико поропташа жидовския люди на пророка Моисея,
или Асиристии царие возревноваша на пророка Елисея[3]? —
Николи же люди божия озлобление налагаше,
но все упование со многем терпением на господа бога
полагаше.
Возмог ли бы убо на пагубу им едино слово изрещи,
яко же при Илии посланных от Ахава царя огнем
пожещи?[4]
Сия зряще, душе моя, смирением и терпением совокупи,
тем во царствии небеснем вечное селение себе купи.
Нескоро, по апостолскому словеси, ни на кого руки не
налагай[5],
но со многем испытанием и свидетелством запрещение
полагай.
Не дай места злобе своей акаянней утробе,

но благоуветливым словом наказати навыкай по своей природе.
Аще и мнози завистию навыкоша таковых осуждати,
еже со смирением и с тихостию извыкоша повинных разсуждати,
ты же, душе моя, завидливых глаголы ни во что полагай,
но все житие свое к смирению и к терпению Христову прилагай;
сице нрав свой о господе бозе, спасителе своем, поучи,
тому единому в руце правду, суд и милость поручи.

Приказная школа стихотворства



Стефан Горчак

Послание Ивану Васильевичу

Двоестрочие

Священному и честнейшему и сердечному другу сиречь священнику,
Общаго винограда Христова сии речь рода человеческаго молебник
Священному иерею Ивану Васильевичу великое от меня челобитие,
Уже бо и обоим вам вкупе[1] сердечное от меня рукобитие.
Да и сие грубое мое писанейцо любезне прочтите,
Узрите бо что в нем неисправно, в том не судите.
Иже за духовную любовь покройте все собою.
Занеже на укор вам будет негде грешным мною.
Будите бо свидетели сами что забвение на всех хвалится,
Реку ж, имея ум смущен, никако же от забвения избавится
А иже паки весте, что живем в суетах житейских,
Ныне же пребываем все в злых детелех мерских.
Но и потому краткий умъ нашь темен бывает,
Обаче же глубины разума никако же достизает.
Мне же и сие писанейце послати к вам случися вскоре,
Уже бо тупому уму нашему стало в ызморе.
Иже аще бы и мочно изряднее поставити,
Вем, яко не мощно было скорых посланников уставити.
А от всея душа о тебе всегда скорбим,
Но и многие речи к тебе плодимъ.
Уже бо человеку от веры все рождается,
Разве друг вере при скорби познавается.
Аще бы не от сердца тебе любили,
Да никако же к тебе такие речи плодили.
О тебе всегда от всея душа скорбим,
Всякия ж<е> речи многия к тебе плодим.

Аз же молю о те<бе> у бога, да будеши покровен десницею <вышняго>,
Той же премилостивый бог избавит тя и от свирепства нижняго.
И моли за ны господа бога, реку ж, и за мя многогрешнаго,
Сведый сердца и утробы, той избавит от лютаго огня вечного.
И яже и преисподная
избавит муки вечныя;
иже хощет,
Той и может.
Абие же сие писанейце прочтите,
Моего же к себе писанейца до меня не истеряйте.
И сами зрите, что положено трудов немало,
Ныне ж<е> сколко грубаго ума нашего в том стало.

Послание справщику Арсению Глухому

Великому честнейшему иноку Арсению
и всеизящному твоему разумению,
многогрешный и неключимый раб,
иже желает получить души своей отрад,
последний во всех человецех,
а первый в грешницех.
Не всяк может слагати душеспасительныя стихи,
и несть достоин нарещися чину священъства,
и изрядного на себе по чину носити иерейства,
но обаче отрыгновение твое, по именованию в е н е ц[1],
тако же молит получити от бога добрый конец.
Падая на земли, много челом бьем
и от сердечнаго желания к тебе вопием:
Буди, боголюбиве, здрав и спасен
и паки всегда добрыми делы поновлен.
А нам бы, слышаще твое доброе пребывание, радоватися
и противу бы врагов своих крепце ратоватися.
А желаем очи и лице твое в радости видети,
и вся грехи своя злыя возненавидети.
А, пожалуешь своим благоутробием, про нас вопросишь,
да даст ти господь, чего у него просишь.
А мы, грешнии, по сей час душевне живы,
аще и возрастают в ней помыслы гнилы.
А в скверне теле его же святая воля.
А въпред он же сам истинный свет весть,
и судьбы его кто от человек исповесть?!

Что же, како и откуды начнем писати,
и к тебе, любимому, ны слово утешительное послати? —
Грехом своим умом случилъся весма туп<ый>
и не умею списовати изрядными поступы,
и в филосовъских училищах николи же не бывал,
и литоръских остропом[2], сам веси, не читал.
Токмо на простописанныя взираю,
и тех изящно разумевати не возмогаю.
Сокращенне рещи,— великое море не требует рек,
подобне и бог не скуден, аще и хвалим от неких
человек.
В лепоту море и без рек всегда полно,
такоже и у бога идет все стройно.
Тако же и тебе, велеумну мужу,
не имети от нас, недостаточных, таковую нужу,
и не требе наше грубое и неполезное плетение,
и да не въменится аки паучное прядение.
И не подобает нам выше себя искати
и такое же бремя на собя налагати.
Подобает же нам, грубым, от вас просвещатися
и доброму учению и разуму наиматися.
Паче же начнем глаголати, о чем нам мысль предлежит
и всегда душа наша зелне горит.
Якоже бо некая чада, имеюще печаль, аки некое великое
время
не видевъше рождьших своих, и не могут их забыти
и сердце свое от таковыя печали свободити,
подобне и мы таковую скорбь о тебе имеем
и пособити себе никако недоумеем.
Свидетеля тебе, истиннаго бога, представляем,
к нему же есмы вси, грешнии, пребываем.
Почто, всеизрядне, царствующий град оставил,
а любомудрия своего нам, грешным, не прибавил?
Паче же в нем великия и красныя холмы<...>
И укрепился еси ныне во единой ограде жити.
Или обещался еси до конца от нея не изыти?
Или воспомянул еси в себе божественное писание
и в нем духовное наше воспитание?
Свободь всяк инок трех страстей[3],
и да избавлен будет многих прелестей.
Ей, ей, воистину, тако может быти.
Да не всяк так возможет жити.
Или еще реченое, четырми делесы душа иноку
оскверняется[4],
и пребываяй же в таковых едва спасается.

Великому елефандру[5] и царския дворы пустыня бывает,
тако же и крепкий подвижник на всяком месте не
погибает.
И аще и нигде бесовъских козней не избежати,
но легъчае будет многия виды от себя отревати.
Ни учители, ни указатели тебе хощем быти,
ни душевнаго твоего благородия повредити.
Ни убо, ни, не буди, любимиче, тако!
Но да духовную любовь глаголем ти всяко.
Прекратим же слово о сем,
да не в конец продолъжено будет в нем.
И да не отягчим твоих честных ушес,
и да не явим своих всех неизрядных словес.
И паки возвратимся к своему нам желанию,
некли вонмеши грешному нашему стенанию.
Прииде, возлюбленне, в царствующий град!
Да насадиши в душах наших доброплодный виноград.
И вселися по-прежнему близ царствующаго града,
и да будет мысли нашей велика в том отрада.
И пребуди с нами хотя мала время.
Да отринеши от нас аки некое великое бремя,
не для ради многих людей и славы человеческия,
но для ради меж нами любви отеческия.
Болезнуем всегда о тебе душею и телом,
да не можем тому пособити никоторым делом.
Свидетель тебе той же, истинный бог,
иже по своей милости возносит християнъский рог.
К кому нам, недостаточным и грубым, притещи,
и грубость свою, и печаль с кем развrещи?
Кто нам слово сомнительное разрешит
и колеблющую мысль нашу умирит?
И егда нас раздражают и грехом нашим стало велиим,
и всем им востати на нас аки зверем дивиим;
и ненавидят над нами от самодержца призрения,
понеже несть от нас к богу сердечнаго моления.
Аще бы было от нас сердечное к богу моление,
тогда бы было к нам царское призрение.
И паки потому царь к нам не призирает,
что недобродетель наша к богу возбраняет.
И в том им, ненавистником нашим, сугуба бывает
радость,
а нам от них всегда сердечная бывает пакость.
Подобает же нам усерднее богу молитися,
и да учнут враги наши нам дивитися.
Скорбим же и болезнуем всегда о себе,

не менши же того, любимиче,— и о тебе.
Како еси, аки драгий бисер, в земли погребен
и никим же никако еси призрен?
Аще, по твоему крепкоумию, тебе то не нужа,
но нам бедно видети, видев тя таковаго досужа.
Есть разумичных людей в великом государстве,
но не излишной и ты был в Московском царстве.
Протчее о таковом словеси помолчим,
да не злую зависть в протчих сердцах возбудим.
Что же еще ли нам тебе о сем молити,
чтобы тебе к нам одноличио быти?
Или же отнюдь хощеши быти неприклонен
и к нам явитися аки весма нелюбовен?
Или не на ползу тебе сие наше моление?
И в том во всем твоя воля буди.
Токмо молим тя: и там нас не забуди
и не лиши нас добраго своего приближения,
и не отстави от себя нашего прошения,
чем тебя всемилостивый бог обогатил
и аки великим некоем царством тя одарил.
И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
и некое время у твоего любомудрия побыти.
Сам веси, что желание ны велико,
и грехом своим продолъжим время толико.
Да одноя Дамаскиновы многоразумныя книги[6],
и связаны есмы мыслию об ней аки некими вериги.
И всегда помышляем к твоему любомудрию быти,
да от житейских сует немощно отбыти.
И ты б еси пожаловал нас, к себе ждал,
и никако б нас во уме своем отревал.
А в том на нас, возлюбленне, своего гневу не подержи,
ниже лютую злобу во уме своем удержи,
что писанейце к тебе по се время укоснел.
Воистинну, всегда приходу твоего сюды хотел.
И молим тя, да не зазриши сему нашему плетению,
понеже возгарати в нас по сем великому рачению.
Сам веси, что все от веры ражается
и духовному любовнику по любимом друзе душа возгарается.
А се толико время писанейца к тебе не пресылывал,
для того и умножил, чтобы ты его возмиловал.
Буди покровен десницею вышняго,
да до конца сохранит тя от свирепъства нижняго.
И моли бога за ны, грешныя,
да избавит тя от муки вечныя.

Послание старцу Венедикту

Горняго и премирнаго ликования желателю,
О нем же еще от юнаго возраста истинному тщателю,
С самых же еще младых ногтей в добре наказании воспитанному,
По добродетели же паки и любви во многих людех избранному.
Остроумие же и разум, отечество и род оставлю ныне писати,
Дивное же то желание и любов к богу хощу вкратце начертати.
Адаманския[1], воистинну, и разумныя души таковая доблесть,
Ревнустную же убо по бозе и рачительную в<с>ели в себе бодрость;
Юности бо и младости отнюдь не пощаде,
Многомятежнаго мира сего любви не восхоте.
О едином же ярме Христове возжела попечение положити,
Единородную свою душу наипаче хотя просветити,
Многогрешную паки суету века сего яко уметы вменив,
Ум же свой и мысль ко единому творцу своему вперив.
Веде убо, яко вся настоящая мира сего долу влекут;
Едини же добродетели горѐ к богу возведут,
Лесть же и бляди все прелестнаго сего мира,
И ничтоже в нем наследует духовнаго пира.
Кому не посмеется и не поругается прелестная сия слава,
От нея же никому же будет от вечныя муки избава?
Много убо нас льстит сей свет различным богатством,
Умудряет же умь наш и душу нелепым коварством.
Смех и ругание токмо подав, сама без вести бывает,
Творителных же и любителных ея во ад поревает:
Аки трава в цвет от солнечных лучь уведают,
Радующежеся красотам сами душы своя погубляют.
Царие и князи, не творящии добра, низу сходят;
Умертвившии же своя телеса бога ради добре в вышния обители восходят.
Воистинну, велика и славна пред богом едина добродетель,
О ней же радуется сам общий творец наш и содетель.
Ничтоже бо долголетно и стоятелно в настоящем сем веце,
Единовечьно и богу угодно — душа в таковем убо человеце.

Дивлю же ся всегда таковому твоему предоброму желанию,
Иже бо от юныя версты изъострися к лучьшему назданию.
Како же от толикия младости, оставив своя родителя,
Твердо яже паки душею возлюби творца своего и зиждителя,
Умь же свой и мысль до конца вперив к вечным обителем,
Подражая неложно древним его истинным ревнителем.
О их же ныне несть мощно писанием изнести,
Подвигов же их и трудов количеством не изчести.
Сияют бо яко солнце на тверди небесней[2],
Телеса бо своя и душы предаша славе превечней.
Ей, ей, ничто же им точно и равно под небесем,
Фараона бо мысленнаго победиша во всем.
Аще еси ты, государь, сотворился таковым великим подражатель,
Не забуди и нас, егда бываеш имени святому призыватель.
Попомни, государь, исперьва духовный наш с тобою союз,
О немь же и ныне живуще избавимься вечных и нерешимых уз.
Радуюжеся и веселюся о таковем твоем жаловании,
Единою стеню и сетую о далнем от тебе разстоянии.
Коль краты люботварительныя твоея любви удалихся,
Любовию же паки прелестнаго сего мира до конца уязвихся.
Удивляюжеся паки таковому твоему изрядному рачению.
Горю же умом и мыслию, како бы прибегнути к твоему духовному речению.
О великом же твоем жаловании и милосердии что изреку?—
Разве всегда подобает пролияти слезы аки реку.
Часто же тя, государя своего, в сердцы своем воспоминаю,
Милосердия же должная отдати тебе не возмогаю.
Како в толицей скорби и беде призре на нас убогих?
Поистинне, не обретаю себе такова любителя ни во многих.
Аще бы не твоя, государя моего, тогда излиялась на мне щедрость,
Дерзо и не стыдяся реку,— кто бы подъял мою конечную бедность?!
А и сам, государь, веси, что на всех тогда прииде велия скорбь и гонение[3];

Ты же, воистинну, показал к нам нелицемерное свое
любление.
Ничто же вящши, яко в скорби и беде сущи брата своего
не презрети,
Да и въсем нам повелел господь другъ друга имети.
Зиждитель мой и господь воздаст ти, чего у него
желаеш,
Еже бо брата своего в скорби и беде презираеш.
Мнози дружатся и ласкают славы ради и богатства,
Лютыя же ради нищеты и убожества отмещутся духовнаго
братства.
Истиннии же друзи во время скорби и беды позноваются,
Чистою совестию и благим сердцем являются.
Ей, в лепоту повелевает избирати таковых друговь,
Льстивых же и лукавых — отгоняти от себе аки лютых
волков.
О нашем же неисправлении гнева на нас не держи,
Многосугубную же свою милость по-прежнему к нам
покажи.
Бог свидетель, не забытия ради писанеец к тебе не
посылаем,
Но излишъняго ради недовольства упрожнятися
укосневаем.
Едино ныне реку: буди здрав и покровен от всех злых
навет.
Также и нас не забуди, егда паки вселится в тя
божественный свет.
Зде же, государь, акростихиды и краегранесии[4] не
стало,
А нам, грешным, еще в мале рещи недастало.
Сему любительному писанейцу конец,
А тебе, государю моему, буди нетленный венец.
А нам, грешным, он же праведный судия весть,
Понеже наша тайная деяния свесть.
Разве твоими святыми молитвами дает нам отрад,
Некли будем аки новоросленни сад. Аминь.

Подпись:

Дати сие посланейце в небесоподобныя ограды,
В ней же подвизающися достизают вечныя отрады;
Общия нашея заступницы и молебницы,
Многогрешным душам нашим истинныя целебницы,
Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения,

Сиречь дивнаго и пречюднаго ея от телеси представления;
Во обители преподобнаго и богоноснаго отца нашего чюдотворца Кирила,
Его же, государя, еще от чрева матерня оград и божественная сила;
В благотворнии руце государя моего старца богословенна,
Поистинне, в лепоту таковым званием нареченна.[5]
Писано лета седмь тысящ во стопятдесятом году,
В самом благочистивом християнском роду.

Послание старцу Симеону

Свидетель господь, хвалим<о> всеми предоброе твое рачительство,
Такожде и добросмысленное твое разумичество.
Аки трудолюбивая пчела от различных цветов собираеш,
Реку же, многая божественная писания всегда снискаеш<...>
Учение удержанному, уму нашему страстми великое исцеление.
Сим паки просвещается все наше словесное естество
И вящше сего славится имый самое божество.
Много нам дано от общаго творца нашего и зиждителя,
И ничто же тако предпочтенно от него, всемирнаго украшателя.
О сем бо первие вся поднебесная состоится,
Неискусный же к сему к бесловесному скоту приложится.
Умиление бо и просвещение кождой нашей души словесней,
Пресечение же и воздержание всякой вещи телесней.
Отрочати младу не мощно с совершенным мужем беседу творити,
Паче же ненаученному сим в разуме исполнену быти.
Сего ради радуемся о таковем твоем рачении,
Тебе бы нас не сотворити никогда во оскорблении;
Егда будем тебе главою своею много бити челом,
Фарисейское бы кичение отдал своим врагом.
Аще ли на нас мыслию своею всуе и непщуеш,
Но вем, яко добродетелному духу всеревнуеш.
Что бы тебе востребоват<ь> от нашей грубости?
Ей, навыкл еси всякой премудрости.

Или мниши, яко завистию к тебе утесневаемся?
О том господь же зритель, что любовным сердцем к тебе простираемся.
Молим, не держати бы тебе на нас таковаго мнения,—
Бог же видит, не имеем на тебя никоторого зломнения.
И паки не оскорби нас любве ради духовные,
Ею же покрываются всякие вещи греховные.
Такожде и мы, в чем тебе угодни явимся,
Никако же от таковых ни в чем не уклонимся.
Аминь.
Твое и наше гречески глаголется акристихида.
Да избавит нас господь от всякого душевреднаго вида.
Буди, буди тако!
А бывает всяко.

Послание Федору Кузьмичу

Страшных Христовых божественных тайн служителю,
в премудростных же догматех изящному разумителю,
ясносказателю и прочаго богодухновеннаго писания,
щедрому и независтливому дателю таковаго снискания,
еще крепкому снабдителю и ходатаю к богу о душах человеческих,
научену же паки и наказану во многих словесех творческих,
не поношая и не уничижая, сицевы глаголы творим,
но о самой истинней правде молчати не терпим.
И не троерожные страсти рог[1] восприимши начертоваем,
ей, многаго духовнаго союза любви к тебе желаем.
Разумлива мужа не подобает молчанию предовати,
единаго же в себе в таковем любо деле похваляти.
Юродство есть и буйство уму держати самолюбие,
фарисейское кичение такоже содевает душегубие,
его же бо ради никто в царство небесное будет вселен,
о бозе же имеяй любовь во веки будет вознесен.
Добрый бо он пастырь и учитель повеле друг друга любити,
о еже бы нам всегда в том его исповедании и ходити.
Ревнастна же тя слышим к божественному писанию,
уясненна же паки и пространна к таковому сказанию.
Како же умолчим о таковом доброслужитии,
о нем же некогда много ревнуют и сами пресловутии.

Зритель творец наш и бог, глаголем тебе сия нелестно,
многаго ради твоего разума быти тебе зде невместно.
И слышим из далекасти про твое любомудренное рачение,
чтобы нам и близ видети благоумное твое разумение.
Ухание благовонно услождает человеческия чювства,
паче же муж мудр и разумен исполняет друга
благоумъства.
О том себе на нас не позазри, что тако тебе плетем,
понеже слышим тя разумна и изящна во всем.
Сказа же нам про тебе содружебник твой, тезоименит
доблести,
ты бо издавна его знаешь в велицей добрей бодрости,[2]
ему же нелепо и просто нарекование замарай,[3]
философственного же своего разума от нас не скрывай.
Аще ли речиши нам, что живем в самом том велицем сем
государстве,
неизлиха и ты будешь в таковем добрем избранстве.
Человеколюбец бог свидетель, яко достоин еси зде быти,
ей, не подобает разумну мужу в забвении жити.
Лесть ли возмниши глаголанная нам к твоей честности,
он же, праведный судия, видит, что достоин еси быти
у царския светлости.
Много нам писати к тебе не достанет и не год[4],
бог же да подаст ти получити небесный восход.
И отпиши к нам писанейце от своего благоумия,
еже бы нам прияти что от твоего доброразумия.
Такоже буди здрав и покровен всемогущаго бога
десницею,
Да воздаст ти во оном веце многосугубною сторицею.
Аминь.
Твое же и наше писано по краегранесии,
вем бо, вем, яко и сам та веси.
Обаче не бранно будет, еже и обявити
и на твою содержателную память и разум положити.
Аще восхощеши и рождьшаго нашего ведати — нам есть
тезоименит[5],
некли духовный твой союз писанейцем к нам воспарит.
Велено бо есть и неприятно кому без отечества
написати
и самый естественный корень и силу отлогати.
Сопребываем же ныне с преждереченным твоим другом
вкупе,
желаем же тя паки видети с собою во едином в купе
у государева дела, у книжнаго правления,
чтобы нам единодушно быти у его царскаго повеления.

И аще всемилостивый бог благоволит
и великий государь и отец его великий святитель
повелит,
чаем, что желанная сия нами збудутъся,
понеже доброразумные мужи никогда забудутся.
И хотим о тебе молити государя великого святителя,
чтобы нам к таковому делу изряднаго вразумителя.
Вемы паки, вемы, еко изящен еси во всем
и по божии милости не скуден еси ни в чем.
И паки по внешнему и по духовному достоин еси зде
быти
и при его царском величестве и славе неотходно жити.
И о том на нас досады и гнева в сердцы своем не держи,
понеже ему, государю, надобны таковыя мудрыя вожи.
Писах ти малое сие писанейце от любъве духовныя, и ты,
честныя иерею, приими е любезне
и прочти внятелне,
и не позазри нашей сей худости и недоразумию,
аще будет про что и неудобно, покрый своим благоумием
и духовною любовию.
Веси бо и сам, яко таковыя ради любве и недобрая
добра бывают,
и братия неможения покрывают.
И ведомо же ти буди, яко в философских училищах не
бывах
и риторских астроном не читах, ниже ельлинския
борзости текох,
но токмо малу каплю от божественных писаний приях,
тако и начертах и к твоему благовеинству послах.
Аще паки про что и немудреная,
но духовная любовь вся сия приимет за добрая.
Аще и не знаемъся с тобою никогда,
но таковою любовию подобает нам гарети всегда.
Ничто же тако дивно, яко в незнаемых знаему
сотворитися
и в богатстве и славе другом своим не въгордитися.
Буди паки здрав и покровен от всех злых навет,
и да бо даст нам бог дождатися тя в добрый сей совет.

Подпись

Дати сие посланейце великая Росийския державы,
ея же воистинну мнози желают видети преименитыя
славы,

тогож кн҃зя Александра Борисовича Горбатого и ин
ех воевод со многожеством ратных. Они ж шедше во
еваша Казанскую землю десять дней. И пожгоша
арские села и деревни. И красоту юртов их погу
губиша на всех страны, жены и дети их плениша, а
татар же и черемису побиша. А иных живых приве
доша за их неправду и великую измену.

во именитом и славном от градов, во граде Казани,
о ней же многия сотворишася победителныя брани[6],
в честнии руце священноиерею, тезоимениту дару
божию[7],
предстоящу и молящуся всегда святому подножию,
рождьшаго же имеющу соименна миру[8],
подобает нам и всем тщитися к духовному пиру.

Виршевый Домострой

1

Наказание некоего отца к сыну своему,
дабы он подвизался о добрых делех выну.

Возлюбленному моему чаду,
аки цветущему винограду,
от меня, отца, крепкое наказание.
Наказую тя, чадо, после своего живота:
да будет тебе душевная и телесная чистота.
И не ходити бы тебе по чюжим забралом,
и помышляти бы тебе душевным своим ралом,
и доволну бы тебе быти своими оброки,
да не будеши слыти никоторыми пороки.
Всегда бы тебе к церкви господни притекати
и божественная словеса благоумне внимати,
и во время того святаго пения молчати,
и царство небесное во уме своем помышляти,
и до конца бы церковного пения не исходити,
и во уме своем тверду и непоколебиму быти.
И никогда же бы тебе пустошных словес не говорити,
и уст своих и языка таковым глаголанием не скверните,
и пред добрыми людми вежливо говорити[1].
А слепа и хрома не укорити.
Того господь наш и бог, Иисус Христос, отнюд не
любит
и всякого досадителя рог не вострубит
тот таковое деяние не умолчит,
занеже такова аггел господень не ополчит.
И со злыми бы и лукавыми человеки не знатися,
а на божественная словеса простиратися.
И, на беседе сидячи, словом напредь не дерзати,

и, на трапезе будучи, такожде руки своея не
предваряти.
Ожидати бы тебе честных и выше тебе седящих
и друг друга болши себе чесию творящих.
И тако будеши велми честен и хвалим от всех,
и да не будет ти лютый посмех.
И паки всегда держися добрых людей совета,
да явишися сын света.
И законного подружия своего аки глаза береги[2]
и от всякаго лжива слова, яко от огня, беги,
занеже пророк Давид во своем писме глаголет
и таковыми глаголы яко перстом во око колет,
яко погубит господь вся глаголющыя лжу.[3]
А мы глаголем: пойдет таковых душа во ядовитую ржу,
сиречь в верную муку.
Тебе же да подаст господь десную свою руку,
да не постигнет тебе никоторая напасть,
всякаго бо человека содержит божия власть.
И богоданных тебе чад своих снабдевати
и воли им отнюд в худом деле не давати,
держати бы их всегда в велицей грозе,[4]
и да не будут подобны неплодной лозе;
понеже самоволныя дети всегда погибают,
некогда же велицы пианицы и блудники бывают.
Понос и укор отцу и матери приносят,
того ради и люди недоброю славою обносят.
И аще будет ти чем милостыню творити
и души моей грешной хотя мал отрад учинити,
и ты, бога ради, давай радостно, с любовию,
зане сам господь наш бог искупи нас своею кровию.
Яко же негде речеся: вода огнь угашает,
тако и милостыня многия грехи потребляет[5]
и всякой многогрешной души велми помогает,
и господь ея благоприятне приимает.
К тому же ко всем человеком держи любов,
занеже любов покрывает множество грехов.
И не буди обычаем и нравом горд,
да не посечет тя невидимый господень оскорд.[6]
Яко гордость и величание многих погубляет
и во дно адово в разные муки посылает.
И буди паки ко всем человеком смирен,
да не будеши поганскими делы обуморен.
И тщися всякому человеку сердце собою усладити,
да возможеши и гневающагося на тя умилити.
И тако спасешь свою душу от смерти

и паки будеши вся тяжкия грехи своя потерти,
и сподобшишися нескончаемого селения,
и тако избавлен будеши лютаго боления.
И аще послушаешь сего моего наказания,
то не лишен будеши вечнаго упования.
Аще ли преслушаеши сие мое к тебе учение,
блюдися, яко да не постигнет тя вечное мучение.
Добро убо есть и похвално пред добрыми людми,
ты же умом своим и мыслию внемли:
аще кто отца своего и матер слушает,
таковый аки семидален хлеб вкушает[7].
Аще ли же кто рождших своих раздражает,
таковы на всяк день аки оцет[8] з желчию вкушает.
И сия моя словеса напиши на сердечных своих скрижалех,
мати бо твоя родила тя в великих печалех,
и всегда — нощию и днем о тебе скорбела
и со всяким усердием велми о тебе болела.
Да и аз многогрешный, отец твой, многое попечение о тебе имел,
такожде всегда о тебе сердцем своим скорбел,
как бы тебя в добре и непорочне воспитати
и, воспитав, доброму же учению и разумению вдати.
И чтобы тебе всегда в чести и славе быти,
и паки добрым же именованием от людей слыти,
и законную жену свою и дети самем собою кормити,
а не чужими бы добытки себя и ея срамити.
Писано бо есть от некоего мудра мужа[9],
его же вси книги нарицают велми досужа:
сице всяк муж, зря на чюжую трапезу,
мы же глаголем, некогда проливает свою слезу,
понеже корпит у чюжих врат,
алчба бо и жажда на всякого аки супостат.
Не дают бо, не ядши, не пивши, много терпети,
того ради понуждают на чюжие столы зрети.
Таковый оскверняет свою душу чужими брашны,
богатых убо домы убогим бывают пристрашны.
И ты то, чадо доброе, умом своим и мыслию внимай
и сам собою и своею силою потребная своя добывай.
Есть же много изнаписано иного поучения,
да не у время исписати таковаго речения.
Сам не ленися святых книг прочитати
и любящим таковая речения преподавати.
Потом детей своих и внучат тому же наказуй
и ко спасенному пути стезю им указуй.

И они по твоему словеси учнут творити,
и свою братию — сверстников такоже учнут учити.
И тако будет ти от Христа бога сугуб дар,
и тем деянием да отложится от тебе всякий свар.
И по божией милости с материю твоею тебе воспитахом
и добрый талант и разум тебе дахом.
И ныне в возрасте своем и уме совершенне
и да напишется добро имя твое в книзе верне.
И ты меня, грешнаго отца своего, не забуди
и часто ко гробу моему приходити готов буди.
И свещу и просфору[10] о мне, грешнем, не ленися приносити,
негли души моей грешной возможеши попе мал отрад учинити,
и паки грешную мою душу от места мучения свободити,
и своей души вечную же отраду учинити.
Аще ли будет нечем тебе мене, грешнаго, помянути,
и ты готов буди о мне, грешнем, воздохнути.
И то тебе вменится от бога за помяновение,
никоторая бо добродетель полагается в забвение.
И сему к тебе писанию и наказанию конец,
будет ти от Христа бога добрый венец.
Аминь.

2

Поучение и наказание отца к своим сыновом,
чтоб им добре жити по своим домовом.
И господь бог даст им вся благая,
и не прикоснется к ним никоторая злая.
И ходити бы им по заповедем господним,
и быти богу во всем угодним,
и от всякаго зла дели отвращатися,
и умом своим и мыслию ко богу простиратися.

Вам, возлюбленным моим чадом, от меня наказание,—
да будет вам в вечное воспоминание.
Наказуя вас после своего живота,
и да не приидет на вас никоторая тщета,
но добру вам беседу, любимым, предлагаю.
Паче же всего надежду на бога полагаю.
Той вам да будет промышленник и кормитель,
иже всех человек истинный любитель.
И вам бы во всем волю его творити
и во святых его заповедех ходити.

И к настоящему его слову предтеку
и предпоставлю вам глагол от божественнаго писания
аки чистую реку.
Имети бы вам душевную и телесную чистоту,
а не весма взирати на внешнюю красоту;
от нея же всякаго сердце уязвляется,
яко то очевидно является.
И не ходити бы вам по чюжим забралом
и промышляти бы душевным своим ралом,
и доволным бы вам быти всегда своими оброки,
да не будете слыти никоторыми пороки.
И всегда бы вам к церкви господни притекати
и божественная словеса благоумне внимати,
и во время того святаго пения молчати,
и царство небесное во уме своем помышляти,
и до конца бы вам церковнаго пения из церкви не
исходити,
и в помышлении своем твердым и непоколебимым быти.
И никогда бы вам пустотных слов не говорити
и уст своих и языка таковым деянием не сквернити.
И всегда бы вам умы своими трезвитися
и от всего сердца своего ко господу богу молитися.
Пред добрыми людми всегда вежливо говорити
и слепа, и хрома, и всякаго не укоряти.
Того господь наш Иисус Христос отнюд не возлюбит
и всякаго досадителя рог не вострубит,
и за такое недоброе деяние не молчит,
занеже таковых аггел господь не ополчит.
И со злыми бы вам и лукавыми человеки не знатися
и на божественная словеса простиратися.
И, на беседе седячи, словом напред не дерзати,
и, на беседе будучи [за трапезою] такоже руки своя
[не предваряти].
Ожидати бы вам честных
и выше вас сидящих.
И тако будете честни и хвалны от всех
и да не будет вам ни от кого напрасной посмех.
И паки всегда добрых людей держитеся совета,
да будете именоватися сынове света.
И подружей бы вам своих держати в чести и в грозе
и не по всем хождений их воля им давати;
понеже нелепо есть, аще женам по своей воли ходити.
Того ради велика напасть на мужа ее приходит
и велик попрек жене, аще от мужа согрешит,—
таковых людей дом и жилище горит.

И вы себе о том, чада моя любимая, внимайте
и жен своих от худых дел унимайте,
и во всяком деле себе крепце берегите.
И от всяка лжива слова яко огня бегите,
занеже пророк и царь Давид во своем псалме глаголет,
таковыми глаголы аки перстом во око колет,
яко погубит господь вся, глаголюща лжу;
а мы рцем: пойдет всяка та душа вь ядовитую ржу,
сиречь в вечную муку.
Вам же да подаст господь десную свою руку,
да не постигнет вас никоторая напасть,
всякого бо человека содержит божия власть...
И аще будет вам милостыни творити
и души моей грешной хотя мала отрада учинити,
и вы бога ради давайте с тихостию и с любовию,
зане сам господь наш и бог искупил нас своею кровию.
Яко же негде речеся: вода огнь угашает,
а милостыня многия грехи очищает...
И вы мене, грешнаго отца своего, не забудите
и часто ко гробу моему приходити готовы будите.
И свещу и просфору о мне, грешнем, не ленитеся приносити,
негли души моей грешной возможете поне малу отраду учинити.
И паки грешную мою душу от места мучения свободити
и своим душам вечную отраду сотворити.
Аще ли будет вам нечим мене, грешнаго, помянути,
и вы готови будете о мне, грешнем, воздохнути.
И то вам вменится от бога за помяновение, —
никоторая бо добродетель полагается от него в забвение.
И сие речение глаголю к вам на приклад,
понеже божественная благодать аки клад.
Не рад я, грешник, вашему небогатству;
толко бы было непозорно вашему братству,
понеже нищета и убожество всякаго смиряет,
а униженна и охуленна пред богом поставляет.
И дай вам господь бог всегда богатети
и своими прямыми оброки владети.
Обаче может бог нища и убога богата учинити,[11]
а богата и изобилна нища сотворити.
И ими тоже себе во уме своем помышляя,
но паче крепце в нем размышляя,
яко не может велможа царев обнищати.
Мы же глаголем: силен бог всякаго смиряти.

И судбами своими господь всякому наводит
и от богатства и славы в нищество приводит.
Такоже вы ныне, аще у государя царя в чести,
дай вам господь и до конца таковое имя себе нести.
Еще же яко забых о сердечном своем друге,
о матери вашей, а о моей доброй супрузе:
аще господь бог по душу ея сошлет
и во уготованная места пошлет,
и вы со всякою честию и слезами погребите.
И тем всех людей таковым своим усердием удивите.
И также от всего своего сердца поминайте
и обоих нас во уме своем почасту воспоминайте.
И даст господь вам всем свою благодать,
иже бо много может сторицею воздать.
И сему писанию и наказанию конец,
а вам бы от Христа бога получити нетленный венец.
И паки мир вам от меня и благословение,
и подаст вам господь душевное умиление.
А меня, рождшаго отца своего, простите
и у него, всещедраго бога, милости просите,
И да будут на вас щедроты его вечныя
и сподобитеся от него радости бесконечныя.
Во веки, аминь.

Сын Стефана Горчака

Послание от сына ко своему отцу,
да сподобится его молитвами христианскому концу,
и да простит ему отец всякое пред ним неисправление
и получит от грехов своих свобождение.

Государю моему, рождшему отцу,
тезоименитому добродетелному венцу[1],
сынишка твой, имярек[2], челом ударяет
и у всещедраго бога милости прощает,
чтобы ты, государь мой, здрав был на многие лета,
а мне бы, грешному, держатися твоего отча совета
и слышати бы твое, государя моего, здравие, радоватися и веселитися,
и молитвами твоими в вечное веселие вселитися.
А пожалуеш, государь мой, изволиш про меня, грешнаго, напамятовати,
вем бо, яко должни отцы и матери о детех своих скорби и печали носити.
И паки всегда об них болезнуют и воздыхают,
яко же ярем тяжек в сердцах своих вменяют.
И аз, грешный, за молитв святых твоих по ся часы жив:
вем бо паки, яко воистинну аггел господень никако же лжив.
Аще кто отца своего и матерь чтит
и сердца их всегда веселит,
таковый на земли долголетен бывает,
и от всяких бед господь его защищает.[3]
Аще ли же кто родителей своих не чтит,
таковый сам себе душу губит;
и зде, и тамо не узрит света,
понеже не слушает ни отча, ни матерня совета.
Аще же и злый злым зле досаждает,
а, горше всего рещи, рукама своима дерзает,
таковый чему будет достоин?—
разве лютой смерти пристоен.

И за то паки зде впадает в беды и напасти великие
и зазорен бывает многими человеческими лики,
и паки поношен и посмеян от всего народа,
понеже таковое деяние не християнского рода,
но неверных и богоотметных неверных язык,
иже не причтени будут во христианский лик,
но отстанут отлучены,
понеже богомерстей вере научены.
Аще ли псаломское слово глаголет,
яко перстом во очию колет,—
скончаются грешницы от земли и беззаконницы[4],
обаче и мы им, неверным, не сродницы.
Аще и вси по образу божию создани,
обаче мы по Христове благодати от них отведени.
Наше звание самому Христу богу нашему тезоименито,
а их, неверных, от нас отменито.
Они своими обычаи и нравы нарицаются
и к нам верою своею не присвояются,
и от нас странны,
понеже веры их от еретик избранны.
Сего ради молю тя, государя моего рождшаго отца,
для общаго нашего содетеля и творца
не помянути тебе, государю моему, безумнаго моего досаждения,
да избавлюся вечнаго мучения.
Вем бо, яко тебе, государю моему, многи досады сотворих
и сердце твое до конца раздражих.
Яко некий злый злодей бога не боится,
ни всех людей срамится,
и яко неистовый конь по стремнине ходит
и сокрушение ногам своим наводит,
некогда и в конечную пропасть себе низводит,
из нея никакоже себе свобождает;
тут ему конец и истление бывает,
понеже всякаго безумнаго неучение погубляет.
Подобне же тому и сыну досадливу[5]
и во всем отцу своему и матери непокориву.
Повелевает закон таковых смерти предати
и прочим страх и ужас давати,
да накажутся отцем своим и матерям не досаждати,
но и паче научатся их почитати.
И аще ли будет многия ради милости смерти не предавати,
но многи раны таковым подобает давати[6],

да престанут таковое злое дело творити
и в покорении и в послушании учнут у отцев своих и
матерей жити.
Аз же пред тобою, государем моим, во всем в том
виноват,
аки бы некий друг другу злый супостат;
что имам противу тебя, государя моего, ответ дати? —
такмо должен противу тебя, государя моего, грешная
уста своя заграждати
за свое безумное пред тобою, государем моим,
досаждение
и за конечное к тебе, государю моему, непокорение.
Обаче надеюся на твое, государя моего, отчее
благоутробие,
да покрыеши своим благоутробием мое неудобие.
И да простит ми ся всякое пред тобою, государем моим,
неисправление
и тако получю от грехов своих свобождение.
Вем бо, яко мнози отцы и матери детей своих досад не
воспоминают,
но щедротами своими покрывают.
Несть бо тацех сердоболее, яко же отцы да матери, —
воистинну, нелoжно сердечныя приятели.
И детей своих досады приимают;
и егда с покорением к ним приидут,
тогда, все то забыв, любезне их приимут
и к тому досаду их не воспоминают,
но своим чадолюбием покрывают
и впредь им грубные дела творити не повелевают.
Аще ли же нецыи, злыи и обычаем и нравом, на то же
обратятся,
то, уже ведомо есть, — в телесех своих аки во гробе
зрятся.[7]
За таковое свое лютое деяние
и да восприимут от бога во оном веце злое воздаяние;
и не суть прощения и милости достойны,
токмо мукам и томлению пристойны.
Сего ради аз, грешный, выну молю своего всещедраго
бога и владыку,
да сподоблюся добрых лику,
да даст ми страх, еже тебе, государя моего, почитати
и ни в чем тебе, родителю своему, не досаждати.
Аще ли же учну и впред тако чинити
и пред тобою, государем моим, непослушлив быти,
или паки прекатель и досадитель учинюся, —

воистинну, сам собою во ад сведуся!
Обаче надеюся на твоя праведныя молитвы
и да престану от таковаго злаго своего обычая и нрава,
и да будет ми зде и тамо доброе слово,
и да умягчит господь жестокую мою сердечную ниву,
чтобы ми пред тобою, государем моим, быти покорливу
и ни в чем тебе, родителю моему, не досадливу,
но и паче твоей отческой любви востанливу.
Есть же мнози отцы и матери, о детях своих радуются и веселятся,
да не во всех человецех таковыя деяния зрятся;
та кому бывает по великому божию дарованию,
а не по человеческому зданию.
Есть же инии презлии обычаи и нравы,
и не хотят зде и тамо добрыя славы,
и самым диаволом научени,
и сердцы своими в конец ожесточени.
И до смерти отцем своим и матерям досаждают
и яко ножи сердца их распаляют.
Таковии отнюд милости не обрящут,
разве бесовския мытарства их срящут.
Аз же, грешный, никогда тебя, государя своего, не возвеселих,
но и паче твою отческую честь раздражих;
и никогда же еси, государь мой, от моих грешных рук и трудов напитовался,
толко от моих безумных досад надсаждался.
Паче аз, грешный, твоею милостию всегда питаюся
и всегда семидалным хлебом насыщаюся.
Ох, увы, како ответ дам создавшему
и нас ради кровь свою излиявшему?!
Прочее же, государь мой, буди здрав и многолетен.
И аз, грешный, всегда пред тобою, государем моим, безответен.
И паки моли, государь, за мя, грешнаго,
да избавлюся мучения вечнаго.
Вем бо, яко отча молитва и матерня изо дна моря выводит
и мертвых воскрешает[8];
и слушает господь праведных родителей,
губит же отцем и матерям досадителей.
И паки здравствуй, государь, о Христе!
Мы же хвалитися будем о пречистем его кресте.
Во веки, аминь.

Послание к матерем.

Добро убо есть угождати таковым своим приятелем.
Аще кто восхощет к матери своей писати,
тем на радость и на умиление сердца да подвижут;
и не токмо сынове одни тако да пишут,
но и дщери,
понеже общия родиша двери.
И паки скорбь и болезнь едина у всех,
того ради у койждо матери будет во устех;
потом же паки на сердцах их положится,
онеже каяждой матери к своим детям чадолюбие зрится.
Аже двоестрочием или сугубством строк слагается,
и тем паки от таковаго начинания не возбраняется,
но такожде жалость и умиление в сердце ея вложится.

Яже от бога и общаго творца нашего учиненней,
истинней Надежди моей несумненней,
государыни моей матушке, имярек, сынишко твой челом ударяет
и милости у тебя, государыни своей, прошает.
Буди, государыня, здрава на многия лета,
а мне бы, грешному, держатися твоего совета
и, слышачи твое, государыни моей, здравие, обрадоватися
и сердцем своим, и душею всегда радоватися.
А пожалуеш, государыня, своим жалованьем меня, грешнаго, пощадиш,
вем бо, яко днем и нощию обо мне скорбиш.
Аще и в далном разстоянии с тобою, государынею, пребываем,
а сердцы нашими аки близ друг на друга взираем.
А изволиши, государыня, ведать про мое грешное пребывание,
вем бо, яко беспрестанное о мне твое воспоминание.
Паки вем, яко матерне сердце всегда по чадех своих умирает
и выну видети их очима желает.
И аз, грешный, святых ради молитв твоих по вся часы здрав.
Вем бо сам, яко таков ваш матернь нрав,
что болезнуете и скорбите о нас всегда
и не забываете нас во уме своем никогда.
Аще по божией воли случается и нездравы,

блгов҃ѣрный кнѧзь михаилъ и взѧша вѣры
ѥже по ѡбычаю бываютъ :

то, вем паки ваши добрыя нравы,
и то вам велия скорбь и печаль выну о нас бывает
и матерне ваше сердце о нас велми стужает.
Обаче, рещи, его же божественная воля,
он бо весть, како преплыти пучину славнаго сего моря,
обаче, государыни моя, о сем не тужи:
все упование свое на него, творца своего, положи.
Он, жизнодавец, животом нашим и смертию владеет,
и всяк человек уставленыя от него своя лета одолеет;
и несть человека, иже не умирает
и света сего прелестнаго не оставляет.
Что же еще к тебе, государыне своей родителнице,
к сему реку?
И к настоящему сему умиленному слову и речению
предтеку.
И паки о сем что много возглаголю? —
токмо положити на его, творца нашего, господню волю;
кто мя, грешнаго и недостойного, вразумит и
наставит? —
а твоя, государыня, молитва от смерти избавит.
Не вем, како грешнику ум и смысл собрати
и к тебе, государыне моей матушке, написати,
и матерне сердце твое благонравное возвеселити[1],
и благородную и благолюбивую душу твою умилити.
И сумняюся, и дивлюся о своем недоумении,
да не явлюся в неразумном своем устремлении.
Где и откуда возму таковое разумение?
Егда еси, государыня моя, меня, грешнаго, во чреве
своем носила,
тогда многие скорби и болезни в себе обновила[2].
И паки всегда бо знавала о моем ношении,
и приближна была ти смерть в самом рождении.
Егда мя, грешнаго, государыня моя, родила,
тогда от смерти живот свой свободила.
Аще зря мы в таком часе и родиш, — не учинилася,
понеже скорбь твоя и болезнь в той час тебе забылася,
видя мя в той час жива, здрава и рожденна,
и в сей видимый и прелестной мир пущенна.
Обаче вам не мощно рождение нашего забывати,
понеже в скорбех и болезнех, и в печалех случается
раждати.
И много же многодетны матери бывают
и тем весь мир и землю наполняют.
Егда мя, грешнаго, государыня моя, питала,
тогда многое попечение обо мне принимала,

а егда же ныне мя своим сердечным радением возрастила,
обаче и тут сердца своего не возвеселила.
Понеже неразумный тебе, государыне своей, всегда досаждаю
и матерне твое сердце велми разсуждаю.
И противу было твоих болезней — не досаждати,
толко достойно было пред тобой уста заграждати.
Аще ли будет мною радостна и весела бываеш[3]
и досады моея пред тобою не воспоминаеш,
то благодарю паки Христа моего, всемогущаго бога,—
да не лишен буду небеснаго его нетленнаго чертога,—
за твое к творцу нашему моление.
Аще и не доходит до тебя мое, государыни, исправление,
но обаче все праведныя твоя молитвы да покрыют
и от всякия напасти меня, грешнаго, закрыют.
Преудивляюся вашему матернему к нам люблению
и нашему к вам злому неразсудному противлению,
како вам, своим родителем, противляемся
и всегда по своей глупости и упрямству не покоряемся,
и ходим всегда по своему жестокому нраву,
и того ради сами наводим на себя нелепую славу!
Подобало бы нам всегда вас, родителей своих, чтити
и всеми сердцы нашими и душею вас любити.
И мы болезней ваших и скорбей не воспоминаем
и яко отнюд ни во что их себе полагаем.
И рождаете нас в таковых своих скорбех и печалех,
паки достойно бы нам писати на своих сердечных скрижалех[4].
И мы своим жестосердием все то забываем
и таково болезнование ваше ни во что полагаем.
И что того безумнее во всех человецех бывает,
кто отца своего и матери рождение забывает?
И паки кто рождение матери своей не чтит
и таковым злым досаждением грубит,
не будет никогда зрети истиннаго света,
и не сподобится нам праведных совета.
И кто таковым вам, государием, долг может отдати,
аще будет кому и все имение свое продати?
И паки аще и всею силою учнет вам труды своя приносити,
но не возможет вас, родителей, противу родити.
Понеже яко родителие подобятся самому богу,
иже всем нам милость свою дает попремногу,
понеже бог от небытия в бытие всю тварь приведе,

тако и вам, родителем, велию честь предаде[5];
то и подобно тому же, яко и вы нас приводите
и умножение рода во вселенную вводите.
По вас же и мы друг по друге таковы же бываем
и вас, родителей своих, воспоминаем,
что сей свет множеством людей наполняется
и божие великое величество в нем славится.
Паки удивляет нас таковое ваше деяние,
много же о том пишет божественное писание.
Како таковыя болезни претерпеваете
и во время же рождения нашего самой смерти чаете?
По рождении нашем от нас болезней забываете
и в велицей радости веселии пребываете,
понеже рождение наше зрится вам живо,
и в весь сей видимый мир изыде яко некое диво.
Воистинну, есть достойни великих похвал.
Бог вас на умножение рода человеча произобрал.
Много убо и безмерно пред вами, родителми, согрешаем
и, не вем, где разум и смысл свой деваем,
и то вам, родителем своим, досаждаем,
и на которую свою хитрость и мудрость уповаем,
что таковое безумие свое пред вами являем?
Ничто же рещи,— токмо души своя погубляем.
Яди различныя и пития гортань услаждают,
ни мнее же того ваша матерня любы утешают.
Воистинну, не что мощно такова долга вам отдати,
аще паки и все свое богатство кому продати.
Токмо подобает пред вами всегда главы своя поклоняти
и ничем вам, государием своим родителем, досаждати.
Велик убо человек, еже отца своего и матерь чтит,
на многое же богатство не вседушно зрит.
Яди паки и пития сладкия, и богатство все суть тленна[6],
отцова же и матерня любовь к детям своим обещанна.
Всегда бо она абие о детях своих сердцем умирает,
и паки в самом рождении все матери смерти себе чают.
А уже не вем паки, что к тебе, государыни моей, написати
и таковыми словесы своими тебя утешати.
Аще паки кто отца своего и матерь почтит,
таковый души своея отнюд не погубит.
Яко же речеся от премудрых: вода и огнь угашает[7],
тако и матерня молитва грехи потребляет.
А кто отцу своему и матери досаждает,
таковый зде нелепою смертию <умирает>.

Внегда же кто отца своего и матерь чтит,
тот всегда аки на самого господа зрит
и, по писанием, долголетен бывает на земли.
Всяк убо человек слово сие крепце внемли:
яко добро есть велми родителем своим не досаждати,
зло же и неблагословенно сердца их раздражати.
Аще ли же аз не учну к тебе, родителнице моей
государыни, покорятися,
то како не имам, грешный, смерти предатися?
И всегда пред тобою, государынею моею, неисправлен
являюся
и аки в морстей пучине в прелестном сем мире валяюся.
Аще не твоя, матерня, молитва о мне поспешит
и вся моя неисправления пред тобою не простит,
како мя тако от вечнаго мучения свободит?
Токмо, на мя зря, того да всяко душа воздивит,
яко досадитель был есть вам, своим родителем
и сущим вам, государем моим, всегдашним кормителем.
И того ради готов есмь, окаянный, в пламене огненне
горети
и лютую, и нестерпимую муку на тебе терпети.
Сего ради, пад пред твоима, государыня моя, ногама
и хапляся своима недостойныма рукама,
милостии у тебя, государыни своей, прошу
и вся моя неисправления к тебе, государыне,
сопривношу.
Не помяни, государыня, пред собою великия моя досады,
да не лишен буду от бога вечныя тоя ограды,
и избавлен буду вечныя лютыя муки,
где же попирати нас будут бесовския руки.
Буди, государыня, подражателница самому Христу богу,
иже всем нам дает милость свою попремногу;
аще пред ним, творцом своим, много согрешаем,
покаящеся грехов своих, упование себе чаем.
Тако и ты, государыня моя, Слову сему подражай[8]
и досадителных моих словес не воспоминай.
И аще паки пред тобою, государынею моею, и много
согрешаю
и великою досадою матерне твое сердце раздражаю,
паки не помяни, государыни моя, моей неразумной
грубости.
И много бо неразумныя дети содевают таковыя
глупости,
и того ради зде и на оном веце зло погибают,
и сами души свои во дно адово низпосылают.

И паки вем, государыни, яко отцова молитва сушит,
а ваша, матерня, всякаго сына и дщерь в конец коренит[9].
И паки матерня же ваша молитва изо дна моря выносит
и от таковыя горкия от самыя смерти износит.
Того ради ничто же быша <...> матерни молитвы,
тобою человек избавляется от великия лихия ловитвы.
Точию буди, государыня, покровена десницею великаго бога владыки,
да причтет тя, государыню мою, со избранными у него лики.
И уже не имам вящши того, что к тебе, государыне своей, писати,
токмо должен, грешный, милости у тебя, государыни, просити.
И моли за мя, грешнаго и недостойнаго,
и вечней и нестерпимей муце пристрастнаго.
Вем бо, яко молитв ради твоих меня, грешнаго, бог пощадит
и от вечныя и лютыя, и нестерпимыя муки свободит.
И паки непрестая молю, молю матерню твою утробу,
да покрыеши своею милостию мою к тебе злобу.
И паки здравствуй, государыня, о Христе,
мы же хвалитися будем о пречистом его кресте.
Во веки, аминь.

А что ты, государыня моя матушка, ко мне послала
и с тем добрым человеком приказала,
и то у меня по се время все изошло,
а ныне нужное время мне пришло.
И ты, государыня, еще покажи свою щедрость
и сердечную свою матерню ко мне ревность.
Пожалуй, государыня, еще того же пришли,—
сама ты, государыня, ведаеш, которые дни подошли,—
как тебе всемилостивый бог известит
и благонравное сердце твое своим милосердием одарит.
А велела ты, государыня моя, тому человеку от себя говорить,
чтобы ему и впред с нами в брани не быть.
И он, государыня, к тебе речью приказал,
да и писмом изящне и добре к тебе написал.
Аз же, воистинну, с вами в миру рад быть
и вражду древнюю и нелюбовь разрушить.
Да послал я, государыня, малыя поминки
<по мне, грешнем сынишке твоем,> имярек.

И ты, государыня матушка, вели приняти
и на здоровье бы тебе вкушати,
и клевещущих словес на мя не слушати.
И твои, матерни, словеса аки семидален хлеб хощу
кушати.
Прочее, государыня, буди покровена десницею
всемогущаго бога,
да сподобит тя небеснаго своего чертога.

Справщик Савватий

Послание Силе Матвеевичу

Что рцем и что возглаголем к твоей предоброй честности?
Есть бо слышим издавна о той твоей зелной ревности.
Со усердием ли собираеш то свое доброе разумение,
То почто по се время удержал еси к нам свое дерзновение?
Не подобает ти молчанием утесневатися,
От добраго разума и смысла срама ради удалятися.
Мертва вера без дел является[1];
Ум и остр без учения не навершается.
Мерзость есть безумному обличение,
Умному же и разумному бывает во учение.
Желателие мудрости хвалими суть от разумных,
Укоряет же ся много от буих и неразумных.
Сломление есть сердцу с таковыми нравы.
Источник есть сладок беседы здравы.
Летнии плоды от лета до лета рождаются,
Ей, мудрии и разумнии мужие почасту пригожаются.
Мудроумнии паки всегда хвалят доброе рачение,
А ленивии же и нерадивии злое глубление.
Ты же како по се время к нам укосневаеши,
Философскому учению неприлежно внимаеши.
Еже бо они искренне повелевают ко учению прилежати,
Единомыслием и нелестию искати.
Воистинну неложно глаголет мудрое их писание,
И всем нам от них в доброе наказание,
Что учение свет есть души словесней[2],
Юнии же и младии устремляются к похотем к бес<с>ловесным.
Но поелику мощно лучшее себя да избираем.
О рачении же твоем слышим всегда,
Господь же зрит — не видаем тебе никогда.
О еже бы еси нам образ свой показал,
Грубость бы нашу и недостоинство узнал.
Радостно быхом к твоему орудию подщалися,

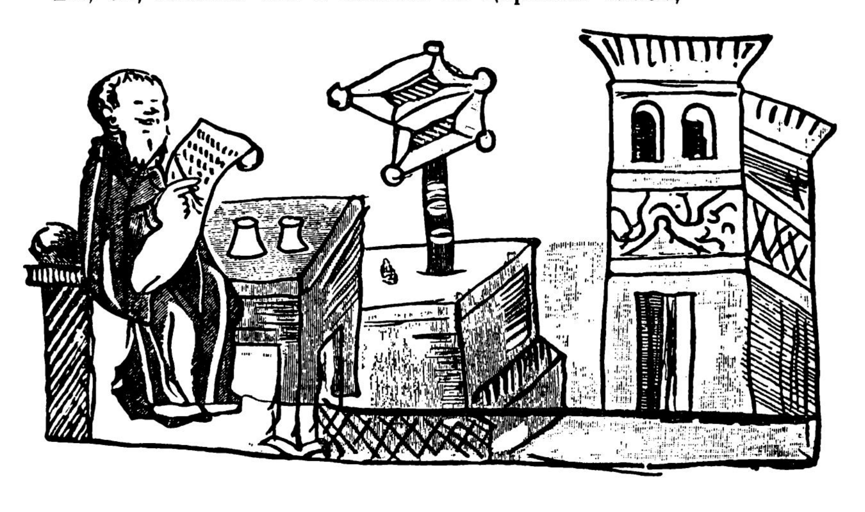
Единому бы богу в Троици помолилися,
Чтоб он нас, грешных, своею благодатию осенил,
Но еще бы меж нами и добрый совет учинил.
О еже быхом написали к тебе нераздорно,
и от протчих бы людей было незазорно.
Медлен ум не может разумети мудрых,
От печали же и скорби погибает и у разумных.
Наитие печали зло есть всякому человеку,
А мы уже, грешнии, идем к последнему веку.
Хвалим твое доброе и изящное рачителство,
Сумняем же ся, видя таковое твое нерадителство.
Аще бы еси сего разума искренне желал,
В продолжение бы времяни не отлагал.
Аще ли паки велию веру и ревность держиш,
То почто твердо к нему не прилежиш?
Что нам о том к тебе много и писати,
Есть убо время еже о том и престати.
Люто убо есть лестное и неприлежное хотение,
О еже бо спримешевается тому и гордение.
Много же убо гордость добра погубляет;
Бог же таковым делателем не помогает.
И о том на нас гнева и досады своея не положи,
Еще же и духовную любовь свою к нам покажи.
Тако же пишем к тебе возразително,
Да будет тебе и впредь учително.
Подобает всякому человеку гордости не имети,
Смиренномудрие и тихость ко всем имети.
Гордость паки погубляет всякия добродетели,
А вся сила и мощ во общем нашем содетели.
Аще хощеши нелестно о сих радети,
Подобает ти о том неложно буди бдети.
Некто глаголет святый божественный отец,
Иже имеет на себе нетленный венец:
Несть мощно хитрости снавыкнути[3],
Аще неискренне к ней приникнути.
И паки, спя, супостат своих не победити,
И, лежа, ничто же добра не получити.
А ты, господине, толко глаголеши словесы,
А не сами исполняеши реченная делесы.
И паки давно бы ты нам образ свой явил,
И нас бы ты духовною своею любовию одарил;
И рек бы еси нам слово свое изо уст,
И всяко бы не отшел от нас пуст.
И елико бы истинный свет нас просветил,
Потолику бы убогий ум наш и счинил.

И паки рцем о сем преждереченная вспят<ь>,
Немощно бо такова дела в борзе взять.
И паки немощно тебе о сем упражнятися,
И вседушно на то дело уклонятися,
Понеже в подповеленном чину пребываеш
И многия монастырския службы сохраняеш.
Аще бы еси не в таковой суете был,
То всяко бы желание свое получил.
Прочее же буди покровен десницею вышняго бога,
Да сподобит тя небеснаго своего чертога.
Ныне и присно и во веки веков, аминь.
Да и впредь от нас своего жалования не отринь.

Послание князю Алексею Ивановичу

Кипарис древо благоуханно,
Но обаче и ваше благородие богом избранно,
Яко бы некия цветы от простыя травы,
Зане нозе всегда менши суть главы,
Юже всяк человек честнее всех удов почитает,
Тако и ваше благородие тому же подобает.
Лев всех устрашает своим рыканием,
Есть же и царский чин ужасает вашим к нему предстоянием.
Красота царю и слава во изрядных его чинех,
Страх же его и гроза бывает на всех санех.
Еже бы и ты того же предстояния,
Юности же ради своея не забывай божественнаго писания.
Имя же твое нарицается «толкование»[1],
Во еже бы тебе помнити отческое наказание.
Аравицкое злато[2] дивно есть зрети,
Не мнее же того и целомудрство в себе имети.
От него же велия похвала бывает,
В самыя бо вечныя обители душу селяет.
И ничто же похвалнее целомудреннаго пребывания,
Чтоб тебе не порудити своего достояния.
Юностным еще возрастом пребываеш;
Много еси божественнаго писания и сам разумеваеш.
Не подобает с похотением зрети чюждих доброт,
От единаго бога ожидати его милостивых щедрот.
Горе назирающим красныя лица,
От того бо получит вечныя темница.
Господь сочетал тя есть к законному сочетанию,

Разумным своим смыслом внимай божественному писанию.
Естества различная воздвизают блудную брань,
Шлем спасения[3] утесневает гордань,
Не повелевает многим питием и ядением услаждатися,
И утробою и чревом разширятися.
Но обаче ваше благородие обилно сияет,
А наше недостоинство в скудости пребывает.
Хрустолиф камык[4] злат видением,
Человек же драг мудроумным своим разумением.
Ей, ей, хвалим еси и славим во царских чинех,



Любомудростным твоим нравом превосходиши всех.
О протчем же, государь, не у время писати,
Многочестная твоя, государя моего, ушеса отягчати.
Бог да исправит твое благородство,
Да не позазриши на наше неудобство,
Елико убо мы, нищии, сие грубое писанеице счинихом,
Тако твоему благородию и предложихом.
А аще нам, нищим, не достало к тебе писати,
Чтоб тебе неудобство наше презирати,
И паки жаловат<ь> своим великим милосердием,
И не отгонит<и> от себе никоим прилучным жестосердием.
И ничто же тако ползует вам, царевым предстоятелем,
Что о неприступных быти помогателем,
И к его царскому величеству заступати о убогих,
Нищих и беззаступных обрадовати многих.
Лихи и злы неправедныя судии,

В них же деются неудобныя статии.
Чрева и утробы своя разширяют,
И домы своя всячески украшают,
И праваго обвиняют,
А виноватаго оправдают.
А все окаяннаго ради своего лихоимания.
И не мнят божественнаго писания:
Яко и неправедная мзда душу погубляет,
Грады и домы разоряет.
Еще же и царское повеление презирает,
На ту же окаянную мзду свою уповает.
Возвратим же ся вспять,
Как бы к настоящему слову престать.
Вемы бо, вемы, яко в богатстве и славе ум возвышается,
Еще же некогда и ожесточевается
И в скорби и в печали другу своему не разумевает,
И паки дружню беду ни во что же полагает.
В скорби убо и печали забывается ум,
Веселяся и богатея, полагает во глум.
Ты же, государь, много разума в себе имееш,
И божественное писание сам разумееш.
Не буди таковым обителем и обычаем ревнител<ь>,
Но обаче буди к нищим и сиротам истинный любител<ь>,
И беззаступным крепкий помогатель,
Яко ближний еси царев приятель.
Да и сам от Христа бога помилован будеш,
И вечных благ не отбудеш.
Писано бо есть: милостивии помиловани будут[5],
А немилостивии в таковых обителех не будут.
Протчее же буди, государь, покровен десницею вышняго бога,
И да сподобит тя стати у небесного своего чертога.
И во веки веков, аминь.
А ты, государь, жалованья своего не отринь.

Послание Кизолбаю Петровичу

Писание от отца духовнаго к сыну духовному

Како и что имам писати к таковому твоему разумению,
Иже предал еси нас конечному забвению?
Зрим ныне славою и честию обносима,

Обаче к нашему достоинству отнюд непрележима.
Лестными словесы не хощем к тебе писати,
Бог же зритель, от мысли нашея не можем престати.
Аще еси добрым разумом одарен,
Юнному же и буему не буди повиновен.
Прелестная пиявица видимый сей век,
Еже бо и до гроба лстит всех человек.
Тако ли мудроумие свое к нам явил,
Разумныя души своея снабдения до конца забыл,
От него же велия полза души моей бывала.
Всегда про тебе добрая слава лежала.
И како еси нас, грешных, призрел,
Чести ради и богатства нами возгордел?
Юродство воистину и буйство, еже мир сей вседушно возлюбити
Молебника ж<е> к богу о души своей забыти.
Непрестанно жаловахся на тя самому творцу и богу,
Иже всем нам дает милость свою попремногу.
Горе, горе в разуме согрешающим,
Обозрителныя ради славы око душевное ослепляющим!
Гордость и презорство велику спону души сотворяют
Ей, ей, ничто ж<е> человеку болши, кроме своея души,
Широстию же своею хотя, и ты погреши.
Не вем, по которому обычаю в таковое забвение положил,
И добродеание свое до конца от нас отлучил.
Чертоги царския лепо есть зрети,
И воистинну вящши о души своей бдети.
Разумный муж всегда души своея снабдетеля аки бога почитает,
Ему же вдающая ока душевная помрачают,
Царство ж<е> небесное едва достизают.
Сам еси много разума и смысла в себе имееш,
А крепости во уме своем не имееш,
Но еже бы тебе самому в себе зрети,
И нас бы, грешных, хотя мало во уме своем имети.
Паче же недостойно бы тебе таковому нас забвению предавати
И нако подобало бы тебе нас во уме своем воспоминати.
И хотя б<ы> малым чим деянием нас, грешных, посетити,
Аще бог повелел нас, снабдетелей душ ваших, почитати.
А то гордость не дает тебе на то взирати.
Ей, ей, воистинну ничим же будет ея злее,
Лютою такою страстию обдержиму не получити божественнаго елея.

Ниже бо та страсть добра никому не сотворяет,
Много ж<е> токмо в погибелный ров вметает.
Бывает бо некогда и добраго корени злое семя,
Того ради погубляется душевное бремя.
И безумно есть пред свиниями бисер пометати,
Такожде и в затчине уши что добро писати.
Егда грешник внидет во глубину зол, тогда не радит,
Того ради и бог ему не претит.
Аще ли будет в чем ему зде и попущает,
Но там таковаго вечная мука ожидает,
Понеже бо всегда ходит своим упрямством,
Аки лютым одержим пиянством.
И паки лютою тою страстию аки тмою помрачен,
Или яко в волчью кожу оболчен.
И что мне вящше того к тебе писати,
Уже время конец слову дати.
Аще и аер словес наполняти,
А зачтенных ушес не наполнити.
Аще у кого в сердцы искра божия загорится,
Таковый и малыми словесы научится.
Аще послушаеш нашего к тебе речения,
То и сам сподобишся добраго течения,
Аще ли не послушаеш, то сам веси,
Что всевают таковую страсть в сердце лукавые беси.
Таж<е> буди от нас прощен,
И без нас будеш от бога обиновен.
И паки здравствуй о Христе
И хвалися о пречистем его кресте,
И тую злую страсть от себе отринь,
И будет тебе во веки аминь.
Аще ли же не послушаеш нас и того не отринеш,
То сам душу свою во ад ринеш.

Послание боярину Ивану Никитичу

Горняго Иерусалима желателю,
О всех своих неоскудно подателю,
Спомощнику и кормителю неимущим,
Под государьскою рукою всем живущим,
Остро<о>пасному и бодрому оку,
Днем и нощию смотрящу к самому Востоку,
Адаманъстей твердей души во всем,
Радостным сердцем призирающе ко всем,

Юностным еще возрастом в заповедех господних сияющу
И ныне в совершенных своих летех також пребывающу.
В лепоту реченное благодатное звание[1],
А у нас настоит изрядное нарицание,
Но и родьший быв победител[2],
Утверженым своим умом такове ж си быв души своей снабдител.
Не умолчим же паки глаголати твоей государьской милости
И к нелицемерней твоей и конечной тихости.
Како недостойнии возможем рещи
И к твоему государьскому величеству притещи?
Та же кая труды тебе, великому государю[3], принесем? —
Иже всегда даемое тобою от дому твоего несем.
Червию и виссом красятся[4] царьская багряница,
Юнот же и вдовиц обогащает твоя государьская десница.
Много глаголати нам о сем не у время,
Обаче же неложно рещи — благодатное семя.
Не лестию тебе, великому государю, сие изрековаем,
Аще и всегда недостойнии во гресех своих пребываем,
Христос мой бог и сосвидетел всех —
Слава добрая твоя происходит во всех.
Аще ли мы, недостойнии, и о сем умолчим,
Вседержителя бога како возблагодарим?
Аще кому что от него дарованно,
То како имамы прияти от него неблагодарно?
Истощевает бо он всякаго горделива
И каждаго милует к добродетели бодрелива.
Щедрость твоя государева ко всем велика,
А наша убогая мера к тебе, государю, не толика.
Подобает нам о таковых государех и бога молити,
А о данных нам от него о всех благодарити.
Дивно дарование бывает,
Аще кто во благих бога не забывает.
Язвы въглубленныя от искусных врачев исцеляютца,
Но обаче от дающих и милующих неимущии насыщаютца.
Аще ли кто твою государьскую милость к себе забудет,
За такое благодарство истязан будет.
Ей, ей, глаголем тебе, великому государю, неложно:
Много твоего государьского жалования изрещи не возможно.
Листвием и плодом древо украшается,
И милованием и поданием всяка душа горе возвышается.
Что нам много глаголати к твоему благородству?
Ей, подобает престати нашему неудобству.

Летняя плоды от лета до лета бывают,
О добродетели прилежащему всегда венца соплетают.
Много глаголати несть треба, —
Благий же бог да сподобит тя небеснаго своего хлеба.
И с своими государьскими домочады,
Еже бы достигнути вам небесныя тоя ограды.
Ты же, великий государь, гневу на нас не положи,
Но паче благодарную свою милость на нас покажи.
Надеяся на твою государьскую к себе милость
И конечную твою ко всем тихость,
Тако, убозии, и начертати дерзнухом.
Да будет благодарство твое осенено животворящим духом.
Во веки, аминь.

Второе послание боярину Ивану Никитичу

Сие писанейце плачевно,
а вмале и врачебно;
еще же о благодарстве,
да живет радость в великом государстве,
двоестрочием сложено
и от печали к радости ведено;
тебе ж, государю, прочести нескучне
во времени благополучне.

Великому государеву синклиту,[1]
благодати тезоимениту.
Рождьшему же звание «победител»,
государьскому имени таковый же быв снабдител.
Многогрешный монах челом ударяет
и с плачевным гласом изрековает.
Вем бо тя, государя, ныне кручинна и печална велми,
что велие светило угасе в нашей земли.
И великому государю царю был рожденный отец,
а стадо Христово пас всех нас, словесных овец,
и жезл свой страшно держал над всею Росиею,
яко же над древнею великою Асиею,
и яко столп стоя непоколебим,
и ни от кого же бысть победим.
И паки всей земли великое утвержение,
а врагом нашим страшное возражение.
Тебе же, государь, был единоутробный брат,

молбы и моления к богу творил на сопостат.
И того ради злии всегда побеждаеми бываху
и плещи свои нам часто показоваху;
и паки со страхом трепетали
и на бежание себе устремляли.
И да подаст ему господь небесное царство,
а стужает по нем все великое государство,
таковаго великого государя лишився,
а против врагов еще не до конца ополчився.
И всем нам скорбь и печал об нем, государе, велика,
понеже убогая наша молба к богу не толика.
Обаче на него, всещедраго бога, надежда полагати,
о государском и о вашем многолетном здравие его
призывати,
чтобь ваша государьская держава во веки была
неподвижна,
и вера ваша, и любов к богу приближна.
И тако господь не отставит своея милости
и не презрит вашей государьской смиреной тихости;
и тако всем нам будет благо,
а государьское имя всегда бывает драго,
а врагом и сопостатом — страшно,
а нам, християном,— аки сладкое брашно.
И проженет их господь силою своею невидимо,
а християнское имя будет непобедимо!
Ты же в печал и в скорбь велию не вдавайся
и твердым своим смыслом, и умом укрепляйся:
и всем нам тамо быти,
и паки всякому естеству человечю смерти не избыти.
Есть же печал сокрушает сердце всякому человеку
и таковый человек не допровожает своего веку.
И паки печал преже времени старость наводит,
а крепкоумный муж размыслом своим от себе отводит.
Аще от жалости не уме престати,
но обаче в меру подобает печал держати,—
да не будет сердцу сломление,
и уму и смыслу погубление.
Не позазри, государь, сему нашему к тебе дерзновению,
поне мало словцо приими к своему утешению,
яко же господь две цате оноя убогия вдовы[2].
Увы нам всем без оныя честныя главы.
Но обаче государским крепкоумием и счастием все
исъцелится,
без нея же немало добра умалится.
Дай, господи, он, государь, здрав бысть на многие лета,

да сподобится зрети самого немерцающаго света.
Царева молитва выспрь к богу восходит,
писано есть: царь о мире бога умолит;
к тому же — и вашим синклитским радением,
и всея руския земля умолением
подаст господь на враги и сопостаты победу,
да не останется их ни следу!
И тако в веселии и в радости пребудем,
а ныне много тщеты государевым людем.
Надеяся на твою государскую к себе щедрость
и на божественную в сердцы твоем ревность,
потому недостойнии тако и дерзаем,
да и впредь от тебя милости к себе чаем.
Молим твое достойное величество
и благоутробное твое разумичество:
паки не остав<ь> своея милости от нас, грешных,
буди нам помощник и заступник во обычаех внешних.
Аще ли нам, грешным, не подобает сего снисковати,
ино — рождьшим нас от вас, государей, милости искати?
Обаче и нам небранно от вашего величества милости просити,
и за вас, государей, бога молити.
Кроме бога да вас помощников себе не имеем,
а сами, грешнии, помощи себе не доумеем,—
от далния и последния есмы части,
не имеем, грешнии, никоторыя власти.
Того ради буди, государь, помощник и заступник от приключшихся на нас,—
вся сила и ходатайство к царю бывает в вас.
Вы, государи наши,— под государем царем земле держатели
и искреннии его доброхоты и приятели.
Вам подобает о всем об нас промышляти
и от насилующих, и от обидящих нас избавляти.
Буди, государь, покровен десницею самого херувимскаго владыки,
да причтет тя с праведными своими лики.
Во веки, аминь.
И паки впредь своея милости от нас не отринь.
Буди, буди тако.
А без вашея милости не мощно жити никако.

Послание Алексею Саввичу

Сие посланейце — двоестрочно,
а пожаловат прочести неотсрочно.

Ароматныя воды сладостне обонянии обоневают,
Любомудрых же словеса не мнее того слухи наслаждают
Елень течет на источники водныя[1],
Како же разумный муж не потечет на словеса благия?
Солнечный свет разгоняет облак темный,
Есть бо и мудроумный разрешает ум недоуменный.
Юхает сладостне кедровыя древеса во обонянии,
Соудивляют же мудрых словеса в наказании.
Аристотелския премудрости от клеврет его хвалимы сут<ь> и доднесь.
В них же чаяти естествословный устав весь[2].
И что дражае и лучши премудраго наказания,
Что же хуждьши лености и невнимания?
Юность и лепота многих удивляют,
Чтение же и учение божественных догмат всех наслаждают.
Есть бо нырь хитрый далече ходит во глубину,
Ритор же и философ разсуждает и премудрую вину.
Нощь темную просвещает свет лунный,
Ей, много добра творит муж благоумный.
Цареви убо земному достоит личная красота,
Сфилософъственному же уму — совершенная чистота.
Адаманту камыку вси камыцы покаряются[3],
Велеумну же мужу вси люди удивляются.
Алавастр[4] яко же глаголется — «без рукояти»,
Тупым же умом и разумом без учения ничего не обияти.
Источники и реки, и потоки вся животная напаяют,
Истиннии же мудрецы и философы всех людей услаждают.
Щит и прочая броня избавляют от телеснаго уязвления,
А благоразумный муж возбраняет от нелепаго учения.
Четырьми стихиями весь мир состоится,
Есть же и премудрыми людми много добра творится.
Лев некогда единем обтечением своим многих зверей уловляет,
Обаче и мудроумный муж учением своим всех удивляет.
Медвеный сот сладок есть во устах,
Бывает же и мудр муж приятен во тмах.
Источник сладок добре жажду утоляет,

Есть же и доброразумный муж словесы своими аки медом
услаждает.
Трава и вся ростимыя плоды земныя движются,
а и мудрии мужие многими похвалами пишутся.
Ныне же о сем к твоему благоумию прекратим,
да простыми гранесами навершим,[5]
понеже речъ слову не достала,
а акростихида конец писмени стала.
И ты нам в том не позазри,
а ждем жалования твоего аки в жажду анагри[6].
И по благодати святаго Духа мощно и вящи того
основания положити
и естествословия иные вины приводити.
Но не достанет ми о том лета,
подобает нам держатися добраго совета.
Сего ради вкратце начертах
и к тебе о сем восписах.
Зде же пишем к тебе просто,
да воздаст ти господь мзду во сто.
И молим твою достойную честность,—
всегда бо зриши царскую светлость,—
чтоб тебе наше недостоинство познати
и любов свою к нам показати.
Слышим про твое зелное рачителство
и желаем видети твое доброе разумичество.
Аще и не достойни есмы любовию к тебе присоединитеся,
обаче желаем от уст твоих понасладитися.
Аще нашим убожеством не погордишь
и сих паче нас многоумием своим одаришь.
Не дивно бо есть з знающими знатися,
предивно же с незнающими соединятися.
И паки не дивно с благоплеменитыми и гордыми дружбу
имети,
дивно же и богоугодно последними четами не гордети.
Не прогневайся за сие наше к тебе дерзновение,
что явили мы свое недоумение.
Безумно бо есть без вопрошания отвещевати,
обаче подобает благоразумных мужей искати,
яко же бчела от многих цветов мед составляет,
тако и разумный муж от мудрых людей блага словеса
избирает.
Прочее — буди нам поборател,
на завистников и досадител препирател,
аще и не рукоделанным ратным оружием,
но духовным своим любодружием,

быстрым своим речеточством,
аки бы некий воин храбр своим ратоборством.
А мы должни за тебя бога молити,
чтоб тебе от него вся благая получити.
И сим малым писанейцем тебе челом ударяем,
а на болшее творца своего и содетеля призываем.
Аще благодеяние твое к нам будет,
то и вящи того преизбудет;
а ныне сим утешайся,
а к нам любовию простирайся.
Аще и нелепо, и невитейно сложено,
обаче о любви ведено.
И в том нам не понеси,
но и паче добрым словом износи.
Писано есть: не осуждайте, да не осуждени будете,
и тем вечных и нестерпимых мук избудете.
И уже нам время о сем престати
и конец слову дати.
Да не весма время продолжим
и честная твоя ушеса отягчим;
но по нужи глаголу послужихом,
мним, яко и тако отягчихом,
зане не мощно сего вкратце изрещи
и благонравие твое на милость повлещи.
Прочее же — сохраняйся Христом
и огражайся животворящим его крестом.
О прочем же не смеем рещи,
чтоб тебя от себе не отсещи.
Сам много разума имеешь
и всякую скудость разумеешь.
И чтоб тебе к нам восписати,
да по сему можем познати;
и сие бы было нам вестно,
а премудрых людей вопрошати не безместно.
И сие писанейце послал к тебе с твоим любителем,
с таковым же зелным рачителем.
Ему же звание <имярек>.

О слабом обычае человечестем

Сие писание хощет быти учително,
слабому же обычаю и нраву возразително,
некоему мужу в православии живущу...
и паки добродетелну и дружелюбну мужу,
чтоб ему побежати насилованную свою нужу,
и отставати бы ему от слабого своего обычая и нрава,
и получити б ему от вечныя муки избава,—
от некоего многогрешна монаха,
желающа всегда божественнаго страха;
аще и двоестрочием или речи сугубством строк слагает,
но обаче от того же божественнаго собирает.

Понудил еси мене сие писание к тебе написати,
чтоб тебе от того своего слабого обычая и нрава отстати
и прибегнути бы тебе к самаго вышняго деснице,
и помощи бы тебе безсмертной твоей царице.
И мы не вемы, како ум и мысли собрати,
иже бы к тебе твердо и полезно что написати,
и чтобы тебе на памяти своей держати,
а себе тебе от того нрава и обычая удержати.
Понеже человек обычаем своим бывает тверд и слаб,
яко же убо разумный и неразумный раб;
таковое убо умное то действо прирожением случается,
понеже некогда во время подобно и неподобно младенец во чреве зачинается.[1]
Потому тако разны умы и обычаи во человецех бывают,
а друг друга крепостию и смыслом не спевают,
яко же святыя книги о том сказуют,
да и врачебная художества[2] такоже указуют.
И не у время о том много повествовати,
того ради подобает зде конец тому дати,—
да не проведется слово в долготу.
Добро убо есть, кто соблюдает душевную и телесную чистоту.
От таковаго бо плод добр всегда возрастает
и рожден красно и разумно бывает.
Инии же мнози чада духом породиша
и в горний Иеросалим вселиша,
яко же мнози святии себе тако сотвориша

и сего ради племя в Сионе и сродники в Иеросалиме себе учиниша.
Такова убо есть душевная и телесная чистота,
еи же не привмещается никоторая земная красота;
тем же, кто в нечистоте и в неподобное время зачинается,
таковый не всяк образом и разумом лепо произношается.
Той же, кто брака не имеет,
Илии пророка образ на себе имеет[3]
и в блуде, и в скверне пребывает,
таковый наипаче сам душу свою погубляет.
Начнем же паки настоящее сие речение
и свое к богу неисправление.
Что же убо глаголет вселенней учитель,
аще убо и преже был на церков божию гонитель? —
Ныне же аки велегласная труба во святилищи господни вопиет
и всех нас во царьство небесное зовет;
звание жь его в толковании нарицается «советник»,
яви бо ся всея вселенныя проповедник[4].
Глаголет же и велеречьствует своими усты сице,
святая бо его и непорочная душа ныне в самой божии десницы;
что же убо в речении своем наводит
и всех нас ко спасенному пути приводит:
«Како убо, инем проповедав, сам неключим буду?
Аз же убо, недостойный, творя грехи, како инем учител буду?
Себе ли, друга своего и добродея, могу учити?
Сам убо себе никогда не имею научити,
чтоб ми нелепых дел не творити
и творцу своему и богу угодити»[5].
Како бы толик велик таковое речение на ся принесе,
иже языком своим вселенную всю обнесе?!
Мы же, худии комари и гади, чему пригодни будем,
аще добрых дел сами творити не будем?
Како инем людем образ дадим,
а сами о добрых делех никогда не бдим?
И како о своей совести премолчим? —
всегда бо неподобная дела творим.
И паки благовестник вопиет[6],
иже бо всех нас в царство божие зовет.
Что же убо будет сицево его речение? —
Назнаменует бо самое совершенное учение.
Глаголет бо, их же начат Иисус творити же и учити,
того ради подобает не всем нам учителем быти.

но токмо в разуме и во уме быти совершенным
и самими душею и телом очищенным.
Паки Христос мой и бог глаголет,
от него жь сотона со всеми силами своими стонет;
глаголет же господь, иже сотворит и научит,
и тем словом всем нам претит.
Сей велий наречется во царьствии небеснем,
той же, окаянний, в житии сем прелестнем.
Аще кто токмо научит, а не сотворит[7],
таковый милости божия не получит;
змий и в царствии небеснем наречется,
сии речь к вечному мучению отслется.
И тако же некто премудр пишет,
яко некоторым драгим бисером нижет:
все бо истязани будем, еже всех спасати;
и тем учит нас и повелевает нам преже всякому себе учити[8],
како о том святое благовестие сказует
и всех нас таковым глаголанием наказует.
Аз же убо, недостойный, ни того, ни сего не имею,
токмо неподобная дела творити умею.
И паки благовестник же Христовыми усты глаголет,
якоже некто перстом во око колет
сице: «врачю, исцелися сам».[9]
Сие речет к неисправленным нам.
Како кто сам неисправлен инех может учити,
себе же паки не может никогда обучити?
Подобает бо преже своих уврачевати,
потом же о чюжих прилежати.
Како убо аз, грешный, сам — многострастен
и яко убо человек — добру и злу самовластен:
захощет — добро или зло творит,
того ради душа его в рай или в муку варит;
и паки сам себе человек друг и враг бывает,
того ради отраду или место мучения приимает.
И уподоблюся кладезю скверну и нечисту
и отпадшему от древа во осеннее время листу,
понеже пуст и обнажен есмь добрых дел,
и прехожду уставленный ми от Христа, бога моего, предел.
Всегда же свою волю и хотение творю во всем,
и не оправдаюсь пред ним, творцем и богом моим, ни в чем.
Како же дерзну учити инех,—
сам бо грешнее и недостойнее паче всех.

И паки к вышереченному источнику притеку,
и совершенное глаголание на ся изреку:
что инех скверну и нечистоту отмывающу,
самому же всегда в скверне и гнусе пребывающу!
И паки прииду ко обнаженному тому древу,
не достоин бо есмь грешный дару олтареву.
Токмо к настоящему слову притещи
и за послушание вкратце ти изрещи,
елика ми всесилный бог поможет.
Всяк бо надеяйся пань глаголати возможет.
Всегда бо велию твою доброту пред собою зрю
и по возможению своему тако и сотворю:
повелено есть нам друг друга учити,
чтоб нам никому зла дела не творити.
Аще кто будет и велми грешен,
но обаче да будет брата своего учити поспешен.
Брат бо от брата помогаем, яко град тверд бывает[10],
и господь, праведное солнце, всех нас на покаяние
призывает.
Понеже принудил мя еси сие писание к себе начертати,
чтоб тебе от онаго своего обычая и нрава отстати
и себе тебе от него воздержати,
и страх божий в сердцы своем держати.
И сам ты еси божественнаго писания много читал,
и колико лет на памяти своей держал.
Ныне еси по что конечне ослабел?
Мню бо, яко верою и делы оскудел.
Преудивляюся всякому человеческому нраву,—
на временную привменяет бо вечную славу
и всегда творца своего и бога презирает,
и святыя его заповеди преступает.
Возрим, како божиим хитротворением небо и земля
стоят[11]
и повеленный им устав держат.
Тако ж и светила, великое и малое, свое течение
сотворяют
и нам таковым своим уставом возбраняют;
понеже оно, бездушное естество, повеление творца
своего не преступает
и нам яко глаголы возбраняет.
Тако море и реки предел своих не преходят,
токмо реки во округ свой обходят;
море же наводнено яко чаша налита стоит
и нам же таковым уставом велми претит.
Аще ли некогда от великих ветр и зелне колеблется,

но обаче от своих предел не отлучается,
или, простершися, выступает,
но паки своего предела не оставляет
и вся творит божиим повелением
и уставлённым ему от него положением.
Такожь и вся животная пребывают в повеленном им уставе,
мы же нигоже стоим в преданней нам славе:
всегда бо творца своего и бога заповеди преступаем
и повеленнаго нам от него забываем;
и паки аки свиния в кале валяемся,
творцу же своему и богу теми своими злыми делы супротивляемся
и умом своим и сердцем не устрашаемся,
токмо всегда на неподобная дела поощряемся.
Тако божественныя книги всегда аки трубы во церкви божии вопиют
и всех нас во царство божие зовут.
Мы же вся мимо ушес своих пущаем,
паки, аспиды глухия, слухи своя затыкаем
и многия, и различныя грехи содеваем,
и вечней муки быти яко не чаем.
Неложно бо есть реченное к нам, яко неразумием своим горши есми скота,
понеже не помышляем в себе вечнаго живота;
скоту бо и всякому безсловесному естеству не надо того разумети,
токмо свойственно ему есть чрево насыщенно имети
и в небытие отходити,
понеже господь бог не повеле в них словесней душе быти.
Мы же душу словесну и разумну имеем
и вся заповеди господня разумеем.
И паки от него, создателя нашего и творца, всем нам дано знати,
чтоб на святых его заповедей не преступати.
Мы же паки, знающе и ведяще, злая творим,
о душевной добродетели никако же бдим,
и всегда своя похотения исполняем,
и заповеди творца своего и бога преступаем.
Писано бо есть: горе в разуме согрешающим
и заповеди господня преступающим.
Ведый раб господина, воли его не творяй, много биен бывает
и неведый раб господина малые раны приемлет.

Не вем паки, како ум и мысли приложити,
чтоб нам обычаи свои и нравы пременити
и творцу своему и богу добрыми делы угодити,
и с ним, творцем своим и богом, во веки жити.
Пишет бо ся ум у человека яко царь во главе,
и всяка убо плоть подобна привмененна растимой траве.
Кто будет над умом своим силен,
той бо сам чювством своим винен,
и всеми бо уды и члены владеет
и сам в себе крепости яко не имеет.
Ум же, той у человека яко царь во главе на престоле седит,
сюду и обоюду зрит,
и всем удовом своим разсужает,
и яко некий изрядный домоводец дом свой учрежает.
Не вем, кто его может укрепити? —
Токмо тело свое алчбою и жажею может уморити.
Обаче, рещи, вся в нем крепость и радость содержится.
От кого жь иного твердости и разуму научится?
По сем велми преудивляюся
и паки, рещи, недомышляюся:
како и кто крепость ему подаст? —
разве кто все житие свое богу отдаст.
Той же паки и твердость ему учинит,
понеже сам сия вся содержит,
всегда бо о помыслех своих бдит
и яко орел высоко парит,
не токмо кровы небесныя проходит,—
солнце же и луну, и звезды, ефирь же и вся небеса[12] происходит;
страшно бо рещи,— и самаго престола владячня касается.
и паки во своем месте — во главе своей обретается.
И не ипостасью[13] же своею тако содевает,
помыслию своею толико высоко летает,
сам же с своего места не движим пребывает.
Движим же, егда помыслы ражает:
свойственно бо есть ему на единем месте не стояти,
токмо ежечастно помыслы ражати.
Зри и внимай, какова его сила и деяние
и каковое превысокое мысленное достизание.
И сам себе укрепити яко не может,
кто же ин утвердити его возможет?!
Не от себе же сия тако изрековаем,

но в божественных писаниих и святых отец тако обретоваем
Ныне же паки како ум твой и свой укреплю? —
сам бо всегда греховныя вещи люблю;
и паки сам себе не могу укрепити,
чтоб ми нелепых дел не творити
и творцу своему и богу угодити.
И тебе ли, друга своего любимаго, могу научити? —
токмо паки к настоящему слову сему слово приложити,
чтобы тебе по прежнему своему обычаю и нраву жити.
Попомни прежнее свое к богу добродеяние
и частое к нему, творцу своему, прилежание,
и всегдашнее ко святилищу божию прихожение,
и веси, яко имел еси от него, творца, великое поможение.
Добро убо есть, воистинну, добро родителское имети поучение
и рожшия своея матери повеление.
Егда еси с покорением своим ея слушал,
тогда аки с сахаром семидалный хлеб вкушал;
егда же престал еси ея слушати,
тогда аки опреснок з горчицею учал вкушати.
Добро убо есть, воистинну, добро
аки избранное и чистое сребро
и кто рожших своих с покорением слушает,
яко на всяк день аки с медом хлеб свой вкушает.
Зло убо, воистинну, зло родителем своим не покарятися
и своим волям всегда вдаватися.
Таковии человецы зде зле стражут
и сами себе аки некоими узами вяжут.
Писано бо есть: чти отца своего и матерь
и не буди чюжих доброт назиратель,
и тако будеши на земли долголетен.
Ты же учинился еси яко безответен,
понеже рожшия своея вмале слушаеш,
к тому некогда и не в подобно время вкушаеш.
Часто еси ныне тако и стражешь
и яко узами сам себе вяжешь.
И когды ты ко творцу своему и богу прибегал,
тогда и он тебе много помогал,
и был еси в доволном изобилстве,
ото многих людей во обозрителнем дивстве,
да и дом твой был наполнен всякия благодати
и невозможно было никому вины на тя взяти.
Егда же еси ли верою, ли делы оскудел,

того ради ныне никуды не поспел.
Тем молю твою сердечную добродетель, —
и всем нам учитель общий нашь творец и содетель, —
восприими свой первый добрый нрав
и да будеши душею и телом здрав.
Да даст ти господь по-прежнему свою благодать.
И всякому, не творя добра, добра не видать.
Попомни паки своего родителя
и добрым делом ревнителя,
каков был рожший тя твой отец,
ему же дал господь истинный християнский конец;
и каков был честен в человецех, —
ретко обретается таков в нынешних веце͡х!
Ты жь своим обычаем и нравом не толик уродился, —
всячески от рожшаго тя отменился.
Того ради — слаб и нетверд
и от того тебе соделается душевный вред.
Свидетел тебе той же нашь общий творец,
иже всем угодившим ему подает нетленный венец.
Жалею и печалую о тебе, любимый друже, велми.
И поревнуй тому естественному родителю,
и супротивляйся общему нашему врагу и борителю.
Егда найдет на тя твое неудержание,
прочитай сие наше к тебе начертание.
И держи сам себя аки коня браздою.
[И да будеши одарен от бога многою мздою.
И звание бо твое «крепость божия» нарицается[14],
нрав же твой и обычай слаб является.
Сего ради украси свое доброе звание
и положи во уме своем крепкое основание.
Буди умом своим и мыслию непобедим,
и да сотворишися своим и чюжим любим.
И да наречешися, по божественному писанию, «сын света»[15],
и да сподобишися мудрых совета.
Сия вся пишем к тебе по твоему к нам понужению
и не по нашему хотению.
И паки сия вся изрещи за Христову любов,
иже за нас пролия неповинную кров.
Аще паки и сами в неисправлении своем пребываем,
обаче тебе, друга своего любимаго, поучаем.]
Помяни сына Давидова, царя Соломона,
иже прикосновением к женам от боков своих соломона.
Прелстил бо ся на красную мадиямку,
ископал было себе глубокую ямку;

к чюжим богом и идолом поклонился
и на вышереченную мадиямку прелстился[16].
Того ради бежи, бежи красных лиц
и держи предобрыя очеса своя ниц.
Александр Афартос прелстися[17] на сввину красоту,
тем учинил было всему своему царству конечную
пустоту;
и все свое отечество Ирод[18] посрамил,
и вся человеки великаго царства умертвил.
Також и ты не прелщайся на красное видение,
да не будет душевному твоему граду разорение,
и да не придаши душевнаго своего благородия
на смерть,
и да отидеши и древния грехи своя потерть.
Непросто бо есть таковое великое дело сотворити,
и всех людей таковым деянием удивити,
что<б> неудержаный пламень естества удержати
и лютыя страсти и сласти в себе связати.
Мы же ни страха божия, ни боязни в себе имеем,
токмо грехи своя творити разумеем.
Еще же и сладостне грехи своя сотворяем
и от таковаго скверного деяния не отступаем.
Ты же, господине мой, умом и крепостию млад,
яко бо некий новосажденный сад.
Блюдися, блюдися и паки блюдися во своем уме! —
Да будеши всякаго греха кроме.
Кто убо на земли был премудрея Соломона? —
и того жены учиниша сломана.
Кто же во всей вселенней силнее был Самъпсона? —
и того зделала жена его, нелепо рещи, аки Софрона[19].
Прости и не позазри за простоту глагола,
понеже в то время сила самъпсонова молола.
Пострихши же главу, его Далида отда иноплеменником,
яко злым царевым изменником;
он же злым поруганием от них пострада,
понеже всю силу свою жене своей отда[20].
Асирийского царя воевода — Олоферна,
его же хвала изо уст была многомерна,—
и тот прелстился на Июдифину красоту
и всему асирийскому войску учинил вечную срамоту:
сам же от мудрыя учинися обезглавлен,
град же, на него же пришед взяти, от нея бысть
избавлен.
Она же, предивная, пришла во град свой с велию
похвалою

и главу олофернову принесла с собою под полою;
и всему Израилю спасение и избавление наречеся,
и слава ея во всю вселенную промчеся.
На вся же асирийския вои прииде тогда страх,
и вси разбегошася и растекошася аки прах,
и кождо не уведе, куды кому бежати,
зряй не успел ухватити своиво жребяти[21].
Не буди ж и ты подобен безумному Олоферну
и имей в себе силу и крепость благоверну,
и не предаждь мысленныя главы своея красоте женстей на отсечение,
сии речь — души своея на погубление.
И не учини себе великого во веки срама,
и не оскверни своего естественнаго храма.
Зри и смотри, что от красот женских случается, —
и самех силных хвала и слава побеждается;
единожды и дважды с сыном падшим восташа,
а от господа бога милость и прощение грехов своих прияша.
И о сем чтый умом своим да разумеет,
яко вмале жена мужем своим аки метлою веет.
В лепоту рещи, Александр царь макидонский[22],
иже бысть изрядный всадник конский.
Дивлюся, яко мнози мужие землями и градами владеют,
а перед женами своими работы своя деют.
И уже доволно о сем к тебе, господину моему, написахом,
иже от многих притчей и случаев изобрахом.
И уже ми время о сем престати
и обремененному кораблю ко пристанищу стати.
Еже<ли> божественная искра в сердце твоем загоритца,
и добрая мысль во ум твой вселится,
можеши и сим начертанием уверитися
и умом своим и разумом умилитися.
Аще тмы, тмы и паки тмы словес изнаписати,
а затченных ушес несть мощно наказати.
Подобает ти законному браку присовокупитися
и от таковаго злаго деяния отщетитися,
а не любодейством утвердитися,
и противу супостата своего крепце вооружитися.
Яко же божественный апостол глаголет,
яко бы некто перстом во око колет,
яко лутче есть всякому человеку женитися,
нежели похотию яритися.

Аще ли ти некое пресечение не дает браку сопричтатися,
подобает ти к богу умом своим простиратися
и ему, светодавцу и творцу, молитися,
чтоб тебе от таковаго злаго дела лишитися.
И даст ти милость свою попремногу.
И, егда получиш себе благополучное время,
тогда понесеш свое тяжкое бремя.
Аще ли имаши у себе сущих своих родителей
и сердечных своих болителей
и ты им таковаго своего злаго дела не скажеш,
токмо сам себе таковым злым деянием <с>вяжеш.
И они таковаго злаго деяния за тобою не ведают,
токмо отчеству своему последуют.
Аще ли бы они за тобою таков порок ведали,
то б крепце о том заповедали,
чтоб тебе таковаго злаго дела не творити
и души своея и тела не губити;
и запретили б тебе с великим радением
и со многим и крепким учением.
Аще, смотря, имаши у себе и единоутробных,
блюдися и от них словес злобных.
И како учнут тебе стужати
и за твое деяние посрамляти,
что имаши им ответ дати?
А тебе нечево будет им сказати,
понеже ты пред богом и пред ними виноват,
аще ли си по роду и болшой им брат.
Сего ради молим, молим твое доброродство:
помилуй свое телесное добродство,
престани, престани от таковаго злаго деяния,
да не лишен будеш вечнаго упования!
Аще ли не послушаеш сего нашего речения,
блюдися, блюдися и некончаемаго мучения.
Сия убо страсть на всех люта
и лишает всякого вечнаго живота.
Прочее буди милостию божиею храним
и душею своею и телом невредим.
Вящи убо того не имам что тебе писати.
Сам себе умом своим буди разумевати.
Добро от худаго дела знати
и протчия своя клевреты поучати.
Аминь.

Послание архиерею, взыскующему мудрости

Честному и пречестному именитому отцу,
предстоящему всегда содетелю своему и творцу,
и паки великоименитому же званию,
по его, божественному, преданию,
и паки по его, господню, смотрению,
и по самодержца царя государя изволению,
небесоподобныя ограды опасному снабдителю
и доброразумному разсудителю.
Именование же твое, государь мой, премину,
да не поставиши нам сего в вину,
зане не у время ныне сего изъявити,
токмо подобает нам у тебе милости просити.
Многогрешный монах метание творит;
да простит тя, государя моего, божественный параклит[1].
Зрим твое велие рачение
и умное твое разумение
к божественному писанию
и ко всякому доброму начинанию.
Сего ради доброумие твое хвалим
и всегда любомудрие твое славим,
яко добрая дела желаеш
и благоразумных мужей к себе призываеш;
и хощеши от них таковому делу поискуситися
и любомудрственному разуму поучитися.
Паки подобает нам благоразумие твое хвалити,
да и самем от честных твоих уст учимым быти,
понеже явил еси к нам свое жалование и любов
и ввел еси нас в честный свой кров,
и преупокоил еси нас всем добрым устроением —
душевным и телесным наслаждением.
И ныне явил еси к нам свое велие милосердие.
Да воздаст ти господь возмездие.
Низрекл еси к нам тогда свое рачение,
чтобы видети тебе таковое разумение;
повелел еси нам сие писанеце начертати,
чтобы тебе крепостне вразумляти.
И мы грехом своим по се время укоснели,
обаче и дому твоего преподобства долгое время не видели.
Воистину, тебе, государю, изорчем,

яко во многобурной суете всегда течем,
и яко некий корабль носим волнами,
тако и мы — скорбми своими и бедами.
Потому и довод наш не доходит,
яко все житие наше в суете исходит
и не дает о чем-любо упражнятися
и умом своим укреплятися.
И твоему бы благоумству на нас гнева не подержати,
но на творца своего и бога надежда полагати.
Той не оставит всякого просящаго
и заповеди его неленостно творящаго.
Тако не оставит и твоего прошения
и не лишит тя таковаго получения.
Токмо подобает у него с верою просити
и святыя заповеди его усердно творити.
Писано есть от самех божественных уст,
по тому же последует и великий Иоанн Златоуст,
и инии божественнии отцы,
на них же ныне нетленныя венцы:
«Ищите прежде царствия небеснаго
и не любите света сего мира прелестнаго;
и сия вся вам приложатся,
и во оном веце мзды вам воздадятся».
И паки писано есть в божественном писании
и в самом том благовестном прочитании:
«Ищущему обретается, толкущему отверзается[2]
и всякому просящему дается,
и всяк смиряяйся вознесется».
И что нам твою честность поучати? —
Подобает нам и самем от вас приимати.
И сам ты веси божественное писание
и много в нем наказание,
мы же толико к твоей честности воспоминаем
и на добрую волю памят<ь> полагаем.
И ныне, убозии, елико возмогохом,
толико, нищии, и соплетохом,
и твоей честности предложихом;
аще и вкратце счинихом,
токмо жалуй нас, последнюю нищету,
и подаст ти господь умную остроту.
И ты, государь мой, сим утешайся,
а на предняя простирайся.
А о вящъшем преподаждь нам время,
да и то твое понесем бремя.
Ныне же о сем прекратим,

да не в долготу беседу продолжим.
Аще, грешнии, живи будем,
жалования твоего к себе не забудем.
Аще бог тя и поискал,
будеши и сам добрый дидаскал[3].
Исполним твое желание
и то твое доброе начинание.
Ныне паки молим твое преподобство
и душевное твое благородство:
презирай на нас своею милостию
и благонравною своею тихостию.
А мы, грешнии, о душеспасителном твоем пребывании
и о многом тебе божеском даровании
должни о тебе всещедраго бога молити,
чтоб тебе вся благая получити.
Буди, государь, паки покровен вышняго бога десницею
и воздаст ти многократною сторицею,
ныне и всегда, и во веки веков, аминь.
Да и впредь нас от своея милости не отринь.
Сия малыя виршицы пожаловат принять,
а в болших сроку подать.

От дидаскала некого к высокоумну

Мудроумнии любящии ся дружбу правят егда,
и даже своим другом любезне способствуют тогда.
Люто волнение кораблю от сопротивных ветр бывает,
опасен всяк тамо в то время да пребывает,
спастися како от морския пучины и истопления,
твердаго отвсюду пристанища требуют и заступления.
И что видети бе страшнейше морскаго плавания,
в народех же суть лютейше убогаго кому пребывания?
Озаряются повсюду живущии солнечным светом,
премножае же сего — напастным и бедственным наветом.
О целомудрии ли кто и разуме стежателства тщится выну,
желанием многим спомогает другу в скорбную годину.
Аще и по вся дни древняя новыми помрачаются,
любов же истинная николи пременна учиняется:
о всех прискорбных дружних всегда бодръствует,
всячески же о сем и умом своим мудръствует.
А идеже кроме любви что бывает,

тамо Христос, по реченному, не пребывает.
Учителства бремя носящии ведят суть таковая,
чим содетелю своему должная воздают и каковая.
Имеяй благочестие исчитает вышняя почести,
науками же любомудрия улучают повсюду велия чести.
Истинне тщася кто от кого наук доразумения,
такову во всем помощь дают без сомнения.
И ведят противу всячески оних дароватися свыше,
ничим же бо тако изъясняется в нас любов преизлише.
Аще в скудости чьи недостатки весть кто исполняти,
должная требования им в нужах их преподавати.
О всех же, государь, благодеяниих твоих и подаянии
многосугубно воздастъся тебе в твоих одаровании,
навышших благ во изобилии довольства всех,
о них же улучаются горняго селения и жителства тех,
юже едино паче всего по бозе имеют рачителство
и в науках любяще премудростных видети торжество.

Припис:

Всяко же, государь, подаянию отдаяние бывает,
и от просящих лица отвращати закон не повелевает.
Да в том милостива мужа нрав его объявляется
и ищущих лутчего ум доброй познавается,
поелику моч чия бывает чем,
и потолику воздаяние неимущим учиняет тем.
Да в том право живущи благочестия не нарушают
и друзей присных от себя безмилосердием не отгоняют.
Естли когда нападает неприятель,
и друг всегда бывает спомогатель.
Естли может, помогает силою,
или болшую моч подает доброю мыслию,
да неприятеля его тем одолевает
и иже и закон быти тако повелевает.
Возбранити за сие весть бог,
что приятел кому в чем не спомог.
Слышим апостола Павла, сие похваляюще,
егда друг другу во всем спомогающе.
С радующимися радоватися
и с печалующими плакатися,
а, видев кого в упадке в чем,
не подобает его оставити до конца в том.
Естли кого бог пощадит,
не умеет ли против воздарит.
Люте всуе и во лжах сего мира
пременилася во обычаех справедливая мера.
Аще бо по человеколюбию божию все творили,

то бы безлестно друг друга любили[1].
Недивне из детска несовершенным быти в разумех нравам,
младенчества ради таковым их справам.
Зло ж в средовечии в чем на суету ум покушен,
оставив лучшая, и к хуждьшему бысть весь попущен.
Да не бог таковым нравом быти повелевает,
грех ради наших диявола наветовати попущает.

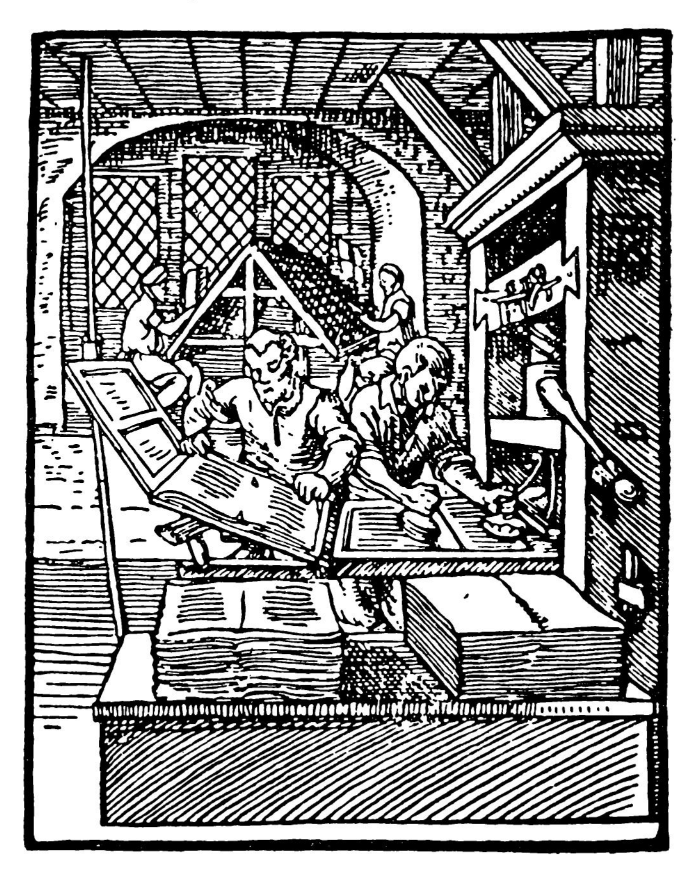
Фрагмент послания некоему, обвиняющему в неразумном исправлении книг

<...> Тем тверд ум пишется паче многих книг
И самех тех златокованных вериг,
И ничтоже помышляет, кроме господняго
пребывания<...>
Еже бы паки и всем нам получити вечных благ,
Толко бы не запинал нам общий супостат наш и враг.
Во веки веков, аминь,
а ты от нас своего жалования не отринь.
Акростихиде конец стал,
а ум наш еще к тебе не престал;
и еще нам не достало писати,
чтобы нам против твоих вопросов ответ тебе давати.
И таковою виною яко бы нас охуждаеш,
и неразумию нашему всегда зазираеш.
Еще же о зазорех и поносех ваших во особом том нашем
разумении,—
бывают бо многи вины и в недоумении;
и в том некому ничему на кого диковати,—
подобает доброразсудным умом разсудити.
Аще у кого будет ум и смысл велик,
таковый причтен будет со избранными в лик.
И вы нас в таковых мерах туне поношаете
и в том грех души своей содеваете.
Сие же пишем тебе любве ради, не в брань,
да будет на тебе всегда божия длань.
И не вмени себе сего в досаду и во гнев,—
подобает говорити всякое дело разсмотрев.
Начнем же паки к твоему благоумию начертовати,
чтобы тебе праведне и изрядне разсуждати.
Несть бо дивно кому сего и не знати,—
всего божественнаго писания не изыскати!

Никто же несть солнце, всего мира не осияти,
такожде и божественнаго писания всего не перезнати.
Несть паки, несть муж, иже всему научен,—
бывает бо некогда и мудрый от простаго обличен.
Того ради не подобает никому своею премудростию
превозноситися,
но достоит всякому до смерти учитися!
Аще кто похвалится вся ведети — сие лжет,
некогда же и срам самь на себе наведет.
Несть мощно силна кладезя ведром износити,
такожде и книжнаго разума во уме умне кому изучити.
Мнози убо премудри и философи в малости своей разум
изрековают
и всякому нам хвалитися не повелевают.
Мы же, грешнии, аки пси от крупиц падающих от
мудроумия их насыщаемся
и аки перстом краеви их учения касаемся,
и, елико мощно, по своей убозей силе розумеваем,
а в глубину или в высоту ити недоумеваем.
О прочем же великоименнем помолчим,
да не сами себе велик зазор навлачим.
Несть убо лепо высоких касатися
и не за свое достояние кому взиматися.
Довлеет нам, грешным, и о сем,
разумный же муж недоумевати будет во всем.
И преуготовлены у тебя бывают словеса на вопрос,
всяк убо человек пишется еллинским языком «анфропос»[1],
и повеленно ему взирати к своему жителству,
а не зазирати брата своего неразумичеству.
Аще еси и сам божественаго писания много умееш,
а во иных вещех такожде сказати недоумееш.
Того ради, яко же и выше рекли есмы, несть се дивно.
Зазирай брату своему творити дело непоносивно.
А се некогда над нами таковою виною яко искус являеш,
что во время неудобственнаго часа о чем-либо
вопрошаеш.
Сам веси что в таковый год ум у человека и как бывает,
и разумнаго своего устава отбывает.
А се мы, грешнии, у такова великаго государева дела
пребываем
и мыслию своею в то время тебе сказати не доспеваем:
есть нам что и кроме того разумевати,
а всего божественнаго писания не истолковати.
Воистинну, подобно есть морстей глубине[2],
и тебе бы нам не зазрити о таковей вине.

Многажды человек море преплывает, во обычной реце
утопает;
такожде и в божественном писании, мудрое разумев,
у простых недоумевает.
Ты зря о едином своем деле упражняешися,
а к нашему делу не так поостряешися.
У нас же будет сугубее того десяторицею,
того ради и молимся наставляеми быти безсмертною
десницею;
да нас наставит и научит своею благодатию.
Того ради и вам не подобает никому зазирати нашу
братию.
Аще учнеш нас таковым узором поносити,
тем тебе от бога милости не получити.
Но и паче себе укор наносиш от благоразумных,
всегда бо приемлют досаду мудрыя от безумных.
И ты нам в том своим многоразумием не зазирай,
а сие наше грубое писанейце воспоминай.
И паки буди нас жаловати своим благоумием,
и не поносити бы тебе нас нашим недоразумием,
якоже и выше сего тебе изрековали,
что и сами мудрый разум свой в малости нарицали.
Вящши уже того не имам что к тебе писати,
уже подобает кораблю ко пристанищу стати.
А на твоем жаловании попремногу челом ударяем
и разумичество твое везде похваляем.
Аще еси и многим разумом одарен,
буди же к нам своим мудроумием отворен;
и просвещай наше недоумение,
а твое сяжет мудроумное разумение.
Писано есть: человек человеком учим бывает[3],
а бог всим благодать свою подавает.
Паки не рцы нам тайным мышлением,
но глаголи истинным сердечным речением;
что мы, грешнии, у такова государева великаго дела
пребываем
и по его царьскому велению всемирную ползу сотворяем,
и подобает вашим верстам от нас просвещатися,
а не нам от вас таковому разуму научатися.
Что твое речение тако глаголет,
яко перстом во око колет?
Мы же к нему отвещаем: не тако потому подобает быти,
что друг друга в каковей-любо вещи поносити,
но достоит всем во истинней любви Христове жити
и друг друга нелестно и беззавистно учити

чем кого господь бог по своей велицей милости одарил
и разум его, и смысл просветил.
Неложно бо есть, что мы у такова государева дела
пребываем,
но обаче разумных мужей к себе призываем,
кто бы наше недоумение просветил



и недостатки ума нашего навершил.
Яко же трудолюбивая пчела от всех цветов собирает
и от того разумом своим медвеныя соты разтворяет,
такожде и доброрачителный муж мудрых мужей себе
собирает
и от них разум свой просвещает.
Недивно бо есть, что, у такова дела будучи, чего не знати,
яко же прежде рекли, яко морския глубины не испытати,

такожде и божественнаго писания до конца не изыскати.
Аще ли речеши нам, что на нас то дело положено,—
тако и есть — по царьскому изволению быти нам
повелено.
И велено нам исправляти и в мир подавати.
И на нас вся и справа и вина лежит,
а мы речем, что и вам разумети не бранит:
у всякого человеческаго естества господь бог разума
не отнял,
и от него всякого благодарения себе восприял.
И аще кто имеет у себе ум и смысл здрав,
тот себе, по своему разуму, и прав;
аще на нем то дело и положено,
обаче никому разумети не возбранено.
И вы в том много зазираете,
не смеем рещи дерзо, что во ином месте и сами
не знаете.
А многие статии есть и стары, неправо лежат,—
ваши братия, разумнии мужие много нам о том претят,
чтобы мы их по чину и по делу положили
и знающим вам без сумнения учинили.
И нам того инде тако учинити не умети,
понеже не всякому дано много разумети.
И от многих лет тако во все люди вкоренилося,
и прежде нас иным исправити не угодилося.
Потому так таковые вины по се время и лежат,
и на нас ваша братия ту не дивят.
А инии, не знающе, много разсуждают
и нас, недостойных, нарочно поношают.
Есть же много, что тако тому подобает быти,
а не надобно того на ин разум пременити.
А иные многия статии неудобь разумны,
а по своему их разуму зделати — и мы паки будем
безумны.
И мы их по старому сложению пологаем,
и на свой разум в таковых статиях не уповаем,—
господь бог своим промыслом да исправит,
а нас в том виноватых не поставит!
И вы нам в том престаните поносити,
чтобы вам благословение, а не клятву получити.
И не прогневайся на нас за сие дерзостное речение.
Воистинну, есть велико книжное учение,
еже рещи Домасковы похвала[4],
о ней же по всей земли многая слава.
Нас же всех призываете своими добрыми советы,

а мы по своей убозей силе таковы вам творим ответы.
И паки сколко недостаточно ум наш сяжет,
потому тако своего разумения и стрежет.
А болши того дерзати недоумеваем:
елико мощно, тако и разумеваем.
Те слагали и разумевали паки по благодати святаго
духа,
а мы, грешнии, просим благодатнаго воздуха.
Да подаст нам господь бог благодати своея хотя мало
осенение.
Да будет в нас, по убозей силе нашей, разумение.
Тяжко бо есть затарелыи обычаи пременити,—
и возмнится всем, яко в новоучение положити.
И сами знаете, что много неудобно инде положено,
но от старых и давных времен тако учинено;
и по своему разуму зделати не уметь,
понеже безумному и разумная статия аки сеть.
И сие писанейце в велико вмени,
а сам своею мыслию во уме своем привмени,
аще чтобы де учинено и несложно,
смущенным умом изящно разумети и свозможно.
А се в философском училищи не бывах
и риторских строк не читах:[5]
елико он истинне свет нас, грешных, просветил,
потолику убогий ум наш и счинил.
И тако твоему благоразумию и предпослахом,
елико по той нашей убозей силе написахом.
И о сем нам, грешным, своим разумением не позазри,—
осуждающим многи бывают от бога казни,—
что мы сие свое грубое писанийце продлили
и любочестная твоя ушеса отягчили.
Понеже не мощно таковаго речения въкратце написати,
подобает его в пространстве сказати.
Прочее буди покровен десницею вышняго бога,
да сподобит тя стати у небеснаго своего чертога.
Буди, буди всем нам тако.
А без добрых дел не мощно угодити никако.

Послание дьяку Василию Сергеевичу

Вельми преудивляюся твоему благоумию,
А не вем, како написати тебе по своему недоразумию.

Светлому бо царскому величеству предстоиши,
И рождьшее от него премудрому разуму учиши.
Любомудрием же своим всех удивляеши,
И божественное писание аки бисерие собираеши.
Юза воистинну сребрена и злата на выи человеку —
многое учение,
Царева же светлость на ком — радость и веселие.
Еже бо ничтоже болши царского приближения,
Радует бо ся и цветет лице от сердечного того веселия.
Губит же умы и омрачает образ государское непризрение,
К тому же еще злое поношение.
Его же с лютою горестию проходити,
В лепоту аки пелыни чаша пити.
И от того убо ум и мысли помрачаются,
Чувьства же вся и члены ослабляются.
Юродствен убо ум человечь становится в таковом
пребывании,
Честен же и велик человек бывает при царском
предстоянии.
Еже бо ничтоже болши зде от бога таковаго дара,
Развеселят бо сердце аки сладкаго пития златая чара.
Ныне же паки что имамы тебе, государю своему, писати,
Еже бы тебе по-прежнему милостию своею на нас
призирати.
Цветут по юдолиям и по горам крины селныя,
Свет же некогда дают видети и други неизменныя.
Аще еси приступен к царскому величеству,
Воспомоги же и нашему недоразумичеству.
Аще паки помилован еси от бога отца,
Того ради незабуди нас, предстоя у того царского
лица.
И ничто же тако ползует ближним царевым
предстоятелем,
Иже бы им быти к царем о неприступных помогателем.
Щит во время рати защищает от телеснаго уязвления,
Есть же и друг верен помогает во время царскаго
непризрения.
Честь и милость царева красит всякого человека,
Ей немощно весма отбыти настоящаго сего века.
Люто воистинну и прелюто жити человеку без призора,
Понеже сломляется сердце его от великого позора.
Мнит ми ся такову человеку и во дни аки в нощи
пребывати,
Буйством же и юродством самому себе облогати.
Иже бо никто же может много соли зобати,

Есть же и смущенным умом немощно изящно разумевати.
Тако же конец краегранесии зде стал,
А ум наш убогий еще не устал.
И понуждает нас еще рещи,
И благонравие твое на милость себе привлещи.
И паки еще хотим к тебе, государю своему, написати,
Да не вем, како разсеянный ум свой собрати.
Понеже от скорби и печали рассевается,
И быстро разумевати не поостряется.
Писано есть ум смущен немощен бывает от забвения,
Понеже не имеем к себе крепкаго царскаго призрения.
Аще в мале званейце и пребываем,
Но болшаго радования себе не обретаем.
И паки не имеем о себе к царю крепкаго ходатая,
И по разумишку своему и по смыслишку истиннаго поборатая.
Того ради припадая ко общей нашей матери земли,
Ты же, государю мой, добродею о сем внемли.
По премногу твоей честности челом ударяем,
И совесть свою тебе объявляем.
Буди подражатель самому Христу богу,
И паки да подаст ти милость свою премногу.
Яко он повелевает друг друга любити,
По Соломону аки граду тверду быти[1].
Писано есть: друг верен — покров крепок,
А не верен — аки плот лепок.
Оперетися на него крепко, и он поволится,
А о добром друзе аки о потпоре человек держится.
И паки друг верен, паче злата и сребра,
Не забудем и мы прежняго твоего к себе добра.
И паки другу верну измены несть,
А все наши мысли и сердца един господь весть.
И паки земные плоды от лета до лета рождаются,
А добрии друзии по вся дни пригождаются.
Сего ради буди сему словеси подражатель,
И к нам грешным истинный приятель.
Аще еси великою честию пред нами и почтен,
Буди же и к нам своим жалованием присвоен.
И тако милости твоей всегда до нас много,
Да по грехом нашим воздароватися тебе от нас немного.
Чем бы тебе противу сего отплатити,
Токмо должны всегда о тебе бога молити,
Чтобы тебе и паки подоровал господь свою милость,
А нам бы твоею молитвою получити кротость.
И мнози дивуются твоему доброму нраву,

И за то вышел еси в великую славу.
Яко же и выше рекох самому царскому величеству
предстоиши,
И доброрасленную отрасль от него учиниши.
В благополучный же час буди от нас царю-государю
слово заложити,
И таковою милостию нас, грешных, одарити.
Как тебе невидимый бог о нас известит,
И сердце твое благоразумие озарит.
И да воздаст ти господь многократною сторицею,
И да всегда будеши покровен невидимою его десницею.

Послание дьяку Василию Львовичу

Вскую укоснел ми по сие время к твоей честности
писати,
А всем нам повелевает друг от друга любви искати.
Солнечныя лучи вселенную осиявают,
И друзи бо вернии много добра сотворяют.
Люто, воистинну люто без друга жити,
И внешнее житие в нищете проходити.
Юхание благовонно сладостно входит во обонянное
чувство,
Любление же дружие подает многое доброразумство.
Вервь триплетенна едва преторгается,
Обаче и друг верен не изменяется.
И паки верну другу измены несть никогда,
Понеже сердце свое в друзе своем имеет всегда.
Червленицы и багряницы царские дивно есть зрети,
Юза же любовная друга ко другу не мнее того мнети.
Червит виссон[1] тоже царское одеяние,
Есть же друг верен творит многое добродеяние.
Распинается убо за друга своего везде,
Не помышляет же убо о погибающей той мзде.
Ей воистинну ничтоже вящши друга верна,
Царя же небеснаго и бога милость неизмерна.
Статир[2] драгий удивляет очеса,
А друг верен украшает правдою свои словеса.
Восток сияет многими благоуханьми,
А друг верен словет добрый своими деяньми.
Травы и цветы украшают сушу,
А друзи вернии услождают тело и душу.

И что ми много о том словес плодити,
И честным твоим ушесем тягость наносити.
Ей вижу твое к себе сердечное рвение,
Любит бо господь бог нелестное дружие любление.
О нем же должны есмы всегда пещися,
Молю же твою честность, чтобы тебе от нас жалованьем своим не отрещися.
Господь бо и бог повелел всем тако жити,
Иже бы друг друга нелестно любити.
Ей без любви ничто же добро творится,
Творяй же ю в царство небесное вселится.
И зде уже акростихида стала,
А мысль наша в нас еще не престала.
Вопиет бо аки быстроструйный ключ,
Мьного бо господь бог дает недостойным благодатный свой луч.
От горести сердца тако вопием,
А твоего жалованья аки меду испием.
Того ради еще хощу к тебе писати,
Чтобы тебе, государю моему, на памяти своей подержати.
И не забыти бы тебе обещаннаго к нам слова,
Рожден бо еси воистинну от звания лвова.
И заложити бу тебе глагол к своему жалователю и кормителю,
И государеву-цареву добродетелному правителю.
На нем верь же ныне многое бремя лежит,
Звание же толкование менит[3].
Прикладом же дукс[4] именуется,
Пред царем же государем говорит не обинуется.
Рождьшаго же имеет тезоименита лицу божию[5],
И всегда поклоняется царскому подножию.
По реклу же именит твоему отцу[6],
Показал бы мне свою милость последнему государеву чернецу.
Иже бы он пред царем-государем слово о нас заложил,
И таковою бы милостию нас, грешных, одарил.
Возможно ему тако сотворити,
И царю-государю добрым словом нас огласити.
Царь бо государь во всем его слушает,
Некогда же много и от рук его кушает.
Мы по грехом нашим аки изверги бездушны пребываем,
А искренняго себе приятеля не обретаем.
Кто бы об нас ясне царю-государю исповедал,
И разумишко и мыслишко наше поведал.

И если бы нас он, царь-государь, своею милостию призрел,
И аки многоценною ризою одел.
Понеже царская милость паче всего мира,
И наслаждаются людие аки сладкаго пира.
За бесчисленныя грехи наша безчастны родилися,
И вящьшия царския потребы не пригодилися.
Токмо за малое потребство главу свою питаем,
А болши того чести себе не обретаем.
Яко же и прочии человецы царскою милостию сияют,
И многое благодеяние себе приобретают.
Аще и не подобает нам чести искати,
Но обаче не достоит же кому царския милости отбегати.
Но всегда подобает ея желати,
И на бога все упование пологати.
И всегда ему, творцу своему и богу, молитися,
И о гресех своих воспоминатися.
И паки чтобы нам всегда милость свою подовал,
И благодать бы свою всегдашнюю даровал.
И царю бы государю о нас грешных извещевал,
И царь бы государь своею милостию нас обогощевал.
Плачем и сетуем о своем безчастьстве,
Аще и много людей в велицем сем государстве.
А и мы грешнии были не в лишке,
Аще еще и в малем сем пребываем именишке.
Понеже много-много трудов положено,
И от младости к старости сведено, а царские милости конечно не получено.
А все то деется нашего ради великого греха,
Завистная бо и ненавистная статия лиха.
Не дает полезнаго разумевати,
Токмо обыча ей ум и сердце помрачати.
Еще злым нашим случаем и безчастием,
Не пособити же тому ни осмочастием[7].
Велий дар есть от бога счастное рождение,
На нем же бывает зелное царское призрение.
Лют же и горек недоброполучный час,
Вонь же не слышен бывает вопиющаго глас.
Вонь же бесчастный где ни пошел погубил,
И желаннаго своего не получил.
У безчастнаго везде горит и тонет,
И сердце его всегда болезненно стонет.
Ох увы и безчастну и недостаточну мужу,
Претерпевает бо всегда в себе злую нужу.
И сердце его злою горестию заливается,

И ум его вьшу в нем забывается.
И ходит и седит яко изумлен,
Понеже ум его всегда в нем забвен.
От великого того своего сердечнаго рвения,
И жалея своего добраго разумения.
Не лож бо есть реченно от мудрых,
Яко мног и умные досады приемлют от безумных.
И когда разум и смысл в человеце явится,
Тогда печаль и скорбь приложится.
Воистинну тако неложно,
Противу рожну прати невозможно[8].
И уже время нам о том престати,
И честная твоя ушеса отягчати.
Мним без сумнения яко и тако отягчили,
И многое время таковыми словесы продолжили.
Но по нужде бо воистинну глаголу служим,
Понеже всегда о своей совести тужим.
А сам себе пособити не умеем,
А к государем-царем дерзости не имеем.
Того ради паки молим твою честность,
Да явиши ко оному государю свою дерзость.
Чтобы он пожаловал к царем-государем слово заложил,
И нам бы таковым богатством одарил.
А мы за него, государя своего, должны бога молити,
Чтобы ему все благая о себе получити.

Послание князю Семену Ивановичу

Сие послание двоестрочно,
Почести его будет неотстрочно.
Понеже писано дружелюбство,
Тем и строчки положены те сугубство.
Како убо и что имамы писати к твоему разумению,
Понеже бо срамляемся и сумьняемся по своему недоумению.
Яко бо выше нашего достояния тако нас нарицают,
Зане ведя нашего неможения таковое бремя на нас налагают.
Юродство есть и буйство яже ничто не имея дерзати,
Сопротив мудрых и разумных отвещевати.
Ей тако глаголем к твоему доброму неложно,
Мутным бо и смущенным умом то сотворити невозможно.

Егда паки ум смущен и колеблем бывает,
Никакоже разумную свою силу являет.
Удаляеть же ся и не хотя от своего разумнаго деяния,
И лишается от своего же премудростного внимания.
Во еже бо скорбь и печаль нашедши забавляеть его разумение,
Аще и многу силу имать в себе к рассуждению.
Ныне же наш грешный ум тем же одержим,
Обонпол суетою и печалию яко вихрем обносим.
В ресноту убо к твоей честности изрековаем,
Во еже бо счинити к тебе разумно недоумеваем.
Чужду же ся твоей умной разумности,
Юже получил еси по своей юности.
Что понуждаешь нас тебе тако написати,
Еже бы облак уныния твоего разгнати.
Радуемжеся о таковем твоем к нам о дивном люблении,
Но не можем стати в глубоцем и мудром разумении.
Еже бы утешити твою мысль довольно,
Царю же и владыце всех сотворити извольно.
Сам еси ты божественному писанию много учен,
Аки неким другим богатством от бога одарен.
В кую меру повелеваеши нам тако к себе утворити,
А нам паки силен многи вины растворити.
Таче за любовь Христа моего и бога,
И не лишит нас небеснаго своего чертога.
И по твоему к нам грешным принуждению,
Что пишешь к нам и нашему недостоинству по своему изволению.
Елико бо убогая наша сила может счинити,
Любомудрие же твое и сердечное болезнование обвеселити.
О том много хощем тщания имети,
Много убо бог дает всякому человеку разумети.
Буди же здрав и долголетен,
И по твоему жалованию о нас неотметен.
Есть же убо твое и наше стоит покраегранесие,
Ты же и сам издавна веси.
И по ся черту акростихидное положение стало,
А настоящего сего речения много к тебе не достало.
Все начертанно будет во второй епистолии,
И ко всем твоим сердоболем. Аминь.

Послание Михаилу

Мудраго убо речение: яко в злохитру и лукаву душу премудрость не вселится[1],
И еще аще кто братем своим возгордится.
Христос и бог наш всех нас учит,
Аще кто и всю землю премудрость изучит.
И не повелевает ему хвалитися,
И лестными и лукавыми словесы кому с другом своим любитися.
Утаити ли кто хощет лукавое люблепие,
Человеколюбец же бог зрит всех нас сердечное мышление.
Есть бо лукавство и не утаится,
Развращенными словесы лестный друг объявится.
Ныне же слышым от тебе про себе поносныя глаголы,
Еже бо и всякому творят сердечные расколы.
Цена убо велика и неизменна нелестну другу,
Сопричтенна будет отчасти солнечном светосияниому кругу.
А злохитрому и лестному ни едина будет цата,
Всегда бо недобрым словом поносит своего брата.
Аще еси и всех человек зовешися мудрее быти,
Но обаче божественнаго писания не мочно никому до конца изучити.
Яко же силна кладезя немощно ведром изнести,
Тако и божественнаго писания количеством не изчести.
Аще кто похвалится вся ведети, той солжет,
И сам на себе зазорное слово несет.
И кто тебе научил таковому злому коварству,
И мнози люди зазирают твоему нелепому лукавству.
Что хупишися и хвалишися выше своея меры,
А мы и все христоименитыя своея веры.
И не подобает нам мудростьми своими хвалитися,
Токмо достоит всем о кресте Христове возноситися.
Свидетеля самого себе на тебе постовляем,
И всесилнаго бога с молением зрети призываем.
Яко вси в чем от тебе не скрывахомся,
И во всем к тебе сердечне простирахомся.
Ты же льстил нам тогда аки некий злый, лукавый лис,
И всегдашний убогаго нашего дому вис.
Хотя от нас, грешных, слышати многих божественных словес,
Мы же, убозии, предподавахом тебе не в вес.

Аки некий тщий сосуд пшеницею предполняли,
Теми божественными словесы ум твой напояли.
А того злаго лукавства и лести в тебе не знали,
Аще бы и ведали и мы тебе отнюдь тако и не открывали.
А есть и тогда проныречение твое в тебе зрели,
Да во очи тебе глаголати не посмели.
Что не хотя тебя раздражати,
И духовнаго союза с тобою разрушати.
И яко некоторый младенец от сосцу матерню питался,
Тако и ты от наших многогрешных божественных словес насыщавался.
И еще не смеем дерзо рещи, яко некоторый от безсловесных<...>
От крупиц, падающих от нас, грешных, приимал,
И всякое речение радостне начертавал.
Сам веси, что глаголем все неложно,
А с лукавым и с пронырливым в любви жити невозможно.
И ныне за наше благодеяние,
Воздаешь нам зло воздояние.
Себе выше всех людей похваляешь,
А нас кабы и не по делу охуждаешь.
И наши грешныя труды своими нарицаешь,
Не явственно ли сам свое безумие объявляешь.
В лепоту тако безумнии и немыслении творят,
Что сами себе всех мудрее мнят.
И кормихом тебе аки клушу или врана яглами,
А ты колешь нам сердце своими словесы, аки некиими иглами.
И всегда источавах тебе божественная словеса,
Не могут бо прямо смотрети развращенныя очеса.
Всегда смотрят розвратно,
А злому и доброе дело бывает неприятно.
Мы же, грешнии, зрехом тебе всюду всего,
Что еще при нас, грешных, не знаешь ничего.
Аще и не в смех и в поношение сие слово поставишь,
Но тем у нас благодати не убавишь.
Еще у нас по божию дарованию останется,
А твоя любовь за твое лукавство с нами до конца розстанется.
И кроме тебе, знают нас, грешных, в велицем сем государстве,
Аще и много людей в российском царстве.
И тебе от нас тем из всех людей не отвести,
И всего от нас грешных не отнести.
Аще будет последи по нас и поскорбишь,

Но ползы себе и приобретения не получишь.
Понеже досадательныя словеса, аки раны вменяются,
А добродетелныя глаголы, аки медвенныя сотове гортанию
вкушаются.
Аще ли будет и в презорство нас положишь,
Но ни тем нас, грешных, не оскорбишь.
Учнем убо жити всяк по себе,
А мы были не злодеи тебе.
Якоже и выше рехом всем сердцем тебе открывалися,
И чем нас Христос бог наш одоровал, тем с тобою
зделялися.
А ты сам себе тем нарутил,
И духовный союз меж нами нарушил.
Теми ныне досадителными своими словесы,
Аки некоторыми развратными колесы.
Раби бо есми и холопи вси царевы,
Подобает нам и всем приимати дары алтаревы.
И кождой из нас по себе живет,
И утроба наша данный нам урок жрет.
Еще же и ина была наше к тебе помажение,
И ты все то положил в забвение.
И днесь еще в написании лежит,
Нам же всегда торопом претит.
А ты паки всего того нашего добра тебе забыл,
А нас теми своими поносными словесы оскорбил.
Бог тебе судия да пречистая его мати,
А впредь тебе за твое злохитрство немощно веры яти.
И усты своими, что ни глаголешь, все лжешь,
И сам на себе недобрую славу зовешь.
И многие люди знают твою ложь,
А и нам есть ныне стал ты, аки острый нож.
За таковое твое словесное досаждение,
За наше к тебе сердечное радение.
И уже нам вящши того писати к тебе несть треба,
Подобает нам желати нужныя тща хлеба.
Аще и аер словес кому счинити,
А лукаваго и лестнаго добру не научити.
Сам о себе ответ богу даст,
А по делом его тако ему господь и воздаст.
Прости нас, грешных, во всех сих наших к тебе
словесех,
А гордость и лукавство никого не поставит при небесех.
Аще же ти и тягостно сие наше речение возмнится,
Но последи радостно явится.
Понеже несть друг иже на друга своего гнев держит,

7*

И совести своея ему не объявит.
Мы же совесть свою тебе объявляем,
И твое лукавство и лесть тако же пред тобою пологаем.
И в том нас не позазри, что пишем к тебе простовато,
Сам ты горазд писать мудровато.
Слышал, что хвалишися своими усты,
И никого не поставишь против своея версты.
Мы же, грешнии и убозии, елико возмогаем,
Тако по своей убозей силе и начертаваем.
И несть треба писать сего витейно,
Добро тому, кто живет благоговейно.
И ни к кому нравом своим не лукав,
И того ради душею и телом бывает здрав.
И сие наше писанейце аще изволишь блюди,
И сам себе в своей совести суди.
Что таковыми еси своими словесы пред нами виноват,
А явился еси к нам аки некий супостат.
Но обаче бог тебе простит во всем,
А не простая реку, что не оскорбляли тебе ни в чем.
Прочее здравствуй всегда о Христе бозе,
И да сподобит тя стати при небеснем своем чертозе.
И во веки веков аминь,
А тот нелепый нрав свой от себе отринь.
Аще ли такова нрава от себе не отринешь,
То и паки многим людем постынешь.
Вящши паки того не имам, что писати,
Токмо достоит молчанию предати.
Во веки аминь.

Послание князю Алипию Никитичу

Сие послание списано рачительно,
Пожаловати почести тако же любительно.
Государеву-цареву именитому ближнему его
предстоятелю,
О божественных догматех крепкому прилежателю.
Спочтенному убо от бога пречестным отечеством,
Порожденному же законным венечеством.
От благого паки корене происшедшему,
Добрым же тем разумом и смыслом процветшему.
Афинейския убо премудрости сладко есть слышати,
Разумна же мужа и везде дивно есть видети.

Юхают убо в полях и наслаждают благово князя цветы,
Како же наудивляются мудрых мужей советы.
Ничто же бо их есть честнейши,
Яко самыя красоты бывают дивнейшии.
Зрети убо красота и лепота прелестно,
Юже зряй с похотию умирает безвестно.
А мудроумна мужа разум живот и свет,
Людие же призывают его в добрый совет.
Источник сладок беседа с премудрым,
Подобает будет и слышатель мудрым.
Юродство есть воистинну премудрым мужем досаждати,
Не умеющему ничего же самому себе мудра и разумна вменяти.
И паки: муж неискусен ни единому слову достоин,
Како же убо ум сего и премудрым будет пристоин.
И ничто паки неразумному и горделивому будет свойство,
Токмо бы сотворити ему клеврету своему завистное братоубойство.
И тебе бы, государю, таковому злому обычаю не ревновати,
Чист бы разум свой и смысл от того держати.
Юза убо крепка мудра мужа свой добрый ум,
Много же умиляет и самый нелепый шум.
Ничтоже паки разумна мужа дражайши,
О еже бо бывает некогда и самаго богатства множайши.
Глагол убо багатаго всем людем сладок и приятен является[1],
Обаче и мудра мужа разум от многих восхваляется.
Глаголание убо свое почасту к нам простираеши,
Ревность же убо и жалованье свое к нам, недостойным, являеши.
Есть же вкратце слово к твоему благоразумию рещи,
Что широты божественного писания никому же не претещи.
Не токмо по твоему великому жалованью тако нас нарицаешь,
А свое умение и разумение уничтожаешь.
Хрусалиф убо камык[2] яко злато есть видением,
Априличился же тому и ты своим разумением.
Аще ли будет и не до конца премудрости научен,
Но воистинну благоутробием и смирением от бога почтен.
Аще ли ты, государь, возмнитца, что лестно изрековаем,
Творец наш и бог зритель, что всю правду изрицаем.
И еще к тебе, государю своему, притецем,

И к твоему благоразумию рцем.
Щедрый государь наш бог Иисус Христос зрит,
Что милость твоя и жалованье всегда нас бдит.
Паки же повсегда нас, грешных, своею милостию
присвояешь,
Аки сладкою водою благоутробием своим напаяешь.
Дивно убо паки красота и доброта руки кому зрети,
А вящьши всего лучьши любовь и негордение ко всем
имети.
Понеже бо любовь покрывает множество грехов,
А творяй же ю возможет избыти от великих врагов.
Аще нам своими усты претит,
Зрит господь мой бог, добродетель творити велит.
Еже бы нам, грешным, и малого нашего разуменейца в
себе не скрывати,
Мы же, грешнии, можем ли противу тебе, государь,
ответ дати.
Любяй нас и милуяй к таковым глаголом ходишь,
И к божественному писанию приводишь.
Человеколюбец убо бог всякой души зритель,
Ей не хощу быти потому скрытель.
Люта убо есть гордость,
Понеже бо много погубляет и самую умную острость.
Много же убо видим гордостию превозносимых,
Буестию же и завистию одержимых.
И того ради не желается и малаго своего разуменейца
дати,
Еже бо и не подобает таковым преподовати.
Токмо повелевает о таковых язык свой удержевати,
Чтоб им не на льсти и не на гордасти взимати.
Аминь.

Послание протопопу Никите Васильевичу

По божественной благодати царския души снабдителю,
А к нам, недостойным, по своей милости призрителю.
В толкованиих победителному званию[1],
Рождьшему же тезоимениту бывшу царскому
именованию[2].
Многогрешный и недостойный монах,
По нужде отложив от себе весь срам и страх.
Падая, о общую матерь челом ударяет,
И милости у тебе, государя своего, прощает.

Чтобы не погнушатися нашею многою нищетою,
Понеже срам есть честному мужу глаголати с последнею
четою.
Твое же смиренномудрие, государя своего, зрим,
Что таковым нравом еси непобедим.
И всех тихостию своею утешает,
Паче же и к нам, грешным, милость свою являет.
Не вемы же, по которым нашим к тебе, государю своему,
трудом,
Разве рещи: вся добрая совершаются божиим судом.
Яко же многажды бог человеку о человеце добрую мысль
влогает,
И таковою своею милостию и щедротами помогает.
И ныне паки молим твою, государя моего, достойную
честность,
Чтобы тебе, государю, паки показати к благочестию
ревность.
И принесенное ти от нас писанейце прияти,
И благоразумным умом своим и мыслию вняти.
И своими честными и благоговейными усты прочести,
И государю-царю самому честненько поднести.
Некли он, государь, изволит прочести своими царскими
усты.
Яко написано и сложено некроме респоты.
И аще ему, государю-царю, год явится,
То наше убожество вельми о том возвеселится.
Любо повелит государь и в печатное воображение
положити,
Чтобы православной нашей вере и паки в славе и хвале
быти.
Да имь, государем нашим царем, велия хвала и слава,
Понеже несть добрейши их царского благочестиваго
устава.
Аще и без нас, грешных, хвалим и славим суть от всех,
Но обаче не из лиха будет и в наших грубных словесех.
Аще и двоестрочием начертанно,
Но божественному писанию ничтоже будет бранно.
Понеже, государь, писано все от божественнаго же
писания,
И от всех отец истиннаго указания.
Аще ли же государь-царь и не повелит быти в печатном
тиснении,
Толко бы наша грешныя трудишка были пред ним,
государем-царем, во изъявлении.
В том его, государя-самодержца царя, воля,

А наша пред ним, государем-царем, всегда неволя.
Токмо бы паки наша государю-царю была работа,
А его царская милость паче всякого меда и сота.
Или он, государь, и так изволит прочести за прохлад,
Зане благочестивая наша вера от всех вер аки
добороплодный виноград.
Зане благочестие всегда растет и множится,
И, пребывая в ней, з добрыми делы в царство небесное
вводится.
Аще же мы и своею слабостию и согрешаем,
Но обаче на премногия щедроты божия уповаем.
Яко милостив есть и щедр ко всем,
Аще и прогневаем его, творца своего, во всем.
Терпит же и ожидает к последнему покоянию,
И к вечным благим воздоянию.
Не хощет бо создания своего погубити,
Но хощет, чтобы всем живот вечный получити.
Аще ли будет — сами чести своея не познаем,
То како с праведными в лику быти чаем.
Сего ради всяк человек сам себе друг и враг бывает,
А бог зла творити никому не повелевает.
Того ради не подобает на бога вин пологати,
Токмо достоит у него, творца своего, милости прошати.
Да даст комуждо добрый конец,
Общий бо наш содетель и творец.
О иноверных же тех верах что рещи,
Пребывают бо всегда аки темные свещи.
Аще ли будет и зазорно их укоряти,
Но обаче недостоит же их похваляти.
Понеже ничтоже в них благочестивно совершается,
Весь их закон и устав нашей православней вере
сопротивляется.
И все те их веры от еретиков и богохулников учинены,
И по господню словеси водою и духом не крещены[3].
Таковии во царство небесное не внидут.
Токмо в ней винограда христова изыдут.
Наша же православная християнская вера,
Яко и в последованном написании скажет[4] яко
златокованная мера.
От самого господа нашего Иисуса Христа и от святых его
апостол и ученик нам предана,
И от святых вселенских седьми соборов утверждена.
Да и тебе, государю, мощно о том слово царю-государю
предложити,
Чтобы таковому делу в печатном воображении быти.

Царь-государь тебе в такове деле и слове послушает,
В снабдевании бо царския души своея тебе слушает.
И еще не престая молим твое, государя своего, благоумство,
Чтобы тебе призрети на наше к царю недоступство.
Как тебе, государю моему, всемилостивый бог известит,
И сердце твое благодатными лучами озарит.
Ничтоже свойственно приступным государю-царю,
Паче же тебе, служащему таковому великому божественному олтарю.
Еще же велие и достохвалное дело имущу,
И самого диадиму носящаго безсмертную егот царицу пасущу.
Сиречь царскую душу его содержащу,
И всегда о ней со опасением бдящу.
Яко беззаступным и недоступным помогати,
Аки жаждущую душу в знойный день студеною водою напаяти[5].
И паки и сам, государь, помилован будеши от Христа бога,
И да сподобишися от него небеснаго его чертога.
Вящши же того не имам, что к тебе, государю своему, писати,
И честная твоя ушеса отягчати.
Довлеет нам, грешным, по сем,
Яко смышлен еси ты, государь, и разумен во всем.
Яко же доброделная земля и от малых семен плод сотворяет,
Тако и разумный муж от малых словес много разума являет.
И еще молю твое, государя своего, многое разумение,
Не положити того грубого нашего плетения в забвение.
На добрей своей памяти подержати,
И в благополучный час государю-царю в царствии его руце вдати.
Некли ему, государю-царю, о нас, грешных, божественный параклит известит,
И наше убожество своею царскою милостию обогатит.
Аще и сугубством строк сложено,
Но обаче много трудов и рвения положено.
И паки как ему, государю-царю, от бога известится,
Так и милость царская на нас, грешных, явится.
К тому же и твое благое слово может помощь сотворити,
И к нему, государю-царю, доброглаголанием нас, грешных, огласити.

Прочее буди, государь, покровен херувимскаго владыки
десницею,
И паки да подаст ти зде и тамо стократною сторицею.
Во веки веков аминь,
А ты, государь, и паки милости своея от нас, грешных,
не отринь.
Буди нас выну своим жалованьем призирати,
Чтоб нам милости твоея не отбывати.

Послание царю Михаилу Федоровичу

Преславну бо ти сущу государю-царю во всех царех,
ревностию божественною сияющу паче всех.
Единому благочестия браздодержателю,
Росийскаго государства и иных многих земел
обладателю.
Люблением заповедей господних душу свою царьскую
просвещающу,
а на богомолцов своих своею милостию всех обогащающу.
В лепоту твое царское звание реченно лице божие[1],
неложно вси ми, убозии, твое царское подножие.
Остропасному и чистому твоему душевному царскому оку,
молитву свою возсылающу к самому вышнему востоку.
Утверженному ти пакы государю в заповедех господних,
и ум свой царьский имущу всегда в горних.
Бог тебя, государя-царя, произбрал,
любомудренный нрав тебе, государю, подаровал.
Анфакс камык зелен видением[2],
государьская твоя царская душа красна богу молением.
От бога всякая власть сущая дается,
человек же сам собою отнюдь не вознесется.
Ей яко солнце имя твое царское сияет на вселенную,
содрьжишь бо в себе, государь, к богу веру
несумненную.
Та ж паки благочестиву ти царю сущу,
и богоданным ти скипетром всех нас пасущу.
Во всех землях славно ваше царское нарицание,
О нем же удивляется всякое нечестивое именование.
Много ж царей и королей под небесемь,
у вас же, государей наших царей, благочестивно во всем.
Гордостию своею вси тии невернии превозношаются,
обаче дар их и жертва тако к богу не приношаются.

Светла и высока престольна ваша царская держава,
преизобилует бо в ней благодатная слава.
Обаче что еще о божием даре изорцем,
даровал тя, государя, господь царским венцем.
Адамант камык дражае во всех камыцех[3],
род же ваш царский славен вселенныя в концех.
Юхают и цветят крины селныя в полях,
царское ж твое имя славно во всех ордах.
Асирейския и сирския цари славны и велики быша та времена,
родом же своим и верою не доспеша в ваши царские стремена.
Юхания благовонна сладце обоневают,
и ваши царские руце всех нас обогащевают.
Всех превыше благочестивый царь на земли,
его же подобает славити вельми.
Луна и звезды едину нощь просвещают,
и ваши царские десницы всех людей обогащевают.
Кто не подивится твоей царской тихости,
о еже бо ныне вси в твоей государской милости.
Морю свойственно есть все реки в себе приимати,
уму ж цареву всех мудрых умов разумы обоимовати.
Красота царю благочестие и вера к богу,
на него ж сходит милость божия попремногу.
Яко некий цвет прекрасный произбран от всех человек,
зане еси государь смиреномудрием своим всех превостек.
Юноши светлы предстоят при твоей царской славе,
много ж и иных чинов во твоем государском уставе.
И кто не подивится вашему государскому величеству,
Христос бог избирает вас к таковому разумичеству.
Аще наше убожство о вашем царском величестве умолчит,
й како нам господь своим гневом не попретит.
Леторасль зиме и лете зеленеет,
ум же твой царев всегда к богу мысль свою имеет.
Филосовския разуми нас поучают,
еже и царем дерзати не повелевают.
Да несть лепо сокровища скрывати,
от царьския же милости кому отбывати.
Радуется и веселится человек, будучи в царской светлости,
отбывает же и унывает умом своим, пребывая в своей велицей бедности.
Велие дарование тому от бога бывает,
иже на кого царь-государь милостию своею призирает.
Червию и виссом красятся[4] ваша царская багряница,

юноты ж и сироты обогащеваются от вашия царския
десница.
Во истинну ваша царская милость паче камени сапфира[5],
снасыщаются, веселятся людие аки от сладкого пира.
Еже бо кто в вашей царской милости пребывает,
яко во истинну ум его не забвен бывает.
Радуется и веселится сердцем своим вся часы,
ум же его вразумляется разумными словесы.
Смиряет же ся и унывает человек в презрении,
и сего ради ум его и смысл бывает в забвении.
И кто не подивится вашей царской державе,
и многообразней повсюду належащей славе.
Солнце разсевает луча своя на вселенную,
а твое царское имя тако ж славится во всю поднебесную.
Много царств и земел от бога учиненых,
обаче Московское ваше государство отлично от всех
неверных.
Да что о том много повести и речей творити,
единого в троицы бога подобает о тебе, государе,
молити.
Радуемся и веселимся о твоем царском многолетнем
здравии,
желаем и молим бога о земном многоплодном подании.
Цветет и ростет вся движимая землею во время лета,
усостроена ж все премудро у предвечнаго света.
Реки и источники и потоки вся животная напоюют,
а богатство и изобилности вся люди украшают.
Добро есть видети землю изобилну во всем,
от бога же дарованно тебе, государю нашему, быти надо
всем.
Весь восток и юг сладостми сияет,
а твое государство прочим изобилством
избыточествоваст.
Токмо подобает нам всегда у бога милости просити,
и чтоб тебе, государю, и нам вся благая от него
получити.
Срадуем же ся и веселимся о тебе, государе-царе,
яко праведныя молитвы твоя к богу не в мале.
Писано есть царь о мире бога умолит,
тако и господь своею милостию изволит.
Дай бог ты, государь, здрав был на многи лета,
да сподобишись зрети самого немерцаемого света.
И с своею благоверною христолюбивою царицею,
да покрыет вас господь своею невидимою десницею.
И со искреннею твоею добродеею,

и с вашими государскими благородными чады
да сподобит вас бог небесныя своея ограды.
И с вашими благоговейными богомолцы,
иже молят о вас единаго бога в троицы.
И пречистую его богоматерь,
иже на всех на нас истинный призиратель.
И всех великих московских чудотворцов,
и древних онех святых отец и богомольцев.
И еще со всем твоим царским сигклитом,
иже от всех земель и царств именитом.
И со всем христолюбивым воинством и з доброхоты,
иже приносят к тебе, государю, неизменныя своя работы.
И со всем православным християнством,
иже под всем твоим великим Росийским государством во
веки. Аминь.

Еще твое царское звание,
и лица божия нарицание.
Преж в началестрочия стоит,
а нас, убогих, велик страх обдержит.
Зане превыше своего достояния дерзаем,
обаче на твою милость царскую уповаем.
Ты, государь, милостив и щедр ко всем,
да некли и нас, убогих, пощадишь во всем.
Аще кто от твоего царского приближения свесть,
той тебе, государю-царю, и повесть.
Аще ли твое царское величество и само искус имеет,
то и без сказателя да разумеет.
И за сие наше дерзнутое слово,
а глагол царев а не рыкание лвово.
Не йзлей, государь, своего царскаго фияла,
несть бо такова благочестива царя-государя.
Во истинну, во истинну тако,
а без твоей царской милости не мощно быти никако.
Еще паки молим твое царское величество,
зане пристоит наше убогое к тебе, государю,
разумичество.
Ты убо, государь-царь, яко бог на земли,
того ради подобает у тебя, государя, милости просити
вельми.
Мы ж, убозии, последняя твоя государева чета,
затворяются от нас везде твоя царская врата.
Не имеем входа и дерьзновения к твоему царскому
величеству,
токмо дивимся твоему государскому благоразумичеству.
И сего ради сетуем и уныаем,

яко благополучна времени себе не обретаем.
Где бы тебе, государю, своя недостатки изрековати,
и от тебя, государя, милости царя прошати.
Страшно убо есть царю приступати,
и многия глаголы и речи пред ним простирати.
И того ради ум и смысл избавляется,
и язык и к устне ясне не простирается.
И паки несть достойно к тебе, государю великому царю,
приходящему по тело Христово к самому божественному
олтарю.
Худу и малу червю пред тобою, государем-царем,
гласити,
токмо подобает от тебя, государя-царя, милости
просити.
Аще мы и иноцы не подобает нам чести искати.
но обаче не бранной твоей царской милости претекати,
Не положи, государь, на нас, убогих, своего царскаго
гнева,
аще и вина наша, богомолцов твоих, пред тобою,
государем, доспела.
За сие наше убогое к тебе, государю, дерзновение,
велико убо к богу наше согрешение.
Вами, государи-цари, вмале знаеми,
сего ради аки руб при пути от всех попираеми.
Того ради милости просим от тебя, государя-царя,
свое течение пред тобою, государем-царем, творя.
Некли призриши, государь, на убогих своею царскою
милостию,
и покрыеши наше недостоинство своею тихостию.
Как тебе, государю-царю, всесилный бог известит,
и царское твое сердце благодатными своими лучами
озарит.
Так твое царское величество и изволит,
а наше убожество всегда о тебе, государе-царе, бога
молит.
Тако ж будем твоею царскою милостию призрени,
и не до конца от всех человек отриновени.
Да и рождьшее червишко наше помиловано будет,
и своего достояния не отбудет.
Иже ныне пребывает в твоем царском чину[6],
и к тебе приносит свою рабскую вину.
Прочее дай бог ты, государь, здрав был и многолетен,
и во всем царском величестве пресветел.
На своем царском высокодржъавном престоле,
а нам бы всегда быти в православном нашем символе.

И за тебя, государя-царя, бога молити,
чтобы тебе, государю, вся благая от него получити во веки. Аминь.

Бьет челом богомолец твой, государев царев,
преже бывшей у тебя, государя, служитель олтарев.
Простый многогрешный манах,
а не ермонах.
Званием убогии <Савватиища>,[7]
иже твоея милости царския всегда ища.

Наставления ученику князю Михаилу Никитичу

Прещение вкратце о лености и нерадении
всякому бываемому во учении,
и поучение о любомудренном постижении
от некоего нарочита дидоскала,
чтобы во уме память не престала
всякому во учении бываемому
и от божия благодати назираемому,
и яко добро есть учение во младости,
нежели во старости.

Аще и двоестрочием слогается,
но обаче от того же божественнаго писания избирается.
Того ради достоит сие поучение почасту прочитати,
чтобы ко учению крепостне прилежати
и леность и нерадение от себя отревати,
яко леность и нерадение всякое благое дело,
паче же всего губит душу и тело.
Бодрость же и тщание много добра сотворяет,
понеже сию бесмертную нашу царицу горе возвышает.
Зде же тебе, зримому нами ученику,
и всем таяжде всякому возрасту реку:
Подобает вам учение любити,
аки сладкую реку пити,
понеже учение добро и похвално есть при всех,
аще получиши его во младых ноктех.
Того ради достоит ти о сем не нерадети,
но упразднившемуся прилежания мудрости не умети.

Како и что учнем писати к твоей младости?
Не тако бо бывает лепо учение в старости.
Яко же и мяхкому воску чисто печать воображается,
зело и учение от младых ноктей крепостне во ум
вкореняется.
И юность и младость тобою владеет,
многу же спону изобилство деет.
И ничто же дражае мудроумного учения,
хотя кто и много имеет в себе телеснаго наслаждения.
Аще еси и изобилен всем,
да не будеши ленив и при всем,
леность паки и нерадение добра не сотворяет,
ум же и мысли на зло дело претворяет.
Ныне молим изрядное твое прирожение,
иже бы тебе держати в себе крепкоумное разумение.
Како же паки напишем к твоему младому возрастению,
иже бы тебе прилежати к сему доброму разумению?
Тул во время рати избавляет от телеснаго уязвления,
и твое бы уразумение избавило тя от словесного
посрамления.
Честь и бесчестие мужу во устех,
юность же и младость разумная преудивит всех.
Червит виссон багры царския,
есть же и учение попремногу украшает те же чины
государския.
Реки и источники вся животная напаяют,
не менее же того и мудрии мужи учением своим всех
наслаждают.
Ей, ей, неложно тебе от грешных устен своих изнесем,
церковнаго же великаго светилника глаголы привнесем.
Свет убо есть и разум доброе учение[1],
аще будет у тебе к нему крепкое рьвение,
и воистинну паки похвален будеши от всех,
а и ныне остроумие твое похвално есть при инех.
Токмо отрини от себе леность и нерадение,
иже погубляют доброе разумение.
И зрим, что еси к учению остроумен,
радуемся, что ты в то во учебное время был единоумен.
Аще надеешися на то свое остроумие,
дерзо же паки рцем: леность погубляет и самое
благоразумие.
Око нездраво ни чисто к солнцу зрит,
вемы же: не всякий младый ум крепостне ко учению
прилежит.
Аще бог тя таковым даром обогатил,

телесное же твое благолепие велми украсил,
и тебе бы всего того леностию своею не потеряти,
со многим радением ко учению сему прилежати,
яко сладкое вкушати ядение <...>
и отческаго повеления слушати,
аки семидална хлеба с сахары кушати.
И аще не восхощеш послушания имети,
то не можеш великия мудрости имети.
Прочее буди со здравием многолетен
и противу вопросов учинися быти ответен.
Во веки веком аминь,
а нас от своего жалавания не отринь.
А в том на нас гнева и досады не держи,
но в разумении своем положи,
что пишя к тебе якобы претително,
чтобы было тебе разумително,
лиха же тебе не хотим,
токмо младый ум твой крепим,
чтобы ты был мужествен и разумен во всем
и не посрамлен был ни в чем.
Аще ли ти ныне и тяжко мнится,
но последи ум твой и сердце возвеселится,
зря в себе тако все доброе учение,
аки паки некое сладкое вкушение.
И ныне пишем к тебе акы к полному леты,
чтобы тебе и днесь перенимати разумныя советы
и вышереченную ту леность от себе отревати
и децкому игранию не внимати.
А мы, грешнии, рождъшаго тя и твоему желанию жадни,
и по вашему велению ради приходити к вам по вся дни,
и по своей силе убозей тебя учити,
чтобы тебе настоящее сие учение получити.
Вящши сего не имам что к тебе писати
младаго и колеблющаго ума с нуждею наказати.
И подобает ти сие писанейцо блюсти до своего живота,
чтобы твоя всегда назирала разумичная острота,
лености и нерадению тебе не вдаватися
и против них крепостне вооружатися.
Аще научиши себе в вышереченной той младости,
то и велия честь и хвала ти будет в старости.
Паки писано есть: учение — свет,
понеже приводит в мудрых совет.
А неучение нарицается тма,
понеже от мудрых посрамляется весма.
Адамант камык тяжек есть измерением,

тако же и любомудростный муж драг есть своим
разумением.
И паки наказанный мудрости
и исполненный умной глупости,
аки злат сосуд, бисера наполнен,
или яко некий источник, сладкия воды исполнен.
А неученому горе, аки сосуд скуделний пуст[2],
понеже ничто не может добра изнести от своих уст.
И всегда ходят во своем неразумии
и не размышляют о своем безумии.
Токмо обычай ему мудрых укоряти
и сердца их раздражати,
и свое безумие утешати,
и чтобы никому ничего не знати.
И ты сего деяния не внимай,
но лучшее от всего избирай
и на уме своем полагай,
а нас, грешных, в памяти своей не забывай.
И сему писанейцу конец,
а всем наставник и учитель общий наш творец,
ему же слава и держава во веки веком,
а кроме его не тако жити ни о ком.
Прочее буди паки покровен вышняго десницею,
да воздаст ти разума и смысла сторицею.

Азбука отпускная тебе, моему ученику.
Истинно и неложно тебе изреку,
яко не печалуюся тако ни о ком,
понеже не зрю такого рачения ни в ком,
яко же тебе господь бог подаровал.
Мню, яко от чрева матерня таковым даром тебе
назнаменовал.
Звание же твое тезоименито <...>
И тебе бы то даное от бога разумение всегда на памяти
своей держати,
И никако же ти отбывати,
и выну ему, Христу своему и богу, молитися,
и в том даннем тебе от него даре трезвитися.
И обагатил тя аки неким драгим богатством,
сииречь изрядным калигравством[3],
еще же к тому и зелным тем великим рачением,
всяка убо добро бывает божественным мановением,
без него же паки ничто же благодарится,
всяк бо, моляйся ему, просимого от него не лишится.
Дает бо молящемся ему независтны своя дары,

яко же пресладкаго пития налияны златыя чары.
Слогает же ся сие тебе посланейцо по алфавиту,
чтобы ти от бога по сему своему умению быти имениту.
Еще же и двоестрочием счиняется,
обаче и твое остроумие тому да научается.
Аз бо, многогрешный имярек, твой дидоскал,
много тебе от своих си калигравственных словес писал.
Божиею благодатию научил тебя своему умению,
и тебе бы держати к нему ревность велию,
всегда бы тебе на памяти своей держати,
и децкое бы тебе мудрование от себя отревати.
Грубо воистинну и неразумно, еже нашед — погубити,
и многия труды ни во что же не положити.
Добро убо есть о всяком таковом любомудрии
упражнятися
и пустошных игр отвращатися.
Ей, ничто же учения дражайши,
некогда же бывает сребра и злата множайши.
Жити бо во младости всякому человеку без учения
нелепо,
яко же неученому коню ходити будет свирепо.
Зело убо есть непохвално неученому не учену быти
и недобрым именованием слыти.
Зря тя ныне в таковем учении велми разумна,
да не услышу тя никогда леностию твоею и нерадением
безумна.
Ничто же честнее в человецех учения,
и тебе бы не преслушати сего нашего к тебе речения.
И аще не восхощеши сих наших словес себе слышати,
то не будеш семидална хлеба с сахары кушати.
Красно убо есть воистинну учена мужа зрети,
яко злата сосуда подобает его имети.
Ленивых же и нерадивых о себе охуждают
и не умеющих же ничего велми не похваляют.
Муж мудр хвалим есть от всех,
яко же и выше сего о сем рех.
Никако же не мози ленитися.
всегда бы тебе о досужестве своем трезвитися,
отроческому бы и детцкому обычаю не внимати
и их мудрование далече от себе отревати.
Похвала молодым и старым — учение,
того ради подобает ти о сем имети много рачение.
Ревность конная на рати познавается,
а мудроумный муж от своего досуга похваляется.
Срам есть мужу ничто не умети,

глупо же и неразумно мудра себе имети.
Терние и волчец подавляет пшеницу,
леность же и нерадение погубляет и хитротворную
десницу.
Учение паче злата и сребра бывает,
понеже хитростию своею всех удивляет,
философския обычаи и нравы научит,
о всякой хитрости прилежно нам упражнятися велит.
Хитрость бо науки любит прилежание,
понеже от того бывает многое притяжание,
от лености же и нерадения добра не бывает,
но и паче много добро погибает.
Царския дворы изрядне устрояются от разумных,
хощу и тебе видети во многоумных.
Честно и славно в человецех богатство,
похвално же велми бывает и хитроумное изрядство.
Щелковидное ухищрение дивно есть зрети,
не менее же того и калигравство чистое кому имети.
Щедрый господь наш бог Исус Христос,
его же учение в святей божии церкви божественный
дискос[4],
на <...> и пречистое тело пологается,
и всяк достойный ему да причащается,
и на всех на нас милостию своею призирает,
и комуждо по своей милости таланты раздавает.
Тако же и на тебя своею милостию призрил,
чтобы ты данный той талант от него вразумил,
и тако тя таковым даром обогатил,
а яз, грешный, по его же велицей милости тебя
научил.
И тебе бы паки о сем не ленитися,
и всегда бы тебе о том трезвитися.
И будеши похвален в велицем сем государстве,
да сподобит тя господь быти в небесном царстве.
Вящи же того не имею что к тебе писати,
глаголю: паче и многими словесы не наказати,
разумный же и о малых словесех научится
и всегда о добром учении тщится.
Тако бо еси и ты к тому своему разумению тако же был
рачитель,
и к нам зельною своею добротою был любитель,
и никако же щадиши своего сребра,
да не лишит тя господь всякого добра,
и не токмо единаго сребра своего не щадишь,
но и за вся потребная нам не стоиш.

И за то паки велик ти дар от бога будет,
и паки мног разум во уме твоем преизбудет.
Прочее буди покровен десницею херувимъскаго владыки,
да причтет тя во свое время со избранными своими
лики,
и во веки веком аминь.

Алексей Романчуков

Послание

Аз же отгоним бываю сего света,
лишаются дние мои и кончаютца лета,
Ерихона животнаго стены разрушаются[1],
шумения гласящих труб на торжищи приближаются.
К сим же и два мелющия преставают,
а друзи и искреннии дале отставают,
рыдающии бо на торжищи расходятся,
а царица от места своего яко пленница изводится.
Мгла уже прочее обтече повсюды,
а животныя исторгаются уды.
Ныне убо, видяще мя, удалишася друзи,
часто летающая же нападоша мнози прузи[2].
Уже и тебе лишихся, искренняго моего,
к нему же имех упование всегда много.
От скорби же сея утешителя не имею разве Христа,
всех бо он исцелитель, ты же мене удалися, благая
верста.
Аще и многих у себе друзей присных имею,
точна же тя како имети кого довлею?
Еще и малым чем тобою отраду себе улучю,
в день помраченный света видети получю.
Ей, обща трапеза и общий покой нам да будут,
и никоторому дурну нравы наши причастны да не будут.
И порутчика в том вседержителя представлю,
что слова своего выстинне николи не преставлю.
Аще ли мыслию своею тебе возмнится,
что клятва моя преступна к тебе учинится,—
бог таковым паче всех мститель,
горши бо и самых убийц таковый злотворитель.
Клятвы ради преступления и гордости мнози цари
погибоша,
даже и фригийския претвердыя стены падоша[3],
а от прочих ли кто в твердости без порухи будет,
ей, без наказания от бога таковый не пребудет.
Хранити ж вся неложно обещаваю,

аще что от тебе приймоваю,
и ныне молю твою к себе благость,
лукава да не будет твоя правость.

Запись в альбом Гартману Грамману

Не дивно во благополучении возгоржение,
едина добродетель — всех благих совершение.
Дом благий пущает до себя всякаго человека,
и исполняет благостыню до скончания века.
Вина всяким добродетелем — любовь,
не проливает бо ся от нея никогда кровь.
О благий мой друже, приими сие в памятный дом своего сердца,
о Христе юных люби яко братию, а старых почитай яко отца.

Нафанаил

Послание

Не прииди душа моя по твой совет,
аще не разориши злообещанный завет.
Фараона бо, веси, господь потопи за гордость,
а тебе не постигнет таковая же злобность.
Не веси бо о себе, яже совещаеши,
аще и многим творити от сего завещаеши.
И ныне молюся: преже о себе испытовай,
любов же духовную чистотою снабдевай.

Мартирий

Послание

Меча гневнаго аще не поверзеши,
аще копия посредственнаго не преломиши,
радование дияволу подаси завистнику,
твердонырному поработаеши прелестнику.
И прелесть сего всякого зла злейши,
расколы же его на любов паче всего жесточайши.
Иисусовым именем сей токмо побеждается[1]
и духовною еже любовию прогоняется.

Мардарий

Послание

Милованием и любовию нрав твой знаменуется,
апостольскою проповедию подтверждается,
руце бо утвердил еси к подателности,
добродетель же духовную исполняеши в приятности.
Аз убо слышах твоя таковая благости,
ревную от тебе прияти сердечныя правости,
и ныне всю мою совесть к тебе привлекох
и к твоему благоутробию без лести притекох.

Михаил Злобин

Послание дьяку Василию Львовичу

Влечет мя и реет помысл к твоей милости притещи,
А не вем, како по своему недоразумию к тебе, государю своему, рещи.
Смущает ми ся ум от великия нищеты
И отбывает умныя своея остроты.
Люто есть, воистинну, люто целынь со оцтом пити
И, не мнее того, нищетное житие проходити.
Юзами же вес<ь> змийножными одержим,
Лютыми волнами в потоплении всюду обносим.
Ветри велицы воздвизают бурю нужну,
Обремененыя же печалми и бедами улучают жизнь нужну.
Власть и владычества дар от бога на земли преизряден устроевается
И сих паки свыше нрав милостив в ком содевается.
Что приобретение кому или прибыток и богатство,
Юже кто презирает всегда неимущее бра<т>ство?
Множае паче лучьши тем злата и всякого изобилия доволства,
Иже кто к бедным нрав имеет доброхотьства.
Христос бо, бог наш, повеле всем благочестивым тако быти,
А не оставляет безпомощных тем никого погубити.
Любяй же кого всячески наказует,
К сим же и милость свою потом показует.
Он бо, содетел<ь>, весть вся полезная устрояти,
Злы же, немилостивыя не тако к себе присвояти.
Любы мира сего аще не погрешни, воистинну глаголю, в человецех,
Омакая кто с кем руку в солило в сих вецех[1].
Блажен, воистинну, и треблажен,
Иже хлеб свой раздробляй с неимущими, всегда имеет предложен.
Несть бо ничто честнее и болши паче любви быти,
Чтущим же веру Христову во благочестии жити.
Ел бо вес<ь> закон и пророцы вершатся,

Любящии же бога вси тоя крепце держатся.
О сем же в пространственном речении умолю,
Милость же твою потом не вем, како улучю.
Бог дай справит твое душевное бремя,
Иже аще нас пожалуеш, призриш в нынешнее время.
Ей, да воздаст ти господь в сем и в будущем веце
милость свою попремногу.
Той сподобит тя небесному своему чертогу.
Аминь.
Ныне же что еще имам к твоей честности писати,
чтобы тебе, государю моему, милость свою на ны
излияти
в нынешней нашей настоящей скорби и печали?
И сам, государь мой, зриши, что тяшки времена настали.
К тому же грехом моимь постигла конечная бедность,
и не имеем, кто бы показал к нам сердечную свою
ревность,
напитал бы нас умяхченною своею браждою
и напоил аки в знойный день студеною водою,
и подал бы нам поне малу отраду,
негли и сам бы был сподоблень от бога небесному
винограду.
Ничто же тако приятно Христу нашему и богу,
иже кто творит к нему добродетел свою попремногу,
паче же в скорби и во бедех брата своего не презирает
и, елико мощно, тако ему и помогает.
Сего ради на землю себе пометая
и слезы своя пред тобою проливая,
молим твое честное достояние,
тезоименито бо высоте твое звание[2]:
Буди, государь, помощник и заступник в тковей нашей
тузе,
не обретаем бо такова помощника ни в котором своем
друзе,
яко же твое благоутробие прежде сего нам бывало,
а ныне, не вем, почему сердце твое кабы далече от нас
поостало.
Судит бог некоторому человеку — лиходею,
чтобы ему своему помыслити добродею.
Чем тебе, государю моему, неправедно нас огласил
и добродеяние твое от нас отщетил,
сердце твое к нам ожесточил,
а нас до конца таковым злодейством оскорбил?
Бог ему судия и пречистая его мати,
а ума, государь, его и устен не уняти:

что хощет, то и глаголет,
понеже сердце его всегда завистью колет.
Ненавистником бо и зависцом не своя им злая зла,
но чюжая благая, та им паче удареннаго жезла.
И ты, государь, не ими веру лживу слову,
по великому апостолу Иоанну Богослову, —
не всякому духу верити повелевает,
по паче искушати духи с расмотрением подобает[3].
По Давиду,— погубит господь вся, глаголющая лжу[4],
таковаго бывает плод душевный его во лжу.
Лжа убо истинне всегда супротивляется
и, имея ю, едва в рай вселяется.
Бог таковому судиа и воздател;
злый же доброму никогда бывает приятел;
всегда поощряется зло творити,
чем бы брата своего погубити.
И не брату своему зло сотворяет,
но душу свою во ад посылает.
Писано есть: злаго зло постигнет,
а избранных и добродетелных мужей места не достигнет.
И почто нам о том слово продолжати
и твоя честная ушеса отягчати?!
И уже нам время о настоящей нашей скорби ныне рещи
и доброразсудное твое сердце на милость себе привлещи,
да некли милостивый твой фиял[5] на нас излиется
и яко благодатною водою душа наша напиется.
Мнози бо твоею добродетелию и жалованием хвалятся,
понеже в добрых путех от тебе ставятся,
и того ради похваляют твой благодатный нрав,
аки некий цвет от различных трав,
тем и припадая ко общей нашей матери-земли.
Вемы бо паки, яко многим ты людем помогаеши велми.
Тако же и аз, грешный, не престая слезами землю моча,
глад бо уязвляет не мнее меча!
Со женишком и з детишками гладом помираю,
а крепкаго помощника не обретаю,
и яко руб при пути от всех попираем,
и яко изверг бездушен поверзаем,
и яко трость ветром колеблема,
или яко лоза стояща при пути объемлема;
и совершенне, рещи, ни от кого не брегом,—
токмо радость и поношение всегда бываю сопостатом
своим и врагом;
и во дни аки в нощи пребываю,
и разумишка своего отбываю

от великия своея нищеты и скудости.
Не пребывает бо смущенный ум в разумной мудрости
и всегда ходит в велицем забвении,
яко не в коем темном помрачении.
Того ради хапаюся твоих честных стоп.
Услыши, государь, мой сердечный вопль!
Аще не в слух тебе, государю, вопию,
но болезненным сердцем аки пелынь со оцтом пию.
Промысли, государь, моею грешною главою,
да и сам воздарен будеш от бога многою мздою, —
где бы, государь мой благий, в местечко сести, —
нужно бо есть, воистинну, нужно неимущему безо мзды влести,
где бы мне, бедному, глава своя прекормити
и женишко бы, и детишек скудостию и гладом, себе и их, не поморити.
Вся бо тебе возможна сия сотворити
и конечной моей бедности пособити,
аще восхощеши явити ко мне свою милость
и учинити мне человеческую свою милость;
понеже имееш у себя жалователя велика,
предстояща всегда у самого того царского лика,
на нем же многое бремя от царя-государя положено
и велия паки честь урядства наложено.
Той тя по своему жалованию не оскорбляет
и твоего словеси мало пременяет.
Аще ли недостойнии и не имамы что тебе воздати,
и ты, государь, от бога многу мзду имаши прияти.
Бог бо любит таковых нравы,
которыя ищут вечныя славы
и бедным и беззаступным помогают,
и никогда же в скорбех их и в печалех презирают.
Любит бо господь бог в нас таковое деяние
и подает нам злато многое — свое мздовоздаяние,
и в царство небесное вселяет,
и комуждо, по мере добродетелей, обители своя разделяет.
Ты же, государь мой, добродею, сему словеси внемли.
Добро бы, аще таковых много было на земли,
то бы не отпадали великие божии надежды,
и да не дремали бы выну наши грешныя вежды.
Паки, государь мой, внимай добрым тем нравом,
а не ревнуй погибающим славам;
и тако по премногу помилован будеши от владыки Христа,

и да неосужденно сподобишися видети онамо знамение
честнаго креста.
И впредь нас буди жаловат своим милосердием,
и не отгониши от себя никоторым прилучным
жестосердием.
И что имам вящши того к тебе писати
и многими словесы воздух наполняти? —
Аще сердечная твоя нива умягчится,
тогда малыми словесы благодать твоя к нам явится.
Аще и аер наполнити словес,
а к немилостивому сердцу не доспеет в перевес.
Милостивии же и малыми словесы услаждаются,
и к неимущим и бедным простираются.
Милостивии бо паки помиловани будут,
а немилостивии в таковых обителех не будут.
Протчее же, государь мой, буди покровен вышняго
десницею,
и воздаст ти господь многократною сторицею.
Аминь.
Своего жалования от нас не отринь.
Еще молю, государь, твое доброродие,
да не зазриши на наше грубоумие,
да не положиши в забвение нашего к тебе моления
и сам да сподобишися от бога вечного селения!
Вем бо, государь, яко свои тя суеты и мятежи пошибают
и дружию скорбь памятовати забывляют.
И ты, государь мой, крепися и мужайся,
и противу мыслей своих вооружайся,
и стой умом своим крепце
противу находящих своих в сем веце.
И того ради на доброй своей памяти подержи,
а учат нас доброразумныя вожи,
что повелевают другу о друзе болети
и забвения о нем не имети,
и дружню скорбь аки свою вменяти,
и таковое дело на себя перенятн.
И вящши того ино что не имамы к тебе рещи.
И како милосердие твое к себе привлещи? —
Уже ми устал ум и мысли:
и ветрило, и весла свисли.
Токмо молю: господа ради, государь мой, не забуди!
И со всеми своими ближними приятели здрав буди.
И впредь своего жалования от меня не отринь.
Во веки веков, аминь.
Днесь слову соблюдающему.

Дружеское послание Алексею Саввичу

Прошение Михалка Злобина

Аще твое благо впред утвердится на мне,
Любителну быти во всех благодеяниях ко мне,
Еже содетел содействовати тебе таковая,
К сим быти по премногу повелевая.
Слово же господне верно кто исполняет,
Ей, таковый от неимущих в презрении не оставляет.
Их же паче Христос в вечныя кровы вселити весть,
Слух, способствующих в нужах и бедах, повсюду
проповесть.
Аще же мое и недостоинство пред тобою в чем,
Всячески бы милостиво надо мною учинити в том,
И неисправления моего дела в прилучае каковом.
Что приобретение кому или прибыток и богатство,
Подобно сему быти и равно вечное блаженство.
О сих ли кто усердно внимает,
Желателно во благих бога како призывает?
Аще же и многих в разуме свыше быти кто весть,
Любезно таковых благочестивыми кто проповесть?
Ущедряет ли нас чия безмерная милость,
И наипаче тем стократно обеща бог подати благость.
Милостивым бо той весть по премногу воздавати
И имена их в сокровенныя книги своя писати.
Хранилища благочестивых в руце требующим влагаются,
Аще милостив нрав чей к неимущим является.
Люто же немилостивый в день судный истязан будет,
Кто ж и твое благодарство к себе забудет.
Услышати молю со усердием
Вины прошения своего тебе с милосердием,
И истинных и искренних щедрот от нас не умалити,
Наипаче же милостив и непременен нрав к нам явити.
Царство небесное сим дарует бог,
Аще кто ущедряет неимущих от своих благ.
К творящим бо добродетели сугубо возвращаются,
Аще к подаянию неимущих руце простираются.
Кроники[1] описуют про нечестивых,
Твердости не имеюще благочестивых.
Елико же в злобе и безмилосердии бывают,
Болши толико всуе погибают.
Ей, воистинну, добро по бозе кому тещи,
Богатети же неимущих подаянием, рещи.

О тленных и мимо текущих не тако возжделети,
[Горних же токмо и вечных достоит во уме своем имети],
И за малая благая деяния здешних онамо
За таковая вселитися в будущем царствии тамо.
Весть подати тебе господь небесныя тоя ограды,
Ей, со единокровными твоими и прочими домочады.
Слышану точию сотворити бедных призрением,
Таковых ущедрити неимущих подаянием.
И сице тебе, государь, начертати дерзнухом,
Твое ж благодарство да осенено будет животворящим духом.

Аминь.

Ино <послание> ко иному о щедротстве

Слово верно в законе кто по бозе исправляет,
Обет свой таковый ни в чем не пременяет.
Весть бо благочестивый правостию жити во всем,
Еже и страх имети преступлению в чем.
Различная действа суть всех на земли от благих отводят,
Шествие же путей правых к жизни вечней приводят.
И сим еще закону хранение подтвержение бывают,
Грады же и страны бесчисленых народов в твердости пребывают.
Обета пременение ничто же нигде содевает,
Слово единоверно вся повсюду созидает.
Правда правых праведно избавляет от смерти,
О ней же суть мнози улучают и навышшая чести.
Дар от бога свыше сему велий бывает,
Аще кто обет свой хранит и в ыстинне пребывает.
Равно тех сочетание, иже не обретеся лесть во устех;
Сий нравом подобитися может самому содетелю всех.
Всяк подражатель истиннаго благочестия
Отревает от себе далече всякия неправды и нечестия.
Едини бо блази и щедри наследят по премногу землю,
Мудроумных селения суть такова и како их не внемлю.
Истинно речеся, ходяй бес порока и делаяй правду,
Любы же присносущная по бозе не подвижет никого на неправду;
О благих бо своих всячески прилежит и вышняя мудроствует,

Совета любителна ничтоже повредит, иже кто в нем
всегда бодръствует,
Тверд бо ум о бозе тщетнаго не помышляет,
Иже кого ревность божественная к добродетели
утвержает.
Весть же господь таковых от напасти избавляти,
О суеумных же упражняющихся не тако забавляти.
Елицы духом божиим водими, сии суть сынове света,
Како приобщаются таковии к злым совета?
Осеняет ли кого чем выну благодать божия, —
Мир весь и вселенная не может того совратити на путь
безбожия.
Несть ли кто от века на земли, иже сотворит благое и
не согрешит,
Елико же кому в чем вера успеет и в сих до конца не
погрешит.
Страх господень паче всего, и держай его кому
уподобится?
Любов же имея ко всем, что боле сего быти сказуется?
О ней же небесная вся и земная выну обдержит
Всех паки, благо от бога улучением его предлежит.
О сих ли подробну кто внимает,
Единыя же заповеди от всех любви да не разоряет.
Желателно таковый бога како призывати может,
Еже, в чем состояся закон и пророки, сего стяжати
не может.
О истинне же прилежай, любы имея по бозе всегда,
Безмилосердием нрава не бывает таковый никогда.
Его же лествица утвержена к богу[1], благим бывает,
Щедротами сицевый и человеколюбием от всех не
отбывает.
Аще природою в ком нрав добрый крепце состоится,
Зело таковый пребывати в должном своем тщится.
Слово аще истинно, ту и дело верно,
Ущедрити весть по премногу благоверно.
Даровати что неимущим зело похвално
И недры своя милостивно к таковым держати велихвално.
Ту и милость божия свыше надзирает,
И на таковых око его всевидящее призирает.

Агафон Тимофеев

Послание боярину Борису Ивановичу

Горе в небесныи Иерусалим вселится желателю,
От дел ныне познаваем усердну о том подвизателю,
Сего человеколюбия дерзнух недостойный молити,
По богоданному дару могущему в скорби моей помощь
учинити.
От пучины щедрот милости твоея почерпсти хощу,
Да сего ради и в недрах милования ти веселитися хощу.
Авраамля дела боголюбиве влыша творима тобою,
Ревнуя сему, Христа ради подаждь ми помощь собою.
Юже имееши в сердцы милования гостинницы,
Богарадно мою душу с телом приими в сию яко
странницу.
О сем благородию твоему немнозе стужаю,
Разумения твоя по бозе паче к милости возбужаю.
И естьли благовнимателный ти слух милосердне
приклониши,
Слезосоставное се вопиение мое внушиши.
У требующаго помощи бога ради моления послушати
потщися,
И милость и человеколюбие над бедным во имя Христа
показати не отрецыся.
В настоящем тя разумеваю мощна добро творити,
А вечных благ уповаю ж<е> за сия сторицею прияти.
Не возмогаю убо словом от многия печали на милование
тя преклонити,
О всем же чаю бога благопослушна тя сотворити.
Вины, о ней же благочестие твое вкратце молити дерзаю,
И подробну ти, благодателю моему, обявити уповаю.
Честь и славу благородию твоему за се паче усугубиши,
Юже милость аще бога ради на мне, бедном, покажеши.
Бог бо не обидлив забыти дела твоего и труда и любве,
И того еже во имя его человеколюбие свое явиши до
мене.

Елико по Христове заповеди паче клеврет ныне милостию поспешити,
Толико, надеюс <ь>, и во вход царствия небеснаго иных предвариши
Части благия и вселения с праведными сподобишися,
Ея ж<е> ради аще ныне пеленостно добродетелию подвигнешися.
Любов убо, по апостолу, и есть и глаголется сам бог[1],
О ней же усердно рачителствуя, и ты не будеши во благих убог.
Малое сие и грубое мое писанейце прияти ти молюся,
А против сего желаемаго мною милосердия твоего прияти надеюся.
Гласне умом у врат душевнаго ти дому зелне взываю,
Аз беспомощный на милование человеколюбие твое премоляю.
Философию добру еж<е> о души любомудрие разумне возлюбил еси.
О милости и целомудрии все свое благоумие приложи еси.
Ничтож <е>, рече, тако приближает к богу, яко ж<е> святыня и чистота,
Коею ты возжделен еси всегда зрети Христа.
О них же аще за скудость ума и кратко рех,
Тем всем самого благоразсудна ведца тя разумех.
И яж<е> аки младенец немотуя, несмысленне вещаю,
Множае сим любителна тя слышателя быти желаю.
О зело потребных ми милосерде моление к тебе простров,
Фалию подобный[2] от язв ударений бедный к милости твоей притекох.
Елика обыче твое благородие добрая творити,
Ея ж <е> желаю милости и аз дабых сподобился от тебе получити.
Вся ке моя неискусныя глаголы в слезосоставной сей хартийцы[3] зде прекращу.
Да не досажду многоплетенным своим грубословием благовнимателному твоему слуху.
И бодроопасному умному ти оку.
Но о едином молю,
И слезоточне взываю:
У м и л о с т и в и с я!

Михаил Рогов

Предисловие к «Кирилловой книге»

Предисловие и сказание вкратце о добрей сей книзе,
якобы о некотором драгоценном низе,
вам, ищущым божественнаго писания
и всего христианьскаго сказания.
К сему вам же, любомудрия рачителем
и всякаго же богодухновеннаго учения любителем,
хотящым с жиды и с теми еретики — и с римляны, и с люторы, и с калвины о вере претися,
чтобы им, окаянным, высокоумным не мнетися
и нашея бы православныя християньския веры не охуждати,
но подобает им, врагом креста Христова, самем себе зазирати,
зане не по подобию своя еретическия веры похваляют
и инех, не ведущих божественнаго писания, прелщают.
И нам тому их еретическому учению не подобает внимати,
но токмо достоит нечестивыя уста их сим божественным писанием заграждати.
Понеже не от бога, ни от святых его ученик и апостол,
ни от святых отец те их проклятыя изъветы преданы,
но от еретик и богоотступник учинены.
И все они, окаяннии, теми своими проклятыми верами хвалятся,
ведомо убо да есть, яко от вечныя муки не избавятся.
Аще и хвалятся всех мудрейши быти,
а за таковое им злое деяние вечных мук не избыти.
И ныне учители их во дне адове пребывают,
со отцем своим сатаною воздыхают.
Да и они вси тудеже грядут
и вечных мук себе ждут!
По краегранесии двоестрочнем сложено,
от великия же сея книги вкратце объявлено.
И вам бы, возлюбленнии, предобрую сию книгу нелепостне прочитати

и со всеусердием внимати,
зане писаны к ним, ко врагом святых отец наших,
воспретителныя глаголы,
да посрамят их многочисленныя расколы.

Предваршему же убо по сих написанию,
по краегранесию имуще сложение сицево
люботрудне чтущым книгу сию:

Государьским повелением сия предобрая книга на них,
злодеев, учинена,
От многих божественных писаней аки мечь изострена,
Светлым богодухновенным писанием утвержена,
По царьскому же паки речению, печатным сим тиснением
воображена.
От разных убо святых и богоносных отец наших
изнаписана,
Дивным же тем дидаскальством аки бисерием драгим
унизана.
Аще кто от вас учнет сию предобрую книгу с
прилежанием прочитати,
Ревность же имея по бозе, имать жидом и еретиком —
римляном, лютором и калвином уста заграждати.
Ей, воистинну бесовским действом тии учители их своя
ереси составиша,
Во еже бо от божественнаго закона ничто же добре
уставиша.
Царя убо и бога всех сущыя враги и сопостати
нарекошася,
Аки дивия маслина от винограда от Христова предания
отсекошася.
Разоритель убо добру, диявол, из давних лет насеял
таковых плевел.
Ей, аки терние и волчец в чистую пшеницу въвел.
Воистинну, не туне богодухновенни отцы наши
потщахуся таковое писание на них, злодеев, изложити,
Расколы же их на церковь божию и на самого святаго
Духа низложити.
Ария[1] убо тогда и Савелия[2] с клевреты их древнии они
богоноснии отцы наши проклятию предаша,
Божественным духом подвигшеся, аки волков от стада
Христова, от церкве божия отгнаша.

Обаче послежде тех злодеев инии злии сосуди пачаша являтися,
Такоже на церковь божию и на християньский закон вооружатися,
Ни в чем последовати Христову и апостольскому и святых отец учению,
И токмо — ум свой въперивше к диявольскому учению.
Кто не поусумнится о злохитром их замышлении,
Иже бо крепце сташа на диявольском том учении?
Весь убо Восток прельстил окаянный Бахмет[3],
Агаряном[4] всем наложил душепагубный навет.
Мудрии же они и богодухновении отцы наши изящпии возразители на них, врагов, учинишася,
Божественным духом на них, злодеев, вооружишася.
О еже бо аки острыя мечи и копия на их ереси сие писание изложиша,
Жидовъство же и еллинство, и латынство, ариянство и люторство, и калвинъство обличиша,
Еже ныне узрите в настоящих сих глаголех.
Содетель же наш и творец повелел нам жити в божественных его законех.
Терние же и волчец подавляют семена доброплодна,
Ведомо убо да есть, и еретическая учения погубляют дела богоугодна,
Еже бо свое еретическое учение к зелней слабости греха положиша,
Некрепких же и нетвердоумных прельстиша,
Но аки тмою злохитрым тем учением своим покрыша
И аки удицею льщения всех обольстиша.
Град убо великий Рим окаянный папа Формос[5] учением своим пленил
И тем всех людей обольстил.
Злый же убо Петр Гугнивый[6], той окаянный, конечную беду людем наведе
И аки некоею юзою во дно адово всех сведе.
Клятвенный же той Лютор Мартин[7] всех немец прельстил,
От диявола научен, свое учение до конца в них въкоренил.
Ныне же вси немцы зело крепостне держат проклятое его учение,
А не помышляют, како им будет с ним, врагом креста Христова, вечное мучение.
И вседушно уповают на проклятое еретическое предание,
Сего ради отъяся от них вечное упование.
Токмо будет им тма без света,

Понеже они не помышляют в себе превечнаго света.
Но аще и нам, грешным, святое писание муками претит,
Но господь бог, милости своея ради, создания своего не погубит.
Многое убо его милосердие и щедроты до нас, грешных,
Рода ради, тезоименита себе[8], не лишат нас благ вечных.
Аще Мартин и Калвин[9] вся немцы прельстиста,
Часть себе и жребий со диаволом получиста.
И тамо пребывают с ними, в вечном том и лютом, и нестерпимом мучении,
Такоже бо тмочисленыя души прельстили диавольскими научении.
Есть бо и иннии сосуди — Мартиновы ученицы,
Лютое бо их и лукавое учение произыде во вся концы.
Есть же убо и паки проклятый ученик его — Михаил Сервет[10],
Мног же учепил людем непреподобный навет,
Иже бо он, злодей, такоже своим учением многочетныя ж души прельстил,
Лютым же тем своим учением до конца всех погубил.
Юза, воистинну, протяженна — еретическое их учение,
Болшую бо часть людей соотвела божественнаго закона на отвержение.
Иже злодей Сервет от тех же врагов научен,
Таче злый от злаго и рожен.
Ей, в ресноту за свое злое дело огнем сожжен,—
Лютый враг от злаго врага и побежден.
Есть же паки и иннии злии сосуди, от них научени быша,
Многое же множество людей своим ересем научиша.
О всех же о них, злодеев, не у время изрещи,
Божиим гневом угасоша вси аки темныя свещи.
О еже бо многая своя еретическая учения простроша,
За таковое свое злое начинание во дно адово снидоша.
Ей, и ныне в нестерпимых муках пребывают,
Рыданием и стенанием воздыхают.
Аки бо злии волцы на овцы на божественный закон восташа,
Догматы божественыя и всякое богодохновеное писание раздраша.
От православныя веры весма отщетишася,
В ресноту враги креста Христова явишася.
Аще и вельми хвалятся еретическим своим учением,
Таче со всеми своими учители осуждены вечным мучением,
Иже бо, якоже и преже рехом, возъмутиша

Всю вселенную самосмышлением божественое писание
разъвратиша,
Яко бо растолковавше своим разумением,
Ей — бесовъским злым научением.
Воистину, на благодать святаго Духа восташа,
Еже бо положенная самем Христом богом нашим и святыми
его апостолы отъяша.
Сии же богодухновеннии отцы наши велию ревность на
них, злодеев, показаша,
Ей, аки некою юзою уста их и язык связаша.
Любомудрено, воистину, сие дело учиниша,
Иже бо то их злодейственое мудрование ни во что
въмениша.
Того ради, возлюбленнии, паки подобает вам о сем
нелеността прилежати
И им бы, врагом и разъвратником нашея православныя
веры, уста заграждати.
Стояти бы нам крепце в православном нашем символе,
Яко вера наша от всех неверных вер на благочестии
стоит аки на высоцем престоле.
Аще они — немцы и фряги[11] злии и верных себе
нарицают,
В нашю же православную веру не вницают.
Разъвращены бо злодеи до конца от тех своих учителей
и еретик,
А наш християньский закон по божественей благодати
от всех от них, злодеев, отличен стоит.
Гордостию же и суемудреным своим учением
превозносятся,
Обаче, рещи, вси во дно адово низъводятся.
Много от них, злодеев, душепагубнаго еретическаго
предания,
Божественаго бо самого отрекошася писания.
Коко ревнуют и умирают за того своего проклятаго
учителя Мартина,
Раскола же ради достоит его, окаяннаго, воистину,
нарещи дияволя сына.
Ей, им! Богом данный наш християньский закон святии
отцы наши нам предаша,
Сих же врагов наших и хулников на божество проклятию
предаша.
Тем Арию и Савелию, и Несторию[12], и прочим еретиком
уста заградиша,
А Христово и апостольское предание крепце нам
утвердиша.

Хотящим же и въпредь быти еретиком устав положиша проклинати,
Расколы же и раздоры церковныя исправляти,
И таковых к православней вере не приобщати,
Но с таковым их умышлением от церкве божия отсекати.
Таковии бо с самем сатаною пребывают,
От сотворшаго вся милости себе не чают.
Вам же паки, возлюбленнии Христом, сие предисловие предлагаем,
Аще и вкратце — о сей велицей книзе извещаем.
И пространне сама сия о себе изъявит,
Ревность же и дерзновение сих божественных мужей объявит.
А тем еретиком и развратником нашего закона уста заградит,
Злокозненое их мудрование ни во что наменит.
Воистину, всяк еретик и богохулник уста своя да свяжет,
Разоритель паки и сопротивник Христову закону в пламени огнене постражет.
Аще будет и въпросте сие предисловие вам плетено,
Токмо нам зрится по подобию все ведено.
Но обаче вам подобает о сем упражнятися
И противу тех люторцов и калвинцов вооружатися,
Како бы паки уста их и язык сим божественым писанием заграждати,
О еже бо зле нам обыкли препинати.
Много паки нам своим еретическим учением сопротивляются,
Нашему же християньскому закону не покаряются.
Наша убо православная вера аки солнце сияет на всю вселенную,
Широтою же божественаго писания просвещает всяку душю правоверную.
Есть же ныне пред вами убо сие предисловие зрится,
Якоже, предварив, рех, всяк еретик и богохулник сим да посрамится.
Поистине и в респоту те злии лютори и калвины псы наречены,
Разума же и смысла добраго до конца обнажены.
Аще и многим сребром и златом кипят,
В божественыя же заповеди отнюд не зрят.
От тех бо своих еретик и учителей тако научены,
С великим и крепким наказанием от них, злодеев, утверждены.

Лютым тем, окаянным учителем их Мартином,
А еще проклятым же учеником его, Калвином.
Вси бо они, окаяннии фряги и немцы, зело крепостне держат их проклятая мартинова учения,
Ничто же им благо будет, кроме вечнаго мучения.
Яко в бога в него, окаяннаго добродея своего, веруют,
Христу же, истинному богу нашему, не тако последуют.
Развратиша бо, окаяннии, у себе християньския наши законы
И ни во что, злодеи, незмениша божественыя и святыя иконы.
Стоят бо, окаяннии, на мартинове учении аки на твердем камени,
Того ради не имеют на себе божественаго Христова знамени.
И яко бесъплотнии бесове не крестят своих лиц,
Но яко бездушнии идоли падают ниц.
Ниже стоя, ниже крестяся, кланяются Христу богу,—
Сатанинъским научением нагибаются, отметая свою ногу.
Како же их, злодеев, достоит нарещи в человецех? —
И яко от злых сосудов злии сосуди учинишася в нынешних в последних вецех,
Яко великия расколы в православней вере учиниша,
Всуе вси самосмышлением от нашего християньскаго закона отступиша.
Ей, радуется сатана с бесы о таковем их отступлении,
Рыдати же и плакати с ним будут в вечном мучении.
Сторичная убо часть мира не посмеется безумному их мудрованию,
Како они, окаяннии, не помышляют к вечному упованию.
Отнюд паки ревнуют тем своим злым еретиком и учителем,
Родителнаго нашего християнъскаго закона злым разорителем.
Божии, воистинну, враги и супротивницы,
Еже бо нашему християньскому закону не повинницы.
Токмо вседушно зрят к своей прелестной мере.
И ты, господи, подаждь нам разум и смысл добр, чтобы им быти в нашей православней вере.
И не помяни наших бесчисленных грехов.
По твоей милости, да не посрамлени будем от тех наших врагов.
Ей, прогневан еси, владыко, нашим к тебе жестосердием.
Честнаго ради креста своего помилуй нас своим милосердием.
А лютых сих врагов наших шатания разори,

От лестных же и прелестных их учений в правость претвори.
А еже бы им познати нашю християньскую истинную веру,—
Вси бо до конца уклонишася в свою прелестную меру.
А ты, владыко, господи Иисусе Христе, всех царю, силен и крепок во всем,
Таче да не супротивни тебе будут ни в чем.
И тебе славу и благодарение возъслем со Отцем и со святым Духом,
И до осияни будем благорастворенным воздухом.
Во веки веков, аминь.

Ведомо же буди всякому православному и о сем, яко убо многая воспретителная в сей акростихиде к неверующим православныя веры по святых отец законоуставных положении рекошася, и сия убо сице; и довлеют быти за ожесточение суемысленаго разума их, доньдеже обратятся...

По сем начинается сия блаженная книга чести,
Аки камение драгое и бисерие нести,
Или яко медвеныя соты вкушати,
А еретиком и развратником веры християнския уста заграждати,
Или, яко оружием препоясався, супостат сещи
И божественым писанием яко огнем жещи.
Аминь.

Ларион

К Феоктисту

С Сию боголюбивую ползу пишу,
Т того блогодарения от себе не лишу.
А Аще изволишь о нужных вопросити,
Р реку сие, яко подобает ти мою немощ носити,
Е еже аз ныне чего желаю,—
Ц царствия небеснаго видети изволяю.
Г Горняго убо Иерусалима хощеш восприяти,
О о них же молих, изволи подати.
С Сей виною мя учини свободно —
П покажу ти вскоре работно,
О от него убо разум всяк является,
Д да и тобою единочастно познается.
А Аще убо обретох благодать пред тобою,
Р работная покажу ти собою.
Ф Фарисейскую злобу от себе отрицаю,
Е елико любителная твоя, в сие вницаю.
О Отнюду бо всех дыхание животворитца,
К к тебе все днесь желателная обновитца,
Т та азбука и послание лаодикийское[1],
И и твое многоискательство блиское.
С Сего ради тебе челом бью,
Т Тако же и слезы лью,
Д да свое желание узриш вскоре,
А а в нем обрящеши разумное море.
И И о сем твою брацкую дружбу,—
М мне сим покажи бога ради службу.
И И в том тебе не будет утрата,
К к тебе от меня тотчас заплата.
Н Но отдам ти завтра рано,
И и что написать, то избрано.
Г Господа ради смилуйся надо мною,
У учинит бог милость над тобою.
С Сего бо негде искати,
П понеже не с чево списати.

И и о сем велми нужном и потребен час,
С смилуйся, помилуй нас.
А А по сем, государь, здрав буди,
Т толко меня не забуди.

Феоктист

От Феоктиста к Лариону старцу отвещание

С Сию боголюбивую ползу пишу,
Т того благодарения от себе че лишу.
А Аще изволишь о нужных вопросити,
Р реку сие, яко подобает ти мою немощ носити
Е еже аз ныне чего желаю,—
Ц царствия небеснаго видети изволяю.
Г Горняго убо Иерусалима хощеш восприяти,
О о них же молих, изволи подати.
С Сей виною мя учини свободно —
П покажу ти вскоре работно,
О от него убо разум всяк является,
Д да и тобою единочастно познается.
А Аще убо обретох благодать пред тобою,
Р работная покажу ти собою.

Имярек.

П Приникшему в духовную любовь всеусердне
О о господе радоватися бы всегда прелюбезне.
Т Тверд ум о бозе никако же внешняго помышляет,
Р ревность божественная всегда его утверждает.
У Умиляющаяся душа приходит в будущих помышление,
Ж желающая плотьских сама нисходит в погубление.
Е Елицы паки будущая в себе помышляют,
Н не тако в сетех лстиваго увязаеми бывают.
Н Надеющиеся на господа яко гора Сион не подвижутся,
А а отвергшеися воля его в книгах животных не напишутся.
Я Яко же огнь, пришед, изнуряет терние,
Т тако и дух святый, нашед, потребляет согрешение.
О Око нездраво не может чисто к солнцу взирати,
Б божиих судеб тако же не мощно испытати.
О Очищаются и прикрываются греси чистым покаянием,
Ю юность и лепота плоти погибает зелным воздержанием.
Л Леность и нерадение всегда содевают муку вечную,
Ю юродство же по бозе исходатаит радость бесконечную.
Б Бог никогда же радуется о погибели грешных,

Е елико же мы сами веселимся о житии внешних,
З зрим всегда пред собою божественое писание,
Н никако же хощем уклонятися в его указание.
Е Ехати со врагом всяко будет не безбедно,
В в бога же любовь тако же будет не безмездно.
О Острость и быстрость похвално есть уму,
С смирение же и кротость украшение есть всему.
П Паки подобает ничим никому хвалитися,
Р разве заповедми божиими всегда веселитися,
И и о еже в них бывает души полза велика,
Я яко же побеждает мысленнаго Аммалика.[1]
Х Хощет бог, чтобы мы заповеданная им исполняли
И и всегда бы его, своего творца, на помощ призывали.
П Покой и пища растит и питает тело,
Р рыдание же и плачь по бозе соделает благое дело.
О Одеяние красное прелщает очи телесныя,
Т терпение же святых удивляет чины небесныя.
И Истиннии послушницы никако же умирают,
В воздержанием и терпением своим бесовьския полки побеждают.
У Уядовленна стрела сердцу человечю — лице женьско,
Т твердыя же во уме вменяют то себе меръзко.
В Воистинну добро, еже по бозе тещи и богатети,
О отленных же и мимотекущих не вседушно подобает радети.
Е Еллины ищут премудрости на сем свете,
Г горе же им будет, егда предстанут в будущем ответе.
О От сущаго источника истекают воды живы,
А а от земныя мудрости бывают мысли возносливы.
Щ Щедрии и милостивии, тии сами помиловани будут,
Е емлющеи же чюжая насилием вечных мук не избудут.
И Истиннии друзи познаваются во время напасти,
Н немилостивыя же и лютыя в суетней своей власти.
Е Елицы красных всех зде наслаждаются,
Т тамо же будущих благ едва сподобляются.
А Аще ли кто не сам о своих гресех поскорбит,
К кто ин душу его от лютыя муки свободит?
О Объядение же и упивание николи же содевает добра,
Н нищета же со благодарением паче злата и сребра.
О Образ красен многим сердца изязвляет,
А а иже божий страх имея, очи свои отвращает.
Б Беззаконницы и грешницы вси отидут во дно аду,
А а творящеи волю господню приидут вси во отраду.
Ч Чистота сердечная вся же имат пред богом представляти,

Е еллинов же и еретиков ко истинней вере обращати.
В Воздержащеися и постящеися умерщвляют своя страсти,
О обьядающеися и упивающеися всегда впадают в злые напасти.
С Смирение глаголется, еже ни в чем кому досаждати,
П погубление же велие, еже ближняго своего осуждати.
И Истинныи же милостивець, иже не разсуждая всем подает,
С смотряй же и испытаяй не тако свою душу спасет.
А Афинейския бо ради премудрости никто не спасется,
Х ходяй же по заповедех божиих к небеси вознесется.
Т Терние и волчец подавляют семена доброплодна,
И истиннии же слезы ражают дела богоугодна.
В Весть господь благочестивыя от напасти избавляти,
С сатаниньския же слуги и други во ад посылати.
Я Язык неудержан всегда вводит во злая,
К кротость же и молчание содевают дела благая.
О Обьядаяйся и упиваяйся не будет божественный витий,
Т токмо всегда уловляем бывает от бесовьских сетей.
Ж Желаяй благих спасет душу свою от смерти,
Е еллин же и жидовин не хощет покоритися ни при смерти.
М Мерзко богу в человецех высокоумие,
Я яко не подобает уклонятися в таковое безумие.
В Велие дело, еже кому от того удержаватися,
Т твердостию же ума всегда вооружатися.
О Отвергшеися бога погибнут вси душею и телом,
М молящеи же ся ему восприимут от него по своим добрым делом.
П Паки праведных душа яко солнце просветятся,
Р ревнующих же злым яко тма помрачаться.
О Оружие потребно есть во время брани,
С святых же и праведных душам в божественной длани.
Т Терпение убогих не погибнет до конца,
И и за истинное их страдание венчани от общаго творца.
И Из мутны тины чиста вода не истекает,
Н находящи печали тако же здрав ум не бывает.
И Источник сладок — беседа с премудрым,
К корысть не добра любление с безумным.
О Облик темный покрывает солнечный свет,
М милостыня же творит к богу дерзостный ответ.
У Ум смущен не может избыти от забвения,
Ж желание же благих от всегдашняго к богу моления.
Е Еще ли хощеши имети к нам свою любовь,
В воистинну ин никто к нам не таков.

О О сем сам истинный свет тому свидетель,
З зрит бо во всех нас злую и добрую детель.
В Восприими сие от своих плод заходным люблением,
Е емляся своима чесныма рукама со всем усердием,
С сохранен буди от всех злых, находящих ти,
Т терпи же и благодари о всех приключающихся ти,
И и будет ти многа мзда на небесех.

Петр Самсонов

Послания Михаилу Стефановичу

Многую и присносущую благодать таковый от бога
получает,
иже в божественных писаниих кто себе выну поучает.
Хранит господь в мире от вражиих навет безмятежны,
аще кто ползует в неких кого словесы утешны.
Истинна убо всегда, умножившися, вконец лжу
искореневает,
любы же ко искреннему множество грехов покрывает.
Украшает любы стяжавших ю венцем благодати,
славою же и честию таковых попремногу весть облогати.
Тою бо на земли в мире вся благая тем быша,
елицы же с незлобием сердца имети ю обыкоша.
Философскими любомудрыми учении сицевых обогащает,
аще кто люботрудными подвиги душевное лице умащает.
На высоту убо всех добродетелей имущаго ю возводит.
О ней же начало стяжав, и в конец благостыни
происходит.
Великую же добродетелем главу зело понужаем
и с прилежным усердием непрестанно выну стужаем,
чающе и мы тояжде благодати отчасти от вас получити,
уповаем же оней исправлением себе и впредь научити.
Разумное боголепное выну и сем украшается,
аще любовью истинною нелицемерною сопряжается.
Довлеет убо подражати нам твоему остроумию,
о нем же могу получити многу ползу моему неразумию.
Велию и неоскудну благодать от бога и от человек
восприимеши,
аще дарованного ти духовнаго сокровища от нас не
скрыеши.
Тем бо позновается благоверие во всех нас верных,
иже аще преисполненни будем нравов нелицемерных.
Сими бо повсюду бывает законных главизн
укрепление,
яко аще будет праве в нас божественных догмат
исправление.

Правда же, с целомудрием спрягшися, о бозе любовь рождает,
разум же, получивши духовную благодать, нрав украшает.
Иже аще кто поучением божественных словес услождается,
сей нетленными дары от бога во веки обогащавается.
Не лжесоставны бывают божии истинны словеса,
от них же исправляются в нас благия делеса.
Писания испытанием царьствие небесное искати — бог повелевает,
его же стяжав, всяк живот вечный себе получает.
Того ради и ты моления нашего тща в конец не отверзи,
руку свою всяко возжеления к ползе нашей разверзи.
Уповаю же, яко аще изволиши любомудрие свое нам открыти,
широту же словеснаго наказания безволненне велиш плыти.
Аще ли же в пристанище твоего благосердия тихоносно пристану,
славити твоего к нам усердия до конца не престану.
Аще ли же в мори словес и в неких нам страдати случится,
мне же удобно смотряти, да не некое зло впредь приключится.
Словесы богословцы повелеша блюстися яко острого меча,
отсекает бо то неразумие главу по самыя плеча.
Но того ради твое благосердие еже о нас, впредь взущаю,
о нем же ныне твое незлобонравие к себе получаю.
Велика убо от полезных в любви бывает вьну слава,
честию же и добротою благолепия украшает нрава.
Еще же твое честное любомудрие похваляю к сим.
Любиши бо от души книгу, иже списа премудрый грек Максим[1].
О сем благодарю, еже о сабрании вещей прилежание твое,
молю же яко да сим просветиши неможение мое.
Буди же, возлюбленне, имея о господе любовь неоскудну к нам,
а мы такожде непременну хощем имети к вам,
юже имуще, стяжеши с нами единосоузен ми.

* * *

Мужественно убо слово весть всегда печаль утешати,
и беседа ближняго может твердость скорби разрушати.
Храбросердых ничто же от скорбных печалити возможет,
аще некия страсти наидут, благодарение бога разсыпати
может.
Иде же убо выну бог непрестанно прославляется,
тамо лютых и скорбъных страсти низлогаются.
Слух во ушеса наши вниде, яже о вашей скорби, слезам
достоин,
твоему же любомудрию пребывающ надолзе непристоин.
Его же ради духоноснии богословцы верным заповеди
положиша,
философи же и внешнии любомудрецы не имети того
повелеша.
Аще убо и жалость сроднаго ти лишения умножися днесь,
но о всем благодарен имей свой богомудрый ти разум
весь.
Вем убо, яко таковыя случаи приносят человеком слез
пучины,
и о сем преумножаются рождьшим многия кручины.
Что убо таковую скорбь паче рождьших победити может,
но едино благодарение божие в радость пременити
возможет.
Его же ради молю тя вселюбезне — не скорби надолзе,
словом праведнаго онаго страдалца утешайся намнозе,
како убо глагола о всем благодарне: господь даде —
той взят[2],
о сем же на премирная непостижных селения превзят.
Род убо человеческих аще по бозе и умалится в земных,
болшее же паче, яже о нем прославится в небесных.
Сам же веси по апостолу: их же любит господь, тех и
наказует[3],
о сем же всем бесчисленное милосердие яве показует.
Что бо онаго страдалца такова пресветла сотворило,
аще не бы в нем таково терпепие солнцеподобно
возсияло?
Доволне убо стужати, не скорби о единороднем ти чаде,
еще бо еста в супружестве соуза оба младе.
Силен бог и заматоревшую розгу уплодоносити,
ваше же чадородие паки может даром украсити,
о нем же и вовеки в радости намнозе возвеселитеся,
еще же и сыны сынов своих зряще, попремногу благости
насладитеся.
Моей же настоящей грубости не подивитеся.

Послание Фоме Стефановичу

Грамотка, писана сопротив написания, извитье лукавством. Епистолия.

Фарисейскаго лицемерия в вас плевы проницают,
основание духовные любви в нас корень посецают.
Меча обоюдуостра слово посреде является,
его же ради сердце наше скорбию уязвляется.
Союз братолюбия сим до конца погибает,
кто терние злобное посреде влогает.
Елико убо кто сицевым суемудрием похваляется,
философьское же любомудрие в таковых не вселяется.
Аще кто нелепая разумения писати дерзает,
ниже творити таковых до конца престает;
о них же кто глаголати не срамляется,
в сицевых и действовати всяко не постыжается;
им же кто себе не разумевая услаждает,
чести и похвалы себе от всех таковый лишает.
Юных же умныя слабости кто содержится,
разум истиннаго разсужъдения в него не вселится.
Аще и совершеных муж таковый лет будет,
детское ж мудрование до конца в нем пребудет.
О них же кто выше своея меры похваляется,
враг богу и человеком сим является.
Аще кто здрав смысл в себе целомудрия носит,
таковыми нелепыми никого же не поносит,
иже ныне вашея злобы яд изливается,
сан же духовнаго братолюбия в нас сим погубляется.
Ярость непременну писание ваше в нас утверждает,
писати же вам сопротивная тому понуждает.
Елико же ты на мя писанием вооружаешся,
толико и мы к вам словесным оружием ополчаемся.
Рать не малу слово ваше, еже о нас, состовляет,
уязвити же наших очес никако не возмогает.
Штурмовати языком яко копием па ны поучаешъся,
крепко же и мы сами сопротив вас стати утвержаемъся.
Аще и множество бранных сопротив нас слово ваше соберет,
словеси же истинна, еже в нас сущаго, никако же поперет.
Аще мы грубостию умною выну и сокрушаемъся,
множества же вашего мудрования не устрашаемся.
Страшливому закон на брань исходити не повелевает,

о нем же весь полк, устрашився, побежден бывает.
Никако же убо пред вами глаголати не усрамимся,
о ней же ваше, еже о нас, мудрование в конец
постыдится.
Всяк же, кто кого невинна за очи поносит,
честь и похвалу сим немалу от всех тому приносит;
еже убо оно ко оному от вас вописуется,
лесть предателеобразна таково именуется.
О них же писание нам радоватися глаголет,
многую укоризну от тех смирение наше приемлет.
Бог един праведный судия тебе о сем вменяется,
им же худость наша от тебе оскорбляетъся.
Елико же от тебе преименование приемлем,
таково же и твоему суемудрию возпошлем.

Послание Василию Иосифовичу

Всяческих владыка и творец, научая ны, глаголет:
Аще кто о имени моем кого приемлет,
Сын вышняго того ради нарицается
И наследник достоин небеснаго звания является.
Любити усердно заповеда всем друг друга.
И о сем, рече, воздастъся на небесех мзда многа.
Юже и сам содетель о нас исполни
И всю тварь благостию своею наполни.
О сем и учеником рече познаватися всеми,
Сохраняти же повеле нам преданая теми.
Иже восхощет вся строяй, содевает,
Философский разум помыслити о сем не возмогает.
О нем же и мы ныне, уповающе, тщимся,
Великому ти милосердию, еже о нас, попремногу
дивимся.
И твое непреклонное усердие нас взущает,
Честное твое благонравие нам всем возвещает.
Услышати же молим благородие ваше
Рабское и неключимое моление наше.
Аще и неблагостройне счинивше сия приносим,
Доволне прияти твоего благонравия просим.
О нем же худости нашей благонадежне быти,
Во временных сих отвсюду безмятежне жити.
Аще твое богомудрое остроумие восхощет,
Таковая удобнейшая нам и сотворити возможет.

Иже некогда нам быша любезнии друзи,
Сии ныне явишася нам зломудрении врази,
Ярость свою гневоносную на мя поощряют,
Погубити в конец безвинне нас умышляют.
Еще же инем некая поносная во ушеса влагает,
Таковыми нас зле низложити уповает.
Радуется днесь моей настоящей бедности,
Уповает своей непременней быти гордости.
Шатания его суемудренныя можеши разорити,
Аще восхощеши моей бедности пособити.
Сам моему спасению ныне буди началник,
А благочестивому самодержцу о мне печалник.
Многую яви над нами, молю, милость вашу <...>

Послание Михаилу Федоровичу

Милостиваго и благоизлиятелнаго подателства другу,
И, воистинну, нелестнаго возжеления любителю.
Хвално убо слово таковому вознести не возможно,
Аще и восхощу таковая косноязычно глаголати, но не достижно.
И кто может таковаго удобством похвалити,
Любов же, истинное его благодарение вещати?
Умудрение бо разума своего удобно наследовал еси,
Философския ж премудрости разумом добре навык еси.
Его же премудрости мнози, жадающе, напаяются,
Доброте же разума его преудивляются,
Отрасль бо корени добраго произшедше,
Родители изряднии еже таковаго породивше.
О велицей милости его аще в воспомяновение прииду,
Въразумети о таковом милосердии не могу.
И которому тя созданию украшенному вменю?
Что же о сих воспомяну? Светилу ли тя небесну уподоблю,
Юже бо светлость облаки многажды закрывает<...>

Послание Ивану Киприановичу

Премилостивый бог пречистыми своими усты глаголет:
о моем имени всяк просяй приемлет.
Щедроты своя божественныя тому воздает,
аще кто требующим изобилне подает.
Двери милосердия своего тому отверзает,
иже кто о сем на него упование пологает.
Ища, иже о имени его, всяк полезная обретает,
всех же надеющихся на нь тщих не оставляет.
Аще кто кому во здешних покажет свою милость,
не оставит того тща божия благость.
Кто хощет человеколюбие божие себе получити,
инех, требующих полезная, не имать отлучити.
Прошения нашего тща вконец не отверзи,
руку свою прещедрую к ползе нашей разверзи.
Инако же нам и обрести себе помощи невозможно,
аще твоей благости не имам стужати достодолжно.
Неудобно есть нам о сем намнозе стыдетися,
о нем же хощет неможение наше довлетися.
Ваше убо, воистинну ваше, еже щадети худость нашу,
наше же убо, вправду наше, еже получати милость вашу.
Что же имам паче сего пред тобою сотворити,
великую твою себе милость чем могу получити?
Егда же предивную свою милость на мне удивиши,
лютых наших и нуждных сим премениши.
Инаго же о сем тебе, государю, ходатая не обретаю,
бытию всея твари содетеля свидетеля тебе поставъляю.
Тебе, государю, возможно вся сия сотворити,
и мою убогую ногу на желания месте утвердити.
Елицы сопротивнии беша, ужели победишася,
творящии же злая от среды вси потребишася?
Радость соединителная во всех ужели наста,
убийства междоусобная в мире всяка ли преста?
Шатание вражие ужели во благо пременися,
крови християнские произлитье ужели уставися?
Аще ли же изволит благонравие твое нам извести,
со всеми нами радостная творити нас взусти.
Аще ли же мы днесь сами и в печале мнозе пребываем,
милости же вашея, еже на нас, древния не забываем.
Свое на мне милосердие и впредь имей непременно,
о нем же многим возвещати учну непрестанно.
Нашея же худости и сего ведети не лиши,
о всех же сущих настоящих, яже о тебе, отпиши.

Великая убо ваша в великих вся ли возможна,
честная же в вышних доселе вся ли непреложна?
Егда же восхощет ведати, еже о нас, благонравие ваше,
люто есть и бедно яже зде пребывание наше.
О сем убо молю: аще можеши, сердце наше возвесели,
места еже от зде сущих в благость с тово пресели.
Безмерная злая на всех нас доселе быша,
Их же внесе злочестивый еретик рострига Гришка[1].
Еще веде мню — не вся сия совершишася,
которая от тварей треклятому Сатурнусу подклонишася[2].

Послание Григорию Евдокимовичу

Глава благоразумных всеми венчается,
род же правых всегда благословляется.
Идеже бывает смиренномудрия венец,
гордость же тамо всяка низлогается вконец.
Основание незыблемо в вере кто Христа имеет,
радости же вечныя имети никогда же оскудеет.
Идеже наказание старейших водворяется,
тамо же юность утвержение является.
Елицы убо от юности благости навыкают,
таковым в старости велицы чести себе сподобляют.
Доброта духовная юностныя красоты не повреждает,
о ней же кто прилежа, милости божия приплождает.
Красота юности — отчее наказание,
и цвет чистоты во младости — матерьне поучение.
Мудрости убо всякия навыкают во юности,
о ней же многу похвалу приемлют во старости.
Внимай же, возлюбленне о господе, моим словесем,
и поучайся не пресътая, со усердием, благим делесем.
Честь превелию от бога и от человек себе получиши,
юже стяжав, и иных добродетели творити научиши.
Радость тогда о тебе родившии тя восприимут,
аще тобою пред многими хвалитися имут.
Делы благими всегда, возлюбленне, обогащайся,
от сих же всячески в добродетелех поучайся.
Во всех человецех честь великую восприимеши,
аще во юности целомудр нрав стяжеши.
Тайну убо царския державы со усердием сохраняй
и порученную ти от началствующих службу выну
исправляй.

Сановником же царстей власти во всем покоряйся,
аще же ти возможно, то всегда с ними водворяйся.
Повинуйся во всем, иже над тобою старейшим,
елико повелевают творити вам, юнейшим.
Твори благая, от них же приимеши угодная,
разум истинный стяжи, от него же получиши тако же удобная.
Уши свои отвращай слуха суетна не приимати,
шептания тщетна и срамословия не внимати.
Аще хощеши в сан величества достигнути,
слово льстиво от сердца подобает ти изрыгнути.
Аще ли восхощеши в мире сем жити немятежно,
мир и любовь со всеми имей и слово глаголи утешно.
Славу от всех аще восхощеши получити,
от всех сих, яже восписую ти, понуди себе научити.
Не влогай себе во юности во многое пиянство,
от него же бывает и в старости многое неудобство.
Винопитие же вмале приобщающихся услажает,
чести и похвалы вечныя от всех лишает.
Еще же к сим иныя добродетели исправити потщися,
лютости же безмерныя и буести лишися.
О прочих же, яже слышу о вас, сердцем болезную,
мню бо, яко преобидел еси нашу любовь союзную.
Болши же всего почитай отца и матерь яко бога,
их же молитвами даст ти ся от бога мзда многа.
Егда же сие писание делом исполниши,
тогда сердце мое радости многия наполниши.

Послание Михаилу Игнатьевичу

Милостиваго ти и богоподобнаго о таковых просим нрава,
их же есть о всех непрестапная слава,
хваление убо наше их благородию недостижно,
аще и хощем коснутися, но невозможно.
Инорога ли тя святости того добродетели уподобим[1],
ли еленстей быстрости равна в разуме того поставим?
Ущедряет бо нас его безмерная милость,
и многоскорбную нашу всячески утоляет бедность.
Горняя убо сих ради от бога славы получити желают,
нас же попремногу в скудости наслаждают,
аще бо и сана величества от бога сподобляется,

твердейшим смиренномудрием всем сообносится.
И кто убо может таковаго словом похвалити,
его же мы зрением не можем себе насладити?
Всех убо всеми всяко попремногу обогащает,
и множайших множайшими выну исполняет,
честнии бо о нем великой чести сподобляются,
убозии же в скудости потребных от сего исполняются.
Равно убо таковому от честных обрести не можем,
аще и многих благородных исчести возможем,
дивитися точию нам зело о сем подобает,
о нем же наше спасение невредимо бывает,
во едином убо велию милость себе в нем обретохом,
аще и во многих зело сих поискахом.
Ты же, о любимый, нас при своей любве милосердствуй,
и владыку Христа попремногу благодарствуй
со своими треми от двою на един произшедшими,
яко от единого преславна корени процветшими.
Всякому же о себе стыдитися не довлеет,
еже у себя потребных кто не имеет,
лучи же ко имущим доволство молбу простирати
и от них своей скудости потребных на успех просити.
Господня убо заповеди нас поучают,
о них же зелне прилежаще всяко обогащают.
Слово же божественное всегда в тех исполняется,
просити благопотребных кто не срамляется.
О нем же убо прошении слово простираем,
да о том милости просити не престаем,
аще убо благодарное моление ныне приношаю,
рабское коленное преклонение со усердием предлагаю,
прошу, государь, неких животу своему потребных,
еже к нашей бедности повсегда зело удобных.
Ты же, государь, прошения ныне не презри,
разума же нашего грубости не позазри.
Услышати молю со усердием к тебе мое моление,
шумно да вменится слухом твоим мое дерзновение,
которое же тебе, государю, преже благодарение предложу,
еже о чем твою безмерную милость получю,
да впредь твоим милосердием имам хвалитися,
аще будет нам некогда преселитися.
Ты же, государь, паче нас веси божественное завещание
и стократное благим обещание,
за малая убо благодеяния здешних
ангельскаго благолепия сподобляется вышних.
Право убо поистинне слово правды всегда бывает,

аще кто со благодушием истинным на бога уповает,
слово же исправляет уст своих пречистых,
царство же небесное все дарует благих.
Убожество наше сим владыка исправляя,
к вашим благодарным щедротам прибегати повелевая,
аще убо наше недостоинство намнозе стужает,
кое твое благонравие всегда на милость понуждает.
Твое убо милосердие к нам истекает выну неоскудно,
елико же нашей скудосте и худобе приимати удобно.
Божие человеколюбное милосердие за се восприимеши,
еже о нашем спасении со усердием промышляеши.
Бог тобе, государю моему питателю, мздовоздатель,
о всех же благих, еже прияхом от тебе, воздаритель.
Готово спасение за се от бога обрящеши
и всего, еже требуеши, от него восприимеши,
за твое к нам милосердие и нищелюбие
великую милость от бога получиши человеколюбие,
елико же содетель наш действовати повелевая,
сих же ты всех творити не престая.
Таково убо твое благое изволение
и к нам, бедным, непременное поможение.
Таковому ти благосердию много челом бью.

Михаил Игнатьевич

Ответ Петру Самсонову

Повеление нам есть от спасителя нашего бога,
рече бо: изобилно скудным подавати многа.
И нам то всегда памятовати достоит,
крепко нас та поистине ко спасению приводит.
Аще кто милостивны недры своя держит,
заимодавца себе выну бога и милостива творит,
аще кто мамоне[1] порабощен некогда бывает,
люто в день судный истязан той будет.
Достойно еже воздаяние от Христа есть милостивым,
аще кто без роптания со усердием творим.
Тако же господь своея милости нас богатно не лишит
и истязан и страшен глас во ответе будет.

Ермолай Азанчеев

Послание Марку Ивановичу

Горняя убо от бога славы выну желаем,
О том убо всегда радостное веселие совершаем.
Слово любомудренно яко плод зрел возрастает,
Правда правых от смерти избавляет.
От греха удалятися обычаем бодрым,
Да сего ради подобает нам внимати делом добрым.
Аще дух разумения требуется тобою тако
Рачително, поистинне любы совершити всяко.
Юзником, по господню словеси, подобает исправляти суды.
Мы ж истинно подщимся пред государем исправляти своя труды,
Аще хощем уведети известне,
Равно есть то обое безместне.
Край главизны богословцы написуют братолюбие,
Укращаются всяко греси, идеже пребывает нищелюбие.
И что о таковом могу рещи,
Всячески по истинне слово изрещи?
Аще и честнаго сана земных кому преходити,
Не имеяй же любви по бозе горних на высоту чюж восходити.
О бозе ли кто содевая имущи,
Всякого сана и величества превосходити той сущи.
Ничто же от навет лстиваго борца одолеет сего.
Человек ли ратовати тех может паче всего?
Юнных же, государь, разумы на премудрость преводиши,
Еже высотою разумною сверсник своих превосходиши.
Радостию приях твое прежнее ко мне начертание,
Милость твоя веледарная воздаст ти ся с праведными в воскресение.
Обретшу ли кому такова сущи,
Любителное желание ко всем имущи?
Кое благодарение к богу о вас воздати можем? —
Аще и восхощем коснутися, но не возможем.
А будет от нас бедной милости не обрящет,

Зато никогда нас добро срящет;
Аще похотную свою волю всячески отсечем,
Но душа наша за то в райския пределы привлечем.
Чюж ли кто и лстец истинне,
Еже обет свой порушает кому выстинне?
Елико во звездах пречестна солнечная красота,
В благочестивых же, ей, толика изящная доброта.
Что нам паче сего писати твоему благородству?
Ей, подобает престати нашему неудобству.
Летняя плоды от лета до лета бывают,
О добродетелех прилежащеи всегда венцы соплетают.
Много паки глаголати несть треба.
Благий же бог да сподобит тя небеснаго своего хлеба.
И с твоими государьскими домочады[1]
Еже бы вам достигнути райские ограды.
Таже, государь, пребывай во веки здрав и радостен.

Тимофей Акундинов

Декларация Московскому посольству

Пять каменей Давыд имел в пастуше тоболе,
коли, не стерпев от неприятель сердечнов боле,
шол смело против страшного Галиада[1]
израильтянского верне бороняти стада. <...>
Галиаду спясю дух и гордости забила.
Тако и мы во имя божие имеем с пяти смыслов готовых
на неприятеля пять вершей сложоных.

1

Хвала милостивому святому богу!
От неприятеля бежав через осмь земель, не приткнули мы о камен свою ногу,
а не нарушили здоровья и чести и сана
и ныне есте мы под крылами милости турсково Ибрагим султана[2],
дву цесарств и сту царств и двухсот пятидесяти кролевств трех частей света монархи,
той может стереть неприятеля и моих карки;
его же слава по то ся на земли пусть сладит,
поки в небе звезды и месяц светит.

2. На поносителей ответ

О Москва, мати клятвопреступления,
много в тебе клопотов и нестроения!
И ныне ты, не иставшися, и крови жаждаешь
и на своего господина клеветный лук напрязаешь.
Хто тебе што милой отчизне здавна послугует,
на того твоя ненависть всуе негодует.
Тех древних своих княжат уставы отверзаешь,
а новых выродков, мнимых князей, приямляешь
и их, наскокателей, почитаешь и обогащаешь,
а чужими бедами отнюдь ся не наказуешь.
Хочешь или льстивое жалованье с их познати,—

советую ти и разуму их и любви внимати.
Изрини от себе тех митрополитанчиков окаянных,
наших и отца нашего государя-царя врахов непостоянных,
и послушай Христа и Спаса твоего,
а приими мене в дом достояния моего.
Я естем мнимый подьячей, а истинный царевич
Московский,
яко же иногда крал Аполон Тирский[3].
Я естем здесь непознанный князь Шуйский,
яко же иногда и Овиан, цесарь Римский[4].
Его свои, ему познавши, на престол зведоша,
тако ж и ты, Москва, не презри мене, изнемогоша.
А коли будут твои детки поносити нас чем,
мы с образца своих родитель на винник хврастия не будем
жаловать ни в чем.

3. На Филарета митрополита[5]

У трех товарыщев был один хлеб заветный:
тому из них съесть, кто сон увидит хвалебный.
А сами были розными обычи товарыщи:
один горд, другой лукав, третий вран на нырищи.
Но лукавый гордого и враноподобного обманул,
их в бучи лукавством потопил и сам в нем утонул. <...>
Царствовати ж устроил сына своего митрополитанского.
А гордому королевичу польскому[6] царствование
Московское яко во сне ся снило,
враноподобному ж тушинскому вору[7] на ево безголовье не
долго власти было.
А все те от Филарета были злых браней дела,
хотя Польска благословенной Москвы не овладела.
На устье меча народ весь был пояден
и от конца до конца земли огнем попален.
Почто, Москва, зло все забываешь,
а мне, природному своему, повинности не воздаваешь?

4. На нынешний розряд Московский и митрополитанчиковский

Что ся ныне в нашему веку сотворило,—
то много ся злых дел расплодило.
Яко едва ж ести и нам у бога милости место,
коль тяшко от бояр народу и тесно.
Только умножися гордости и кривды,

9*

яко ж и отнюдь не знают суда и правды.
Древних бо княжат уставы отвергоша
и вся древния судебники обругаша,
новыя ж своя вся суетне поставляют,
и тем бесчисленно народу укривжают.
Яко великия рыбы малых поглатают,
тако они их и имения их снедают.
Еще ж и гради мнози суеумне згубиша,
а широкими поместьи и царство обнищиша.
Только сами ся изобильно обогатили,
военный ж чин ни во что наменили,
но хотят те отором и прочим соседством
грозны и страшны быти своим богатством,
счастие свое в немецких питиях пологающе,
гради ж земли своея немцом и поляком раздавающе.
И татаром пустошить земли своея не возбраняют,
аще от них и безчисленно человек, яко скоту, отгоняют.
Но еще им же за то выходы дают и дани,
чтобы могли от них целы пробыть сами.
Москва руце угрызает и оных ненавидит,
от них же приношения пенязей не видит.
Кто даст, того послушают от всей веры,
кто не даст,— затворятся от него двери.
Что ж ты в том, Москва, добре оплошилась?
Блюдись, чтоб дверь милосердия божия не затворилась.

5. К читателю

Христианское есть — пад, востати,
а дьявольское есть — пад, не востати.
Сам, христолюбче, разумеваешь,
мой ласковый читательнику, упознаешь,
кому воздать честь и верность,
помнячи природных государей давность.
К тому не будешь их поношати,
но, и о прежнем каяся, прощати.
Понеже кто ся власти противляет,
тот, по апостолу, богу ся противляет[8].
Мой верный милый читательнику,
не дивись настоящему враждебнику,
что он в наследии нашем господствует —
так ему мир, а не бог дарствует,
который злых возвышает,
а благих отнюдь уничижает.
Смотри же не начала, но конца,

да будешь мудр до конца.
Хто сначала скачет,
тот напоследок плачет.
а так найдешь корысти не мало,
что ся тут кратко собрало.
Само бо доброе себя хвалит,
а злых лукавство палит.
Здоров же, любимиче, буди,
а своего государевича не забуди.

Евфимия Смоленская

Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная
предикатора некоего сожителницы с треми чады. Воспевати же ся может на глас Прекрасныя пустыни и Прекраснаго Иосифа[1].

О, владыко боже святый,
от аггелов препетый,
царю вышний, нам страшный,
и всей твари ужасный!
Величество твое и мудрость,
сила твоя и крепость
вышним чином недозрима,
человеком недостижима.
Благость твоя неисчетна
и милость неизреченна.
Руки свою отверзаеш
и благих вся исполняеш,
всю тварь окормляеш
и мирною устраяеш.
Праведным своим любов простираеш
и царство им подаваеш.
И грешных не оставляеш,
но спастися им желаеш.
Яко лекарь премудрый
и яко пастырь предобрый
болящее уврачюеш
и здравия подаваеш,
сокрушенное обязуеш
и заблудшее обращаеш.
В милости же небрегущих,
в терпении твоем зле живущих
браздою узды востягаеш
и к себе их привлачаеш.
То нам ныне устраяеш,
неправду нашу отсекаеш.
Святыя церкви служитель,
любовный мой сожитель,

внезапу от мене отлучися, —
глава с телом разлучися.
О сем скорбь мя снедает,
печаль тело изсушает;
очи струи источают,
реки слез проливают.
Не могу скорьби престати
и от сердца не рыдати! —
Видех любимаго связанна,
ноги и выя окованна,
бесчестно от нас ведома,
в незнанну страну везома.
Сама жизнь отлучися!
Во граде, где не родися,
детки со мною младенки,
сиротки осталис маленки.
Но что мне се сотворися?
Зачто тако устроися? —
Солнце облаком покрыся,
и день во мрак преложися.
Много о сем размышлала
и вины о том искала.
Токмо едину обрела:
сия бо вся мне содела,
егда без скорби живяше,
о души своей не радяше,
волю божию преступая,
во гресех дни изживая.
Достойна бых посечения
и вечнаго мучения.
Неисчетная милость
велия божия и благость
окаянней мне даровася,
внезапна душа моя не отъяся.
Даде мне исцеление,
душевное обновление,
беды бо душю убеляют,
грехов струпы исцеляют.
Лучше в скорби в мире жити,
да во славе вечной пребывати,
нежели быти зде во отраде,
а последи — в муках во аде.
Сего ради многогрешная,
благость божию приемшая,
господа благодетеля,

творца всех и содетеля,
я, Еуфимия, о сем хвалю,
с малыми детми благодарю.

Первый и болший аз сын,
именуемый Савин[2].
Годен жезлом ранен быти
и многи язвы носити.
С материю господу всех воспеваю,
благодателю возсылаю.

И средний аз, Леонтей,
достоин есмь многих плетей.
С рождьшею к богу глас возсылаю,
з братом в песнех соглашаю.

И аз, Николай, к вам приполз,
годен прияти многих лоз.
С крепостию к болевшей мною восклицаю,
немотуя, прорицаю:
О, мати моя и большая брата,
в пении к вам приимита!
И аз велик глаз вознесу,
красну песнь богу принесу.
Не отревайте за малость
и языка за немость.
Аще аз яко и комар,
но мощен бог дати и велик дар.
Возрите в первая лета,
иже от начала света.
Не всех великих бог избра,
младенцам дарова Авраамля недра.
Быша и велицы безумни,
младенцы же бяху разумни.
Егда господь воплотися
и человеком явися,
на земле, ходя, учаше
и чюдеса сотворяше —
в Вифании[3] и друга воскресив
и во Иерусалим путь сотворив,
старцы крест готовяху,
младенцы его сретаху,—
велицыи убити искаху,
малии же прославляху;
старцы его обнажиша,

младенцы же против сотвориша:
ризы себе совлачаху,
под ноги Спасу подстилаху;
младенцы в церков провождаху,
старцы же из града ведяху;
младенцы — ветви држаще,
старцы же — крест износяще;
велицыи распинаху,
ругательно «Уа» взываху;
ссущии млеко хваляху
и песнь красну воспеваху: —
Осанна в вышних грядый[4],
во имя господне пришедый!
Благословен царь исраилев,
от Июды востаяй лев,
пришел бы еси нас спасти,
в царстве твое привести!
Слышали старых глупость,
младенцев же ссущих мудрость? —
Млеком беленая уста,
но аггелскому чину соприста,
духом божиим се воспеше,
иже тем солнц краснейше.
Его же и аз призываю
и вкупе с вами воспеваю:
Благословен еси, боже,
твориши, что тебе гоже,
легко раны нам налагая,
сим к воли своей нас притягая,
малым жезлом наказуя,
к заповедем своим привязуя,
струпы грехов исцеляя,
души наши убеляя,
не хотя нам вечной муки,
да не впадем бесом в руки;
но хощеши спасенном (нам) быти
и во царствии твоем жити.
Сего ради благоволил,—
в скорби нам быти зде изволил,
разлучил от нас родителя,
во юности нам учителя.

Три брата младые рыдаем,
слезны реки проливаем,
яко умами несвершенни,

душами своими украшени.
О, нашего окаянства,
глупости же и безумства!
Егда он, любимый
родитель наш, с нами бывый,
учаше нас во благое,
небрегше же мы яко злое,
учению не внимахом,
в послушании не быхом,
вся дни живуще в делех злых,
небрегохом же о добрых,
о церкви бо не радиша,
в праздности болше пребыша;
егда же убо входихом,
без страха во службе пребыхом,
из церкви много скачюще,
игры безумны творяще;
немилостиви пребыхом,
сирых и нищих оскорбихом.
Ныне же сами осиревше и яко нищи быхом,
вельми уничижаеми,
от безумных посмеваеми,
от разумных оплакани,
от премудрых обрыдани.
Ныне же зло свое познахом,
к тебе, боже, прибегохом,
мати с чады притекохом,
и глас умилен вознесохом,
в покаянии зовуще,
с плачем горким вопиюще,
яко мытарь[5], в перси биюще, возрыдаем
и яко хананея[6] от всея силы воззываем:
О, боже благий и милосердый,
господи, владыко всещедрый,
остави нам пресогрешение
и даруй во всем прощение!
Будущих мук нас избави
и в десных себе постави,
нашедшую скорбь отведи
и в радостны дни приведи.
Не яко отметаем ся
от тебе наносимых на ся,
но благо да не приимаем,
пластырь душевный прилагаем,
терпкое скорбей снедаем

и пелынь беды испиваем.
Но вкратце даждь нам сия носити,
долго в том не можем пребыти
по немощи человечестей,
ума нашего несвершенстве,
бесовскаго ради навета
и злаго от них совета.
Люто нас они смущают
и во отчаяние влагают,
благодарити тя воспрещают
и в хулу к тебе поущают,
хотяще нас поглотити,
ядь сладку себе сотворити;
уж челюсти разширыша
и зубы своя в нас вонзиша.
Восхити изо уст змиевых
нас, грешных, из ногтей львовых,
ускори, щедрый, в помощь нашу,
разбей пелынную чашу,
посеки скорби терния,
изсуши реки слезныя,
разгони облаки темныя
от нас — печали сердечныя,
излей струю милости,
источник чистый благости,
даждь нам сот медвен сладости,
напои нас вином радости,—
возврати церкви служителя,
мене, грешной, сожителя —
возлюбленнаго ми друга,
и востану от скорби недуга.
Нам же трем младым братом — родителя,
во юности наказателя.
Да не в глупости погибнем,
от воли твоей ся отринем.
Но отныне ся накажем
и послушни ся покажем
твоему повелению
и отческому учению.
Даждь нам здрава его видети
и лице с веселием зрети.
Тогда тебе радостнейше
гласы воскликнем, яснейше,
сугубо тя благодаряще
и поклонение тебе творяще.
Воспоем тебе: аллилуйя 3-жды <трижды>!

Алексей Онуфриев

Стихи двоестрочни о книзе сей, *образу Спасову благодарни и Богородице молебни, от черленых слов имущи разум некаков*

Иисус руце имеет возвышени,
Сим бо врази мои низложени.
Христос имеет руце распростерти,
Сего бо ради злыя ми мысли стерти.
Спас мой матере своея прошения внят
И крестителя своего моление прият.
Владыко мой милость свою на мне излия,
Благодать бо в мя пресвятаго духа влия.
Господь мой человеколюбием си мя возвесели,
Мысли бо благи в сердце мое всели.
Бог мой благих своих мя преисполни,
Смысл бо мой буй добрых наполни.
Вседержитель рукама си благословляет,
Начати ми дело сие повелевает.
Рождьшая его и креститель руце молебне простирают
И тако мя сим к делу сему вооружают.
Владычица премудрости, вразуми мя,
И ты, единородный сыне, просвети мя.
Богородице, подаждь ми разум начати,
И ты, Христе боже, смысл скончати.
Присно богомати, к тебе прибегаю
И помощь твою призываю.
Дево пресвятая, способствуй ми, грешному,
И сотвори мя коснутися делу внешному.
Марие, Христа бога мати, о тебе хощу начати
И сие повеление царево написати,
Вразуми мя, госпоже царице, скончати.
Аминь.

Стихи кресту господню
похвални двоестрочни

Крест упование благое благочестивым,
Крест победа велия злочестивым.
Крест царю нашему на враги его победа велия,
Крест святому его семени исполнения веселия.
Крест православному их царствию утвержение,
Крест благочестивей полате и воем их огражение.
Крест на ляхов и мусулман победитель,
Крест всем еретиком прогонитель,
Креста силою и действом дело сие начася,
Креста божественным дарованием скончася.
Аминь.

Ини стихи всечестному и животворящему кресту *господню изъяснители, благодарни, молебни, двоестрочни же по акрастихи, еже есть по краегранеси*

Славословлю тя, кресте пресвятый,
Лобызаю тя, кресте пречестный.
О тебе бо православни царие царствуют,
Земнии владетели властвуют,
И архиереи слово истинныи исправляют,
Патриарси и епископи престоли украшают.
Радуется чин монашеский,
Иерейский и церковный всяческий.
Князей лицы сликовствуют,
А множество народа торжествуют.
Земленороднии вси радуются,
Ужасно же в преисподних плачются,
Божественною ти силою попрани,
Одержими в тартаре связани.
Ликуют ти безплотных множество,
Шестокрылныи приносят торжество.
Апостолы с праотцы играют,
Господеви своему сице взывают:
О царю боже, Иисусе Христе!
Дивно соделал еси на твоем кресте,
Велия раба гордаго сим связав,
О всех праведницех того истязав.
Радуют же ся и пророчестии лики,
Цари со ерархи и мученики велики.

Адам и Евва ото уз разрешат та ся,
Первыя бо клятвы свободил та ся.
О твоем таинстве, кресте пречестный,
Давыд во царех дивный и честный
Иногда убо в гусли бия взываше,
А гласом си пророчески вопияше.
Чюдну же песню научи пети тебе,
Егда провидев велие таинство о тебе.
Господа бога нашего, рече, возносите,
О великой его таинстве хвалу принесите,
А подножию ногу его покланяйтеся,
Любовию и страхом прикасайтеся.
Есть бо сие таинство свято и велико,
К сему бо притекающии приемлют толико.
Иногда Константин пред полки ношаше[1],
Яковы победы вои его показаше.
Зде убо вторицею сотворися,
Алексий царь того ж сподобися,
Херугови бо его сим изображени,
А и враги его такожде низложени.
Ревность Михайловичь яви благочестиву
И сим одоле господарю злочестиву,
Еже не срамляяся носити распятаго на кресте,
В херуговех же изобразити его везде.
Аще бо в ветсем врагов сим победили,
С Моисеом Аарон люди божия свободили,
Из Египта бо сих извели,
Но и Чермное море превели.
Аще образом сим Аммалика победи,
Аще горкия воды в сладость претвори.
Но се все бысть действо креста,
О сем вемы, чюдодействова бо той всегда.
Фараонову и Аммаликову силу той победи,
Российское царствие от поганов той свободи
И всеа Русии царя возвесели силою твоею,
Еже покори враги его мощию своею.
Верному правителю благочестия,
Алексию, искоренителю злочестия.
Православия скипетры содержати устрой,
Елико Константин обдержа в руце его присвой.
Радость превелику сотвориши Константинуполю
Внегда, честный кресте, совершиши твою волю,
О сем, православнии вси тамо рыдают,
Еже от тебе великой милости ожидают.
Но свободиши сих от мусулманских рук,

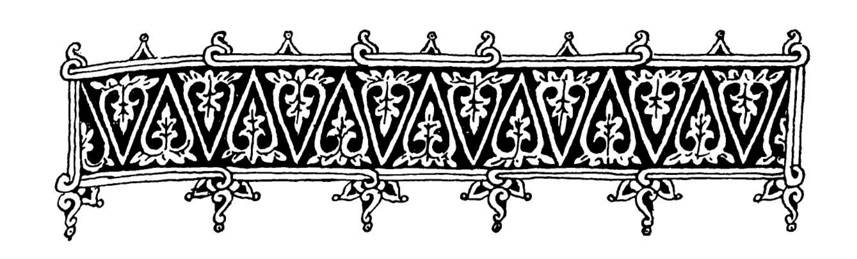
Агарянских насилующих ими внук.
Престол християнский в первую лепоту возведи
И сих, не познавших пропятаго, на тебе низведи.
Седмихолмаго скипетры повели удержати,
Алексия царя семени Алексию ж содержати[2].
Сила бо твоя божественная явится,
Яко Византия в руце его утвердится.
Возвыси рог християн православных,
Силою твоею низложи злославных.
Людие, седяще во тме, узрят свет велий,
Аще свободятся таковы радости и веселии.
Восхвалят тя выну во вся дни своя,
Удивят бо ся зряще благодеяния твоя.
Кресте, божественная сило недоведомая,
Разреши моих грехов пленица несведомая,
Елико бо хощеши, вся сотвориши,
Силою твоею царьское сие веление совершиши.
Ты еси похвала моя и утвержение,
Устнама моима даждь твое поучение.
Аминь.

Молитва честному и животворящему кресту

Радуйся, кресте всечестный,
Кровию Христа бога окропленный.
Радуйся, древо треблаженное,
На краниеве месте насажденное.
Радуйся, всего мира обновителю,
Адова же царствия потребителю.
Тебе, яко одушевленну, о кресте! песнь припеваю,
Колени со главою души и тела прекланяю.
Спаси мя, кресте святый, тебе припадающа,
Верою и любовию тя облобызающа.
Сохрани, кресте, силою твоею,
Молю тя, тело со душею моею.
Сокруши, пресвяте, демонския стрелы
И вся противныя победи силы.
Во дни и в нощи поюща соблюди
И от враг видимых и невидимых свободи.
Жизнь мою устрой мирну
И кончину получити сподоби безгрешну.

Во исходе души от тела силою си огради
И ко вратом небесным безмятежно проводи.
Сподоби же мя ясно тя зрети,
Егда на тебе распныйся приидет всем судити,
Христос бог.
Ныне и присно и во веки веков,
амииь.

Анонимное стихотворство



Послание дворительное[1] недругу

Господину имя рек имя рек челом бьет.
И еще тебе, господине, добро доспею,
ехати к тебе не смею.
Живеш ты, господине, вкупе,
а толчеш в ступе.
И то завернется у тобя в пупе,
потому что ты добре опалчив вкруте.
И яз твоего величества не боюс
и впред тебе пригожус.
Да велел ты, господине, взяти ржа,
и ты, господине, не учини в ней лжи.
Чтобы, господине, мне очи твои радостно видеть,
а тебе б пожаловати та моя рожь отдати.
Добро тебе надо мною подворить,
и в такой старости з голоду не уморити.
И тебе, господину моему, недостаток своих, что проел,
животишек не забыл.
И я на тебя к богу плачюся,
что проел я останошною свою клячю.
И ты, господине, на благочестие уклонися,
а нам смилуйся, поплатис.
Милость покажи,
моей бедности конец укажи.
А дукуду твоего платежу ждат,
и я а том не тужу
и сам себе не разсужу.
А тебя не ведаю, как положити
и чем тебя одети:
шубою тебя одети — и тебе опрети,
а портным одети — и ты здрожиг,
у нас убежиш,

и людей насмешиш, а себя надсадиш.
А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечим,
потому что много к тебе послати не смею:
и ты все обрееш,
чести не знаеш.
А мало послати к тебе не смею:
боюс тебя, сердца, ушибешся
и гостинец не приимеш.
И ты нам дай сроку ненадолго, и мы, как здумаем,
и тебе что-нибудь пошлем.
Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
а мы тебя не ждем и ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тобя на воротах гвоздием
прибита.
А писат было к тебе не мало,
да разуму не стало.
И та пожалуй,
на нас не пеняй.

Обличительное послание подьячему Семену Горяинову

Приказщик Семен Горяинов, плутаешь,
У отписок у печатей сшивок не очищаешь,
Которые отписки к преосвященному архиепископу
присылаеш,
И у тех печатей усы оставляешь.
(Знатное дело, что ты, дурак, дела не знаешь)
И подьячево Данилка, глупца, не научаешь,
Знатное дело, что ты сам, дурак, не знаешь,
Как к господину с честию подобною отписки посылают
И у печатей у сшивок усы очищают.
Да и преж сего тебе о том говорили,
И вы, дураки и глупцы, все позабыли.
А буде станете впредь так присылати,
Станут вас гораздо смиряти,
На болшую чепь сажати,
Да после того плетми хлестати,
(И твои приказщичьи усы драти)[1]
И у тебя, приказщика, у самово усы драти,
А у подьячево Данилка уса нет, ино бороду рвати.
А ся вам память на мирских сходках прочитати
И свою глупость и дурачество пред всеми обличати.

Сатира на духовенство

всем началом и паству имущим,
по божественным домом служащим
и во всей велицей и славней стране живущим,
и паки началом монашескому пребыванию,
учиненному к душевному поминовению

О пастырие и учителие словесных овец,
Поставил вас над нами общеи наш создатель и творец
И повелел вам грешныя наши души пасти
И всех нас ко истинному пути вести,
Чтоб ни едина овца не погибла от Христова стада
И не лишена была бы небеснаго его винограда.
Вы есте воистинну имянуетеся «соль земли»,
Всяк убо вас сам умом своим внемли.
И паки речено есть от господа: вы есть «свет миру»[1],
Ведущии всех православных к духовному пиру.
Вы есте столпи и людем утвержницы
И душам нашим истиннии целебницы,
Всему християнскому жителницу руководители
И паки всеа земли учители.
От ваших рук цари и князи благословляются,
И молитвами вашими скипетры их утверждаются.
Нам подобает прежде самем во всем образ давати,
Потом всех людей на истинный путь наставляти.
Яко же в деянии агиос евангелист Лука глаголет,
Яко бы перстом во око колет.
Их же начат Иисус творити же и учити.
Тако же и вам подобает всем таковым быти,
По господню слову ко святым его проповедником,
В них же инем быти премудрым его благовестником,
Сице речеся, яко да видят ваша добрая дела,
Несть бо дражая на всем свете души и тела.
Все бо житие зде в сем веце аки в превесех...
И повелевает вам божественному писанию учитися,
А не воскрилием риз своих превозноситися,

И брадами и брюхами своими величатися,
И над подручными вашими возношатися.
Вы же сами доброму разуму и мудрости научитеся
И над умеющими и разумеющими гордитеся.
И паки сами доброму началу не внимаете,
И умеющим и разумеющим возбраняете;
И не токмо на них и очима своима не взираете,
Но и очеса своя от них злобою отвращаете;
И ничим их отнюдь доволствы вашими не покоите,
Токмо домы своя и чрева строите,
И токмо паки брадами и брюхами своими взяли,
А божественное писание ногами своими едва не попрали.
И великая вам, государем нашим, есть в том срамота,
Что некогда препирает и последняя чета,
И с теми говорится ничего не умеете;
И алчбы и жажды своя довольно исполняете,
И ризы своя различными цветы украшаете,
И чрева своя различными же брашны насыщаете.
И паки злато и сребро в ковчеги своя собираете
И тем владычество и властителинство покупаете,
И з детми своими и с родством на сем свете ликуете;
И всегда работаете сего света прелестные суете,
И не взираете очима нашей нищете.
Аще и вси мы, грешнии, работаем сему свету,
Да несть достойни вашему духовному совету:
Вы убо избрании на таковое дело учиненни,
Мы же, грешнии, вам учителем подручени.
А от бедных просящих уши своя затыкаете,
А божественнаго писания не вспоминаете.
И шия ваши у вас яко же у бессловесных волов зрятся,
Вся бо та от многоценных брашен состоятся,
Понеже всегда имеет брашны и пития разноличны,
Потому лица ваша у вас велми и наличны.
А персты ваши у вас, яко предилныя початки,
Приносят бо вам всех плодов земных начатки,
И паки лица ваша, государей наших, аки огнь, рдятся,
Потому умы ваша и разумы велми гордятся.
И насыщаетеся яко телцы упитанныя,
Потому же лица ваши аки чаши налиянныя.
И не весте како глаголет божественное писание —
И всем вам, учителем нашим, в наказание,
Яко не подобает учителем питатися, аки телцем упитанным,
Понеже вы последуете от бога избранным,
Сего ради повелевает токмо живота ради кормитися

И божественному писанию и святых отец преданию
учитися,
И весь народ христианский из уст своих учити,
Како по божию закону православным людем жити.
Паки тем же Иезекиилем пророком изрековает,
И яко в самыя ваша лица вас называет:
И пастырие, изношу от рук ваших овец моих,
Их же дал есть мне небесный мой отец;
Аще единая овца от стада моего погибнет,
То велми гнев и ярость на вас воздвигнет.
И паки горе вам, добрии пастырие и учителие,
И многому вашему имению любителие!
Яко волну и млеко от овец моих приемлете,
И любомудрием и учением их не обемлете,
И о стаде вышереченных моих овец не печетеся,
Токмо гордостию и величанием несетеся[2],
Как бы вам ездити на тучных конех
И того ради не радите о божественных законех;
И седети бы вам на красных седалех,
А сребро и злато у вас в самых сердечных недрех.
А божественному писанию не внимаете,
Током паки всегда чрево свое насыщаете.
И хождение и блуждение ваше с преходящими,
И под руки ваша вас со страхом водящими.
Инии же пред брюхами своими едва ходят,
Того ради слуги и под руки водят,
Яко некоторых бывающих жен чреватых;
Понеже в вас много случается богатых,
Того ради обядостеся яко бессловесныя кравы.
Не воспоминаете в себе вечныя славы.
Не вемы, откуду таковое обучение взяли,
А святии отцы наши отнюд вам того не написали!
И то вам аки птинцем напитоватися
И утробами своими насыщатися,
Но токмо умы своими и разумы гордитися
И над предстоящими пред вами возноситися,
И того вам не указал господь, кроме крайняго вам
смирения
И душ ваших крепкого снабедения.
Таковая вам возношения бывает от неприязни
И от конечныя сердечныя к богу небоязни.
Есть же у вас неции велми горды и величавы,
И забывают во своей сытости божественныя славы,
И на незаступных и на неименитых, яко змии, свистают,
И уста им инде не по правде заграждают.

Есть же у вам инии и добродетелно живут,
И добрым именованием и званием от людей словут.
Да немного таковых в числе снайдется,—
Всяк бывает славою мира сего несется;
Всяк бо человек в славе и богатстве изменяется
И от всех величествием прославляется.
Понеже всякаго человека богатство и слава возношает,
Нищета и убожество всякаго в конец смиряет.
Есть же инии младии на такому меру дерзают,
Того ради сами себе пищь страстей разжигают,
Понеже от пищи и покоя приходит страсть
И от того бывает на душу великая напасть.
И от таковыя страсти нехотя огнь разгарается,
И от пищи и пития похоть раждается.
А елико младии в таковый чин поставляются,
И те такожде едва от страстей свобождаются.
Такожде пищею и покоем будут доволни,
Понеже во власти своей бывают самоволни.
Весма же сия глаголет то златый языком Иоанн,
От чрева матерня божественным светом осияван,
Он всех древних святых похваляет,
Вас же яко некоих неистовых уничижает.
И паки по древних святителех с печалию воспоминает[3],
Понеже не ревнуете древним святителем,
Токмо уподобляется некоим мирским томителем,
Иже налагают на человеки бремена тяжки...
И аще сие писание дойдет до ваших рук,
И молим вы, не поставте от нас себе в наук:
Не мы на вас, святии, написали,
Но божественный и святии отцы всем указали,
Каковым вам, святителем и преподобным отцем, быти
И нас, словесных овец, учити.
Паче же Павел на вас великий учитель,
Иже живет ныне в небе с самем Христом,
Тот на вас великий претитель учинися
И всеа вселенныя крепкий учитель явися.
Того ради не положите на нас своего гнева
И всегда держитеся духовнаго своего сева.
Сия вам не в суд ни во осуждение глаголем,
Недобро есть нам и всем ходити по своим волям.
Но подобает нам по заповедем божиим ходити
И его, творца своего и бога, во всем волю творити.
Писано же убо все к вам, иерархом, реснота,
Чтоб во всех нас была душевная и телесная чистота.
Прочее буди на вас и на нас рука господня,

Да не приидет на нас тщета никоего дня.
Еще же и во иерейский чин нам зде поставляете,
А во священныя правила не смотряете,
Яко на том, кий поставляй и поставленый, оба да извергутся;
Помилуй, господи, аще во геенну ввержутся.
И сеете всем божественное писание,
Да будет всем человеком в наказание,
И спасут своя православныя души,
И да внидет молитва их самого господа во уши.
Во веки веков, аминь.

Предисловие к книге «Лабиринт»

Сие слово двоестрочием сложено
и от великия сея книги вкратце объявлено

Сия филосо<ф>ская книга Лавиринф
Яко драгоценный камык акинф;
Яко же он аер прообразует[1],
Тако и сия книжица о житии нашем яве сказует.
И паки от изящнаго любомудрия сложена,
И от многаго писания изрядне сведена.
Сказует же о настоящем сем нашем житии,
Воспоминает же о тамошнем нам вечнем бытии.
Прилагает же житие наше к великому окияну,
И паки премногою широтою разлияну.
Еще же глаголет четверокружное наше прехождение
И всему житию нашему пременение.
Глаголет же о возвращении наших телес,
Времена бо и лета наша положены нам яко в век.
Четырми убо стихиями вес<ь> мир состоится,
Тако и тело наше четырми времены зрится,
Аще и седморичными мерами считается,
Но обаче в той же четверице живот нашь скончевается[2].
Аще ли кому по создавшаго изволению смерть предварит,
То число лет живота его прекратит.
Много ж от болезней и недугов и смерти человеком бывает
И преже времени веки их сокращаются.
И паки горняя убо и долняя по божию уставлению грядут,
В них же убо дние и нощи беспрестани житие наше секут.
И яко быстрии коневе протекают,
И все житие наше пресецают.
Или яко птицы скоростию летят
И вси путие живота нашего кратят.

Тако же и часове дневнии и нощнии яко мегновении ока преходят,
В них же души наши на он век отходят,
И не вем, котории во отраду ли идут, или котории в мучителная места вниидут.
Сам создавый вся весть,
Злую или добрую воздает кому месть.
Токмо приходит нам зде смертный час,
Много бо пожинает и незрелый клас.
Тако бо от творца нашего и содетеля нам учинено,
И житие наше от младости к старости сведено.
Слатко убо и неслатко житие наше нам бывает,
А получивый благоденство едва от него отставает.
Нищета жь и убожество люто есть терпети,
Яко некогда лютую студеную зиму мнети.
Слава жь и богатство и честь радостно и весело носити,
Но не вемы, х какову речению привменити,
Понеже убо сердце и ум человечь всегда веселит
И в нищету и ко убожеству приити не мнит.
Но обаче внезапу беда и напасть приходит,
Понеже некогда слава и богатство отходит.
Того ради таковии впадают в зелныя скорби и печали,
Не мощно бо никому избыти от божия фияли.
От таковых печалей многим и смерть случается,
Понеже славы и богатства своего лишаются.
Люто убо есть, воистинну люто таковаго своего презвания отпасти,
И в бесчестие и в поругание впасти.
Того ради, яко же и преже варив рех, и смерти кончаются,
И паки не вемы тамо како от создавшаго вся посылаются.
Воистинну сей свет скорби и печали исполнен,
Яко некий ров плачевныя воды напол<н>ен,
Ю же бедно и горко пити.
Тако же кому в нищете и во убожестве все житие препроводити.
Подобно же тому, кому богатства и славы своея отбыти
И в нищете и во убожестве жити.
Инем же в болезнех и в недузех вес<ь> живот случается скончати,
И на всяк день яко живым умирати.
Аще ли же многим случается во здравии и во благоденствии жити,
Обаче во время прилучно скорби и печати не избыти.

А иже в болезнех и в недузех живот свой препровожают,
Те паки на всяк день живы умирают.
Инии же вышереченную ону нищету почерпают,
Те аки в велицем мраце дни своя прекрачают.
И паки вышереченнии они богатии богатства и славы своея отбывают,
Много ж и напрасныя смерти приимают.
Что ж<е> еще о богатых будет рещи? —
Токмо к настоящему слову притещи.
Еще же имеяй богатство зелными поп<е>чении попечется,
Да и слава и богатство от него не отведется.
И иными многими своими винами человецы пекутся,
И того ради от горняго жития доле несутся.
О них же не достанет ми лето зде написати,
Сама сия настоящая книга о всех тех будет сказати.
Обаче вся суть, по реченному, не вечна,
Едина будущая слава, та — превечна!
Аще кто весма ея желает,
Тот вся земная презирает.
Нищету жь и убожество кто со благодарением терпит,
Ведомо есть, яко нетленный венец от Христа получит.
Тако же и в болезнех и в недузех страждущий,
И хлеба и воды жаждущий:
Аще со благодарением терпят,
Таковии вящий венец от Христа бога получат.
Поистинне житие наше яко коло обращается[3],
И яко корабль в самом сем поре волнами разбивается.
И паки многомятежный суетный сей мир,
Яко суетный нелепый пир.
В нем же во время пиянства друг друга поревают,
И разумнаго своего устава всяк отбывает.
Зло убо есть, воистинну зло любострастное наше тело,
Пресекает бо всегда всякое духовное дело,
И паки выну ищет своих си потребных,
И не поминает будущих и страшных словес судебных.
И тако вси человецы аки во тме шатаемся,
Аще и не чаем смерти, а х концу приближаемся.
По Соломону, суетни вси человецы зовутся,
Понеже всегда аки во мраце мятутца.
Овии убо трудом причащаются.
Инии же в трудех их покою наслажаются.
И тако вси удаляются от создателя своего и творца,
И забывают последняго своего конца.
Тем философ в лепоту житие се ни во что же полагает,

И х колеблющему морю привменяет.
Да и святии отцы вся красная мира сего ни во что же вмениша,
И житие свое постом и жестокосердием препроводиша.
Тем и творцу своему и богу угодиша,
И нетленныя венца от него себе получиша.
Того ради подобает всех святых отец писанию и сего мудраго философа учению внимати,
И не вседушно к настоящему сему веку прилежати,
Вящее выну ум свой и мысли к богу вперяти,
И царьство небесное себе помышляти.
Обаче сей настоящий век и до гроба человека льстит
И яко некоею уздою всех нас содержит,
Дондеже, пришед, Смерть вся посечет
И когождо в рай или в муку отъслет.
И ничто же потребно в жизни сей, еже богу угодити,
И с ним, творцем своим, во веки жити.
Тем подобает сию книгу прочитати со вниманием
И со всяким благоразумным разумеванием,
Понеже в ней все то житие наше обновляет,
И всех к царьству небесному итти понуждает.
И того ради от философа сложена премудрым вымышлением
И паки глупостным и дивным разумеванием.
Ты же, истинный рачителю[4],
Паки всякаго божественнаго писания любителю,
Понудил еси нас сие писание сложити
И пред твоима очима предложити.
Мы же послушание пред тобою сотворихом,
Елико мощно, тако и счинихом.
Ты же внятелне сие себе прочитай
И будущего века отнюд не забывай.
И тако избудеши вечныя тоя муки,
И ничто же ти успеют противныя духи.

Вирши, или согласныи стишки о человечестем естестве

Родится человек на свет,
яко птенец, ничего не весть,
разве сосце матерне, ссавше, снесть.
Егда в возраст приходит,
не скоро в совершенный разум входит.
К сего <света> светлым вещем прилепляется,
смаковавша, в них уплетается.
Аще з млада в божественных поучится,
от лукавых дел отщетится.
Наука злый налог ломает,
от обычая злаго свобождает.
Писание святое его наставляет,
от искушений избавляет.
Воспоминает собе суд и муки,
абы не впасти врагом в руки.
Аки уздою себе востязует
и налог аки ножем отрезует[1].
Не имеяй страха божия в себе,
внезапу погибнет во гресе.
Страх божий его наставляет,
аггел хранител не отступает.
От силы в силу пойдет,
великих вещей дойдет.
Открывает бог свою тайну,
во пришествии Христове увидит явну.
Сам в собе познавает,
никому ея не открывает,
понеже искушен быв
и, яко Иев, врага посрамив.
Во искушениих разум остреет,
в разтленном житии сверепеет.
Разум яко царь на престоле седит,
душею и телом рядит.
Инаго человека разум простый,
другаго быстрый и острый.

Разумный всяку вещъ разсмотряет
и ко благоугождению божию усмотряет.
Божии созидают,
миролюбцы разоряют[2].
О, колико градов, церквей запустеша,
понеже истины держати не восхотеша!
Бог многии казни наводит,
низ долу беззаконных сводит.
Безумных мудрость вся на языце,
будут в беде велице.
Которыи неправду вещают,
праведнаго неповинно осуждают,
тии на горшее успеют,
по мале нечого не вожделеют.
Будут связаны по рукам и по ногам.
А чтоб не досталос и нам,
языцы их будут молчати
и ничого никому вещати.
Вытягнут изо уст на локоть,
и кожа будет на теле покать.
Много языком иный вещает,
но люди речей его не слушают;
аки кимвал или медь звенит,—
сам собе и языку досадит.
Разумный немного языком вещает,
все смиренномудрием совершает.
И се добр разум содержит,
егда от бесов убежит.
Стерегут бо восходу на небеса
и того, что творил и чюдеса.
Аще Марка Фраческаго[3] душу удержали,
мы чтоб болшаго не пострадали.
Тогда горких нужд избудет,
у Авраама и Исаака, и Иакова[4] пребудет.
Тамо несть печали, ни воздыхания,
ни и о имени ях снискания.
В велицех домех много сосуд златых и сребряных, древяных и глиняных:
ов же — в честь, ов же — не в честь,
не всяк о сем увесть.
Златый и сребряный на праздник поставляют,
а в ыных свиней и псов накармляют.
Человек в чести сый, сам о собе творя неразумие,
от невоздержания облечеся в безумие.
И в великих людех прадумка бывает,

понеже неразсудие начинает.
Ляхове в чюжую землю ездят разуму учится,
руские же прироженым вещают — и лях удивится!
Оныи глаголют: добро и<в> пекле
при готовом тепле:
дров не будем купить
и одеждею тужить.
Нужно, тако три дни пребудем,
потом як<о> родныи братия будем!
Нас, православных, господь да сохранит,
одесную себе поставит.
Христе царю, сподоби получити,
в твоих обителех быти.

Сказание и написание к разумным,

яко не подобает мудраго разума преподавати безумным, також — гордых и величавых учити и любомудренное учение напрасно губити

И паки не достоит небогатому и смиренному с таковым знатися
и убогому з богатым тягатися
в тогдашних и нынешних вецех, еже не во оранную землю семя сеяти
и чистую пшеницу во плевелы веяти.
И паки несть подобно злато в гряз<ь> пометати,
также и неразумным мудростное учение преподавати.
Таковии бо добрый разум ни во что полагают
и яко свинии бисирие ногами своими попирают.
Подобно же тому гордых и величавых учити
и любомудренный разум напрасно губити,
еще же — и самому себе осрамляти
и яко злому супостату корысти давати;
понеже таковии убогих неразумно гордят
и ушесы своими слышати от них не хотят.
Аще и велми умно и разумно убогий глаголет,
гордым же гордости их аки копием колет.
А убогому и безыменному уста заграждает,
аще сам и ничесо же не знает.
Есть же инии, лукавии, в той час тайне в себе сокрывают
и убогаго в то время осуждают,
просто рещи, и много лают,
и словесы своими аки камением побивают,
яко истинну им изрече
и всем им глаголы пресече.
Обаче паки последи пред инеми сами себе похваляют,
а убогаго в то время не воспоминают,
и глаголют, яко не от иного или оного убогаго прияхом,
но от того или оного именитаго и мудраго взяхом.
Или рекут: и сами много разумеваем
и божественнаго писания много знаем.
И разумных, и умных обесчествовают
досадителными словесы, аки копием в сердце прободают.

Есть же инии, блядивыи, обычныя четы,
аще и не имеют в себе умныя остроты,
обаче во уме своем гордятся
и много разумети мнятся.
Того ради и несть потреба таковых учити
и добрый разум туне губити.
Аще повелевает всем независтию дар божий даяти,
обаче не достоит же его напрасно аки бисера на землю
просыпати;
срам бо есть от благоразумных,
много паки досады приемлют мудрыя от безумных.
И сам господь глаголет: не сыплите бисер пред
свиниями,
да не попрут их ногами, —
яко же и выше о том речено,
и зде глаголем неотменно:
хотящим же и просящим нелестно достоит даяти,
и не повеленно никому же даннаго от бога таланта
скрывати;
аще кто скрыет, осужден будет
и вечных мук едва избудет.
И паки любомудрых мужей речение
яко некое речное течение, —
и яко не состоится убогому з богатыми и славными
знатися,
но и паче подобает от них удалятися
и дружбы с ними не имети.
Подобает всякому самому себя зрети
и по силе своей бремя нести, —
срам убо есть не по силе в дом свой гостя ввести.
Аще и повелевает всякому богатому главу свою
поклоняти
и нужных потреб — пища и одежди у него прошати;
то добро есть тако творити,
обаче паки достоит от них далече быти,
понеже паки они убогими гнушаются
и нравы и обычаи своими от них отвращаются,
и глаголати, и советовати с ними ни о чем не хотят,
зане многим изообилием кипят;
и учитися от них не требуют,
токмо всегда ими гребуют;
и бывает от них сердце высоко,
и от неимущих и убогих отстоит далеко.
Еще же некогда яро и неусумненно на убогих взирают,
много же и очи свои от них отвращают

и не внимают их реченным глаголом,
аще вопиют к ним великим гласом.
Тем подобает всякому свое число лобзати,
комуждо свою версту знати
и паки сознанием от богатых далече быти,
понеже и не мощно волку со агнцем жити;
такожде и убогому з богатым,
яко же безрогому волу с рогатым.
И паки богатому мудрость не в нужду,
понеже творит ю себе яко чюжду:
полон бо есть и доволен во всем и бес тово.
Но любому древному же словеса и разум, и учение — паче всего.
Ныне же паки богатый и славный всего того не требует,
токмо паки и разумным нищетным гребует.
Того ради не всяк богатый мудрости учится,
токмо на всяк день во изобилии своем веселится
и прибытки к прибыткам причитает,
и ум его суетен бывает,
и многую мудрость ни во что вменяет,
токмо сребро и злато почитает.
Тяжело убо есть, воистинну, противу рожна прати,
такожде без божия милости кому честь в людех искати.
И сему писанейцу счинен конец.
А творящим всегда добро спеется от бога нетленный венец.
А прочее будите покровени десницею херувимскаго владыки,
да причтет вы со избранными своими лики.
Во веки, аминь.

Предисловие к Хронографу 1627 г.

Предисловие сказаний дво<е>с<т>рочное согласие любомудрию читателем

Дух, иже пророки к людем вещавый,
на апостолы той же ко всем глаголавый,
сокровенная неведущим открывая
и по обетованию тех научая,
яко и всем премудрости ся их дивити
и противящымся заущеном быти.
Той же и ныне действует, яко же сам весть,
своим созданием ум человечь не весть;
ныне же убо и нам преславно явися всемирная радость,
всесветлых писаний неизглаголанная сладость;
аще бо и сокращение некая изъявляя,
но удоб<о>разумна быти в них представляя,
источник премудрости изливающе
и внимающих всех прохлажающе.
И елицы любители тех бывающе,
и от словес желания не престающе,
от златых струй сих усердно почерпите
и яко от живых вод себе прохладити.
На чашу сию усердно ся стецете
и от нея с веселием почерпете
в души жаждущих учения прохлажение,
преславныя сея книги похваление,
выну ея в руках держаще
и яко премудрии зело ея блажаще.

ПРЕДИСЛОВИЯ МНОГОРАЗЛИЧНА

Предисловие к «шестодневу» Василия Великого

Солнце светлостию своею аще и всю тварь озаряет,
сия же писания вящше того всех человек неведение
разрешает.
О сотворении всея твари премудраго хитреца толико,
небес удобрение и земли украшение быти колико.
Вся же суть владыка словом точию творяше,
но и самыя превышшия вои аггельския чины устрояше,
тмы тмами служащих неисчетно
и тысяща тысящами предстоящих неизреченно.
Не требова содетеля, ни советнича верна совета,
человека же аще и бренна не созидаше ни единa без
совета.
Прочая же, ум имея, кто да разумевает
и елика дух святый свыше дарова да познавает,
сим писанием испытно внимая умудряется,
такова великаго светилника словесы луч озаряется.
Несть мужество без подвига ратоборсска бывати,
ни сил крепости без искусу верне познавати.
Не тако воин уготовитися на брань без трубнаго гласа
может,
тако и недоведомая кому уразуметися в чем возможет.
Аще неучения бремя весть кто на себе содержати,
и книги богословныя разума блага и не будут
преподавати.
Несть воин храбр дивне тако бывает,
которои на рати зелне распалаяся побивает.
Но тои вящши иже своих повсюду от неприятеля укрывает,
в любомудрецех же от божественных писаний ни в чем не
скрывает.
Яко же сеи великий светилник от своих писаний справ,
всяк вид о тварех подробну нам истинне описав.
Бездны и тмы ту сказуются како бышя,
дух иже ношашеся верху вод писания явишя.
Аще и самыя бытеиския Моисеовы книги сказуют[1],
о сотворении всего мира верне нам показуют.

Предисловіе книги сея двое
строчно и кратікословно

Слнце свѣтлостію своею аще
и всю тварь озаряетъ.
Сіяже писанія вящши того.
всѣхъ члкъ невѣденіе разрѣшаетъ.
О сотвореніи всея твари. пре
мудраго хитреца толико.
Нбсъ оудобреніе и земли оукра
шеніе быти колико.
Сіяже суть вяко словомъ Творчію
твораше.
Но и самыя превышшия вои.
аггльскія чины строяше.
Тмы тмами служащій неісчетно.
И тысящи тысящами престо
ящихъ неізреченно.
Не требова содѣтеля ни совѣ
тника вѣрна совѣта.
Члвкаже аще и бренна. несозди

Но несть тако, яко же речется, разумевати,
чтущий же сия и оная писания весть тои истинну
разрешати.
Прочая же суть книги о своем существе каждо
единословит,
сия же о сотворении всея твари изящне многословит.
Юже и породу раискую проходити нам собою изглашает,
и право ступающех путем царьским тоя не лишает.
Всеми же образы благих дел всех подвизая,
како скоряше, не почивая, тещи горних подвизая.
Высокопарными тамо крилы возлетая,
оного князь века сего мытарства пролетая.
От добрых же детелей в начале сия книга являет,
аки некое велие сокровище на селе всем объявляет.
Им же содержится в нас тем вся благая,
и не успеет сим ничтоже вражия коварства злая.
Постом целомудреным предлагая нам
освятити сего, сказует. Или освещаемся им.
И тысящами ублажает от неправд воздержащихся,
паче нежели з злобою суть постящихся.
Ничто же бо тако крепце благочестие подтверждает,
яко же молитва и милостыня чествицу к богу водружает.
Сих крыле обоих имея, на высоту возлетает
и прах прилепший к ногам злобы удобно отметает.
Адам во области всю землю име,
изрядное обиталище раиское и владыческое себе.
Навета же злобы ослушанием того себя лишает
и преступлением же заповедеи раискаго селения
погрешает.
Нам же всем буди едино о Христе селение,
вечных благ заповедеи того сохранение.

Предисловие
к Истории о Варлааме и Иоасафе

Блазненно есть и бедно плавати морскую пучину,
со водворяющеи же ся в пустынях вящьши спасаются в
таковых чину.
В тихих бо пристанищах народы всегда почивают
и покоя от духа тамо всячески приимовают.
Корабль обременен множицею управляется в плавании
ветры.

державу же величества и навышшу стяжав ничтоже без веры.
Аще и диадиму царскую кто на себе имея,
в нечестии же бывшему, вся ни во что преимея.
Что возбраняет кому в селении мирном почити
и в добрых детелех по бозе до конца пребыти.
Увы прелести, како не бежиши мира,
яко же от ближних царева порогу Авенира.
Не от державствующих ли бе и царския степени бяше,
наследник благородственый, отча достояния имяше
царевичь Иасаф, истинне рещи, достохвалныи попремногу,
иже от нечестия отца своего Авенира уклонися помногу.
Аще и в полатах воспитан бе аки невкоем затворе,
со всяким хранением и веселии неисходиму быти и в притворе:
да не зрит око его ничто же пристрастное света сего,
ниже печално что, или стара и скорбна кого.
Случися ли шествующу Иасафу внезапу видети,
два мужа престаревшася от мног лет быти,
изморсканым лицем и горбата суща,
паче же и мышцы расслабленны имуща.
Печалию многою уязвися о пременении жития сего,
честь же и славу ни во что меняше царства своего.
Упражняшеся ли Иасаф в таковом сомнении всегда,
не оставляше его содетель в призрении никогда.
И наставник спасению его и учитель к нему предпосылается,
из Синаридския пустыни во град пришед, чюдне обсылается.
Пестуну его, Зардану, преподобныи Варлам купцем сказуется,
из далние страны пришед быти, оказуется,
и камык[2] у себя честнее всего и дражае глаголя имети,
и сим царевича дарует, аще его возможет видети.
По многих же претителных словесех з Зарданом борзостне
входит в полату Варлам к царевичу дерзостне.
Ему же от беседований своих премудростне некая сказует
и притчею еуаггельскою камыка безценнаго Христа показует.
Даже и веру сим попремногу уловляет
и крещением того, духовно порожая, обновляет,
доволно же премудрыми своими учении и от притчей приводяше,

и вся подробну от божественных писаний ему сказоваше.
И правило веры постнаго воздержания ему вручив,
мнишескаго образа благолепия предание поручив.
В пустыню свою паки Варлам ис полаты отходит,
аки пастыр некий, заблуждьшее овча обрет, исходит.
Скорбяше же зело Иасаф о разлучении учителя своего,
иже той един в полате сир оста без сего.
Тмами выну боряся с прещении отеческими,
и злохитрыми того козньми всяческими.
Люте паки подав совет Февда царю Авениру,
иже от сего бывает падение всему миру.
Избранных девиц красотою повелевает ко Иасафу ввести,
да сим пленит душу его и от веры Христовы может
отвести.
Вся же сия он силою божиею одолеваше
и сопротивныя духы весма побеждаше.
Познав Февда волшебная своя хитрости тщетны,
уклоняется от нечестия в щедроты божия неисчетны.
Уверився от Иасафа яко тои владыка и господь кающихся
приемлет,
оставив своя вся неподобная дела, и пустыню
восприемлет,
царевы же маловременныя место славы, рещи, и чести,
желая вечныя, в поте трудов бе и слез яже не исчести.
В печали же бывшу царю Авениру сущу,
яже и богы своя, и премудрыя вития ни во что имущу.
О таковых случаех изумеся царь Авенир и, сетуя,
созва ближних своих, приступник наветуя.
Да советы многия о сыне его наричют ему,
что сотворити весть он отец сему.
Арахия же сказуется, раду полезну подав царю,
еже сим последи вси улучают света зарю.
Во отделение царства и градов советует ему дати
сынови своему Иасафу, во область особь преподати.
Еже тако обще всех и посполито радою бысть[3],
даже и держава его царственная благоденственна
пребысть.
Умаляшеся ли царство и дом отца его оскудеваше,
применен же и царь тоя державы, Авенир, нечестием
бываше.
И сего ради восписоваят, молит и просит верне
возлюбленнаго своего сына, еже быти и ему с ним
благоверне.
Приим же Иасаф писания, в ложницу свою входит,
и, пад пред содетелевым образом, слезы излияв,
исходит,

и в царство отца своего тщателне путь подвизает,
его же отец слыша издалеча грядуща, срете, облобызает.
И праздник ради сына пришествию его достолепне
торжествует.
Поверже кумиры полаты своея, и к тому им не жертвует.
И церкви вместо капищ повелением сего устрояются,
царя же самого архиереи огласив божествене
состраяются.
Сын отцу родитель крещением бывает,
да в породе жизни вечныя и той пребывает.
Таковая улучает верою и крещением царь Авенир,
ему же удивляется от благочестивых весь мир,
аще и тмою преж неверия велми был одержим.<...>
И паче всего о содеянных своих болезненно поскорбе,
иже в нечестии живыи о сем люте воскорбе,
краи смерти на ложи царстем лежа на одре
и любезнаго своего сына зря при своеи царрьстей
бедре,
слез источники от сердечныя пучины, проливая,
и плачевныя потоки, аки реки мысленне изливая.
Нападшую же сицеву душевную печаль Авенира царя
облегчаше сын его, Иасаф, изнемогающа зря,
словесы утешителными воспоминая во всем:
«Вскую прискорбен еси, честный отче, о сем.
Не одолеют бо греси обращающагося к богу
и кающагося кого от злоб по премногу».
Воздав же благодарения царь Авенир всех владыце
и простер руце свои в покаяния пути толице:
«Владыко, человеколюбче,— глаголя,— прииме дух
мой!»
И сия рек, царь Авенир предает дух свой.
Чюдно погребение Иасаф родителю своему творяше
и к будущим, простираяся, тещи, не почивая, скоряше.
От гроба же отца своего седмь дней не отступовая,
и не бе что вкушаше, ни покоя соннаго приимовая.
Умилен бе таков позор зрети,
слезами землю моча точию имети.
Стяжания же богатства требующим разда
и вся сокровища до конца изда.
В четыредесятый же день отча смерти
память ему творяше достоиныя чести.
Созва стареишины вся и люди градския,
седе на престоле державы суть царьския.
По обычаю же глагола всем вслух,
яко же усты его вещаше святыи дух:

«Се отец мои, царь Авенир, жития сего отиде,
яко един от нищих от державы своея изыде.
Ничто же ему с ним последова от сущих,
ни царьская слава и степень величества имущих.
Его же ни аз, возлюбленныи его сын,
и никто же от прочих ему друг сим
помощи тамо удобне может
и от ответа суднаго изяти возможет,
но точию деяния чия какова будут,
таковы едины помощи во всех пребудут».
Послушати же паки всем повелевает,
кто при ево державе не пребывает:
«Друзи и братия! Людие господни, наследие святое
и священие царьское того пресвятое,
их же кровию своею честною
и смертию Христос бог нашь искупи пречестною,
древняя прелести избави нас
и от работы противнаго помилова вас.
Сами весте выну мое житие,
отнели же Христа познах наше бытие,
раб ему сподобихся быти
и тому единому верою правою служити.
Все бо мое желание будущаго жития,
един ко единому усердно тещи оного бытия,
безмятежною душевною тишиною
работати владыце моему истинною,
тем и благодатию божиею не всуе трудихся,
ни тщетны дни имея, иже в них родихся,
не точию же рождьшаго своего искрення сотворих к богу,
но и вас всех того содетеля уведети попремногу.
Время ми уже есть извещенная
делом к богу совершити обещанная.
Вы же убо ныне смотрите, еже царьствовати кому,
совершенно в воли господни пребывающим к тому».
Слух же о избрании новаго царя произыде во вся роды,
возмущаше абие повсюду вся народы.
Моляху прилежне Иасафа, с клятвами утвержающе,
на степени отца своего царствовати подтверждающе.
Той же, владыки их наследник, милостивне вещав,
сотворити им по прошению их обещав.
Отпустив народы, единаго от князь в полате удержа,
иже всех во благочестии жительства лепоты обдержа,
Арахия сказовашеся от писания предиреченнаго,
особ сего поим Иасаф до места уреченнаго.
Тихо глаголаше ему, понеже бо зело любляше его,

и царства бремя содержати налагаше на него.
Оному же отрицающуся всячески сего,
и, видев его, Иасаф уклоняющася от всего
преста от таковы беседы скоростию;
и поздно нощию пишет епистолию борзостию
ко всем людем, посполито, премудростию многою,
како жити подобает християном правостию премногою,
и не иного прияти на царьство, точию Арахия суща,
и в ложницы своеи оставль писания имуща.
И, всех утаився, из полаты изыде.
Утру же бывшу мятеж и плач во всех произыде.
И скоро вси на взыскание изшедше,
и, ищуще, в потоце едином обретше.
О отхождении тому от царства понося,
Иасафу же всуе трудитися, их словесы износя.
Возвращается ли с ними до полаты, в державство
устрояет им — Арахия на царство.
Доволно же царя всячески наказав
и путь себе в пустыню сим показав.
Болезненою душею Арахия скорбящу,
о разлучения сего, аки лву вопящу,
народу всему кричащу о нем владыце,
неутешно плачющим в тузе велице.
И далече шествующу из града сим
вси последоваху ему в путь с ним,
донелиже нощныя тмы насташя,
владыки своего, Иасафа, отсташа.
Грядяше же тои, аки от далняго пленения
и во свое отечество идыи без сомнения,
оболчен внеюду в ризы обычны,
внутрь же власяныи руб имея благочинныи,
его же Варлам в знамение спасенаго пути подаст,
свою же царскую одежду Иасаф убогому отдаст,
вшед в дом крова почити, странствуя того,
и оттоле управляше путь пустынныи сего.
Иже и страшилищами своими многими
озлобляше того диавол мечты премногими,
различне же боряся, в сицевых суще
едину точию стяжати помощь на бога имуще.
И того благоволением пустыни Синаридския достизает,
и учителя своего Варлама обрести постизает,
мало же бе тому от солнечнаго жжения познаваем
и от прехождений долговременных лицем потусневаем.
Иасаф же добре учителя своего познавает
и Варлам по молитве и собеседии трапезу представляет.

Радостне пустыни тоя пища наслаждаяся
и по сих на всенощныя славословия подвизаяся.
И толико Иасафу в трудех приражатися,
яко и самому учителю его дивитися.
И вкупе дивную жизнь паче человек живяше,
и отшествие свое Варлам к богу когда познаваше:

«О возлюбленныи Иасафе! — глаголя,— видех бо тя
отриновена от мира и от сущаго в мире, паче всех тя.
В сей ти пустыни подобаше быти
и по моем отшествии присно жити.
О страдании же постничестем не устрашися,
ни долготы лет в подвизе не усумнися.
Мое же тело покрыи землею и перстию
и пребуди на сем месте духа кротостию.
Спасово слово возложи на ся яко щит,

иже нас ради убог сотворися, богат сыи,— тои
защитит.
Кая бо наша благодать подобна,
яко за раба владыце пострадати доволна».
Плачется же Иасаф, послушая всладость от писания,
плачется горце о разлучении сего наказания
и молит учителя своего, по искусу духовному вещая:
«Что ради, отче, ищеши себе единому сущая,
а не искреннему купно с собою.
Како могу ралу читися с тобою?»
Кротко же учитель его глаголет к нему
и тихо паки вещает к сему:
«Несть должни есмы, чадо возлюбленное, быти
суду божию противны себя имети.
Аще и много о сем молитися ведех,
и ненудима владыку к сему видех,
яко несть на пользу купно наша отшествия тамо,
дондеже светлым венцем увязешися о намо.
Да равен явишися понесшим тяготу дневную
и паче всего презревшим славу земную».
Прискорбную же Иасафову душу Варлам утешаше
и к братии своеи некоторым посылаше,
да принесет пречистых Христовых таин сущих,
и приимет безкровныя жертвы от святыни имущих.
Преподобный же Варлам приобщися сих,
и Иасафу подав приятием касатися всих,
и глагола ему: «Се гряду в путь ко отцем моим,
от него же никто же не может избыти течением своим!
Ты же о Христе веселися, на благое тщася,
яко земными изменити вечная потщася.
Се приближается мзда дел твоих
и богату ти свыше подаст от превыспренних своих».
И сими учении Варламу ко Иасафу беседующу,
невоздержанными слезами всю нощь пребывающу,
и моления всех владыце простирая,
и о Асафе общекупно с собою воспоминая,
в вечныя кровы вселитися самому моляся,
и власть имыи Иасафу одолевати враги боряся.
И сим тако всем речением в молении бывши,
предает дух свой Варлам, добре пребывши.
Дивне Иасаф учителю своему погребение творяше,
и близ вертепа духовнаго отца полагати устрояше.
Предъседяш ли тои, плача у гроба его,
чюдне во откровении видит учителя своего
посреде раискаго изрядна обиталища быти,

тамо возжделе удобне Иасаф вкупе с Варламом жити.
Воспрещаше же ему и глаголя не бе быти сему время,
иже содержа от земных на себе еще бремя.
Ни о сих тако печалию Иасаф уязвляшеся,
елико, виде отца своего венец, чюжашеся:
равен с своим подвигоположническим быти,
не трудись тако в подвизех постнических со святыми
улучи жити.
Убудив же ся Иасаф от сна и дивися о сих,
и жесточае пощение по отшествии Варламове стяжа по
сих.
Считаются ли зде времена и лета его:
пяти на десяти лет остави степени царства своего,
в подвизе же постничестем тои тружашеся,
тридесят пять лет на миродержца брани вооружашеся,
со многими духи неприязнеными боряся,
и, уразумев свое отшествие, пред образом владычним
моляся.
И по скончании молитвы руце на небо простер,
и мысль свою всю в горняя селения распростер,
ко господу от мира, предав дух свой, изыде,
Сего слава в некончаемыя веки во благих произыде.

Предисловие на еретики

Мира сего область искушение суть дияволе,
И сынове его века в злобе пребывают боле.
Люте же паче всего от еретик погубляют благочестия
веру,
Онеи же истязани будут крепце за таковую меру.
Символ православия бе великий Рим[4],
Тою богомерзскою ересию падеся зрим.
Иже бо днесь все отступники в нем пребывают,
Всячески же на свои прелестные басни уповают.
Богоборное ли суть жидовское племя,
Умолчати кто имат тех нечестия семя.
Древле во идолослужении и кумирстве бывше,
И кров завета Христова с славою и чюдесы того
поправше.
Разумна ли бе таковых бышя злочестия,
Ариянскою ересию отторгъшеся от благочестия.
Бога познав и творца, всех владыку,

Отступити от правоверия потом народу толику.
Море мысленое тех соблазн оттуду разлияся в весь
Сих душепагубных Мартина Лютора и Калвина учения[5] и доднесь.
В Германских странах крепце содержащих,
О них же суеумне мняв благочестия быти состоящих.
И имеяй ум да разумевает верне таковая,
Молюся вам, благочестия рачители, ведети суть каковая.
Глагол внимати испытно божественнаго писания,
О нем же кто упражняется добре от многаго снискания
Сих любезне всяк в вас да поощряется,
Поелику же дух святыи свыше дарова сим умудряется.
О благочестии противу хищник и волков стати вооружаемся,
Дерзостне о бозе обличати тех всячески понужаемся.
Иже не породився водою и духом како наречется верен,
Аще и паче всех добродетели творит и той несть благоверен.
Елика же лукавнаго врага писания сказуют во святем его,
Разсея паче многобожие повсюду идолослужители сего.
Единоначалия правыя веры и закона християнска не познавше,
Тщетою же мнози и бога познав благочестие поправше.
И повсюду в правоверных велия воздвигоша ратоборства,
Цареи бо самых и владык возхити дух иконоборства.
И того ради от божия державныя десницы люте поражени быша,
Даже и царства велиции за нечестие мнози под солнцем погибоша.
Аще и всячески от бога наказани бывают преступницы в своеи особе,
Паче же гордостию и высокоумием подтвержаются быти в злобе.
Онеи бо издавна извыкли ересию подтицати всюду,
Суеумцы суть еретицы простираются паче на нечестие повсюду.
Раб есть греху аще и тмами на главе венца имат,
А пребываяй в благочестии и творяи волю божию сего боле что имат.
Мира християнска благоверен с нечестивым никогда не сочетается,
Яко да православие сим николи не повержается.
Твердостию ума вещается всяк глагол благочинен,
Сонмищу же нечестивых приобщаяся несть кто доброчинен.

Явная надежда всех предлежит благочестие
И сего ради искореняется повсюду пагубное нечестие.
Истинна бо всегда пред лицем льсти стати не устыдится,
Своя же тамо глаголати и действовати всяко не
усрамится.
Кто от благочестивых не произносит благаго славою
подобнейшею,
О поправших же веры и закона не поболит душею.
Рачително внимайте сему и разумно, либимицы,
Еже добраго пастыря овчята и двора его питомицы.
Не дати волком и хищником входа во ограду,
Яко да улучает всяк сим свою отраду,
Твердо тех словом божиим яко оружии острыми прободаем,
Самыя еретическия полки сим усердно прогоняем.
Яже и до конца всех ратовати их Спас нам повелевает,
Да един пастырь и едино стадо выну пребывает.

Предисловие двоестиховно или двоестрочно

сочинено
любящих ради божественная писания проходити
и в них удобне разумевати, скораго ради познания
существа многопретелныя сия и благословныя
книги:
великаго светилника Григория епископа
Амиритскаго
стязателства с законоучителем июдейским Ерваном

Проповеди благочестия конца вселенныя обтекают
и слухи благих вещаний вся страны изтекают.
Несть ничто же таино еже не разумеется
и многими времены аще что обветшало не проповедается.
Помрачается ли убо благочестие долговременствы,
паки изъясняется от писаний многолетствы.
Содеянная благая како где не проповесться
и на кровех повсюду истинными богочетцы не
исповесться.
Тма ли когда таковых обияет,
иже в свете кто выну обитает.
Ритор ли и философ пребывая в нечестии всяко,
сии погибают присно люте тако.
Верованием добре просвещаются душею,
живущии же в злобе промрачаются суть душею.
Труба уготовляет воя на ополчение бранное,
поборатели же по благочестии имеют дерзновение
невозбранное.
Како забвению предати возможется таковая,

в прениих зловерия противу благочестия каковая.
Во Амиритстем граде попремногу бывшаго
и никто с православными тако стязания не имевшаго,
яко же сеи многоведящий от законных писаний,
июдеянин самый Ерван от противных своих сказаний.
Аще не бы такова премудра светилника,
противу сего дарова Христос апостольскаго
сопрестолника.
Не бы тако Ерван уверитися от прочих мог,
не разрешив пророчеств и самого владыки показати не
возмог.
В твердости бо велицей аки столпа того имяху,
июдейския непокоривыя народы сим бяху.
Уповая же всяко тщетно надежи своей погрешают,
точию вящши всех злобою своею согрешают.
Негодованием же Ервану о Сионе и Ерусалиме люте
пребыти,
яко слыша от архиепископа на небесех сим быти.
А неземных точию славою бог почитается,
но вышняя митрополия то Ион[6] и Ерусалим читается.
Прочая же нижния области различно суть изглаголаше,
и недостоинством всячески тех огласоваше.
И думею глаголя в погибели стран иноплеменных,
не бывших чады крещением пороженных.
И Египет в потребление всякого греха суща,
тако от пророчеств разрешение имуща.
Во християнех же самех верно сказуя Сиона и Ерусалима,
яже и точию сих быти во единых вселима.
Аще же и многословесен бе и коварен Ерван,
и ырищами своими во ответех угнеждашеся аки вран.
Недоумеваяся той множицею в глаголех богословных,
и познав правая не хотяше умолчати от своих
суесловных.
Мерзость бо запустения того совесть утвержаше,
и всячески в злобе неверия быти подтвержаше.
Но истинна самая силне того к благочестию привлече,
и веру и крещение с прочими Ерван на ся навлече[7].
И сокровенная от века в бозе да явится в сих сказаниих,
иже не бе тако повсюду обрящется в писаниих.
Обременена ли бысть сия книга в прении многоречием,
да к православию он законоучитель июдейский притечет
краткоречием.
И познав таинство суть единосущныя Троица,
увесть, како милосердие владычне изливается на род
християнский и строится.

Предисловие Песней Песнем царя Соломона толковым

Премудрость по имени явленная есть,
и не всяк пределом ея касатися весть.
Пути бо ея велицы и строптиви и силнии ими шествуют,
иже мерила ея от превысоких кому поспешствуют.
Та едина престол свой в вышних утвержает,
и любящих своих с собою на нем водружает.
Та всех попремногу в горнем селении обогащает,
от неимущих же еже имеяй что мнит ся и то сокращает.
И сего ради многоведцы от писаний испытна вся да внимают,
и сокровенная суть от века премудростная да разумевают.
Та бо с велиим прещением всех к себе созывает,
и ищущих тоя усердно нетуне призывает.
Приступите бо, рече, ко мне и просветитеся,
и лица вашя не постыдятся и не посрамитеся.
Приступите же по реченному зело к сим настоит,
и к таковым глубинопремудростным сказаниям достоит.
К пределом же рещи Песнеи Песнем да покусимся,
премудрейшаго о бозе Соломона в творении егда искусимся.
Како от премудрых премудростнейши ими вещает,
иже ни един от книгочтец попросту от них провещает.
Не бе видев существа их в толковании,
и не разрешив в них от части в свидетелствовании.
Дивне о сих древних писаниих читати,
до тридесяти лет человеку не повелеваху их во евреох прочитати[8].
Такова заповедь в законе их с прещением бе,
и таково разсмотрение их к сему просто не бе.
Сокровенныя ради в них таины предлежащия,
вочеловечения господня бога моего богословии содержащия.
Еже сказует, миросиянно имя его,
от небес на землю являет снитие сего.
Борзостию же серны и еленя владыку уподобляет,
и скаканием премудростне тако приподобляет.
Скочи с небес, глаголет, во утробу девичю,
скочи из ложесн на древо по согрешению человечю.
Вправду глаголет, поиду к горе Змирне
и к холму Ливанску на спасение всемирне.
Сим крин полю и цвет удолием разцветает,

неплоды ражающая церковь от язык процветает.
И к тому под сению закона невесте спати не повелевает,
но на камени прешед и со стены веща, почивая да
пребывает.
Зима бо преиде идолослужения неверство,
и веру являет двема заветома благоверство.
Не туне глаголет на широких и пространных ничесо же
кто обрящет,
не точию ходяй в путех непорочных, той повсюду вся
обрящет.
На ложи моем, речеся, в нощи удобне взысках,
его же возлюби душа моя усердно сего исках.
Сбывшееся виждь на Марфе и Марии ищущи умерша
Христа,
обретши не жива, не хотяху от него отлучитися
блаженная верста.
Истолкователи же сия премудрейшия книги зде да
вводятся,
яки трие велицыи светила от конец вселенских
совводятся.
О именованиих же их вначале по сих удобне скажет,
и когождо разными существы усердно там покажет.
Не бе бо лепо невмещаемому где явитися,
и велицей славе от благолепия сокращатися.
Всякое бо началствующее подобное себе имеет,
и всякое существо своим кождо присно владеет.
Сия же от премудростных книг многообразне действует,
и о всех всячески изящне многословствует.
Ту сказуется о бозе пророческими прорицании.
Ту апостолскими проповедми оглашается изрицании.
Ту взывается одр Соломонь в селения божия,
на нем же почивши вси святии уклоняются от безбожия.
Ту глас ударяющь сказует брата моего в двери,
Фомина неверия обличает, воскресения быти увери.
Сих странных глагол прочая зде оставляются,
да не тяжестию читателева ушеса отягчаются.
И не постигнет нас время повести деюще,
блуднаго сына отшед на страну далече беззаконнующе.
Той гладом скончаваяся, неслышанием слова божия,
православнии же да хранятся выну от такова безбожия.
Он пребываше в земли забвенней, иде же бог не живяше,
мы же в таковом селении обитаем, иде же бог присно
живяше.
О сих имам и печать засвидетелствуему о истинне,
всяк же богочтец да весть быти всегда во истинне.

Предисловие в Лествицу

Степень царьская державно присно на земли водружается,
лествица же отшелничия исшедших от мира к небеси
утвержается.
Аще и рай преступлением изгубихом,
но духовным порожением паки получихом.
Единого же лишаеми того от всех бяху,
но тысяща по всей вселенней сего имяху.
Подвиги бо многи изчитают труда толика,
им же побеждают мысленнаго Аммалика[9].
Аще не борение ту ни дарове предлежат,
ни мзды и почести на вышшия тамо возлежат.
Горняго селения тщася постизати благими снискании,
неленостне прочитовая таковыи лествичных писании.
Истинне рещи преподобный и великий оный отец,
иже всем подвижником соплетает сим венец.
По степеням количественно лествицы положи,
благих и злых навет и считая вся обнажи.
Да сим высоко имея ввыспрь парение,
прелетают вся воздушная мытарства борения.
Огня вечнаго память выну с кем пребывает,
не тако в сетех лстиваго уловляем той бывает.
Добрый бо купець на всяк вечер дневное приобретение,
или тщета всяко изчитает и написает во изменение.
И изпытание повседневно творит,
да весть что в чем сотворит.
Сей изряден своих деяний торжник сущий,
иже образ правила стяжав доволну вину имущий.
Безвестных глагол и судеб кто весть искус разумети,
аще не свыше кому дано будет что имети.
Орли на высоту восхищаются по искусу паримому,
преподобных же ликове по одолению миродержца
преоборимому.

Надписание или приповедь

Баснослагатель Езоп образом беяше и несличен,
внимая же того подробну обрящется разумом приличен.
Плоть телеси его аще и не зело суть честна,
но душа в нем живуща умом украшена и пречестна.

Пиша притчами зверския нравы,
и в них изображает человеческия справы.
Птицами и рыбами постави основание,
и над баснями творит изящное истолкование.
Притчи к притчам сказание глагол,

о целомудрии ума и сохранении от раскол.
Но в малои плоти многажды мудрость ся обретает,
великое же чрево мудрости в себе не вмещает.
И имеяй ум да зрит зде явленны своя справы,
посему же бывают и искусныя ко всему нравы.
Таковая бо философ нравоучителная беседует,

и в притчах полезная нам житию дарует.
Вещи же сея истории сказуются не в глумех,
но утешителное прочитание и в добрых думех.
Яже от еллинскаго языка преведена суть,
прочитая же любовне сия, утешаися тут.

Предисловие к царьственной книге, сиречь к Гранографу

Достоино преже великаго града в малое предградие внити
и удобства изрядства в нем смотрити.
Каково любо будет к подобству того града,
бывает бо некогда красная и предграда.
Аще будут хотяще и смотрят доволно,
дондеже во град итти будет поволно.
Потом к самому граду приходят
и по отверзении врат вонь входят.
И многих дивес наслаждаются,
и всему соучиненному в нем удивляются.
Потом изшедше вон поведают и инем,
каковы хитрости видели в нем.
Да и тии тако же слухи своя устремляют,
и очима своима видети помышляют,
яко же бо тако же всякого видения насладитися
и во устроенныя домы своя возвратитися.
Тако же подобает и сие предисловие предварити
и умом своим, и мыслию в нем походити.
И зрети подобства к сложению,
и достойно ли будет по нашему неможению.
И потом самыя книги внутрь внити,
и многих тех сказов и повестей смотрити.
И тако же мысль свою упокоити,
и инем хотящим путь предустроити.
Да и тии паки восходят видети
и ушима слышети.
Купно же и насладитеся,
и сердцы своими возвеселитися.
И отити во умное свое пребывание,
и паки ведети книжное почитание.

Сие предисловие двоестрочием сложено
и от многих повестей помалу объявлено

Ничто же светлейши солнечнаго сияния,
и ничто же сладчайши божественнаго писания.
Солнечный убо свет вселенную осиевает,
божественное же писание всяку правоверну душу просвещает.

Солнце убо согревает плоды земныя,
божественное же писание наводит мысли благия.
Есть же некрепкоумных и возносит,
и гордость и высокоумие привносит.
О том же нам несть треба зде писати,
подобает нам настоящее слово гнати.
Рцем же о настоящем том нашем слове <...>
Обаче не от единаго солнечнаго сияния плоды земныя растут,
но вкупе от земли и дождя ввысоту грядут.
Такожде не от единаго книжнаго любомудрия душа просвещается,

но и паче от добрых дел горе к богу возвышается.
Добро убо есть прочитати божественное писание,
добрейши же есть того в заповедех господних
пребывание.
Что убо сладчайше медвеных сотов,
что же убо лучши добродетелных плодов.
Медвяныя убо сотове гортань услаждают,
добродетелныя же плоды к горнему селению душу
возвышают.
Сего ради подобает вам, православным читателем
и всякаго божественнаго писания снискателем,
не единым книжественым чтением умудритися,
но вящее умом своим и мыслию к богу простиратися.
И ревновати бы житию святых и богоносных отец,
иже всяк от них приял себе от бога нетленный венец.
К ним же и сами благочестивыя цари и князи притекают,
и царьския своя им выя преклоняют.
И молятся о своем душевном спасении,
и земном добром строении.
Некогда же молитвами их и супостат своих побеждают,
и святыя памяти их верно почитают.
Тако же и мы молимся им всегда,
чтобы нам ненаветным быти от всякаго зла.
Зде же от многих малая избирающе слагаем,
и вашей духовной любви предлагаем.
Да напред яве будет вашему благоумию,
и да не позазрите нашему недоразумию.
Аще будет где возрится вам и не сложно,
но обаче счиним елико грубому уму нашему возможно.
Прочитати же вам сия предобрая книга со вниманием,
и крепостным и опасным разумеванием.
И паки подражевати добродетелных мужей пребыванию,
иже показашя нам путь к лучшему унованию.
Дивите же ся и хвалити достоит и онех благочестивых
царей,
в них же великий царь Констянтин[10] был старей.
Тужити же и воздыхати достоит о много добра сотворших,
и не до конца житие свое добре преправодших.
О самых злых несть треба стужати,
понеже всякому злому нужа ответ богу дати.
Царствовавшим же им в самом Констянтиновом граде,
аки невкоем великом и красном насажденном винограде,
иже седмочисленно нарицается
и по всей вселенней велми прославляется.
Аще за грехи и агаряны держим,

но по всей поднебесной великой славою обносим.
Его же сам той благочестивый царь Констянтин во свое
имя созда,
иже во всех царех явися, аки некая пресветлая звезда.
Ему же звездами крест на небеси явися,
тем и на злаго Максентия[11] вооружися.
Еще же и глас ему бысть свыше,
сотвори бо его господь всех царей выше.
И рече: «Констянтине, сим побеждай!»
Ты же, читателю, крепко сему внимай.
И тако шед лютаго Максентия победи,
и веру християнскую крепце утверди.
И паки начат благочестие гонити,
и люди Христовы его божественному закону учити.
И вся капища идолская до конца разори,
и церквей божиих аки виноград насади.
Потом пожив доволна лета, ко господу отъиде,
и во уготованное ему место от него вниде.
По нем же и инии благочестивии цари бышя,
и тако же в благочестие гонишя,
яко же Федосий Великий со другими и Устиниян,
потом же Констянтин со Ириною и Маркиян.
По тех же Михаил и благоверная Феодора,
аще и после Седмаго быста собора.
По благочестие добре гониста,
и иконное поклоняние крепце утвердиста.
И от всех сих добре уставишася законы церковныя,
и всякия вины богословныя.
Последи же благоверный царь Роман[12],
тако же благодатным разумом осиян.
При нем же и четвертыя браки до конца запрещены,
и таковым Уставом и доднесь утвержены.
И того ради получиша себе нетленныя венца
от самого его превышняго творца.
И тех их благия дела похваляются и доднесь,
понеже от них изыде благочестия устав весь.
При них же еще святии отцы многих еретик препреша,
и единого бога в Троицы и сущую Богородицу истинно
воспеша.
И в две воли и в две хотении Христа бога нашего
исповедаша,
и всей вселенней тако проповедаша.
И та еретическая уста их заградиша,
и православную веру крепце утвердиша.
О прочем же бытии и при них страшно есть зде писати,

подобает же нам и всем божественнаго наказания не забывати.
О всем же сем скажет предобрая сия книга,
сочинена бо аки некая протяженная златая верига.
Имена же тех царей написаны, иже зримей книзе,
аки невкотором драгом и красном низе.
Понеже книга сия подобна некоторому драгому усаждению,
и красному изрядному учреждению.
Аще кто носит на себе таковую драгую ризу,
тот бывает самого царя некогда близу.
И потом всех людей удивляет,
тако же и сия книга прочитающаго ю наслаждает.
Понеже в ней многи сказы и повести дивны,
якобы некто носит на выи своей златые гривны.
И тако попремногу выю свою украшает,
тако же и прочитающий книгу сию разумение свое утешает.
Аще есть в ней и много стропотнаго речения,
но обаче не отбудет своего доброго наречения,
Между же тех царей и инии цари быша блази,
но последи же сами себе учинишася врази.
Яко же мудроумный Ираклий[13] от добраго на зло преложися,
от злых бо еретик умом своим прелстися.
И неподобно дело в законе сотвори,
того ради горек живот себе притвори.
И тем нелепою смертию скончася,
понеже тою еретическою прелестию объяся.
И инии мнози подобни ему учинишася,
и тако же умы своими с праваго пути совратишася.
И тем нелепыми смертьми помираху,
понеже та своя злая дела содеваху.
О них же вышереченно подобает тужити,
а и всем нам будет един наш творец и бог судити.
Спосреде же тех всех быша весма злии и богоотступныи цари,
их же господь без милости гневом своим порази.
Вначале же Иулиана законопреступника[14],
и злаго врага Уалента[15] богоотступника.
Потом прелютаго же врага Анастаса[16],
аки бы злоизрастнаго и нелепаго класа.
Громом и молниею окаяннаго сожже,
понеже он злый совет в сердцы своем вожже.
Еще же злообразнаго Лва Саврянина[17],

и прелютаго врага сына его гноетезнаго Констянтина[18].
И потом же подобна им врага от армен,
тако же злообразный Львом[19] наречен.
Помяну же и Фоку[20], злаго мучителя
и правоверным прелютаго губителя.
Мучение же его страшно и горко к православным сказати,
токмо подобает многим слезам предати.
Последи же, окаянный, и сам лютую смерть подъят,
ему же богомудрый Ираклий главу и с прочими уды отъят.
Паче же во оном веце приимет вечное мучение,
понеже дая православным лютое посечение.
Подобне пострада и Феофил[21] богостудный,
иже в правде и в суде был доброразсудный.
И за нечестие икон лютую смерть подъят,
его же благоверная жена возврати от самых адских врат.
И иных злых бывших меж тех,
уже не у время иписовати о всех.
Скажет же о всех сих добрая сия списателница,
и многому деянию сказателница.
Сия же книга, по реченному Времянник,
понеже от многих лик от лик.
Слагал бо ее премудрый Логофет,
и списано бысть от многих лет.
При них же, окаянных всех царех,
и при живущих тогда на земли человек всех
знамения и явления страшна бываху
и конечную погибель им проявляху.
Громи и молния свыше от небес,
от земля же и моря много различных дивес.
Еще же и звезды являхуся не обычным своим
пребыванием,
но страшным и иновидным назнаменованием.
Некогда же видети яко падати звездам,
имена же их весть господь сам.
Паки проявляя им конечную погибель их,
понеже бога не боюся никто от них.
И потом лютыми и злыми смертьми помираху,
и во ад ко отцу своему, сатане, схождаху.
Таковии достойни суть своего злодеяния,
и на будущем суде праведнаго им от бога воздаяния.
И паки нечестивым и безбожным нечестива и смерть,
яко же приял окаянный и треклятый Махмет.
Иже веру християнскую отверг,
и того ради окаянную свою душу зле испроверг.
О прочих же таковых враг не у же время написати,

подобает кораблю ко пристанищу пристати.
Всяк прочитающий сию книгу сам будет зрети,
како от таких врагов зло и прелюто было терпети.
А аще и при онех благочестивых царех,
и по всей вселенней живущих всех.
Также знамения и явления страшна бываху,
но тех на благоразумие наставляху.
Яко да накажутся не творить и малаго зла,
да не попустит на них господь праведнаго своего жезла.
А онех окаянных ничим же наказа,
тем и душа их во аде связа.
Маврикий[22] же веде яко неправое пред богом сотвори,
того ради весма ему превечному царю себе покори.
И тем злую месть зде восприял,
злый бо мучитель Фока все уды его отъял.
О Василии же Македонянине[23] стропотно рещи,
но точию хвалу ему приречи.
Первие был мужством и разумом одарен,
и от свыше посланнаго гласа царем наречен.
Его же учителныя главы к сыну его велми удивляют,
яко благоразумию всех наставляют.
Последи же зло дело сотвори,
понеже благодателя своего царя Михаила[24] уби.
От него же венец царский и порфиру приял,
и таковою велелепною его славою одаровал.
И за то чаяти даст богу ответ недоуменен,
понеже разумом и смыслом был многоумен.
Ты же, православный добрый читателю
и всякого божественнаго писания снискателю,
сию настоящую книгу прочитай,
а будущаго страшнаго суда не забывай.
Аще и сам разумееш божественное писание,
но не излиха будет и наше к тебе воспоминание.
Аще тии злии диадимы носящеи погибоша,
и треклятыми своими душами в вечныя муки отъидоша,
како есмы мы последния четы,
зло творяще, достигнем райския красоты.
Аще и вся та написанная в книзе сей зрятся,
обаче и наши словеса тебе да не омерзятся.
Предпосылаю бо твоя слухи во вся история,
понеже слагал сию книгу премудрый книгоречия.
И чтоб твоему любомудрию напред было вестно,
а нам недостойным написатися небезместно.
Да никто же нам зазрит яко пространно сложено,
понеже от многих повестей по части имано.

Аще бо не таковым образом счинити,
то не мощно было толикаго множества объявити.
Зде же починаются чести главы,
яко некия разноличныя брати травы.
И каяждо глава свою вину скажет
и по ряду вся укажет.

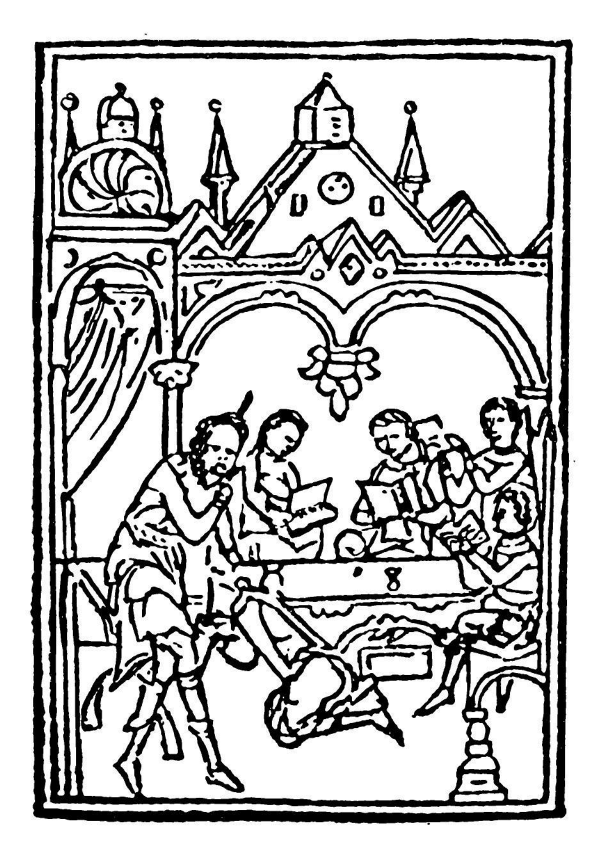
Из книги «Пчела»

Господи, о уже к старости и к последнему концу снидох,
А в чювство, окаянный, не приидох.
Жду на себя конечнаго посечения,
А не останусь прелестнаго попечения.
Егда осужден буду пред святыми аггелы и человеки,
Тогда ничтоже ми поможет настоящий сий векъ,
Еже со усердием возлюбих,
А душю свою злыми делы погубих.
О како сей свет прелестный,
Закрывает он от нас час безвестный!
Аще кто будет в своей велицей старости,
И тот не отлагает земныя радости:
Мнится ему безсмертным быти,
И мыслит то, что бы ему во благоденьстве жити
И временныя славы не отпасть,
А не ведает, когда приидет божия власть,
Сиречь страшный последний час,
И пожинает бо много и незрелый клас!

Предисловие
«Первоучебней сей малей книжице Азбуце»

Вы же, малыя отрочата, слышите и разумейте и зрите сего

Сия зримая малая книжица,
По реченному — Алфавитица,
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам, младым детем, к научению.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И от нижния степени на вышнюю восступай,
И неленостне и ненерадиве всегда учися,
И дидаскала своего во всем добрем наказании блюдися,
И паки не супротивляйся ему в добрых ни в чем,
Наипаче преклоняй ему выю свою во всем.
Потом научишися от него и прочему божественному мудростному писанию,
И вси людие воздивятся твоему к нему повинованию.
И тако достигнеши мудрых мужей совета,
И будеши истинный сын света.
Ничто же убо вящи божественаго повеления,
Тако же ничто же дражае добрастнаго учения;
Паче же сего словесней нашей души,
Ты же, младый отроче, крепко сему внуши.
К мяккому воску чисто печать воображается,
Тако же и учение во младости крепце вкореняется.
Сего ради во младых ногтех учению прилежи
И всякое детьское мудрование от себе отложи.
Аще научиши себе во младости,
То будет ти покой и честь во старости,
И тако хвалим будеши от всех,
И да будут словеса твоя аки мед во устех.
И тем творца своего и бога воспрославиши,
И душу свою чисту пред ним предпоставиши.
Аще еси исперва не разумел сего прочести,
То ныне будеши очеса своя привнести.
Но узриши, яко по делу и по действу сложено



И к вашему учению добре сведено.
И первие начинается вам от дидаскала сей зримый «аз»,
Потом и на прочая поидет вам указ.

. . . .
. . . .

абвгдежѕзиік
лмнопрстȣуф
хѿцчшщъыьѣѥ
юꙗѽѧѡѯѱѫѳѵ.

Предисловие книги сея добрый читателю

На великом добре не погибают ли?
На малем худе проживают ли?
Безумным бог не промышляет ли?
А с умом по двором не ходят ли?
На море и на великих реках плавающих бог не спасает ли?
А на малых источницех и на лужах не утопают ли?
Нищий богатым питается,
А богатый нищаго молитвою спасается

Предисловие

Благослови, владыко, писати чернилами и пером,
А прочитати бы умом.
Аще кто упивается пивом и вином,
Тот всегда бывает некрепок умом.
Аще кто хранит душевную и телесную чистоту,
Тот наследит чертог и славу божию,
И сотворит <ему> господь бог нетленен венец.
Аще кто на другом яму копает,
Тот сам скоро пропадает.
Аще кто на кого клеветит,
Тот и сам во дно адово скоро слетит.
Аще кто на кого лукаво сцивает,
А бог ево от тово избавляет.
Аще кто на кого ложно наносит,
Тот и сам в том у бога милости попросит.
Сему писанейцу конец,
А добрым людем дай боже нетленный венец.
А лукавым всем сатано отец:
Как кому не лукавить,
А правда сама себе оправит,
А виноватаго в том срамна пред людми поставит.

Стихотворные подписи к «Сборнику» 1647 г.

1. *Иоанна Златоустаго, в неделю о мытари и фарисеи*

На одре лежащия рищуща,
Мытоимъца сан въземлюща,
От овец волка отгна,
Беснаго вселника прогна.
Слыши владыку Христа в притчи яве учаща
Нищаго Лазаря, в недрех у Авраама седяща.
Праведнии убо з богом
И друг з другом.
Низпосли нам милости твоея
Молением вьсечистыя чистыя матери твоея.

2. *Григория папы Римскаго*[1], *в неделю о блудном сыне*

Доколе грешницы восхвалятся?
Почто путь грешных спеется?

3. *Кирила архиепископа Александрийскаго*[2], *от еуаггельскаго указания*

Киим образом подобает молитися нам ему?
Да не безо мзды будет вещ творящим ю.

4. *Иоанна Златоустаго, в неделю о блудном сыне*

И помыслив первое убо блаженство,
Второе же — свое окаянство,
Коликих благ себе лиших
И колицеми злыми себе обложих?
Вем бога моего благость.

Вем отца моего кротость.
И предполучающуся ответу беззаконием,
Яко исповеданию оправданием,
Виде его обращающася
И к покаянию приближающася.

5. *Иоанна Златоустаго, еже о умерших не скорбети*

Днесь благоуханием мажущеся,
А утре тамо плачющеся;
Прийти ко издохшему милосердием понуждаюся,
Но тлением его и червми оставляюся.
Не похули яко мнози, но востав укрепися.
И пад на земли, от нея же родися.
Да существо наше жалостно покажем
И неверных подражания отвержем,
Яко от горшаго на лучшее предохом
И в тлеющих место нетлеющая прияхом.

6. *Иоанна Дамаскина, о иже в вере усопших*

Братолюбию в нас возвращатися,
Молитве же и вере утвержатися,
Теплейшу умножатися
И к нищим благотворению упространятися.
Яко да имущему даст,
Неимущему же ничто же подаст,—
Петру мытарю, во иступлении ему бывшу
И своя деяния мерами узревшу.
Богатии убо сластолюбием побеждаеми,
Нищии же неимением согнетаеми,
Яко яже о них небрегше
И паче же о них повеления и предания приемше.
Слыши в притчи нищаго Лазаря лежаща,
Богатый позна его, в недрех у Авраама седяща.
Не пред очима ли, рече, приимеши Христово судище;
Иже обидимий от тебе на тя вопиюще,
Яко же предрекохом, не помрачается,
Но сохранена всем отдавается;
А иже житие имуще нечисто и скверно поживше,
Или плод никако же стяжавше;
Мало бо и свеща есть всесожжение,
И божественная и безкровная жертва очищение;

А еже к нищим благотворение приложение,
Иже за усопшаго творящему приношение;
Страшна убо прещения
И трепетна паки осуждения;
Тогда паче всячески преклоняется,
Не егда кто точию о своей души подвизается,
Совершенныя любве устав в себе затворяет
И блаженство от сего приобретает.
Богатаго в пламени жгома до выи показавшу
И яко о сем святому поболевшу,
Со слезами бога помоливщу
И труды к трудом приложившу.
Аще ли кто глаголет о странных и нищих,
Никую часть оставити могущих.

7. *Григория Богослова, в неделю мясопустную [о нищелюбии]*

И нам богатнее се вам подати
И словом ваших душ напитати:
Иоанн власы велбуждыими покрываяся[3],
Петр[4] двема цатома питаяся,
Яко добро, рече, нестяжание
И имением небрежение,
Яко врага отвращаюся
И яко сънаследника срамляюся,
Да не от бога падну, отягчав путы низвлекущими
Или к земли держащими;
Елика от телес, изгнивше, отпадоша,
Ова убо от телес и злосчастне погибоша.
Преже даже боритв смиряюся
И преже даже смиритися отлучаюся.
Такову добродетель стяжите,
Будущих онех слез убежите.
Что отца приснейше
И что матери милостивнейше?
И мати убо болезни поминает,
Утробу терзает и умилне зело взывает:
Почто, рече, во чреве матерне не умрох,
От утробы же изшед, абие не погибох?
Прелюбодеи в домы приемлем и трапезе сподобляем,
И священнотатцы общники себе сотворяем.
Еже конечное нощию и тмою покрыватися,
От настоящих и видимых стоящим прилагатися;

Аще имуща видим малу надежу здравия,
Яко осквернения некого от себе отгонения;
Не вселение же им с нами попущающе,
Ниже с трупом их лечбы прилагающе,
Скорби ради недуга утешающе
И сами себе подтвержающе.
И слез достойно видение,
Да малое некое улучат облехчение,
Ин ино что к скорби ко умиленному собирающе
И тучами и мятежми ветров стражуще;
Рыдание умилено воздвижется, что подобает —
Всю тех скорбь предлагает.
Солнцем опаляеми
И прахом посыпаеми.
Разве кто приближитися им гнушаетъся?
Песньми терпение сих возвещается.
Взирающе к богу, сердцем благодаряще
И к человеком же умиление зряще.
Сим на милость привлачаще,
Себе же облехчение, злых кождо их творяще;
Заблуждьшее, иже обращающа,
И погибшее ищуща, немощное укрепляюща.
Тем же, толика благодеяния от бога приемше,
Не минем болящих, ничто же им благо не сотворше!
Немалу тщету и преобидение вменяем.
Преддверия наша различными цветы украшаем.
От сего паче разбуеваем,
Иже не неистовни бываем,
Зде от разбойник и татей наветуемся
И времене пременением погубляемся.
Еже животных ова укротишася
И в служение подпрягошася.
Еще паче еже непщевати стоятелно,
Что сим быти и пребывателно.
Не законом описуемы,
Не пределми возбраняемы
Нецыи же от человек, о сем благость божию презревше
И прочия вещи чрез потребы стяжавше,
Яко же болезни и злобы, подобно нападоша,
Тогда вся злая найдоша.
Сими близ приступают,
Струпы осязая, и руками гноения очищают;
Истинно юже несвободни обретаются,
Неподатливии обличаются.
Аще ов за злобу мучится,

Ов же яко похваляем взимается;
Ов убо за лукавство возвышается,
Ов же за добродетель искушается.
От сего <о>бличаются, яко не по истине глаголют,
Ни мнят, еже от бога тем имети, яже имут,
А не своим сластем и страстем в поможение истощавати,
Болным же и нищим от бога еже зло страдати.
Да ниже во обилии благих сущих, иже зде похваляем,
Ниже в нищете и болезни злостраждущих окаяем.
Зде некия вещи от хитрости сотворяемы,
Во един вид составляемы,
Убо некими нелестными соборы уступления,
Елико, тем промышления,
А не бога быти строимом научиша
И к безбожию зрети учиниша.
Сия в различныя славы и наречения разделиша,
Промышления множеству о всех сущу зазреша.
Мы же ниже чюдотворения их приемлем,
Ниже баснословия ложнаго внимаем,
Ниже недуга оплюваем,
Ниже богатству текущу сердца прилагаем.
Да тако имущих о сих уста возражаем
И не словесем суетным попущаем:
Овогда же претяще, укаряюще,
Есть же егда исправляющих восприемлюще;
Шуяя же уничижающе,
Рекше, здравие и богатство хваляще;
Злыми нанесенми добре пострадаша
И противнаго терпением своим победиша.
Яко очима его на убогия призирати
И веждома его сыны человеческия испытовати,—
Он бо глава телу церковному.
Мы же друг другу — удове по единому.
Зле уязви, яко еле живу ти лежати;
Язвы имаши, якоже ниже лечбы приложити.
Паче же и яснейше присияют,
От всякаго недуга душевнаго просияют.
Что еще должен есмь, рече, сотворити? —
Отвеща, аще хощеши совершен быти.
Козлища бесплодия ради именуются
И о левую стати осуждаютъся,—
Украдша и похитиша чюждая имения, прелюбы сотвориша,
Отцу и матери досадиша,
Или ино что зло сотвориша,
Но зане Христу нищих ради не угодиша.

8. *Кирила архиепископа Александрийскаго, о исходе души от тела*

Смрадно сокровище чреву сотворивше,
Доволством и воздержанием не ходивше,
Возносящеся в помыслех скверных и злых умышлениях,
И в празднословии, и в блудных пениих,
Во тме неразумия ходивше,
Во дно геены себе потопивше,
Поработишася духу блудному и преблужения —
Горе оставшим, во еже в бозе сыноположения.
Сердца истязающа
И утробы испытовающа
В день судный неблагочестивии обретаются
И небрежливии заповедей божиих осуждаются,—
Человекоугодницы с дияволом осуждаются,
От бесов поругаеми суть, и прелщаются;
Волею согрешающе, покаянию не сподобляются,
Но в юности от смертного серпа пожинаются.
Тело свое растлиша и осквернивше,
Ум омрачивше и мысль отемнивше,
От бесов уязвляются
И геене огненей осуждаются.
Помыслите, каким подобает нам быти,—
Ниже кожа овчая волка может покрыти?
Противу плотским страстем ополчимся.
Востанем на диявола, на брань вооружимся.
А иже живота лишаетъся
Противоборец, крепко вооружаетъся!

9. *Ипполита папы Римскаго*[5], *в неделю мясопустную* [*о скончании мира*]

Известующа глаголемых явление
И послежде — апостольское учение:
Оставлена будет дщи Сионя, яко сень в винограде
И яко овощное хранилище в вертограде.
Дары избранныя приясте от него, домы создасте,
Винограды вожделенныя насадисте.
Сего ради нощ вам будет видение
И тма вам будет волхование;

Всех человек, еже друг к другу, развращение
И пастырем, еже о овцах, небрежение,
Зане вси в своей воли ходят.
Родителие чад возъненавидят,
Пастырие яко волцы будут,
А священницы лжу возлюбят,
Судии праведное от праведнаго возъмут
И, мздами ослепляемии, неправду приторгнут.
Господу бо Иисусу Христу во плоти на землю пришедшу
От святыя чистыя Девы и едино племя восприимшу,
Паковли глаголы ко Июде глаголемы
И на господе полагаемы.
О, великаго падения како прелстихомся?
Како к прелестнику приведохомся?
Того мрежами, живи, уловихомся,
Слышаще проповедники, ругахомся.
Ни кадило совершаетъся,
Чтение Писаний не услышится.
Вси бо, во еже бежати и скрытися тщатся,
Удобь ведомии и знаемии тому явятся.
Единой седмице на двое разделшися
И мерзости запустения тогда явльшися:
Паче праведнаго восхищающии
И чистое злато яко нечисто потворяющии
Восплачются, иже мерило неправедно имевшии,
Меры и козлы неправедныя стяжавшии.
Тогда праведницы яко солнце просветятся,
Грешницы же унылии и сетовании явятся.
Праведнии убо да вечно почтутся
И вечных благ насладятся.
Силы бо небесныя подвигнутся
И вся трепетом и страхом свяжутся.
Тебе ради чистоту возлюбихом!
Тебе ради праведницы на земле быхом!

10. *Паладия мниха*[6], *в неделю мясопустную* [*о втором пришествии*]

Злая творящи и зло к злу прилагающи,
Свою жизнь во гресех мнозех провождающи,
Бываеши от бесовских соуз[7] воздержима
И водяща тя диявола яко коня браздою содержима,
Не дающа никоея же воли божии тебе сотворити,

Им же возможеши реку огненну угасити,
Плачющеся их глубины сердца своего и воздыхающе
Рыдающе горко и умилно глас испущающе.
Возлюбихом он свет прелестный в сласть себе.
Увы нам, увы, глаголют, кои же пристяжали их к себе,
Яко же земли поколебатися
И небесем устрашитися.
Неправедно судяще, мзды ради неправедныя,
И возглашающе суд неправедный на неповинныя,
Неправеднаго яко праведна сотворяюще,
Сироты немилостиво насилием продавающе,—
Сердца их возмятутся,
Руце и нозе их вострясутся.
В горах и в пещерах и в пропастех земных живите,
Ни во что же песни мирския вмените.

11. *Василия Великаго, о благодарении*

Оболгующих законоположение не возможно,
От сих первие прияти нужно
Долгое пребывание, имений обретение,
К здравию лютаго недуга преложение;
Ниже тако опечалуютъся,
Но умиление осудятъся.
Что ли мните чрево объядшагося и упивающагося,
И на мякких одрох воспитаннаго и покоящагося?
Аще и китом поглощени будут,
Сами же в радости пребывают,
Еже отнюду веселие себе совозрастающе,
Иже в мори потопляемым сostраждуще,
Уставы о нужных души страстех уставляя
И зело пристрастное и дряхлое исправляя.
Вящше бо бе подвижущее,
Нежели возбраняющее
Таковых страстей прилоги отражати,
Бесовский находящий полк приимати.
Единою язвою сокрушени в дому веселия
Во время наслаждения:
Стрясшу над ними дияволу храмину,
Виде трапезу с кровию смешену.
Сетование творящи, пиры даеши,
Творящим истаявати свою душу ухищряеши.
Присно печали язву в души хранити —
Остави сия не имущим упования творити.

Еже помысли сия быти,
Чаях в землю любезную мне главу скрыти.
Языцы же вси и острови от многия силы произшедши,
Много же богатство от пленов собравшии,
Яже на мериле часом малем разсуждаемо,
Злата различие о камень трыюще искушаемо.
Ниже настоящим печалным подкланятися,
Сице исправится тебе, еже всегда радоватися.

12. *Василия Великаго, о еже внимай себе*

Яко да советы сердечныя друг другу открываем,
Ради приобщнаго естества кождо искреннему подаваем:
Идеже убо быстро грехопадение,
Скорое даетъся нам хранение;
Елма же сугубо есть, еже внимати,
Убо телесныма очима к видимым взирати,
Всяк же, иже от скверны, студ очищати,
Всякою же от добродетели добротою ту украшати.
Лех кольки стерпимо грехопадение,
Да сравняетъся и покаяние;
Убо тожде и недугующих исцеляет,
Здравствующих совершает,
Твердо основание веры да полагает,—
Зодчий да блюдет, како назидает.
Житие Слово хощет не возлежаща, не спяща,
Но трезве и бодростне себе предстояща.
Не убо настоящее лености ради оставляй,
Яко в руку сущих наслаждение полагай.
Есть комуждо нас много испытовати чюждая:
Времени, рече, дружная, злая <с>облюдовая.
Душу приял еси умну, ею же бога разумеваеши,
Премудрости плод сладчайший обираеши.
Паки похоти лукавыя ти душу раждизают,
Во устремления неудержима блудная влагают.
Еще очима разумение —
Мысленно имей постижение,
Крепко языку опирание подавающе,
Убо ссецающе ту, ови же сотрывающе.
Премудрость сотворшаго тя узриши,
Самого, рещи с пророком, удостоиши.

13. *Василия Великаго, о утвержении мира*

Ово убо бремя много стяжания,
Заеже требующим отложения:
Другов же и обычных отверзаяся,
Не бывай прискорбен, Христови совокупля<я>ся,
Пред очима приводящу и исправляющу,
Схождения к сожителствующим составляющу.
И се есть божий глас и не погрешает:
Страдалческим законом жителствовати подобает.
Да будет ти горко вкушение<...>
В пучине и всяцем ветре, и бури спасшияся,
Внутрь пристанища обезпечалившияся;
Да не приближатся твоя одеяния ко онаго,
Паче же приими старца последняго.
От братолюбива сердца тебе проносимым
Притекай к старцем, неудобь умолимым.
Возможет тя вложити чрево, бесования страсть
Безстудне тя смерти предаст,
При течении их место цвести устраяет,
Изникнет ти в сердце, вся чювства твоя напаяет.
Сиа Адама смерти предаде
И миру потоп наведе.
Даниил — идолом низложитель[8]
И змиеубийце, лвом наказатель.
Вочеловечения Христова прорицатель
И таинством сокровенным сказатель,
Яко тех клеветники сотвориши,
Места страстем мыслию своею удержиши,
Питаяся ради плоти твоея составления
Прежде потребнаго исполнения?
Колми подобает ти паче духовной пищи пребывати
И молитвою свою душу укрепляти.
Безчестие от высокоумия раждается,
Священническим степенем случается
Бывай подражатель Христов,
А не Анътихристов.
Аще сице начнеши,
Сице же и сконъчаеши

14. *Василия Великаго, о посте*

Ленивых же и медленых подвигнути <мощно ему на> усердие,
Отнюду же воеводы — на ополчение,
Воины к невидимых враг брани въчиневающу,
Ради воздержания приготовающу.
Масло убо страдалца умащает,
Пост же постника укрепляет.
Они же, иже от железа предлагают,
Нетуюжде обоим крепость сотворяют.
Пьянством утрешнее растлиши воздержание:
Зол есть помысл, лукаво умышление.
Уцеломудряет <пост> юнаго,
Честна творит стараго.

15. *Иоанна Златоустаго, в среду сырную* [*от евангельских указаний*]

Ни единаго же от себе возвращает,
Но всем руку простирает.
Аще си вся на уме своем напишеши,
Никакия же муки не приймеши.
Аще ти речет: «постися»,— то ты немощ предлагаеши.
Или ти речет: «ходи в церков»,— то печалей предлагаеши.
На небо руце воздети како можеши?
Претерпевый бо до конца спасен будет,
Утрудив<ый>ся не до конца в веки жив не будет.
Сия вся мала суть глаголюще,
Велика же исправляюще.
Скоро позрено быв — велие бывает,
В глубину греховную низводя, оскорбляет.
Несть бо долго время хотящему спастися:
Разбойник бо не в долго время спасеся.
Не видиши ли что сии творят:
Отцы их огнь гнетят,
А сынове их дрова собирают
И жены их, ловливают,
Сия вся помысляюще
И будущая благая часто поминающе.

16. *Инока Анастасия*[9], *о 6-м псалме*

Кающихся воистинну неложно смирение,
Исповедание, слезы, плач, обращение,
Стонание, совестное терзание,
Болезнь неизреченных согрешений сокрушение,
Еже от милости божии, спасение,
Всенощъное к богу прилежание.
Множицею в церкви к тебе припадая,
Абие исходя — в беззаконие въпадая,
Сего ради, господи, доколе не помилуеши?
Доколе не отмщаеши и не призираеши,
Аще убо достоин есмь всякаго оставления?
К молению паче к богу прелож помышления.
В них же ни едину надежду спасения имущих,
В саму ту глубину ада согрешений приспевших;
На крадбы некия и татбы того растливше,
Разбойником началника того рукopoложивше,
Где есть отрок, да ведет мя и прочее, яко же имяше,
На конь въсед, неудержиме женяше,
И постиг горы, идеже разбой бяше,
Неудержиме отрока, глаголя, женяше.
Напрасне восхищаются, ни проглаголати, ни прослезити,
Ни завет могуще сотворити.

17. *Василия Великаго, в пяток сырный* [*о посте*]

Нам же всякоя трубы велегласнейше
И всякоя цевницы благознаменнейше,
Иудейский убо поста прав отринувшу,
Истинный же нам пост показавшу,
Да причастник будеши Христу.
И тако приступи к посту.
Притворенни образом — внешнее помрачается,
Яко же под завесом, лжею покрываемо, погубляется —
Телеса, частостию убо сытостию отягчаваема,
Удоб в болезнех бывают погружаема.
Пост пророки раждает,
Сильныя укрепляет,
Законоположники упремудряет.
Той и искушения отражает.
Той трезвению сожитель,
Целомудрию содетель.

Назорея освящает,
Священника совершает.
Како же ли и той пророки учреждаше,
Зелия дивия и муки мало гощения наполняше,
Дыма и сквара и иже горе и долу обтичющих,
Яко же неотречене владыце — чреву служащих,
Никогда же престающи
И заутро забывающи.
Жажда сладко питие уготовляет,
Глад, предварив, сладостну трапезу устрояет;
Плоть, юже о нас восприят,
Сице с тем дияволи прилоги подъят,
Естество телесе воскресшаго уверяя,
Ты же,— претучневая убо себе и плотевая.
Сице иже к плоти прилагаяйся дух побеждает
И иже духу счинивыйся плоть порабощает.
Елико внешний наш человек растлеваетъся,
Толико внутрений обновляется.
Духовнаго прият некое приобщение,
Моисей, второе приемля законоположение,
Египтяны побеждаху
И сквозе море прохождаху;
Брачных дел умерение познавает,
Согласно упражнение в них сотворяет.
Вина ли не пиеши, но досады не удержаваеши,
З вечера восприятия пищи ожидаеши?—
Подвизаяйся предобучаетъся,
Постяйся предвоздержаетъся.
Аще ли же вне предел будеши,
Заутро главою тяжек будеши.
Ныне убо — спасеныя страсти воспоминания,
В будущем же веце — воздаяния.
Очесными проходы мокроти тяготу содевают —
От нечаемых печалных слышаний пребывают.

18. *Анастасия прозвитера*[10], *о отшедших отцех*

Лик составльше
И трапезу нам представльше,
К нетленному отечеству идоша
И к солнцу праведному притекоша,
На горная — к небесному взирающе
И благая тамо промышляюще.
В час, вонь же не чает, внегда питается,

Внегда собирает, внегда величается,
Да на небеса взыдет,
Да не во страну живых внидет.
Мы же, мертвое тело погребше,
Чюжде от своего дому изнесше,
Невежде и вся пепелом бывша,
Яже многижда согнивша и истекша.
Их же нощ и ден без сытости целовасте;
Та плоть есть, ея же, сплетающеся, согрешасте.

19. *Григория прозвитера*[11], *в суботу сырную*

Непостижения облак мя покрывает,
Убо желания, мя нудя, не оставляет.
Иже бо о онех хотяй слово творити:
Онем достоит во всем подобну быти.
Фиваида и гора Нитрийская[12]
Страны Ефиопъския,—
Новый боговидец, в ней безмолствуя,
Сотвори велико и преславно дело, чюдодействуя,—
Не яко же Моисей,— казня Египет;
Сниде Ияков во Египет,
Яко море разделяя
Мудрования плотьская.
Да, яко же недоумея, стояше
И, кто сих убежит, помышляше.
Не токмо таковыя сети узриши попирающа,
Но и самого диявола ступающа.
Манну убо ядуще роптаху
И сердцы своими вспять зряху,
От небесныя пищи свиная мяса желающе,
Фараоново мучителство изволяюще,
Щит и копие обоима рукама держащаго,
В крепости тела еже победити имущаго.
Елико небо от земли высочайше,
Толико и солнце от звезд светлейше.
Вопросиши: кто иноком наставник,
Истинному любомудрию началник?
Оного сопротивнии дуси обладаху,
Сего же ангели посещаху.
Или истеннее рещи: тому — спребываху
И подобающее наслаждение подаваху,—
Идолом немощ обличившу
И диявола посрамившу.

Преподобнаго Харитона[13] крепко связана затвориша,
Сами паки на обычное тем ловление отскочиша;
И не корысти токмо приимаше,
Но и убийцы мертвы в вертепе оставляше
И молитвеная сила и зде чюдотворяше,
И сие некако подобно бяше;
Но и с сребром и з златом исхождаху
И не сим точию, но и враги потопляху.
Ехидна, приползъши
И в сосуд главу низъпустивши,
Своего естества яд весь в вино изблевавши;—
Они же жаждею объяти бывше
И наскоре вертеп достигше.
Возбранен бысть скверный он бес исполнити служение,
Яко же бо крепка некоего ветра стремление,—
Святый же Помпилие[14] от молитвы не престаяше
И, коснения вопрошаем, вину бес отвещеваше.
Кто Ефрема наказующа[15] слыша и не умилися?
Слезами слово разтворяюща,— и не прослезися?
Царие сами, на руку держаще, прочитают
И паче меда и сота своя душа услаждают;
Свою силу некрепку сущу познаваху
И своему безстудию зазираху,
Ефиопа убо того, Моисея, первее зряще,—
Возвращахуся беси, язвы неисцелныя от него носяще.
Вем мужа, Павлу ликом подобна[16], на кииждо день умирающа
И воздуха лютость яко лествицу вменяюща,—
Яко и свой живот презрети
И пламене крепости не радети,—
Иже чистотою пустынства воспитан бяше,
Словом яко благородныя сады напаяше.
Един другаго остася второстию, а не усердием;
И ин иного подобно не превосходя видением.
Тацы Феодосие[17] выборцы не соплетшеся,
Израилтеских воин крепчайше явльшеся,
И гной на раму своею носяща,
И зелии попечении творяща.
Иоанновыми писании[18] иноческая напаяются разумения,
Воистинну — духовнаго законоположения,
Не на плахах написанныя,
Но на сердцах воображенныя.
Яко, прочее, воины Христовы
Безоружны имети, к низложению готовы,
Свидетел Исидор Александрянин[19].

И вышний ныне Иерусалимълянин,
Висарион[20], рече, яко во иступления впадох
И благородия моего отпадох.
На горе высоце обитель сотворша,
Число доволно ученик собравша,
Даниил и Алимпий[21] к борению воздушных ратник совлекшася
И на земли с ними сплетъшася.
Крестителю поревновавшая,
Того пустыню населившая,
Непобедимое оружие — крест — вземши
И оружие бесом сотрывши:
Ова убо похвала Александрийская,
Ова же — звезда Селуньская[22],
Яже и мужи превозшедшия терпением,
Ангелом сопричастницы быша исправлением!
Колики грады славныя создавшия,
Странами обладавшия!
Не тогожде ли естества и они нам бяху?
Не той же ли воздух дыхаху?

20. *Григория Богослова,* [*об отце молчаще*], *язвы ради* [*града*]

Не приемлю: источнику — заграждатися,
А солнцу — сокрыватися,
Седине — уступати,
Юности — законополагати,
Премудрости — молчати
И неискуству — дерзати,
Ниже в словесех обилнейший —
Премудраго добрейший.
Ея же делма безроднии прославишася
И во еже уничижении предпочтошася:
Рыбари вселенную еуаггельскими узами уловивше,
Упражняемую премудрость победивше.
Но иже кто мало убо о добродетели вещает,
Достоверное слову житием прилагает,—
Мрежею еуаггелия уловиша
(Еллинскую мудрость упразднища)
Душу же, ненаказанну и ненаучену страху божию.
Зачало премудрости, по божественнаго Давида речению,
От сего творит свое учение достовернейше

Всем и благоприятно известнейше.
Яко же Соломану и мне мнится
И неявлено, еже от насущнаго, родится,
Во многа лета от дел добрых стяжа духовную
премудрость
Ей же и — венец похвалы, честная старость.
Чаша в руце господни нарицаема,
Чаша падения испиваема,
И, иже от малыя скорби помогающим,
Дух спасения совершен — отраждающим
Под крепкую божию руку смирятися
Или, яко искусом, превозноситися;
Еже сим сугубаго воздаяния яко в меру согрешиша,
Зане сим, стужающе, богу поносиша.
Рыдает Иоиль, земли гневом божиим растлеваем,
Гладу, пагубе являем,
Пророка же Михея минув,
А Аммоса пророка[23] слово о одрех слоновых помянув.
К щедротам божиим прибегающем,
Прочее гнева обращание отвращающим
Человеколюбия есть и кротости наказание,
Яко же пестун, детища взем в наказание,
Таже повелевает и обещает,
По сих же претит и укаряет;
Начинает убо меншими,
Наказует ный большими.
Яко добрейше быти — зде казнитися,
Нежели тамошней муце отслатися,
Заключи бо бог зде житие и деяние,
Тамо же — содеянным истязание, —
Тамо бо есть время мучения,
А не очищения, —
И помыслом помысла пораждая,
Деянием деяние осуждая.
Егда доволно на утешение осуждения,
Яко что сотворят в день посещения,
Внегда престоли предпоставятся
И ветхий день ми предсядет и книги отверзутся? —
Праведный суд; ложным некиим ответом истине
обличающи,
Слово и помышление в мериле полагающи.
Не будет лзе их отступити,
Ниже благих что притяжати
С малою каплею воды, еже язык прохладити,
Но ни сего возможе получити.

Егда же тленное се тело разорится,
Тогда истинная наша слава явится.
Мякчайшими лечбами наведох,
Воды первую язву преидох.
От них же, неблагодарния, веехомся,
От них же не уврачевахомся.
Повнегда насадитися и оградитися,
Оплотом и столпом и всеми утвердитися,
Оплотом обложих
И столпом утвердих.
Вслед мысли нашея лукавыя идохом,
Недостойне званию и благовестию Христа твоего
пожихом.
Аще, рече, затвориши небо, кто отворит?
И аще разрешиши двери его, кто содержит?—
Много огоръчеваем от нас прогневается,
Паки нам, еже по естеству, на милость обращается,
Наказующе люди ко умилению
И злобе исправлению.
Страшно же лице господне на творящих злая,
Всепагубством злобу потребляя,
Страшно же всякого исполнения,
Яко не быти никамо бежати божия движения.
Семя много на поле изнесеши
И мало от него в дом внесеши;
Виноград насадиши и вино не испиеши;
Ты маслину насадиши и масла не источиши.
Аще ли язвени обращаемъся,
Приближающемуся естествене приближаемся?
Иосиф бо ведяше собрати
И жито добре дати,
Мерами и ставилы праведное растлевающе,
Ни единого конца стяжания ведуще,
Где ова имуще, ова же приемлюще,
Божиим пределом яко малейшим укаряюще,
Властелинскую сень воздвизающе,
Еже надо всеми бога не помышляюще.
Богослов же зде олова меру беззаконие именует,
Тем же, иереями ругаяся, к таковым глаголет
Безкровных собирати и наготу покрывати,
И еже от крове не презирати,
Яко во мнозех летех мудрость
И в добре житии хытрость.

21. *Мучение святаго Феодора Тирона*[24]

Дрова сожгох,
Да камение возжгох;
Дотоле плоть его драша,
Дондеже ребра его обнажиша.
Прикосновением его абие цели биваху,
Прежде мук вси прихождаху.
Господи Исусе Христе, ходатае богу и человеком,
Пою и хвалю и славлю имя твое со Отцем и Святым
Духом.

22. *Нектария архиепископа*[25], *на память святаго мученика Феодора*

Потом да начну повесть:
Ныне совершаемое чюдо сотворил есть,
Яко варвары побити и языки предержати,
Грады же противных пленити,
А иже християны погубити
И веру их неявляему сотворити,
И богу небрегому быти,
Идолы же всюду тех славу возносити,
Еже християнский род отъяти,
Казнию нечестивою, не язвами уязвити.
И убо на торге износимая в домех положиша,
Царева же оскверненая на торг изнесена быша.
Погибель градную провозвестившу,
Поне оттоле к покаянию от тех наведшу,
Достойны себе святаго деяния и дарования сотворим,
Любов истинну и несмущену сохраним,
Яже паче весть богу угождати
И милостива его сотворяти.
Не месячныя круги почитаем,
Яко вечный огнь себе сокрываем.

23. *Григория папы Римскаго, ко Льву царю Исаврянину*[26]

То митрополитство прияша
И боляры твоя изгнаша,
Сподоби нас, господь бог, смиреных достойным быти,
Но и не ползы ради человеческия хощем жити.
К нашему смирению приходят и взирают,
Но они велику веру и честь к нам имеют.
Яко же хвалишися апостола Петра образ разорити,
Аще подерзнеши сотворити?

24. *Григория папы Римскаго, епистолия к царю Льву Исаврянину*

Со святители единем советом и смыслом соборы собравше
И истинны повеления взыскавше,
Наказания церковнаго учения,
Мирскаго пристрастия и пребывания,
Им же не хощеши ся смирити,
Ни жестокия выя твоея преклонити.
Егда хощет бог тайная наша дела явити,
Яко не могохом тя на правую веру обратити.
Жидове на иконе господу ребра копием прободоша
И от того образа истекшую кров и воду в сосуд приемша и рекоша
Вся соборища их разорити
И церкви сотворити.
Не о том едином, еже телом исцелеша,
Но еже толико душ умерших в живот вечный внидоша,
Бог хотя всякого человека спасти
И в разум истинный привести.

25. *Германа патриарха*[27]*, о кресте и о святых иконах*

Убо не вежде и самых тех вопрошений,
Всеслепыми тех от непокорства возражений,
Иже истинное слово право правити не хотяше,

На божественное его ум того ради возводяше
Июдейское наветование,
На Фаворстей горе преображение,
Крестную страсть, тридневное погребение,
Праздньственное и славное светлое воскресение.
Царя земнаго образ обезчещаемь,
Толико от него бывает отмщаемь.
В ров неверия во веки себе низринете
И в век века погибнете,
Вообщение таковых не приемлите
И «радуитеся» тем не глаголите.

26. *Иоанна Дамаскина, о честных иконах*

Последуйте гласовом пророческим
И писанием апостольским,
Твердую веру известо держите,
Тою бо ваша душа сохраните,
Единаго от Троицы Христа бога нашего,
Иже нас ради к нам сшедшаго.
Многа бо телеса святых миро источиша
И многи страсти теми исцелени быша.
Ибо елико прочитаютъся,
Толико и познаваютъся.
Сию добрую повесть и полезное писание
Како можете рещи идолослужение,
Ельма, яже еуаггелие словом повествует,
Сея и делом исполняет?!
Возвысиши ум твой ко иконному зрению
И к писаннаго зрака видению.
О теле своем прилежат,
О души же не радят,
Удобь на ня востают,
Запрещения частая налагают.
Любодейственное веление послежде церкви привергоша.
Первопрестолник утверди, но паче извергоша,
Ово убо святыми своими ученики,
Ово же честными своими мученики.
И паки суеглаголницы развращают,
И паки идолы поминают.
Они предстательством по смерти отвратиша,
От смертоносных бед нас своим явлением премениша.
И летом его дарова продолжение.
Спасается <всяк> за благое произволение.

27. *О чюдесех пречисты<я> Богородицы римляныни*[28]

Изгибатися весть и растлеватися.
Много сих, во еже не быти и разрушатися,
И славу неприемлемую нося,
На всяко время и место почитая и покланяяся.
Прежде бывшим того царем абие поношает
И священным патриархом зазирает
Неправедно прикрывати,
Еже от тех ползы улишати.
Священосныя убо благо украшает
И кораблец приготовляет,
Еже на святыя иконы нечестие.
Храми божии украшение приемлют и благочестие.
Писмена радость даде благовестия,
Разрушение возвещающе злочестия,
Юже о пришествии Святыя Богородицы иконы прияша,
Не к тому нужда, яко же непщеваша,
И въжегоша множество свещ, и миро проливается,
Благовонное кадило воспосылается,
Хотящая спасения всех защищающи
И всех моления к полезному исполняющи.

28. *От книги «Небеса» Ивана Дамаскина*[29]

Племя июдово яко честнее от Востока вхождаше,
Но и еще господь распинаем на Запад зряше,
К Востоку возношашеся.
Тако ему апостоли поклонишася.

29. *«Многосложный свиток»*[30]

Жезл достояния, иже в веки не истлеет,
Царьство его людем инем не останет.
И мусетворными псифиями представляюще,
Богомужнаго Христова образа подобие изъявляюще,
Божественный его лица образ богописан показася,
Его же прием, Авгар князь от недуга свободися[31].
Масличием окрест Иерусалима обложшу,
Сим до земли Хоздрою[32] окаянному изжегшу,
Царьствия приймател, Феодосий[33], и вся прелести
искореняя.

Гонителя и духоборнаго Македония[34] отгоняя;
Аравитский Азант[35] от жития своего зле исчезает,
Сын же его отчеству приемник бывает.
Владыка повинен бывает рабом, тех ногами попрается,
Жезл в руце имый от двою псу растерзается.
Християн сый царь жидовом покорися,
От отгнанных и бегунов пленися.
Зломысленая своея погибели тако во тме ходиста,
Мудрость бо и наказание ни во что же положиста,
Одежди святаго иноческаго образа сожигая
И другия студом обруговая.
Славим бе от ратных пробегших,
Щиты от болгар и словен повергъших:
Сей Лев царем поставляется[36],
На церков Христову и на иерея его ополчается,
Души и телеса вкупе погубляющи
И до дна адова препущающи,
Иже чином святитель,
А произволением предатель.

30. *Иоанна Златоустаго, о покаянии*

Аще бо душа упиетъся,
То и тело все падетъся.
Старца же стара беста
И блудом побеждена быста.
Зри же его крилата, по всей вселенней текуща,
Смирену мысль имуща.

31. *Иосифа епископа Фесалоникийскаго*[37]

Народ человеческий да тому кланяется,
Затворенная паки отверзаются.
Концем слава и мирови радосте,
Радуйся, кресте, царем крепосте.
Тобою бо, надежду имуще,
Победу воздвижут, со гласом вопиюще:
Кресте, силным сило крепка, в ней же возмогают.
Хвалятся на них, иже тебе не знают.
Древом малым тмоносныя карабли исправляют,
Во устия тесна пристанища вводят и приставляют,
К совершению благодати приводят,
Всяк нечист чин прогонят,

На лютыя козни победители явишася,
На крепкаго ратника ополчившеся,
Твоею силою языки вся научивше,
Во единомышление совокупивше.
Кто тебе подобно и достойно да похвалит?
Кто тя по лепоте ублажит и прославит?
В сохранение помощника всякого искушения
Колика ти силам звания и наречения?

32. *Исповедника Феодора Студийскаго*[38]

Приснотекущий источник, священие истекающе,
Ни единаго никако же отвращающе,
Но и окаяннаго очищающи
И порочнаго сквернам избавляющи,
Свирепа укротевающий.
И мутна сердца́ востающий.
Понеже бо древа ради умерщвени быхом,
Древом безсмертие обретохом:
Крестом бо премудрая мудрость процветши,
Крестом бо всяка доброта благости плод принесши;
Иже водою в кровь прелагающ,
Лжеименитыя змия волхвом поядающ,
Овогда же преко воду совокупляя,
Святителства приснаго проявляя.
Всяк крест носяй на раму со Христом ясно
прославляется.
Крест видяще нань, аггелы радуются и диявол
постыжается.
Разрешает страх и мир возлюбляет.
Ненавидит мира и рачитель Христов бывает.

33. *Иоанна Златоустаго, в неделю 4-ю поста [о покаянии]*

В лепоту и веселие приимет,
Яко же сам паки пророк глаголет,
Яко же, иже железы окованный пребывает,
Ниже поне мало места уступает
По руку и по ногу связаннаго,
Царьскаго и славнаго брака с великим студом
изверженнаго,—

Аще ли рыдает и слезы проливает,
Аще и гласы высоки испущает.
Чадо, Тимофея присно поминай[39],
Никако же бога, питающаго тя, забывай:
В вечных обителех лютии наследия не имут;
В мою полату немилосердии не внидут!
Но немилосердию работасте.
Чесо ради, яже име убогии, восхитисте?
Согрешение ваше не имать утешения,—
Отныне не прощена ваша прегрешения.
Хощеши ли да открою тебе, елико лукаваго твориши
И елика неповинен биваеши?— Слыши,—
Яко ничто же тому утаиться
И яко и ад наг явиться:
Аще бо царь долг не оставляет,
Но со опасением истязует,
Неисправлению гной бывает болший и тяжчайший,
Яко же пишется, и гнев воспаляется множайший,
Яже убо верху лежащая удобь попираются,
Неудобь попирателная обретаются.

34. *Притча Кирила мниха[40], о души человечестей и телеси*

К смирению ум прилагает,
Сердце на добродетель поостряет,
Всего благодарствена человека сотворяет
И к духовным трудом тело укрепляет;
На небеса ко владычним обещанием мысль приводит
И вся житейския света сего печали отводит,
Юже Матфей еуаггелист церкви придаде, сказающе,
На умней трапезе вашего ока предлагающе
Дивныя божия твари устроение
И над теми — божия существа познание.
Но к сим, данным нам, во область идема,
И она во особ восхитима
Злохитрием, аки, ведяще душевный путь, заблудиша,
Не приемше покаяния, погибоша:
Повеле изринути от врат хромца
И от стражбы изгнати слепца;
Со вниманием пишемых смотрити
И, яже слышите, и разумети.
Рек сице: буди стоня и трясыйся,

О зависти, о лсти, о убивстве, о лжи смирися и
постися.
Породнаго древа не приемше, еретицы прокляти быша
И душевною смертию умроша.
Повеле разлучити слепца от хромца
И повеле первее привести слепца.

35. *В неделю 5-ю поста*

В затишии сéдяще,
Тмами грехи творяще,
Многу ползу прияша от почитания книжнаго
И дойдоша царьства небеснаго.
Упражняйся от клеветы, от зависти, от мзды, от
грабления,
От пиянства и от резоимания, от корчемнаго
прикупления.
Християнину чисто житие жити и разумну быти;
Егда начнет не ведети, како творити,
От неведения ослабеет
И, впад в печал и отчаявся, погибнет.
То не престанем, текуще,
Духовных дел плод творяще.
Аще быхом тако творили,
Не быхом спасения погрешили.

36. *Иоанна Златоустаго, повесть о дворе и о змии*

О первозданнем размышляю и удивляюся,
Помышляю и ужасаюся, и недоумения исполняюся:
Едину заповед преступль божию, многих благ лишися,
Всяких даров во един час отпаде, обнажися.
Рече бо святое писание, яко не обиди никого же,
Не зауши не ими с нуждею ничто же.
Похоть бо, заченшися, смерть раждает,
Ядовитая си змия тако умерщвляет.
Егда виде змия человека без печали суща,
Прииде и уяде раба его спяща.
Горшая первых сотворяем,
Бес печали горшия грехи приобретаем;
Трудно, нудяся, уловляем бывает,
Безумный же, укаряем, не разумеет.

Си вся инии хотят наследовати
И насладитися — неугождьшии ти.

37. *Тимофея презвитера Иерусалимскаго*[41]

Отец убо трапезу предлагает,
Сын же вино вливает,
Ниже прикоснутися Кайяфе[42] оставляюще,
З горкими некими ранами люте уничижающе,
С лютым оружием сих горце отгоняще,
Волхвы же с радостию приводяще.
Устне соуз с своими содержаще,
Шия же поясом стягнута бяше.

38. *Кирила архиепископа Александрийскаго*

Не прелож в страсть безстрастное божества,
Не причащайся греху от согрешшаго естества.
Манихей и Арий, и Маркиян бесятся[43],
И Павел Самосатский[44] смущается:
Человек нас спасти не можаше,
Моисей убо и никий от пророк за нас умрети хотяше.
Да обою, иже в плоти, зраце разум возобъявит:
И Павла человекопожирателя Павел апостол низложит.
Непорочная церковная учения насладися.
Имаши оружия духовная на волки, за стадо борися.

39. *Тита епископа Всторска*[45], *о просвещении Лазаря*

Всмерделося убо в гресех преступления
Или изгнило в нечестии капищем служения,
Яже спрягоша, благодатию защищает,
Ведуще, яко скорбь терпение содевает,
Христос, господь бог, царь веком,—
Пою и славлю со Отцем и со Святым Духом.

40. *В неделю цветоносную, Кирила мниха*

Человеческаго ради спасения —
Различныя дары учения исцеления.
О нем же пророческая писания бытие прияша,
Ему же языцы веровавше сына божия познаша.

41. *В неделю цветоносную, Иоанна Златоустаго*

Днесь пророческия трубы вселенну огласиша,
Новое пети Исусови сложение научиша.
Дети честь богу воздаяху,
А иереи-законоучители негодоваху.

42. *В понеделник страстныя недели, Иоанна Златоустаго*

Виде смоковь, прийде к ней
И ничтоже обрете на ней.
Взыскати убо лепо, возлюбленнии, словесе,
Еже о смоквичии образъ принесе.

43. *Слово о той же смокви и о жене блуднице*

Широкаго и пространнаго пути
Блудница есть сласть и беседует исперва сладко ти.
Приближающихся к ней растерзовает,
Мед бо каплет от уст ея, яже во время гортан твой услаждает.
Сладко вкушение,
Но горько падение.
Бегай блудницы сласти, сладко с тобою беседующи,
А горких тя струп насыщающи.
Яко же во еуаггелии рече, имут Моисея и пророки:
Да не будет от тебе плода во веки;
Единаче греху быти цветущу,
Дияволю снегу по всему человечеству лежащу.

44. *В Великий вторник, Иоанна Златоустаго*

Земная брашна смешением усладивши,
Работница житию своих будет чад; и, огнем свершивши,
Обрящет твердый камык, зело зубы его сокрушающ,

Егда видит солнце мене ради изчезаемо, день
померцающ
Лепо бо бе его, яко неразумива, обличити:
Не достижное рещи, но противу своея силы сказати.

45. *В тот же вторник*

Завет божий преступихом,
Даннаго нам закона не сохранихом.

46. *В тот же вторник*

Грех отец твоих не отимется
И беззаконие матери твоея не очистится.

47. *В Великую среду*

Убийство в сердцы собираху,
Завистию стречеми сердцы боляху.
Цвет любве увядает,
Огнь вода угашает;
Червь, в сердцы дуба ядый, увядает,
Со страны, грызущи, сотрывает.

48. *Ефрема, о блуднице*

Хощу быти причастник тоя благодати,
Хотящи теплотою духовною приступати,
Многи призывающи на блуд.
Сеть дияволя бых отнюд,
Умысливши жене, времене зряше,
Еже к ногама господнима приближитися хотяше,
Сына его Исаака прославльшаго,
Тако же и Якова нарекшаго.
Естеством великий сей учитель,
Богу же произволением служитель.

49. *Златоустаго, о Арааве блуднице*[46]

Сице согрешающим запрещает,
Покаявшимся царство небесное обещавает.
Не Павлову языку исправления написую,
Но божественней благодати вся возлагаю.
Сего ради ни блудника отревает,
Ниже идоласлужителя ненавидит,
Ни пияницы отвращается,
Ниже прелюбодейника гнушается,
Ниже хулника огоняет,
Но всех приемлет и прелагает;
Корень же множицею щадит,
Яко да плоды сохранит.
Что же ли Исава лукавнейши?
Что оного злобы безстуднейши?
Праведнаго убо страхом утвержает,
Грешнаго же человеколюбием воздвизает.
Единому глаголу толико положи опасение,
Толиким грехом таково сотвори отпущение,
Понеже согрешения яко долги написует,
Праведным же и лихву истязует:
Аще вдовицам насилуеши,
Судию вдовиц прогневаеши.

50. *Златоустаго, в Великий четверток*

Велико послушание и воздержание:
Да и блудницу привлече на свое послушание.
Той же неяве ея пред всеми обличаше,
Да не безстуднейша ея сотворит не премолчаше,
Многа же и о судном дни словеса сказа
И о царствии небеснем силу показа.

51. *Златоустаго, на умовение ног*

Предстояху же ему Михаил и Гавриил[47],
И все воинство небесных сил.

52. *Златоустаго, в Великий пяток*

Криле богопротивления его исторгнет
И насилие мучения его разсыплет.

53. *Григория Нисскаго*[48]

Победительная возглашаху,
Повиннии неповиннаго судяху.
Како оставил еси, владыко, еже на них не изнести томление?
Зриши бо, в кое произыдоша страстование! —
На праведнаго неправду сплетоша,
На жизнь смертоносен суд изнесоша,
Яко ниже на скверноубийственных устремитися,
Ниже к разрушению отлучитися,
Подвиги разделевающи,
Паче же много множайшая сих восприемлющи;
Внутрь въводиму и судиму, того да пожидающи,
Како исходящих смотряющи,
Убо что виновен муж сей глаголюще.
Что страшное се соборище?
Сице зло страдати о таковом, молчащи,
Похотения страждущаго не творити, хранящи
Непреподобных оплевания,
Божественней ланите заушения.
Ложною багряницею оболчена зрети терпяше,
Егда на волное заколение отлучившаяся зряше,
Тщаливно смерти крест водрузивше,
Убийственным изволением подложивше;
Бесчестием болезным и душу уязвляше,
Лютейшия слезы от очию терпеливне извождаше.
Предстоящих досаждения,
Тмами скверноубийственных поношения
Обнажиша сладчайшую мою красоту,
Уязвиша уды, пречистую мою сохранша чистоту.
Различными цветы честне вас украсивый,
Иже тмами благопотребства вас прикрывый,
Како страшное се понесу зрение,
Еже всем, страстей ради, устроенное спасение?
Се бо бе то и от желания просимо,
Еже и вещание любимейшаго произносимо,
Хождение совершенное,
Желание недоуменное,
Высокое и преславное послушание,
Еже к нему тоя красование
Быти же, со многими неведомыми возвещающа
И рождения долг исполняюща;
Внегда в руце своего родителя дух предаяше,
Како хотят быти, смотряше.

12*

Многими же нарицанми любимаго призываше,
Сице же, слезы точащи, привещеваше,
Ни бо есть заступаяй,
Ни един помогаяй.

54. *Златоустаго, о распятии Христове*

Ришущим — скорость,
Воином — храбрость.
Лепо бо есть хотящему диявола победити,
Носити на врага победу, и тем того обличити.

55. *Златоустаго, в святую и Великую суботу*

Како можаху противу царем и князем, и народом стати,
Бесчисленныя по вся дни смерти приимати?
Но обаче злоба любоперива бывает
Безстудна и безсловесными начинает.

56. *Григория Богослова, на святую Пасху*

Яко и благодействуеми от него,
Последи отгнаша его.
Не токмо сия укаряет,
Но и начало сим отрицает.

57. *На святую Пасху*

За единовластие жидовствующе,
Ли множества ради еллинствующе,
Ниже паче сих простираетъся,
Но обаче во обоих подобие обретаетъся.
Не токмо содеяша злобу,
Яко противни богу.
Еже бо не довлеяше токмо своим видением еже двизатися,
Но подобаше благому излиятися.
Но и друг другу примешаютъся
Или ио своем естестве похваляютъся.
Различных убо есть струн сочланение
Согласующим же обаче во единаго гласа згуждение,

Еже многообразнаго видения разумение.
Се же есть, еже своего естества узнание,
Еже мнитца убо, услаждая,
Сущему же в причастии злых причастника устраяя.
Отверзостася очи телеснии и страсти подвигошася,
Разумеша, яко пази суть, и усрамишася.
Когда же убо побеждаху,
Когда же ли и побеждаеми бываху,
Неудобь преложения бяху,—
На прелюбодействие дерзаху,
Клятву преступоваху,
Идолом служаху,
Яко прежде человецы менше согрешающе
И пророки люди наставляющи:
Не токмо по образу божию быти человек глаголетъся,
Но и образ божий от писаний именуетъся.
Да аз причащуся Егове полности,
Что богатство и обилие благости.
Они бо вся законная по писмени разумеют
И ничто же духовна приемлют.
Не токмо не повинет, но и уязвит
Безстуднейших, недугующих во гресех сотворит.
Яко же Моисей людем закон заповедываше,
О нем же и бог пророком Иеремиеи глаголаше;
Ли по благаго оскудению,
Или по злаго приложению,
К мужеству убо яростию поущаем,
К благаго же причастию похотию возвышаем.
Перво устремление злаго потребляется,
Истиннаго ради агньца отвращается,
Нездраве ниже праве помышляюще,
Безсловесне ярящеся и похотевающе.
В настоящем сем житии воспоминается,
В будущем же жизнь является.
Сапози на ногах,
Иже зли души в руках.
Речено Исаиеи: горе дом к дому совокупляющим
И село к селу приближающим.
Высока человека непщевати страждущаго,
Спасати нас не могущаго.
Сотворив себе други от убогия от мамоны неправедныя,
Се есть египетския сосуды златыя и сребреныя,
Таковый идолы отца да украдет,
Мирская страстная мечтания от души да отвержет.
Нощию и днем пустыня ти укротится,

Море ти ся разступит, фараон потопится.
Диявол бо, уязвляя греха ради, смерти предаваше,
Смерть же аду умирающаго отсылаше.
Иерусалим будет попираем от язык,
Дондеже убо исполнятся времена язык.
Разумей, яко его ради страждеши,
В наслаждение неприпадаемых благ внидеши.
Светом божества мир просвещающи,
От тмы греховныя его очищающи,
Елма же предан быти глаголется,
Та же и сам ся предади пишется.
И бесов ты невернейший
Или и жидов несмысленнейший;
Подобишися убо и бесов невернейшим
И июдей быти безумнейшим.
Тем же лучше ти бе июдейски обрезоватися
И от бесов стужатися и смущатися,
Подобаше бо первее человеку искусившуся
И искусом соблюдения заповеди свершившуся.

58. *Богослова, в новую неделю*

Зде же нову песнь и житие поставляюще,
Аще убо пребывше в добрем и преспевающе,
Присно что добрых обновляюще,
Ради преспевания прилагающе,
Бежим благорумянства, да тя не победит доброты похотение
Лукавне зрети и прозирати, яко умножение и оскудение.
Тако и очи в веждах прикровени да будут,
И ниже блудная зрения жало души да движут.
Но убо к благим словесем да отверзаетъся,
К злым же и к прелестным словесем да затворяетъся.
Твориши, еже и ти, иже и камение грызут,
А метнувшаго не вредят,
Зане, яко же есть сущим под игом часть, —
Лукавную и прелюбодейную сласть.
Силнии боитеся силнейшаго,
Иже высоких престол вышшаго.
Силнии, убо глаголет, бога бойтеся,
На менших и убогих не возноситеся!
Помогай лежащему, да востанет от падения,
Утешай сия попечением в сопротивно преложения.
Аще и многащи кто падет, то не разбиется.

А кто вознесет себе в гордости, толико смирится.
Не явившися тощ предо мною,
Но — аще что добро нося с собою.
Вчера бо беяше позорьник,
Днесь же явившися разумник;
Когда в том же деянии пребывати и стояти
Просит бо ти, заповед сохранити,
Ни по единой вере право ступая,
Но по божии вере и по временной изнемогая.
Зане имяше держащыя тя еретики,
Времени сего держа на ушию себе шепотники.
Аще бо бы не изънемогал,
Не бы удобь ся прелагал,
Яко некоим оружием иных сеча и укаряя,
А вчера упивател и в пьянстве пребывая.
Днесь окаяем от божественнаго пророка Амоса,
Что Гнезненскаго епископа[49] бывша от дворския немощи без носа.
Не всякому животному, еже смеятися,
Нам вместо тех, еже радоватися и веселитися.

59. *Кирила епископа*[50], *слово в неделю 3-ю*

Хотела бых с тобою и умрети,
Не терплю бо бездушна тебе зрети.
Днесь Симеоново постиже мя пророчение[51].
Кого ныне к рыданию призову?
Или с ким моих слез потоки излию?
Проклятою умерщвен бысть смертию.
Предвари, причастниче Христову учению:
Да змия погубит и человека обожит,
И терние прелести вражия искоренит.
Похвалим ныне Иосифа приснопамятнаго,
Благообразнаго же и досточюднаго.

60. *Иоанна Златоустаго,*
в среду 5-я недели по Пасце

Яко же светел месяц нощную тму обеляя
И по морю плавающим свет освещая;
Избранный Авесолом[52] отцу убийца явися,
Премудрый Соломон наконец поползеся
Покори<ти> противу глаголющия,
За усти зло мыслящия.

61. *Иоанна Златоустаго, в неделю 5-ю по Пасце*

Прашен еси, вес седя, да мало почиеши;
От мене, жены самаряныни, воды пити просиши.
Духовно ти пиво дам,
Да спасение подам.
Жены самарянынн тецыте,
От источника живу воду почерпите.

62. *Златоустаго, в неделю 6-ю по Пасце*

Ни пророк глядав, ни еуаггелия прочет, пи апостолы утвердився,
Не си книг прочел — со очима не родився.
Овии по нем жаляще,
Друзии своя беды воспоминающе.
Аще убо малу веру принесеши —
И благодати малы почерпеши,
Аще ли велику мысль принесеши —
Велико и благодеяние почерпеши.
Един слепец исцелен бысть писанием,
Многи очи отверзаются учением.
Потреба есть зде смотрити
Хотяще<м>, бо рече, в след ходити.

63. *Златоустаго, в четверток 6-я недели по Пасце*

Поимый Давида от овец на царьство,
Давый и Соломону, сыну его, премудрость и царьство.

64. *Кирила мниха, на Вознесение господне*

Душа, яже враг в преисподняя сведе,
Тыя господь на небеса возведе.
Дает святителем душеполезная прошения,
Отпущает грешником прегрешения;
На враги одоление церкви утвержает,
Благоверным царем нашим здравие телесем посылает.

65. *Кирила, в неделю 7-ю по Пасце*

Паче нам лепо есть хвалу к хвале приложити.
А сии в духовней соодолеша рати:
Необратный разбойниче,
Нераскаемый грешниче,
Арий сосуд бе сатанин,—
Волк, овчею кожею покровен.
От него же все лестное терние искорснисте,
А богоразумие во вся человеки присадисте.

66. *Григория Богослова, на святую Пасху*

Души что сниска ти отстоящих,
Вящше же — пакостящих и губящих?
Еллини боги своя почитают: Ермия[53] ради крадения
(Ныне же твоего зрим явственнаго упивания);
Почитают Диониса[54] ради пиянства
(Твоего же ныне видим многотелеснаго упокойства);
Афродита[55] же почитают ради блуда желания
(И твоего ныне видим явнаго того от своего сердца похотения);
У них же волховныя ради хитрости почитается Зевес[56]
(А у тебе ныне пребывает явный плотный бес).
Еллини, согрешающе, не стыдяхуся,
Но, яко добродетел творяще, почитахуся.
И прибежище от вещания имяху.
В честь того празницы бываху,
Праведным убо присно благо быти дающа,
Грешником, еже присно «увы» подающа.
Праведный убо шесть крат од бед изимаемь,
В седмыи же ниже ураняемь.
Грешный же и седмь десят седмицею пращаемь,
Никогда же таковый без пождания не бывает наказаемь.
Иродово детоубийство,
Мученик проявляя страдалство,
Да тем дает время покаяния,
И изначала — слово и вина божественнаго смотрения
Потреба есть Давыду покарятися, глаголющему:
Аз же в правде явлюся лицу твоему.
Таковый чин богословия и мы сохраняюще,
Добре сотворим, ниже вкупе изъявляюще.
Будем паче братолюбны,

Нежели самолюбны,
Яко же пророчествова Исайя.
Преткнушася убо, глаголет, о камень претыкания,
От него же и венец от законне яве страдати,
А о нем же болети, венец не принимати.
Души же смерть,— еже от бога разлучение,
Яко же и тела от души распряжение.
Дух со Отцем и Сыном полагается и славится,
Еже и божественное действо сим исполняетъся.
Ведется убо Сосана[57] и осуждается,
От сонмища на смерть отводится.
Бога призывает, велми возопивши:
Се умираю, ничесоже зла сотворши!
Убо Даниил пророк посреде седает,
Друг друга два старца разълучает;
По сем единаго, вопрошав, отсылает,
Потом другаго на вопрошение призывает.
Онема же ей то напрасно сотворше,
То от нея себе тое злую смерть принесше:
От суд<я>ща оба старца изъводят
И камением побивают.
От того умирают
И себе злое улучают.

67. *Златоустаго, в неделю 8-ю*

Творца своего ослушавшуся,
А неприязни диявола послушавшуся,
Прият казнь,— не сам един,
Но и с племенем своим.
Еже бы всем вкупе присно жити,
Животворца владыку славити и хвалити.
Да тем и страсти яко и живот бес конца нарицаху,
А еже не прияти страсти, то сие беду люту си творяху.
Ни имение многое, ни богатство великое,
Ни властелинство себе мнящи высокое,
Чюдеса деяху, сотворяюще.
Начало же сотворим, Иоанна Крестителя похваляюще,
Не дающе покоя погама своима
И сна своима очима.
Кров свою пролияли Христа ради, дивотворяху,
Мучения различнаго небрежаху.
Слезы многи источиша и поты пролияша,
Труды долги зело подъяша.

И на все щит веры возмем,
Всего неприязненнаго дела гонзнем.
Можеши бо и бед истерзати,
На праведнем суде твоем твою милость прияти.

Аминь.

Посланейце

Милостивый и благородный, сие мое писанейце без злобы приимай,
Но благоуветливое слово свое припоминай.
По том своем слове благоуветлив ми буди
И данное ми свое слово не забуди.
Светло и радостно сие прочитай
И милосердия своего ми не потай.
Да милостиво ми свое прежнее слово без премены подаши
И безотвратно свое милосердие приподаши.
Да, прочет сие с милостивым своим усердием,
И прошению моему подаши милость свою с милосердием.
Да надежна мя в моем прошении покажеш,
В желаемом мне, милостивец мой, да не откажеш.
Вем тя во истине благоуветлива
И к прошению моему безотказно приветлива.
Милосерд ми буди и милость свою ко мне имей податливу,
Вем, что наказан еси ты слову благоуветливу.
Кое ли за добродетель тебе могу слово с похвалением положити,
Ли благородию твоему кую похвалу могу ти приложити?
Но токмо сему единому малому писанию понемалу прошу тя разумно внимати,
Еже бы тебе, сие прочет, вразумително на сердцы си полагати.
Сладчаише же иных мне твое зрение очима,
Шатостию ли мя мниши, видяща тя всегда у себя пред очима?
Но что много к тебе слово простираю.
Но токмо доброты твоея всегда непрестанно зрети желаю.
Да не умедлю твоего к себе за писанием многаго милосердия.
Вижду всегда подаемую твою мне милость от сердечнаго усердия.

Послание с покаянием от духовнаго сына ко отцу духовному

Страшнаго престола господня служителю
И многогрешныя души моея снабдителю,
Государю честному священноиерею,
Истинному сердечному моему добродею.
Имени ж твоего, государя моего, зде яве не пишу,
Токмо грехи к тебе, государю, приношу.
И несть ми мощно в краегранесии сем положити,
Того ради достоит ему зде в тайне быти.
Вем бо, вем и паки вем во уме своем всегда
И не забываю в мысли своей никогда.
Духом порожденное ти чадо челом ударяет,
Милости и благословения у тебя прошает.
Звания же ми своего несть зде написати,
Недостойнаго бо небу и земли, и нелепо есть начертати,
Но токмо неключимый грешный, страстный,
Яко некий непотребный сосуд простый.
Сам, государь мой, грешное мое звание веси,
Что бесчисленнии мои греховнии превеси.
Токмо, государь мой, буди здрав на многия лета,
А мне бы, грешному, держатися духовнаго твоего совета
И, слышав о твоем, государя моего, здравии,
Имети бы его при своем всегда возглавии,
И всегда бы сердцем своим и душею радоватися,
И с ненавидимыми враги ратоватися.
Аще господь бог своею милостию поможет,
То никто же противу нас стати возможет.
К тому же твоя праведная молитва да поспешает
Яко оружием, иже бесовския полки устрашает.
Потом же со други своими веселитися
И многих своих великих грехов свободитися.
Желаю очи твои, государя моего, видети
И многая же грехи своя возненавидети.
А пожалуеш, государь, пощадиш меня, грешнаго,
И в добродетелех никогда не поспешнаго,

Похощеш ведать про мое грешное пребывание,
Вем бо, всегда твое великое обо мне воспоминание,
Что жалуеш и печалуеш о моей грешной души,
Что тяжкий и неудобный мой грех поспеши.
Всегда бо в лености и в презорстве пребываю
И заповеданная мне тобою не сохраняю;
Обаче за молитв твоих святых телесне жив
И во алчбе и жажде грехом своим нетерпелив.
Не могу, не яд ни пив, много терпети,
Понеже утробе моей о том велми болети.
И никако же не могу себе в том удержати,
Чтоб ми заповеданная твоя не преступати.
И душевный мой корабль аки волнами в море сем носится
И яко от бурных ветр семо и овамо носится.
И не вем, како ко пристанищу господь принесет
И многогрешную душу мою от смерти спасет.
Обаче — его, создателева, воля во всем,
Аще чистое покаяние к нему, творцу своему,
сопривнесем.
Еще же надежда на твои, государя моего, молитвы
Меня зде избавит от бесовския ловитвы.
Он, творец наш и бог, вся наша совести свесть,
Како всякого ко спасенному пути привесть.
И ныне что к тебе, государю моему, учну писати? —
Недостоин бо есмь окаянный на небо взирати.
И како учну у него, творца своего, милости просити
И к тебе, государю моему, приуступати?
Весь бо есмь окаянный злыми делы осквернен
И поганскими делы всегда осумерен.
И паки заповеди твоя преступаю
И во гресех аки свиния в кале пребываю,
Понеже паки не могу себе удержати
И твоя повеления во уме своем соблюдати,
А страх божий в сердцы своем воспоминати
И к вечному жилищу своему помышляти.
Обладала бо мя леность с нерадением
И света сего суетнаго зелным люблением,
Еще же и окаянное презорство з безстрашием.
Яко же погашается огнь много плачием,
Такожде моим многим и неподобным деанием
И страха господня мыслию своею невнима<нием>
Погашается душевная моя свеща,
Николи же бо об ней соперника увеща.
Всегда мя нудит злая и неполезная содевати
И многия своя составляет на мя рати,

Чтоб многогрешная душа моя погибла
И никакоже бы от тмы к свету возникла.
И страх божий в сердцы моем от меня отиде,
И вышереченное то безстрашие сопривниде.
Обаче не отщетеваюся его, Христа моего и бога,
И да сподоблюся небеснаго его чертога.
Он бо, творец наш и бог, милостив ко всем,
Аще покаяние истинное к нему, творцу, сопривнесем,
Может страх свой и трепет в свое создание вложити
И от грешна и недостойна — праведна учинити.
И паки что воздам ему, Христу моему и богу?
И како достоин буду небесному его чертогу?
И како, недостойный и скверный, себе нареку
И тебе, государю моему, снабдителю, изреку?
Умножиша бо ся грехи моя паче песка морскаго,
Возрастоша бо во мне от обычая моего злаго.
И паки уподоблю се дождевым каплям,—
Всяк бо человек от греха аки от змия хаплем.
Потом число их арметичное[1] и умножается,
Арафметичное[2], каждо бо во гресех своих и раждается.
Того ради обдержит мя страх и срам,
Понеже осквернен есть телесный мой храм.
Како к тебе, государю моему, снабдителю, дерзну
И от злых и неподобных дел моих возбну,
И отверзу к тебе недостойная моя уста,
Понеже окаянная душа моя добрых дел пуста
И яко рекомая тамо неплодная смоковница,
Недостойна бо быти христианским душам ровница?
И како к тебе, государю моему, снабдителю,
Никакоже заповеданная мне тобою внемлю?—
Всегда бо святая твоя словеса мимо ушес своих пущаю
И никако же паки повеленная тобою исполняю.
И яко заблудшая овца в горах скитается,
Некогда же от чювственнаго волка восхищается
И, весма безумная и несмысленная, от него погибает,
И живота своего отнюд не обретает,
Такожде и моя грешная душа заблудила зде,
Не обретает же себе покоя и пристанища нигде,
В мирских сих суетах, скитающися, погибает
И никако же от тмы к свету душевному возникает.
Аще не твои праведныя молитвы поспешат,
То уже мои чювства все х концу зрят,
И уже день мой прихода к вечеру становится,
А окаянная душа моя к добрым делам не тщится.
И паки уже секира моя при корени древа лежит,

А окаянная душа моя о добрых делех не радит:
Всегда в злых своих делех пребывает
И вечных благ в себе не воспоминает.
И не вем, како ум свой и мысли приложити,
Чтоб мне, грешному, заповеди твоя хранити
И от злых и неподобных дел своих отступити,
И с Христом моим и богом во веки веков жити.
Всегда наказателных твоих слов небрегу,
Аки конь или пардус ко греху скоро бегу,
Или аки некая стрела от стрелца летит,
Такожде и страстная моя душа ко греху варит.
И никогда же паки воздыхаю о своих гресех.
Аз же грехи своими окаянен есмь паче всех.
И бых окаянный страстный яко каменосердечен,
И мнюся быти всех вяще, яко долговечен.
И паки не помню души своей от тела разлучения
И не воспоминаю ей тамо мучения.
Всегда упражняюся о телесней своей потребе
И николи же помышляю о животном хлебе.
Его же причастився, человек жив будет
И от смерти к животу воставает.
Аз же объят есмь блудным помышлением
И гордостным, и высокоумным вознощением.
Ох, ох, увы, увы! Како, окаянный, спасуся
И от злых и неподобных дел своих свобожуся?
И что ми в сем суетном веце поможет
И от тмы вечныя извести мя возможет?
Аще твои, государя моего, молитвы не преуспеют,
То всякия грехи моя казнь ми содеют.
Вы бо истинии бдители о грешных душах наших,
Приводите их в божественный страх.
Сего ради, грешный, плачюся и воздыхаю
И пред твоими святыми ногами себе пометаю:
Посли своя праведныя молитвы ко господу богу,
Да подаст милость свою попремногу,
Да избавит мя тамо от вечнаго мучения
И твоего ради к нему, творцу нашему и богу, моления.
Прочее, государь, буди покровен десницею вышняго бога,
Да сподобит тя небеснаго своего чертога
И меня, грешнаго и недостойнаго, простит
Во всем моем неисправлении,
Да не буду, государь мой, в вечном оном мучении.
И негли святыя твоя молитвы ко господу богу поспешат,
И от рук бесовских многогрешную душу мою свободят.
Во веки веков, аминь.

Стишки согласныи
что есть человек и како от Творца своего почтеный есть, да, не видя Его, боится, яко вся повинна суть Ему.

Сотворих аз небо и землю,
Да человеки сими вразумлю.
На небесное украшение смотряют,
Да мене, истиннаго Бога, познавают.
Владею небом и землею
И вся яко хощу сотворяю.
В раи вселих Адама со Еввою,
Они же преступиша заповедь первую.
Адама ради во плоть облекохся,
Их ради вины ко кресту пригвоздихся.
Восхоте Адам быти богом, и не бысть,
Сего ради райския одежды лишен бысть.
Сего ради вси греху повинни быша,
Делати землю им осудиша.
Много во аде пребыша,
Дондеже мя во плоти узреша.
На се бо на землю приидох,
Праведных души из ада извлекох.
Да вражию лесть побежду
И мир от работы его свобожду;
Дам вам крест мой — оружие,
Да бежит от вас насилие вражие.
Крепкую веру имейте,
Сим врага побеждайте.
Аз вас ради крест претерпел,
Вас в познание ко Отцу привел,
Дорогою ценою искупил —
Кровь свою вас ради излил.
Ядите тело мое и пи<й>те кровь мою,
По да творите волю мою.
Тако бо вас возлюбих,
Яко и жити в вас изволих.
Вас ради небо и землю сотворил
И винограды многи насадил.

Да мя во псалмех восхваляете
И враги ваша посрамляете.
На небе аггельское пение,
На земли человеческое хваление.
Смотрите на птицы небесныя, —
Хоть суть безсловесныя,
Во свое время почивают,
День и нощь воспевают,
Вам образ показуя,
Самех себе ползуя.
Каков труд святии подъяша,
Вам ко спасению путь показаша,
Ныне почивают,
Со аггелы пребывают.
Тацы же плотни быша,
Телеса своя утончиша.
Они составиша чтение и пение,
Вам желающе спасение.
Дах вам пророк и учителей,
Ходатаев имате святителей.
Их на помощь призывайте,
А учение их не забывайте.
Оныи бо престолу моему предстоят,
За вас мене, Творца, молят.
Аз же долго терплю,
Да грешных не потреблю.
Да ко мне обратятся
И истинно покаются.
Аще будет истинное покаяние,
Не будет грехов вашим поминание.
Вы же сопротивно творите —
Заповеди моя преступаете.
Воспомяните первыя народы,
Сицевые онех доводы,
Зане от нечестивых царей гонение и мучение,
За благочестивых же церьковное украшение.
Беззаконнии церкви разоряют,
Биют вас и укоряют.
Вернии же церкви созидают,
Мене, Творца, прославляют.
Какову ревность прежнии християне имели,
Чему ж вы, последнии, ослабели?
Внегда же часы подносят,
Головы свои к ногам приносят.
Дайте образ з себе, церьковнии учителие,

Моих овец пастырие и предводителие.
Смотрите на владыку,—
Имеет ревность толику:
На всяку нощ полнощи востает,
Сна очима не дает.
Рече бо ми: се аз и дети,
Их же дал ти владети.
Некоторым сопротивно отвещаю
И писанием святых отец поношаю.
Со овец моих волну берете,
Дети и попадии украшаете.
Церькви мои яко хранилище имеете,
Корысти брать умеете.
Аще и великий праздник будет,
Церковь замкнена пребудет.
У пива, хотя далеко ехат не обленишся,
На церковное служение разболишся.
Воспоминайте первые роды,
На которых навел воды.
Престаните от обьядения и пиянства
И всякаго вражия лукавства.
Многажды мене прогневаете,
Страшнаго суда не воспоминаете.
Аще бы воспоминали суд и муки,
Престали бы зло творити ваши руки.
На хваление вас сотворил,
Да бых сатану и ангелов его посрамил.
Несть бо предо мною ничто же утаено,
Все будет во он день откровенно.
Огнь всякую пещ искусит,
Камение и горы сокрушит.
Огнь тьмами над сей зелнейший,
А дух над него зело силнейший.
Пшеницу соберу в мои житницы,
Горети будут чародее и еретицы,
Во огнь ввержени будут идолопоклонницы,
Тогож не избудут все беззаконницы.
Преподобнии смиреномудрено пожиша,
Веру чисту сохраниша.
Вы же ризное украшение,
Питие и сладко ядение,—
Оттоле гордыня зависти и закона преступление.
Писания книг ленитеся прочитати,
Прилежнее шахматы и карты играти,
Гнилыи словеса изо уст вещати,

Не точию сами, но и юным запрещати.
Во отцех безстрашие велико,
В детех дважды толико:
В домех и по улицам скверно вещают,
А в церкви стоя без страха пребывают.
По сему ложные християне почитаетеся,
Поне при кончине истинно покаитеся.
Вопроси жидов и еретиков,
И самих бесов,
Иже есть вам о сем наука —
Неложно и непременно, и конца неимущая грешным мука.
Некоторыи и попы писание почитают,
Множицею заповеди преступают.
На то смотрячи миряне
Живут мало не якъ погане:
Игры, скаки, танцы и плясы,
Таковыи же настали времена и часы.
Ныне большую честь имеют,
Которыи и лгать умеют;
Божие и божиих уничижают,
Бесовских угодников похваляют.
Мало тех, яже глаголют о спасении души.
Глядит есть ли что в ковши.
Писание божественное умеют и почитают,
Сатанинских песней не отметают.
Власте ли гордятся
И святителя не стыдятся.
Аще бы святый Николае к нему пришол,
Он бы к нему с ызбы не вышол.
Егда же пиршество сотворяют,
Тогда другов своих встречают.
О, нынешний роде временный,
Колико от мене, Творца, почтенный?!
Доколе землю оскверняете,
Мене зело прогневаете?!
Уже удолии земныи кровию напоены,
Руце ваши суть осквернены,
Або всем пришол невинных плач до неба,
Престати от злоб комуждо потреба.
Многии Авелевой крови подобятся,
С Каином братоубийцею осудятся.
Что вам принесет широта земная,
А ще не постигнета небесная?
Ныне время имате к покаянию,
Настоящее мздовоздаянию.

В чем тя застану, в том сужду,
В пришествии моем не пощажу.
Слышате святое писание,
Но не имеете упование.
Без боязни — по самохотию живете,
Жизни вечныя не получисте.
Аки басни вменяли,
Жития своего не исправляли.
Жития конец приближается,
Тайна моя совершается.
Видите громы тресковение,
Страшнее будет земли горение:
С востока огненная река потечет,
На западе озером станет.
Тамо грешнии вогнани будут,
Никако мук не избудут.
Приимите зде наказание,
Да не будет в ню вогнание.
О сем труд ваш предлежит,
Дабы вам венца получить.
Не дивитеся, яже иноверны воюют,
Венцы вам ходатайствуют.
На небе войны не будет;
Аще кто в терпении зде пребудет,
Тамо радости насладится
И со аггелы водворится.
Многии безвинно кровь проливают,
Таковии аки мученики бывают.
Иноцы много труждаются,
А овыи единем часом спасаются.
Вернии воини на ратех убиени бывают,
Преподобническия венцы восхищают,
За православие кровь проливают,
От небеснаго царя венца чают.
Изменники прелщаются,
К маловременным обращаются.
Таковых Церкви проклинает
И имен их не поминает,—
Со еретики почтены
И с ними будут осуждены.
Нам, православным, крепко стояти,
За благочестие головы складати.
Сии стишки скончеваю,
Благочестиваго царя величаю.
Он за благочестие стоит

И веру непозыблему держит,
Церкви святыи устрояет,
Златом и сребром украшает.
Подай ему, Господи, много лет царствовати,
Землю свою от иноверных обороняти,
Воев своих уряжати,
Врагов своих посрамляти,
Церкви Христовы украшати,
Иноверных во благочестие обращати,
Верных рабов жаловати,
Злых же наказовати.
Аще хощеши безъбоязнен быти,
Не восхоти зла творити.
Царь бо от Бога помазан,
И ты буди страхом его наказан.
Бога бойся, царя почитай,
Все злое от себе отсекай.
Сия творяй надежни будем,
В тишине, поживше, пребудем.
И тако со Господем будем конца не имуща,
Дондеже узрим Христа грядуща.
Аминь.

Молитва на вирш ко Господу Богу. Предисловие и сказание пред молитвою и покаянием

Подобает пещися всякому о своей души с прилежанием
И молити его, всемилостиваго творца,
Чтоб не отриновену быти никому от пречистаго его лица
И паки получити бы всякому человеку конец благ.
Лих убо и зол сопостат наш и враг:
Всегда нам от добрых дел запинает
И яко лев на нас усты своими рыкает.
Хощет нас всех поглотити
И от божия благодати лишити.
Того ради достоит противу его крепостне стояти
И всякие нелепыя помыслы от себе отревати.
Всегда бо лености ради и нерадения,
Еще же презорства ради конечнаго и непоболения
Не готовы есмы к душевному нашему исходу,
И не помышляем к небесному восходу,
Идеже праведных души пребывают
И хвалу и славу богу и Отцу возсылают,
И радостию и веселием наслаждаются,
И к самем горним силам присвояются,
И во веки веков з богом жити имут.
Несотворшему же зде добра, тому не быти<...>
Аще и двоестрочием слагается,
Но обаче от божественнаго писания не отлагается.
Имать же краегранес<ие> по алфавитным словесем.
Подобает же всякому христианину пасти себе во всем.
Аще сия молитва и покаяние от кого прочтется,
Негли радость и веселие в сердце его сопривнесется,
И учнет благая и полезная дела творити,
Чтоб души его во веки немучиме быти.
Положим же начало сице,
Вси бо есмы в божественней деснице.

Молитва и покаяние к самому Христову лицу,
подобает убо всякому помышляти к доброму концу

Аз убо, недостойный, вопию к тебе, собезначалному свету;
Не готов убо есмь, окаянный, к страшному твоему ответу!
И како узрю лице твое, Христа моего и бога?
И како достигну нетленнаго твоего чертога?
И како стану одесную тебе, царя и владыки?
И како причтен у тебя буду со избранными лики?
Како нарекуся и буду сын света,
Понеже ничтоже благо сотворих Ветхаго и Новаго завета?
Како сподоблюся слышати сладкаго и блаженнаго твоего гласа? —
Не сотворих бо во благо ни единаго мнаса.
И ныне како отверзу недостойная моя уста,
Понеже окаянная моя душа добрых дел пуста?
И како пречистое твое имя скверными своими устнами изреку? —
Исполнен аз всяких гнусов и сквери
И обременен есмь грехи своими аки травный терн.
И како пресвятый дух в себе вселю? —
Всегда бо гнусная и неподобная дела творю
И паки выну в скверпах и в нечистотах пребываю,
И тем дух твой святый от себе отгоняю,
Яко же дым многотрудныя пчелы отгоняет,
Тако и скверная душа моя духа твоего пресвятаго от себе отревает.
Буря ми тех моих грехов постизает
И во глубину зол моих и нечистот поревает,
И не дает ми крепце на нозе мои стати
И к тебе, Христу моему и богу, взирати.
И не вем паки, како предстану тебе, страшному и нелицемерному судии?
Носим бо есмь во окаянном своем теле аки во утлей лодии.
И являюся аки в море в мире сем прелестном,
И не помышляю никогда о часе безвестном:
Тогда грешная моя душа внезапу от окаяннаго ми телесе разлучится!
Тогда всякое мое злое дело обличится!
И паки что многогрешной души моей доспею,

Аще добрых дел моих зде не приспею?
И како паки великое имя твое не осквернится во многих
грешных моих устех? —
Присквернен убо есмь, окаянный, паче всех.
И како паки недостойне во твое святилище
восхожду?
И како на пречистый твой образ возрю?
Всегда бо неподобная моя дела творю
И паки недостойными своими усты облобызаю?
Выну бо хожду совестию своею осквернен
И многочисленными своими грехи обременен.
Аще пречистое твое тело и кровь и приимаю,
А сам своей совести не зазираю.
И паки аще недостойне причащуся,
Тем паки болшим осуждением осуждуся.
Лучше бы ми было, еже не причаститися
И, еже недостойно прияв, осудитися.
По великому и велегласному твоему апостолу Павлу,
Погубити ми свою душевную и телесную лавру,
Что же он, церковная труба, вопиет
И всех нас, грешных, ко спасенному пути зовет:
Аще кто недостойне причащается, суд себе яст и пиет.
Аз же, грешный и недостойный, кий сотворю тогда
ответ,
Егда стану пред тобою, страшным и нелицемерным
судиею?
Ныне же, недостойный, почто дерзати тако смею? —
Того ради и сам себе погубляю
И святую твою заповедь преступаю.
Ох, увы мне, грешному и недостойному,
И муце вечной и лютому томлению пристойному!
Рад бых весма, еже бы ми не согрешати
И святых твоих заповедей не преступати,
Да самого себе удержевати.
Како бы ми от злых своих дел отстати?
Воюют бо во мне нелепыя мысли аки злыя сопостаты
И яко на древняго Израиля египетския тристаты,
И забавляют ми помышляти к вечному твоему
жилищу,
И поощряют ми всегда на тленную сию пищу,
И выну реют мя и влекут долу.
Како предстану страшному твоему престолу?
И что ответ тебе, царю и владыце, имам дати?
И како учну у тебя милости просити,
Понеже несть тамо покаяния по смерти?

Господи, господи, боже мой, Иисусе Христе, Слове божие,
Ныне, припадая под твое святое подножие,
Прошу у тебе, владыки и творца своего, великия твоя милости:
Да очищуся от душевныя своея и телесныя гнилости.
Милосердый еси, господь, яко грехи наша на себе понес
И яко чист дар естества нашего ко Отцу своему принес,
И седе на престоле величествия одесную Отца,
И подаеши всем, угодшим тебе, нетленныя венцы.
Дивен, дивен еси в славах творяй чюдеса,
Услыши и моя многогрешная словеса.
Спаси преокаянъную и страстную мою душу.
Да не будет она яко неплодная смоковница в сушу,
И да омочит мя естественным вином умиления,
И тако да плачется многаго своего согрешения,
И да причтена будет одесную тебе стоящим
И чюдное и пресветлое лице твое срящим.
Ей, ей, бес твоея помощи, владыко, никто же может спастися
И в разум истинный сопривестися!
Ты — истинный наставник всем и учитель,
И многогрешным душам нашим спаситель.
Ты всех нас призываеш на покаяние,
Яко же указует нам твое божественное писание:
Приидите, покайтеся, приближи бо ся вам царство небесное.
Мы же возлюбихом житие сие прелестное;
И во уме своем долголетны мним ся быти,
На спасение душам нашим леним ся трезвити.
Житие наше аки конь борзо течет,
Твое же долготерпение и милосердие на покаяние нас ждет.
Да не погибл бы никто же в бесконечныя веки,
Пришел бо еси на землю спасти вся человеки,
Яко да все в разум истинный приидут и да наслаждаются неизреченнаго веселия и радости,
Несть бо отнюд во всех земных таковыя сладости.
Зелно паки и безмерно пред тобою, творцем своим, всегда согрешаем
И тебе, Христа бога нашего, теми своими злыми делами раздражаем;
Аще страха твоего и прещения боимся,

А своим безумием далече от тебе зримся.
Паче всех аз, окаянный, всегда во гресех своих пребываю
И тебе, творцу своему и богу, во всем досаждаю.
Како не убоюся смертнаго и страшнаго онаго часа,
Егда увидят страшных оных ефиопов[1] мои грешныя очеса,
Егда учнут окрест меня предстояти
И многогрешную душу мою из меня исторгати?
Како не боюся оного лютаго и горкаго от них исторгания
И многогрешной души своей в той час многаго страхования?
Како не поминаю онаго лютаго душевнаго исхода
И грознаго аггелскаго по нея прихода,
И паки лютаго разлучения души моей от телесе,
И еже дати будет ответ о всяком праздном словеси?
Зрю многая божественная твоя писания,
Да не могу избыти от бесовскаго запинания:
Всегда мне во дни и в нощи запинает
И от тебе, Христа моего и бога, отдаляет.
Паче же от своея слабости и безстрашия погибаю
И тебе, владыку и животворца Христа, бога моего, презираю.
Он же, супостат наш — диавол, всегда ищет нас поглотити
И бесконечнаго твоего царствия лишити.
И кто может избыти от злых его нохтей? —
Токмо, кто не преступал божественных твоих заповедей,
И всегда во уме своем горняя помышляет,
А далняя вся яко уметы вменяет.
И паки выну по заповедем твоим ходити
И к тебе, творцу своему и богу, приходити.
Грешный же, яко же аз, окаянный, что может успети? —
Токмо готов будет во огни негасимом горети.
Како же что реку и что возглаголю к прелюбезному твоему милосердию
И к своему злому и непокорному жестосердию?
Вем бо оныя и нестерпимыя муки
И самохотне предаюся в тех, мысленных врагов, руки,
И всегда в лености и в презорстве, и в безстрашии пребываю,
И многих и бесчисленных своих грехов не воспоминаю.

От слабости же своея не могу удержатися
И к тебе, владыце, добрыми своими делы подвизатися.
Прелщает бо ми ся тленная слабость,
Тем забывает ми ся вечная оная радость.
И како не боюся онаго тамо великаго срама,
Понеже не соблюдох чисто душевнаго своего храма
И осужден буду пред тмы тмами аггел и человек?
Тогда ничто же ми поможет настоящий сей свет,
Его же со всеусердием ныне возлюбих
И душу свою злыми делы погубих.
Люто, воистинну люто и жестоко наше человеческое естество!
Твое же долготерпеливое неизреченное божество,
Не скоро бо мучит и томит согрешающих,—
Токмо до конца от злых дел согрешающих и непрестающих.
Веси бо, владыко, слабость нашу и небрежение.
Посли нам свое божественное поможение,
Да ны, грешных, на путь покаяния наставит
И от вечныя и нестерпимыя муки избавит.
Много убо паки и безмерно терпиши нам, согрешающим
И святыя твоя заповеди преступающим,
Не хощеши бо никому погибнути,
Но током — всякому от смерти к животу возникнути.
Мощен бо еси нам грехи наша отпустити
И своими многими щедротами заграждати.
Нас ради человек с самех сниде с небес,
И несть мощно изрещи твоих неизреченных чюдес.
В Деву чистую и непорочную воплотися
И неизреченно и несказанно из нея родися;
И потом от Окаянных июдей страсть и смерть претерпе
И нам, грешным, путь предуспе.
Мы же своим непокорством и презорством вся сия забываем
И тебе, благодетеля своего и бога, презираем,
И всегда ходим и творим по своему хотению,
А не по твоему к нам божественному велению.
Оком своим милосердым на всех нас презираеш
И всех нас на покаяние призываеш.
Мы же, грешнии, самохотне отвращаемся
И от тебе, Христа бога нашего, удаляемся;
Обаче надеемся на твоя премногия щедроты,—
Ты бо избавил древняго Израиля от горкия египитския работы,—
Аще нас своею милостию пощадиш,

Такожде от работы вражия свободиш.
Премногому твоему милосердию кто не подивится?
И нашему жестосердию кто не сумнится?
Како к тебе, творцу своему и богу, не обратимся
И света сего прелестнаго со всеусердием держимся,
И всегда в лености и нерадении пребываем,
И преданныя нам от тебе святыя твоя заповеди преступаем?
Радуемся всегда сквернам, и нечистотам
И не помышляем к твоим нетленным красотам,
И паки всегда работаем и угождаем тлению,
И не мыслим к вечному у тебе селению.
Того ради ни тепл, ни горяч есмь сердечною верою,
Токмо студен и омрачен многогрешною моею мерою.
Аще тебе, Христу и богу моему, молюся
И паки святое твое имя призываю, а злыми своими делы далече от тебе зрюся,
А от злаго своего греха не отступаю,
Тем воистинну лож обретаю,
Аще всегда пред лицем твоим каюся.
Како же милости от тебе, владыки, творца своего, получу?—
Никогда бо за грехи своя лице свое слезами своими мочу.
Разве ты, владыко, за многих щедрот своих не погубиш своего создания
И не лиши вечнаго упования,
И неизреченную свою милость нам покажеш,
И яко елеом многогрешную мою душу помажеш,
И паки недоведомыми своими судбами спасаеш,
И прежде конца моего к покаянию приведеш,
То обрящуся зде и тамо жив.
Глагол твой господень воистинну нелжив,
Глаголеши бо: не хощу смерти грешнику. И паки глагол твой: но да вси спасутся
И в разум истинный приведутся.
И не пришел бо еси праведных спасти,
Но ото рва тимения возвести,
Идеже свет пребывает немерцающий
И святых твоих аггел глас непрестающий,
И угождшим тебе — радость и веселие неизреченное,
И комуждо по достоянию место учиненное.
Почто своим безумием лишаемся таковыя благодати,
Идеже всем бесконечно пребывати?
Кто нашему безумию и неразумию не посмеется?—

Всяк бо от нас умом своим всуе мятется.
Свет еси воистинну и совет отчь<...>
Тобою надеемся в небесныя твоя обители вселитися.
Ты бо, человеколюбец бог, милостив ко всем,
Како же и что к твоему человеколюбию исповем?
Паче же помилова наш христианский род
И дарова своим милосердием небесный восход:
Аще волю твою святую учнем творити,
То можем нань бес пнения взыти.
А аще от своей слабости и не удержаваемся,
А от тебе, творца своего, не отчаеваемся.
Желаем к тебе, творцу своему и богу, прибегнути
И лютых сетей бесовских избегнути,
На твою бо помощь и заступление уповаем
И всегда святое твое имя призываем.
Тебе, владыко, вся возможно сотворити
И создание руки своея не погубити.
И веси, коими своими судбами спасти всякаго человека,
И да добре сподобится у тебе нескончаемаго твоего света.
Такожде и аз, окаянный, молю тя, царя и владыку:
Да сподобиши мя своим милосердием десных лику,
И такожде наслаждуся райскаго веселия,
И да избуду онаго вечнаго мучения.
Удиви на мне, грешнем, неизреченную свою милость,
Да отрыгну от себе всякую душевредную гнилость
И учну творити твоя божественная повеления
И паки плакатися многих своих согрешений.
Ох, увы, неисповедим душевный исход!
Нужен убо есть воистинну небесный восход!
Ох, увы! Како и коими добрыми спасуся
И от вечных и нестерпимых мук свобождуся?
Аще не ты, владыко царю, спасеш
И в вечное и неконачемое пребывание совозведеш,
То лучше бых от отец своих не родихся,
Нежели родихся, небеснаго царства лишихся.
Пощади, пощади, владыко, свое создание!
Даждь ми слезы и сердечное стенание,
И многое от грехов моих воздыхание,
Да отрыгну от себе то греховное начинание.
И вложи во окаянное мое сердце божественный твой страх,
Да не буду от лика земли и от всея твари яко прах.
Обладало бо мя леность и нерадение,

И прелестнаго сего света конечное любление,
Еще же конечное презорство и безстрашие.
Яко погашается огнь многоплачием,
Також и сия моя речения погашают душевную мою свещу.
Кому убо многая моя беззакония возвещу?
Токмо тебе, милосердому
И роду человеческому всещедрому.
Пощади, пощади, владыко, свое сотворение,
Прости многое мое согрешение:
Фараона мысленнаго и сил его свобождуся
И к тебе, Христу моему и богу, сопривнесуся.
И да не буду в посмех тем нашим общим человеческим врагом.
Да созижду душевную свою храмину на бисере драгом.
Да не поткопает ми древний он сопостат.
И да не лишимся небесных твоих врат.
Како не боюся и не трепещу лютаго онаго геенскаго зжения? —
Уже бо не останусь многаго моего согрешения.
Како стерплю лютую ту ону и нестерпимую муку?
И кто ми подаст тогда помощи руку,
Егда иму во веки огнем горети
И ни от кого помощи себе не имети?
И коего ныне безумнее себе нарску,
Ведя ону страшную огненную реку,
А не останусь ся злых своих и недобрых дел?
А уже моих дней яко конец приспел.
А аще ли убо и не приспел, а спеется,
А многогрешная душа моя во мне семо и овамо реется,
Не приемля твоего пречистаго тела
За те своя злыя и неподобная дела.
И сего ради велми скорбит и унывает,
А от злаго своего деяния не отставает.
Аще недостойне, окаянная, и причастится,
То болшим осуждением и мучением смирится.
Аще паки тебе, владыце, своему, и каюся
И паки на своя злыя дела обращаюся,
И таковым деянием яко пес являюся,
Тем горее есмь и бесчеловечнаго скота,
Понеже сам себе лишаю вечнаго живота.
Хощу убо и всегда святыя твоя заповеди творити,
Да це даст ми он, лстец и борец, ума моего укрепити.
Наводит на мя, убогаго, мысли злыя
И от того погибают дела моя благая.

Како пройду страшныя оныя бесовския мытарства[2]
И достигну небеснаго твоего царства?
И уже к старости и последнему концу снидох,
А чювство, окаянный, не приидох.
И жду есмя конечнаго смертнаго посечения,
А не остануся злаго своего согрешения.
Како милость от тебе, владыки своего и творца, получю? —
Вся своя согрешения ни во что меню.
И вся ми содевается от того древняго врага моего и наветника,
И змиинаго врага, от неподобнаго советника:
Отводит мене от тебе теми моими неподобными делы
И поставляет на мя сети аки злыя пределы.
И паки ищет мя всегда усты своими поглотити
И царствия небеснаго и вечнаго жития лишити.
Обаче на тебе, владыку, все упование положити,—
Ты бо вся, творче мой и зиждителю, можеши сотворити.
Да не предаси ему, врагу, своего создания,
Да не лишен буду вечнаго упования.
Аще мя не умудрит брата моего и друга смерть,
То како имам многия грехи своя претерпеть,
Егда вижу брата моего и друга умерша,
Себе же всегда о добрых своих делех небрегуща?
И паки как дел своих злых отстану?—
Токмо пред нелицемерным судиею безответен стану.
И аще мя ныне, прежде конца, не пощадиш
И страха и трепета в сердце мое не вложиш,
То никако же обрящуся тамо, в нетленной твоей красоте,
Понеже зде все свое житие изжих в нечистоте.
Како паки и что имам ответ тогда дати
И пред тобою, нелицемерным моим судиею, себе оправдати,
Егда греси мои прямо мне лица моего станут
И мрачнии они ефиопи, держаша их, предстанут?
Кий паки тогда имам дати ответ?—
Токмо, по реченному, не воскреснут нечестивии праведным в совет.
Паки ничто же, токмо отслен буду в вечную муку.
И кто может избежати от твоею божественную руку?
Целител бо еси душам нашим и телом
И наставник ко всяким добрым делом.
Настави мя на путь истиннаго покаяния,

Да избуду того бесовскаго лаяния и деяния.
Аще и все житие мое блудно изжих
И вся дни живота моего всуе препроводих,
И всяк грех и скверну соверших,
И тебе, творца моего и бога, прогневих,
И како явлюся тебе, седящему на престоле?
Аще и пребых в православном сем символе,
Ничтоже ми успеет правая вера,
Аще ми не будет пред тобою, владыко, добрыя меры.
Но обаче всю надежду на тебе полагаю
И тебе, творца моего, на помощ призываю.
Вем бо, яко милостив еси ко всем грешным,
Не токмо к добродетели поспешным:
Не пришел бо еси праведных спасти,
Но грешных ото рва тимения возвести.
И несть грех, побеждающ твое человеколюбие,
И паки не доспеет к твоей премудрости наше
умогрубие.
Человеколюбивую твою милость кто изочтет? —
Аще кто и всю еллинскую борзость претечет,
Ничтоже и никто же своею мудростию успеет,
Понеже грешнаго путь никогда же спеет.
Того ради молю тя, общаго нашего сотворителя
И всякаго человеческаго сердца и ума зрителя:
Даждь ми страх и веру крепку во окаянное мое сердце,
Да не посечет мя смерть при вечернем моем сумраце.
Аще и ничто же благо пред тобою сотворих,
Обаче всю надежду на тебе, владыко, возложих.
Многа убо от тебе заповеданнаго нам предания,
От нас же ничто же благо совершенно <...>.
Шестомерителных заповедей[3] всяк у тебе будет вопросим.
Аз же, окаянный, никоторую тою заповедию одержим.
И како ответ тогда имам ти дати
И на всяком своем зде деле слово отдати,
Аще не ты ныне, прежде конца, пощадиш? —
Всех бо нас сердца наша и мысли зриш,
И вся наша деяния пред тобою не утаятся
И паки же пред тобою, нелицемерным судиею,
объявятся.
Сего ради молим тя ныне, превечнаго света:
Да сподобимся слышати сладкаго твоего ответа:
«Идите, благословеннии Отца моего,
уготованное вам царствие от сложения мира»
Вси бо желаем тако насытитися тамо духовнаго твоего
нетленнаго пира.

Щедроты твоя покрывают бездну наших грехов
И сподобляют нас праведных твоих ликов.
И тако наполняется горний мир угождшими твоими.
Аще кого и от грешных помилуеши щедротами своими,
И тот божественнаго твоего дара сподобляется
И со избранными твоими лики веселится.
И како себе, безумнаго, нареку во всех человецех?—
Несть бо тогда грешнаго в тогдашних и в нынешних вецех.
Достоин есмь, окаянный, таковаго злаго мучения,
Понеже никогда же не творю твоего, господня, повеления,
Но обаче на бесчисленныя твоя щедроты уповаю
И всегда пресвятое твое имя к себе призываю.
Негли премногими щедротами своими
Не погнушаешися премногими грехи моими,
Многогрешную мою душу пощадиши
И во окаянное сердце страх твой вложиши,
Яко же много, предварив, рекох,
Вящши того иного ничего не обретох.
Яко же никому хощеши погибнути,
То токмо от смерти к животу возникнути.
Ω, владыко царю, человеколюбче, господи, помилуй свое создание,
Подаждь нам всем последнее покаяние,
Да никто же паки от нас погибнет,
Разве от смерти к животу возникнет
И к тебе, владыце своему, прибегнет,
И от всех бесовских сетей избегнет,
И душу свою от вечныя муки свободит,
И от сего света аки серна от тенета избежит.
И тако наследит райское селение,
И добре востанет во общее всех воскресение.
Яко тебе слава подобает,
Всяк бо святое имя твое призывает
Со безначалным ти Отцем и со святым Духом,
Вкупе убо бывает от вас благодаренным воздухом —
Во веки веков, аминь.

Комментарии

С виршами как таковыми и с самим понятием «вирши» русские читатели познакомились не позднее середины XVI столетия. Так, 50-ми гг. этого столетия датирована рукопись, содержащая почти цельный стихотворный перевод польской сатиры «Беседа магистра Поликарпа со Смертью». В одном послании 1572 г. Андрея Курбского встречаем: «переложихом от римскаго языка во словенско... реченный вирш или стих». Позднее он же упрекал Ивана Грозного в том, что тот изъясняется пространными речами, а «не стихами, яко есть обычай искусным и ученым, аще о чем случится кому будет писати...».

И все-таки стремительный рост числа памятников виршевой поэзии наметился только в первые годы «Смуты», т. е. с начала XVII в. В это же время происходит активное становление народного говорного, или раешного, стиха, который обслуживал преимущественно «низовые» жанры — демократической сатиры. Правда, на первых порах — в условиях отсутствия церковной цензуры — отдельные писатели пытались использовать привычный народу раешник в литературной публицистике (подметные письма, рифмованная проза). Тем не менее их опыт не получил развития. Уже во второй четверти XVII в. неравносложные вирши и раешные стихи существенно разошлись прежде всего в содержательном и стилистическом отношении: одни стали приметной формой «изящного глаголания» для витийствующих книжников, образованных любословов, другие — народным средством высмеивания отрицательных явлений, черт и пороков общества.

Несмотря на ряд публикаций русская виршевая поэзия первой половины XVII в. мало знакома широкому читателю. До революции Х. Лопаревым, В. И. Саввой, А. И. Соболевским, В. Н. Перетцем и другими учеными было издано и прокомментировано лишь несколько стихотворных произведений этого периода. Первую сравнительно небольшую подборку неравносложных стихов подготовил и опубликовал уже в советское время А. М. Панченко в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.— Л., 1970.— С. 37—90.— Б-ка поэта (Б. с.). Позднее им же были напечатаны Приложения к кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века.— Л., 1973.— С. 242—269. В последнее время несколько новооткрытых раешных и виршевых текстов опубликовано также в книгах: Демократическая поэзия XVII ве-

ка/Подг. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. М.; Л., 1962, Б-ка поэта (Б. с.); Сатира XI—XVII вв./Сост., вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина и В. А. Грихина.— М., 1987.— Сокровища древнерусской литературы.

В настоящем издании вниманию читателя впервые предлагается весьма полная антология отечественной виршевой поэзии старшей поры, включающая в себя сведения о 30 стихотворцах и около ста их произведений.

Разбивка книги на соответствующие разделы обусловлена стремлением составителей дать общую картину становления и развития виршевого стихотворства в России в течение первых пяти десятилетий «переходного столетия». Тексты внутри каждого раздела расположены по возможности так, чтобы выдержать их хронологическую последовательность. Заключительный раздел книги охватывает анонимные сочинения, которые по своим признакам должны быть отнесены к поэтической культуре означенной эпохи. Значительное число текстов, вошедших в антологию, является новооткрытиями и публикуется впервые. В тех случаях, когда публикуемый стихотворный памятник представлен несколькими списками или вариантами, избирается наиболее сохранный и достоверный. Исправления, вносимые в текст по другим спискам, оговариваются специально.

Комментарий составлен с учетом специфики массового издания и включает краткий словарь древнерусских и иноязычных слов.

Книга проиллюстрирована книжными миниатюрами и гравюрами XVI—XVIII вв. (см. список иллюстраций).

Тексты печатаются с некоторыми изменениями в орфографии и пунктуации, принятыми современными массовыми изданиями: буква «ять» заменяется на «е», і на «и», фита на «ф», диграф оу — на «у», Ъ (ер) в конце слова опускается и т. п.

Угловыми скобками <...> обозначены места купюр и порчи текста в оригинале и пояснения составителей; в квадратных скобках [...] помещен текст по дополнительному списку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских

Панченко — Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века.— Л., 1973
Силлабика — Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв./Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко.— Л., 1970.— Б-ка поэта (Б. с.)
Шептаев — Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия.— ТОДРЛ.— Т. XXI.— М.; Л., 1965.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Провозвестники виршевой поэзии

Приказная школа стихотворства — общность стихотворцев, коих отличали признаки профессионально-корпоративного мышления,— сложилась в России не сразу, приблизительно к 30-м гг. XVII в. Однако до этого времени уже действовала целая плеяда поэтов, чье творчество стало образцом для подражания и фактически намечало основные пути последующего развития русской виршевой поэзии как в тематической, так и в жанрово-стилистической областях. Социальный состав этих — старших — поэтов неоднороден: среди них есть клирики, приказные служащие, окольничие и князья. Последним благодаря их высокому общественному статусу и авторитету принадлежала особая роль в распространении в Российском государстве живого интереса к неравносложному рифмованному стиху. Поданный ими пример наиболее горячо был воспринят в кругах русской служилой бюрократии. Ведь служащие государевых приказов — дьяки и подьячие — были кровно заинтересованы в нахождении такой литературной формы, которая позволяла бы им с наибольшей эффективностью апеллировать к царскому двору, говорить с ним как бы на одном — изысканном, ученом языке. Таким образом, активное формирование приказной школы поэзии было предопределено. В свою очередь высокородные поэты начала «бунташного» столетия получили вкус к стихотворству не без влияния западнославянской литературы, в частности из прямых контактов с польскими шляхтичами, в среде которых умение сочинять стихи в ту пору почиталось за своего рода рыцарскую добродетель и рассматривалось как правило хорошего тона. «Смута» в России способствовала, по существу, беспрепятственному развитию подобных контактов.

ИВАН ФУНИКОВ

Послание дворянина к дворянину

Послание написано около 1608 г. тульским помещиком Иваном Васильевичем Фуниковым, который был захвачен восставшими крестьянами Ивана Болотникова в Туле, осажденной войсками Василия Шуй-

ского. Рассказ Фуникова о расправе над ним восставших выдержан в характерном для повествовательных произведений Смутного времени стиле: в нем сочетается проза и раешный стих. Подобным образом построены «Иное сказание» 1606 г., «Сказание» Авраамия Палицына (см. ниже), многие «подметные» письма. Наиболее очевидным адресатом послания был князь Г. К. Кривой-Волконский (см.: Солодкин Я. Г. Об адресате «Послания дворянина к дворянину»//ТОДРЛ.— Т. XXXIX.— Л., 1985.— С. 344—345).

Текст послания печатается по изд.: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.— М., 1977.— С. 183—184.

ФЕДОР ГОЗВИНСКИЙ

О Федоре Касьяновиче Гозвинском известно немногое. Вероятно, поляк или белорус по происхождению, в годы царствования Василия Шуйского (1606—1610) он состоял на службе в Посольском приказе в должности переводчика с греческого и польского языков. Можно лишь предположить, что своим отменным знанием греческого языка Гозвинский был обязан учителям школы Львовского Ставропигийского братства — единственного в то время православного учебного заведения, где преподавание греческого было поставлено на должной основе. Примечательно, что один из видных профессоров Львовской школы, ее первый ректор и составитель еллино-славянской грамматики «Адельфотис» (изд. 1591) — грек Арсений Элассонский (1549—1626) жил в Москве с 1589 г., будучи архиепископом Архангельского собора в Кремле. Не исключено, что Арсений, организовавший в Москве греческую школу, и Гозвинский знали друг друга.

Вирши на Езопа

«Вирши» являются стихотворным предисловием к «Притчам или баснословию Езопа Фриги» — первому в России переводу эзоповых басен, выполненному Гозвинским в 1607 г. Вместе с «притчами» Гозвинский перевел не менее баснословное жизнеописание Эзопа, приписывавшееся византийскому филологу Максиму Плануде (1260—1310), а также теоретические суждения о басне из риторических прогимнасм латинского грамматика Авзония (ок. 310—393). Перевод Гозвинского пользовался огромной популярностью у русских читателей в течение всего XVII в., о чем свидетельствуют его многочисленные списки и редакции. Одна из таких редакций самого предисловия (назовем ее «православно-благочинной») приводится нами в разделе «Анонимное стихотворство».

Текст «Виршей» печатается по изд: Тарковский Р. Б. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа//Вестник ЛГУ.-

№ 14.— Сер. Истории, языка и лит-ры.— Вып. 3.— Л., 1966.— С. 106 (по списку ГПБ, Q. XVII. 272, л. 41 об.).

[1] *...не украшен образом...*— Согласно преданию, Эзоп был горбатым.

[2] *...нравоучительная нам сей беседует...*— Средневековые проповедники охотно использовали простейшие сюжеты эзоповых басен, развертывая их в пространные нравоучения (см.: Аверинцев С. С. Византийская риторика...//Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье.— М., 1986.— С. 68—73).

Слово о нравах сребролюбца

«Слово» представляет собой отдельную (21-ю) главу «Тропника» папы Иннокентия, переведенного Гозвинским с польского языка в 1609 г. Оно завершает поднятую в предыдущих главах книги тему аморальности «сребролюбия», которое, по христианскому нравственному кодексу, считалось вторым после гордыни «смертным грехом». Обличение сребролюбия было предметом постоянной заботы русских стихотворцев первой половины XVII в. (ср. «Послание некоему сребролюбителю» Антония Подольского и др.). Стиховая структура «Слова» специфична: важная конструктивная роль в ней отведена синтаксическим параллелизмам, рифмованным книжным пословицам.

Текст печатается впервые, по списку XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 242, л. 211—211 об.

Авторская помета

Завершив перевод «Тропника», Гозвинский сделал в рукописи характерную моноритмическую запись — «писцовую помету», удостоверяющую его авторство. Однако от стихотворных «помет» других русских писателей первой половины XVII в., выдержанных в духе традиционного самоуничижения, ее отличает необычный пафос гордого самовосхваления автора и едва ли не признание им своей интеллектуальной исключительности. Это говорит о том, что Гозвинский-поэт все же следовал установкам не древнерусского, а скорее — западноевропейского литературного этикета.

Текст «пометы» печатается по публикации: Тарковский Р. Б. Государев толмач Федор Гозвинский...— С. 105 (по списку БАН, 33. 20. 10, л. 129 об.).

АНТОНИЙ ПОДОЛЬСКИЙ

Сведения о жизни Антония Подольского весьма противоречивы. Еще в прошлом столетии многие ученые полагали, что Антоний был украинским иноком, переселившимся в 10-х гг. XVII в. в Москву.

Между тем в сохранившихся сочинениях писателя («Слове о многопотопном и прелестном пьянстве», «Слове о царствии небесном, богом дарованном и вечном, и о славе святых...», «Слове о разслабленном и немужественном и изумленном страховании, написанном к некоему другу» и др.) нет ни украинизмов, ни белорусизмов: все они написаны на типичном для московских книжников первой половины XVII в. церковнославянском языке. Поэтому более убедительным представляется мнение, что Антоний был русским, а своим прозвищем — Подольский — был обязан не Подолии, а, к примеру, селу Подол (ныне г. Подольск), являвшемуся тогда вотчиной Данилова монастыря, или Подольному монастырю, что находился рядом с Троице-Сергиевым монастырем. Старинные Разрядные книги свидетельствуют, что в 10—20-х гг. XVII в. в московских приказах служил подьячий Антон Подольский. В 1615—1617 гг. он был причислен к штату Денежного стола Разряда, получая хорошее жалованье в 33 рубля (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв.— М., 1975.— С. 416). Из обнаруженной нами переписки Подольского с игуменом Богоявленского монастыря, справщиком Ильей следует, что Антоний был очень деятельным человеком. В 1617—1619 гг. он выполнял сразу несколько служебных обязанностей, в частности, имел прямое отношение к книжной справе Печатного двора. В это время разразился его конфликт со справщиками Иваном Наседкой, Дионисием Зобниновским, Антонием Крыловым и др., внесшими дополнения в текст Требника, против которых он написал обличительный трактат «о просветительном огне» (сочинение это не сохранилось, о его содержании известно из ответа Ив. Наседки). Антонию удалось добиться кратковременной победы: его противники были осуждены и отправлены в заточение. Однако вернувшийся вскоре из польского плена Филарет Никитич Романов, ставший патриархом, поменял противников местами. Предположительно в 1619 г. Антоний был осужден на Московском соборе по двум обвинениям — за порчу печати, по которой была отлита партия цат — мелких монет, и за фривольные поправки в тексте готовившейся к печати Псалтыри (М., 1619). Так и не получив прощения патриарха Филарета, умершего 1 октября 1633 г., Антоний, по его словам, продолжал отбывать «во изгнании далних стран» «беззаконное» наказание. «И оттоле даже и до ныне,— писал он Илье,— их паместницы люте на мя скрежещут зубы своими многими темницами. Студению и гладом, и нерешимыми юзами вяжут мя нищаго. И хотят уморити мя безвременною злою смертию» (цит. по рукописи 30-х гг. XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 237—238 об.). В 20-х гг., однако, он посылался то на Двину, то в Козельск со служебными поручениями, и даже получал неплохое жалованье (см.: Панченко А. М. Подольский Антоний//ТОДРЛ.— Т. XL.— Л., 1985.— С. 152). Хотя, разумеется, то была служба опального чиновника. В середине 30-х гг., по царскому указу, Антоний был привезен в Москву «в железных юзах»

Что последовало далее, неизвестно. В пошлинных книгах Печатного приказа под 1663 и 1669 гг упоминается некто «белозерец» Антоний Подольский, владевший землями в г. Перемышле. Но причастность этих сведений к нашему писателю сомнительна.

Послание священноиерею Симеону Федоровичу

Послание написано Подольским в период ссылки — где-то в начале 1630-х гг. в духе довольно сдержанного раскаяния за свою «злую детель» и требующий осуждения «неистовый нрав». Каковым этот нрав был в действительности, показывает даже не столько признававшееся самим писателем его пристрастие к «хмельному питию», сколько возмущавшее современников крайнее высокомерие Антония, который, по утверждению Наседки, заявлял перед всеми, «де никто совершенно против меня грамматики и диалектики в России не знает».

Послание содержит именной акростих: СВЯЩЕННОМУ ИЕРЕЮ СЕМИОНУ ФЕДО<Р>ОВИЧЮ В НАСТОЯЩИХ ПРИСНО РАДОВАТИСЯ НЕДОСТОЙНыЙ СыН ДУХОВНыЯ ТВОЕЯ ПАСТВы ОНТОНКО ПОДОЛСКОЙ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ПРОСИТ И ЧЕЛОМ БИЕТ. Его точный адресат пока не установлен. Можно предполагать, что духовником Подольского был настоятель одного из московских монастырей.

Текст послания публикуется впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 229 об.— 232 об.

1 *...тричастныя душа...*— Древнерусская естественнонаучная литература (напр., переведенная в XIV в. «Диоптра сиречь Душезрительное зерцало» Филиппа Пустынника) указывала на три части души: «помысленное», «яростное» и «похотное», т. е. способности мышления, ярости и влечения (см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков.— Л., 1987.— С. 109, 220).

2 *...глаголанием удобным...* т. е. двоестрочиями, виршами.

3 *...во вселенныя концех...*— далеко от дома; здесь — в дальнем изгнании.

Послание некоему сребролюбителю <в защиту Косого>

По своему содержанию это послание перекликается с последующими стихотворениями, которые мы атрибутируем Подольскому (см ниже). Вероятно, оно было написано поэтом еще до опалы, о которой здесь ничего не говорится, и было адресовано им одному из приказных деятелей — такому же, как и сам он, подьячему (ср.: обращаясь к последнему, Подольский говорит: «наша чета», «мы во обычных чинех с тобою учинены быти»). Косой, в защиту которого составлено посла-

ние, назван в тексте подчиненным этого подьячего; следовательно, он мог состоять в низшей приказной должности, например быть «пищиком» — молодым подьячим.

Текст послания печатается впервые, по рукописи конца XVII в. ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 261—265.

[1] *...нарицает апостол* <лихоимство> *второе идолослужение...* — Подразумеваются евангельские Послания апостола Павла к Ефессянам (V, 5) и к Колоссянам (III, 5).

[2] *...не повелевает никому никого осуждати...* — Имеются в виду слова Христа из Нагорной проповеди: «Не судите, да не судими будете» (Матф. VIII, 1).

[3] *...государю твоему...* — видимо, главе Приказа.

[4] *...елеом...* — благовонным маслом.

[5] *...яко пес от крупиц подающих...* — Цит. Евангелие от Матфея (XV, 27).

[6] *...аще не господь поможет, всуе будет дом созидати.* — Парафраз стиха псалма 126-го: «Аще не господь созиждеть дому, всуе трудишася зиждущеи».

[7] *...християнский рог...* — Рог служил символом силы и могущества.

[8] *...да не яко неплодная смоковница посечена будеш...* — Речь идет о евангельской притче о смоковнице, которая три года подряд не давала плодов (Евангелие от Луки, XIII, 6—9).

[9] *Подобает кораблю ко пристанищю стати.* — Традиционная фраза, которой древнерусские книжники часто заканчивали свои произведения.

[10] *Писано есть: горе в разуме согрешающим...* — Интерпретация поучения из Евангелия от Иоанна (V, 14).

Послание к некоему горду и величаву

Произведение датируется предположительно серединой — концом 30-х гг. XVII в. Наиболее вероятным его получателем был подьячий по прозвищу Косой (о нем см. коммент. к предыдущему тексту). Ср.: об адресате сказано, что он имел отталкивающий облик («каков еси взором и видением...»), «нелепое прозвание» («порекло» — кличку), что когда-то он был в полной нищете и радовался куску хлеба. Видимо, с тех пор прошли годы, Косой разбогател и возвысился, а Подольский в результате постигшей его опалы потерял многое, в том числе уважение своего бывшего подзащитного.

Стихотворение дошло до нас в двух списках — ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 234—237 и ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 340, л. 47—56 об. Последний список — более поздний (конец XVII — начало XVIII в.). Он содержит ряд искажений и любопытных добавок к тексту памятника. Например, после слов «Добро убо есть смиренномудрие во всяком человеце» в нем сказано:

Зри убо, что и в нашей России случается,
Аще кто не в меру возгордится, далече от лица царева отсылается
И едва к тому вспять возвращается (л. 50).

Текст послания печатается по изд.: Сатира XI—XVII вв./Сост., вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина и В. А. Грихина.— М., 1987.— С. 107—112 (по Андроновскому списку).

[1] *Денница* — русская калька латинского слова Люцифер (одного из имен сатаны).

[2] *...за что фараон... водою покровен...*— Здесь и в последующих фрагментах поэт обращается к примерам из Священного писания, показывающим, как жестоко бог карает людей за гордыню. По библейской легенде, всевышний покарал египетского фараона с войском, преследовавшего израильтян, бежавших из Египта. Красное море расступилось перед беглецами, и они свободно прошли по морскому дну. Фараон же с войском был поглощен морской пучиной.

[3] *...за что гордый Антиох... в сердце свое ножем вверже.*— Речь идет о правителе Иудеи Антиохе IV Эпифане, фанатичном поклоннике греческой культуры, насильственно искоренявшем в своей стране иудейскую религию и обычаи. Согласно библейскому преданию, в 168 г. до н. э. он ограбил Иерусалимский храм, забрав оттуда все сокровища, за что был убит.

[4] *...за что Озия учинися... обложен.*— О судьбе иудейского царя Осии рассказывается в Библии.

[5] *Гордость всяку... низпосылается.*— Свободная интерпретация слов апостола Павла из послания к Коринфянам.

[6] *...яко тленное богатство ржа и тля?* — Свободная интерпретация евангельских поучений Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут».

[7] *Ракка* — арамейское ругательство (пустой человек).

[8] *...гордым бог противляется...*— Парафраз стиха из Соборного послания апостола Иакова: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать».

[9] *Сице не хвалитеся и не глаголите высокая в гордыни!* — Слова Анны, матери библейского пророка и судьи Самуила.

[10] *...осном колет...*— т. е. жалом, костью.

[11] *Глаголет... не имей!* — Цитата из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова.

Послание к некоему

Послание начинается с тех же слов, что и предыдущее. Но в отличие от него в настоящем сочинении не обличаются пороки какого-то конкретного лица, здесь преобладают суждения нравственно-дидактического характера. Известны две редакции «Послания к некоему» — полная, представленная в списках XVII в. ГБЛ: собр. В. М. Ундольского, ф. 310, № 526, л. 17—42 об.; собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299,

№ 249, л. 217—235; и краткая, представленная в списках последней четверти — конца XVII в. ГБЛ, собр. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 279—285; ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 164 об.— 174 об. (список опубл.: Панченко.— С. 252—259).

Полная редакция памятника включает в себя пять довольно пространных «Слов». Она публикуется впервые, по рукописному сборнику произведений Антония Подольского — ГБЛ, ф. 310, № 526 (отдельные пропуски и искажения в тексте выправлены по списку ГБЛ, ф. 299, № 249).

Слово 1-е. О человечестем нраве, живущем добре во христианской славе...

[1] *Бездна... нашего согрешения... бездна его, божия, долготерпения.*— Противопоставление двух «бездн» — распространенный библейский мотив, широко вошедший в христианскую гимнографию и древнерусскую поэзию.

[2] *...муж мудр и разумен о сем написа.*— Очевидно, имеются в виду так называемые «самогласные» погребальные песни византийского гимнографа и богослова Иоанна Дамаскина (ок. 650 — до 754) (см.. Филарет. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греч. церкви.— Спб., 1860.— С. 213—215) или Слово 1-е «Диоптры» Филиппа Пустынника (см.: Прохоров Г. М. Памятники...— С. 200—211)

[3] *...лютии аггели...*— Здесь: падшие злые ангелы, демоны.

[4] *...человек свою волю и хотение творит... недобро убо ходити всем по своим волям.*— Речь идет о христианском учении «о свободе воли», т. е. о якобы данной человеку от бога свободе выбора между добром и злом. Иллюстрируя основные положения этого учения, поэт стоит на строго ортодоксальных позициях: он осуждает сознательное своеволие «всех» людей и предлагает им согласовывать свои помыслы и поступки с волей божьей (Ср.: Полн. собр. творений св. Иоанна Дамаскина.— Спб., 1913.— Т. 1.— С. 212—233). Здесь же см.: *...аки свиния в кале греховне... аки львы... яко змии... аки кедры высоцы возносятся...*— Все это — библейские образы. См. также: *...инии в черных и в пестрых ризах во властех бывают...*— Подразумеваются церковные иерархи и царские вельможи.

[5] *...яко и Израиль на блаженную сушу.*— См. примеч. 2 к «Посланию некоему горду и величаву».

Слово 2-е. О прелестнем сем и видимом нами свете, и о живущих нас всех человеков в Новом Завете...

[1] *...всякому самому себе яко в зерцале смотрити.* Уподобление писания зеркалу — традиционный мотив древнерусской учительной литературы, восходящий к Соборному посланию апостола Иакова.

[2] *...сей свет аки лукавая блудница...*— цитата из Поучения Иоанна Златоуста (ок. 347—407), знаменитого византийского проповедника и писателя. Далее следуют поэтические перефразы из его поучительных Слов.

[3] *...безсмертная наша царица.*— Здесь — душа.

[4] *...забываем камыка безценнаго.*— Согласно толкованиям «Физиолога», драгоценным камыком — камнем (адамантом, или алмазом, жемчугом и др.) назывался Иисус Христос.

[5] *...пожнет бо много и невозрелый клас.*— Мотив заимствован из Слова Иоанна Златоуста в великий вторник (см.: Успенский сборник XII—XIII вв.— М., 1971.— С. 318).

[6] *Неложно бо есть сей свет прелестная пиявица... по Великому Богослову...*— Григорий Назианзин-Богослов (ок. 330— ок. 390), ранневизантийский церковный деятель, философ, проповедник и поэт. Здесь цитируются его «Словеса избранная еже суть толковая», переведенные на Руси в XII в.

[7] *...всех нас, иеросалимлян...*— В переносном смысле. Раскрыть этот смысл помогают те же «Словеса избранная» Гр. Богослова: «Египтяне же суть мирские, иерусалимляне — монахи. Славы же и власти не только одни мирские желают, но и чернецы...»

[8] *...глаголет златый языком Иоанн...*— См. примеч. 2.

[9] *...мзда омрачает очи мудрых...*— цитата из библ. Книги премудростей Иисуса сына Сирахова.

Слово 3-е. О человечестей плоти

[1] *...госпожу свою... низлагает* — т. е. душу (разум).

[2] *...подобает ея аки коня браздою крепким умом... держати...*— Мысль эта выражена в Псалтыри (Пс., 31, 9), в Соборном послании Иакова (III).

[3] *Ея ж многия вины от святых отец некто изрековает...*— Вероятно, подразумевается Слово 14 «О всюду злословущей и обладающей лукавей утробе» из переводной Лествицы Иоанна Синайского — византийского религиозного писателя VII в.

[4] *И ин некто мудр и свят муж об ней изнаписа...*— Возможно, палестинский монах и религиозный писатель IV — нач. V в. Кассиан Римлянин, написавший «Сказание о восьми злых помыслах» (гл. «О обьядении»).

[5] *...яко же быша во Египеттей земли.*— По библейской легенде, Иосиф, сын Иакова, предсказал фараону, что Египет постигнет голодное семилетие. Когда оно наступило, Иосиф начал раздавать египтянам собранную им заранее пшеницу, беря в обмен их серебро, скот, имущество до тех пор, пока у них ничего не осталось. Тогда, чтобы не погибнуть от голода, все египтяне согласились отдать фараону за зерно свои исконные земли и сделаться его рабами (Быт. 41; 47).

[6] *...аки аспиды глухия ушеса своя затыкаем...* — цитата из Псалтыри (Пс., 57, 4).

[7] *...аки неплодная смоковница посечены будем...* — См. примеч. 9 к «Посланию некоему сребролюбителю».

Слово 4-е. О чести родителей своих

[1] *...семидалный хлеб...* — «крупичный», изготовленный из отборной пшеничной муки.

[2] *...опреснок...* — хлеб из пресного теста, используемый для церковного причастия. Вся фраза является интерпретацией стиха из библ. Книги Чисел: «...со опресноки и с горчицею да снедят ю <пасху>».

[3] *Писано бо есть: чти отца твоего и матерь...* — Цитируется Книга премудростей Иисуса сына Сирахова (Ш, 8).

Слово 5-е. О пиянстве и о блуде

[1] *...глаголет... апостол: похоть, заченшаяся, раждает грех...* — Цитируется Соборное послание апостола Иакова: «похоть заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть».

[2] *...некто глаголет от святых великих отец...* — По-видимому, говорится о Григории I Великом (его же на Руси называли Беседовником, или Двоесловом), римском папе (590—604), писателе-моралисте и проповеднике.

[3] *Ин глаголет: соблюдай око твое чисто...* — Парафраз из Книги пророка Аввакума (I, 13).

[4] *Ин паки глаголет... на жребии своем жезла.* — Цитируется библ. книга Псалтырь царя Давида.

[5] *И паки пророк глаголет: ничто ж лукавее ока.* — Очевидно, имеется в виду пророк Даниил. Ср. то же в Книге премудростей Иисуса сына Сирахова: «Лукавее ока что есть создано?..» (XXXI, 15).

[6] *...глаголеть вышереченный отец...* — См. примеч. 2.

[7] *...Павел апостол наводит...* — Цитируется Первое послание апостола Павла Коринфянам (V, VI).

[8] *...огненный столп, царьству тезоименит...* — Речь идет об одном из основоположников восточнохристианской патристики, ранневизантийском теологе и писателе Василии (от греч. βασιλειοξ — царский) Кесарийском или Великом (ок. 330—379).

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН

Авраамий — монашеское имя дворянина Аверкия Ивановича Палицына, родившегося не позже середины 1550-х гг. в селе Протасове близ Ростова Ярославского. Светская карьера Палицына складыва-

лась весьма успешно до 1588 г., когда он, будучи уже воеводой (в Коле), неожиданно подвергся опале. Его имущество было полностью конфисковано, а сам он пострижен в монахи Соловецкого монастыря. Наиболее вероятной причиной гонений, постигших писателя, принято считать участие его в боярском заговоре, направленном на то, чтобы расстроить брак царя Федора Иоанновича с Ириной Годуновой. Заговор не удался, главные организаторы — князья Шуйские погибли. Когда Борис Годунов взошел на престол, Палицына вернули из ссылки. Однако новое возвышение его началось только при царе Василии Шуйском. В 1608 г. Палицын переводится из Свияжского в Троице-Сергиев монастырь на должность келаря — главного монастырского ключника и эконома. После свержения Шуйского и оккупации Москвы польскими войсками Палицын подвизается среди активных сторонников возведения на русский трон польского королевича Владислава. Во всяком случае, в сентябре 1610 г. он был в составе «великого посольства», отправившегося под Смоленск «прошати» короля Сигизмунда III об этом. Со временем Палицыну пришлось оправдываться перед соотечественниками за те опрометчивые поступки, которые он совершил в годы «Смуты». С этой целью в основном и было написано им «Сказание», или, как оно часто называется в рукописях, «История в память предыдущим родом» (окончательная редакция которого датируется 1620 г.). В нем писатель изобразил себя чуть ли не главным вдохновителем народа на борьбу с польскими интервентами, приписал себе многие патриотические заслуги. Но приведенные в книге сведения и суждения, по-видимому, не смогли убедить патриарха Филарета в том, что в минувших событиях Палицын выполнял исключительно позитивную роль. Очевидно, поэтому Палицыну пришлось оставить престижную должность келаря (после 1619 г.) и вернуться к месту своего пострижения — на Соловки, где через семь лет — 13 сентября 1627 г.— он скончался.

Одним из первых на стихотворные фрагменты в составе «Сказания» обратил внимание Н. П. Попов (см.: Попов Н. П. К вопросу о первоначальном появлении вирш в северно-русской письменности//ИОРЯС.— Пг., 1918.— Т. XXII.— Кн. 2.— С. 265—266).

Тексты стихов о том, «како господь немощных укрепи противо сопостат» (из гл. 45) и о «побиваемых у дров» (из гл. 47), печатаются по изд.: Сказание Авраамия Палицына/Подг. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой.— М.; Л., 1955.— С. 179, 184.

ЕВСТРАТИЙ

Судьба писателя Смутной эпохи Евстратия остается во многом непроясненной и загадочной. Так, в «Повести о некоей брани», написанной им около 1613 г. по просьбе настоятеля какого-то монастыря, он сам называет себя служащим Посольского приказа, рассказывая о том, как еще в 1608 г. (когда «Тушинский вор» — Лжедмитрий II

осадил Москву) ведавший Посольским приказом дьяк Василий Телепнев поручил ему — Евстратию и «толмачу немецкого языка» Григорию Крокольскому собирать по русским городам ополчение. Посланцы должны были доставить царские грамоты в Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому и Галич. Иными словами, в то время Евстратий скорее всего был подьячим. Но, по мнению большинства исследователей, имя «Евстратий» — монашеское. Следует ли считать, что где-то вскоре после смерти царя Василия Шуйского, деятельным приверженцем коего выступал писатель, последний был насильно пострижен в монахи? Такое вполне возможно, хотя для категорических утверждений явно недостает фактического материала. Не вызывает сомнения широкая начитанность и образованность писателя. «Повесть о некоей брани» он завершил двойной криптограммой своего имени: «Аще восхощеши имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю: пятерица полководцев и под ними четыреста пешец, и двесте конник и оруженосцов триста...» и т. д. (Цифре 5 соответствовала буква Е, 400 — У, 200 — С, 300 — Т, 100 — Р, 1 — А, 300 — Т, 15 — ЕI, т. е. ЕУСТРАТЕI.) Далее шла литорея — форма тайнописи, при которой некоторые буквы в слове заменялись, однако возможность его прочтений оставалась — «Еулкмакей», т. е. опять-таки — «Еустратей». В 1613 г. Евстратий переписал Азбуковник, которому предпослал стихотворную молитву, написанную курьезным — «серпантинным» (от лат. serpenticum versus) или «змеевидным» — стихом.

Текст стихотворения печатается по изд.: Силлабика.— С. 39—40 (по рукописи ГПБ, Q. XVI. 21, л. 1).

ИВАН ШЕВЕЛЕВ-НАСЕДКА

Иван Васильевич Шевелев-Наседка (1570 — ок. 1660) был выходцем из села Клементьева, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю. В двадцать четыре года Наседка посвящается в сан дьякона, на пятидесятом году, по милости патриарха Филарета, становится крестовым попом Благовещенской церкви, «что у государей в сенях», а еще через шесть лет был определен ключарем Большого Успенского собора в Московском Кремле. Все это время жизнь писателя была наполнена бурными событиями: с 1615 г. он вместе с Дионисием Зобниновским и Арсением Глухим занимался исправлением богослужебных книг; в 1619-м на Московском соборе за внесение в Требник некоторых поправок был отлучен от церкви вместе с другими справщиками, но в том же году — на новом соборе добился оправдания для себя и своих товарищей. Филарет приблизил его к царской семье. Зимой 1622 г. Наседка получает ответственное поручение собрать сведения о племяннице датского короля Христиана IV, принцессе шлезвиг-голштинской Доротее-Августе, которую решил посватать царь Михаил Федоро-

вич, а заодно и получше изучить основные расхождения протестантизма с православным вероучением. С этой целью Наседка отправился с русским посольством в Данию, где прожил почти четыре месяца. Своеобразным итогом поездки явилось его самое известное антипротестантское сочинение — «Изложение на люторы» (1623). Со второй половины 1638 г Наседка служит на Московском печатном дворе, с 1649 г. он возглавляет Книжную справу Печатного двора. В это же время он овдовел и принял монашество под именем Иосиф. Ноябрь 1652 г. стал для писателя трагическим: патриарх Никон отстранил его от печатного дела и сослал в северный — «далекий» Кожеезерский монастырь.

Из «Изложения на люторы»

Стихотворный фрагмент прочитывается в составе 47-й главы «Изложения на люторы», из чего следует, что он был написан не позднее 1623 г., т. е. времени общего завершения сочинения.

Текст печатается по изд.: Силлабика.— С. 58—59.

[1] *...велика та палата видети...*— Поэт описывает королевский дворец в Христианборге.

[2] *...король он Христианус...*— датский король Христиан IV (1588—1648).

[3] *...двоеимяннную ропату... две кирки...*— Речь идет о лютеранских церквах, точнее — о «нижней» дворцовой церкви в Христианборге.

Написание о лютом враге Мартине...

«Написание» представляет собой часть стихотворного комментария к сочинению Ивана Наседки «Изложение на люторы». Скорее всего этот комментарий появился позднее «Изложения» — вероятно, в начале 1642 г., когда Наседка готовился к предстоящей полемике с пастором Фильхабером по вопросу о переходе датского королевича Вольдемара в православие (королевич был приглашен в Москву для женитьбы на царевне Ирине Михайловне).

Текст «Написания» печатается по изд.: Сатира XI—XVII веков/ Сост., вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина и В. А. Грихина.— М., 1987.— С. 363—370 (по списку последней трети XVII в. ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 265—270).

[1] *...о лютом враге Мартине...*— Речь идет о вожде Реформации в Германии Мартине Лютере (1483—1546), основателе лютеранского направления в протестантизме.

[2] *...ученик его Калвин...*— Жан Кальвин (1509—1564), деятель Реформации в Швейцарии, основоположник кальвинистского направления в протестантизме.

[3] *...не даст грешным жезла на свои жеребьи...*— Своеобразная ин-

претация псалтирного стиха: «Ибо не оставит господь жезла нечестивых над жребием праведных». См. примеч. 4 на с. 400, Слово 5-е.

[4] *И сожгоша его на месте, глаголемом <Же>неве.*— 27 октября 1553 г. в Женеве по приказанию Кальвина был публично сожжен на костре Михаил (Мигель) Сервет, который до последнего времени считал Кальвина своим единомышленником и другом. Напоминая этот исторический эпизод, демонстрирующий вероломство и лицемерие самих вождей протестантизма, Наседка решает одну из главных задач в своей полемике с их учениками и последователями.

[5] *Мусикийские кимвалы* — музыкальные инструменты.

[6] *...пророк изрек...*— Имеется в виду пророк Иоанн Креститель, живший в пустыне за Иорданом и призывавший народ к покаянию и посту (библ.).

[7] *...хиротонисанье святителское...*— Хиротония (греч.) — рукоположение в духовный сан. Здесь — рукоположение в епископы.

[8] *Фелони и стихири* — одежды духовенства.

[9] *Десятословие* — десять заповедей, данных богом Моисею на Синайской горе (библ.).

О римских и латынских папежах...

Так же как и «Написание», эти стихи являются комментарием к трактату Ивана Наседки «Изложение на Люторы».

Текст печатается по изд.: Сатира XI—XVII вв...— С. 370—379 (по рукописи ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 305 об.— 311 об.).

[1] *...проклятом папе Фармосе...*— Личность папы Формоза (891—896) была весьма популярной в средневековой полемической литературе, излагавшей историю его отступничества и посмертного осуждения.

[2] *...и по окаянном же и проклятом Петре Гугнивом...*— Петр Монг, по прозвищу Гугнивый (греч. Монг — Косноязычный), с 477 по 490 г. несколько раз занимал кафедру Антиохийского патриарха; еретик-монофизит, отстаивавший в противовес ортодоксальному догмату о двух природах Христа (божественной и человеческой) тезис о его единой, только божественной, природе.

[3] *Вместо честнаго... крыж...*— Наседка говорит о католическом обычае целовать туфлю с изображением четырехконечного креста на ноге папы. Этот обычай или ритуал резко осуждался как православными, так и протестантами.

[4] *Ты еси «Петр»... церковь мою.*— Цитируются слова Христа из Евангелия от Матфея: «И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне я создам церковь мою...» (греч. πέτρος — камень).

[5] *И глаголют... духу святому исходити...*— Согласно католическому

Символу веры, святой дух исходит не только от Бога-отца, но и от Бога-сына, что православные рассматривали как ересь.

[6] *Опресноки* — см. примеч. 2 на с. 400, Слово 4-е. В западной церкви причащение совершалось не квасным, а пресным хлебом.

[7] *Епископи их... касаются...* — Православный священник, проливший чужую кровь, навсегда отстранялся от богослужения. Католическим же священнослужителям разрешалось участие в воинских сражениях.

[8] *...научишася от... Ариа.* — Арий (ок. 318—336), александрийский священник, ересиарх, отрицавший божественную природу Христа и определение Девы Марии как «Матери Божьей». Никейский вселенский собор в 325 г. отлучил Ария от церкви.

[9] *...бесы его голдуют...* — бесы ему поклоняются.

[10] *...сладостными своими стихи.* — Вероятно, речь идет о предельно простых и мелодически выразительных амвросианских гимнах. Их создатель — Амвросий Медиоланский (340—397).

[11] *...от свята мужа сотворенна...* — Поэт говорит о славянских просветителях Кирилле-Константине и Мефодии, создавших славянскую азбуку.

СЕМЕН ШАХОВСКОЙ

Князь Семен Иванович Шаховской-Харя принадлежал к числу наиболее образованных и талантливых людей своего времени. Хорошо знавший его тобольский дьяк Третьяк Васильев называл Шаховского «человеком предивным, шествующим путем правды» (см.: Попов А. Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева...//Временник ОИДР.— М., 1851.— Кн. 9.— С. 9). Жизнь Шаховского — сплошная чересполосица из нежданных опал и недолговременных «помилований». С 1606 по 1649 г. он пережил по меньшей мере шесть ссылок разной продолжительности. Дважды на него падало подозрение в причастности к антиправительственным заговорам. В 1615 г. Шаховской пожаловался царю, что «заволочен со службы да на службу». В результате — ссылка на Унжу. В 1619 г. патриарх Филарет разгневался на князя за то, что тот, презрев церковные установления, женился в четвертый раз. Чтобы оправдаться, Шаховской пишет к патриарху «Моление против разлучения супружества», но ему не помогли никакие доводы, ни раны, полученные прежде на государевой службе, и в 1622 г. он был разлучен с женой, детьми, лишен всего имущества и сослан в Тобольск. Однако вскоре его простили, вернули в Москву. А в 1625 г. Шаховскому, как признанному знатоку «книжной премудрости», было даже поручено составить послание персидскому шаху Аббасу с выражениями благодарности за присланную им в дар патриарху священную реликвию ризу господню и с увещеванием шаха принять христианскую веру. После этого, по словам самого писателя, он «дневал и ночевал» на

дворе у царя Михаила Федоровича, не исполняя никакой службы («Домашние записки»). Но с 1628 по 1631 г.— вновь опала, и вновь Сибирь: Енисейск, Тобольск. В 30-е гг. Шаховской едва ли вовсе не оправился от былых невзгод: ему доверяют важную посольскую службу, в 1637 г. он отправляется титулованным посланником в Польшу. В 1641—1642 гг. с успехом воеводствует на Тереке, за что «жалуется» прибавкой к поместному окладу. Весна 1644 г. застает Шаховского опять в опале, отправляющегося в далекую ссылку в Усть-Колу. Оттуда его переводят в Устюг (1646), затем в Сольвычегорск, и, наконец, следует указ отправляться на Лену, в Новый Якутский город. Правда, последний указ был вскоре отменен, и в конце 1648 г. Шаховской был отпущен в свою галичскую вотчину. Но в следующем году его, в который уже раз, ссылают в Сибирь, заменив ссылкой вынесенный ему в январе смертный приговор. По-видимому, из ссылки Шаховской вернулся в свое галичское имение. Июлем 1654 г. датирована челобитная, написанная им совместно с сыном Михаилом,— последнее известие о писателе (см.: Лукичев М. П. Новые материалы к биографии С. И. Шаховского//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М., 1982.— С. 104).

Послание князю Д. М. Пожарскому

Послание написано между 1613 и 1645 г. Как небезосновательно предполагает его первый исследователь и издатель И. Ф. Голубев, оно было адресовано видному русскому полководцу начала XVII в. Дмитрию Михайловичу Пожарскому (см.: Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.//ТОДРЛ.— Т. XVII.— М.; Л., 1961).

Текст послания печатается по изд.: Силлабика.— С. 43—55 (по рукописи Калининского педагогич. ин-та, № 29, л. 47—58 об.).

[1] *Твое... по краегранесии...*— Поэт говорит адресату, что его имя представлено в акростихе. Но в публикуемом списке акростих не прочитывается.

[2] *Июдив* — Юдифь; по библейской легенде, спасла народ Израиля от порабощения ассирийцами, убив их вождя, великана Олоферна.

[3] *...исполин Неврод...*— Нимврод, потомок Хама, первый тиран на земле, наказанный богом за властолюбие (библ.).

[4] *«Обратитеся ко мне, и обращуся к вам...»* — цитата из библ. Книги пророка Малахии (III, 7).

[5] *«...аще ли не послушаете мене...»* — цитата из библ. Книги пророка Иеремии (XX, 6).

[6] *«Отраднее будет Содому и Гоморе...»* — Цитируется Евангелие от Матфея (X, 15). По библейскому преданию, расположенные в долине Иордана города Содом и Гоморра были сожжены господом за нечестивость их жителей.

[7] *...избавил своего Израиля...* — Речь идет о легендарном избавлении израильтян от египетского плена (библ.).

[8] *«Блаженни милостивии, яко тии помиловани будут...»* — цитата из Евангелия от Матфея (V, 7).

[9] *...хвалится милость на суде...* — Цитируется Соборное послание апостола Иакова (II, 13).

[10] *...с супружником нашим...* — с супругой.

[11] *...с червишками...* — с детьми.

[12] *...разсудному измарагду* — т. е. светлому уму, запечатлевшему образ просителя. Считалось, что измарагд (изумруд) «светел... и еже лице человеческое видети в нем акы в зерцале» (Толковая Палея).

[13] *«Аще не можешь помощи делом... кровом...»* — цитата из Послания апостола Павла к Колоссянам (III, 17).

[14] *Общая наша госпожа и всех томителница...* — утроба.

[15] *...и без чернаго одеяния... до конца постригла.* — Имеется в виду не монашеский постриг, а «острижение» как символ несчастья.

[16] *...земное житие пара есть и сон.* — Цитата из Соборного послания апостола Иакова (IV, 14).

[17] *...аки аспиды глухия...* — См. примеч. 6 на с. 400, Слово 3-е.

[18] *Не погуби... шесточисленного камени драгаго...* — По мнению И. Ф. Голубева, Шаховской имеет здесь в виду свое имя (Симеон), основываясь на традиционном толковании 12 камней на одеянии иерусалимского первосвященника (каждому камню соответствовало имя одного из сыновей Иакова: Рувим, Левий, Иуда и т. д.).

[19] *...царево и рождьшаго тя именуется ту лице божие...* — Автор подразумевает имя «Михаил» (др.-евр.: «Лице божие»), которое носили царь Михаил Федорович и отец Пожарского.

[20] *...аки огнь сирских халдеев.* — Цитируется служебная от 17 декабря. Подобные слова звучали и в чине Пещного действа (см.: Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах.— Спб., 1885.— С. 194, 204). Халдеями называли жителей Вавилонии (библ.).

Послание к некоему другу зело полезно...

Послание было написано Шаховским во время опалы, в 1622 г., и адресовано неизвестному покровителю князя, по-видимому, служившему в одном из московских приказов. Впервые текст послания опубликован в работе: Л. Н. Майков. О начале русских вирш//Журнал М-ва нар. просвещения.— 1891.— Июнь.— С. 446.

Текст печатается по этому изданию, сверенному и дополненному по рукописи XVII в. ГБЛ, собр. Моск. духовн. академии, ф. 173, № 213. л. 3, 9 об.— 10 об.

[1] *...государь мой, Семен Гаврилович...* — Отожествить Семена Гавриловича с определенным историческим лицом пока не удалось

Молитва против разлучения супружества

Молитва была написана около 1622 г., после того как Шаховской был разлучен с четвертой по счету женой (с которой прожил два года) и детьми (у него было три сына: Михаил, Федор и Иван Меньшой) и отправлен в сибирскую ссылку. Это оригинальное стихотворение было опубликовано в прозаической записи Д. А. Корсаковым в «Русском биографическом словаре» (Т. 22.— Спб., 1905.— С. 586—587).

Текст молитвы, построенный с учетом ее фактической стиховой структуры, печатается по изд.: Былинин В. К. Небольшой фрагмент из русской поэзии начала XVII в.: («Молитва-заговор» князя С. И. Шаховского//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982.— Л., 1984.— С. 34 (по рукописи ГБЛ, ф. 173 фунд., № 213, л. 314 об.).

Молитва преподобному Димитрию, Вологодцкому чюдотворцу

Хотя поэт принадлежал к роду ярославских князей Шаховских, с декабря 1619 г. он владел вотчиной в Вологде. Здесь среди особо почитаемых местных святых еще с конца XIV — начала XV в. (общерусская канонизация в 1447 г.) числился основатель Спасо-Прилуцкого монастыря Дмитрий Прилуцкий, Вологодский (ум. в 1392). Как следует из текста «Молитвы», она могла быть написана во время очередного ареста Шаховского: в 1620—1622-м или в январе 1649 г

Текст «Молитвы» печатается впервые по списку XVII в. ГБЛ, собр. Моск. духовн. академии, фунд., № 213, л. 315 об.— 316.

ИВАН ХВОРОСТИНИН

Князь Иван Андреевич Хворостинин-Старков, сын бывшего опричника, с юных лет отличался непомерной кичливостью и тяготением к западным нравам. Известно, что Лжедмитрий питал к нему те же чувства, что Иван Грозный к Федору Басманову. Самозванец пожаловал его высоким титулом кравчего (мечника) и, по словам очевидца, «держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе дозволял» (см.: Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века.— М., 1937.— С. 145). При царе Шуйском Хворостинин был послан на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь за близость к «ростриге» Лжедмитрию и «шатость в вере». Главным виновником своего заточения Хворостинин считал патриарха Гермогена. Впрочем, это не помешало ему в 1612 г. разыскать в освобожденном только что Кремле могилу замученного поляками патриарха, чтобы поклониться его праху. С 1613 по март 1619 г. Хворостинин служил воеводой в Мценске, Новосили, Переяславле Рязанском. Вернувшись в Москву, он был щедро одарен государем за верную службу,

зачислен в стольники. Однако же вскоре поведение князя обратило на себя внимание. В доме Хворостинина дважды были произведены обыски, которые обнаружили у него латинские книги и иконы. Все это не насторожило его настолько, чтобы скрывать свои подлинные мысли и привязанности. Он открыто отрицал воскресение мертвых, необходимость поста и молитвы; в 1622 г. на страстной неделе ел мясо, «пил без просыпу», на Пасху не пошел в церковь и не явился во дворец с поздравлением. Вообще в Москве Хворостинину казалось скучно. «Все люд глупой, жити не с кем»,— сетовал он и прибавлял: «Люд московской все сеет рожью, а живет-то ложью». В довершение ко всему обнаружилась его «шатость к измене» — намерение «отъехать в Литву». Таким образом, в начале 1623 г. Хворостинина вновь ссылают, на сей раз уже в Кирилло-Белозерский монастырь, где помещают в «особой келье» под зорким присмотром «житьем крепкаго» старца. Вероятно, Хворостинин показал искреннее раскаяние. Во всяком случае он подписал присланный ему в ноябре 1623 г. патриархом Филаретом «учительный свиток» и в январе следующего года получил «от обоих государей» (т. е. от М. Ф. и Ф. Н. Романовых) грамоту с помилованием. Хворостинин умер 28 февраля 1625 г. и был погребен в Троице-Сергиевом монастыре. За несколько дней до смерти он принял монашество под именем Иосифа.

Хворостинин был в родственных связях с С. И. Шаховским. Его перу принадлежат не найденные пока «книжки», в которых им против порядков московских «многие укоризненные слова писаны на виршь», а также ряд исторических сочинений.

Молитва Христу Богу

Молитва читается в составе трактата «Изложение на еретики злохулники», написанного Хворостининым между ноябрем 1623 и февралем 1625 г. Этот трактат, насчитывающий до 1300 стихов, оспаривал католические догматы и обряды. Он был опубликован полностью в кн.: Савва В. И. Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков.— Спб., 1907 (по рукописи ГПБ, собр. Михайловского, F. 100).

Молитва построена по акростиху: «ПРЕВОД ИЗЛАЖЕНИЯ КНЯЗ ИВАНА». Ее текст печатается по изд.: Силлабика.— С. 62.

О гонении на святую церковь краеграние сие по буквам

«О гонении...» является главой «Повести, или Возглашения к господу на римлян», которая входит в состав трактата «Изложение на еретики». Текст данной главы содержит остатки испорченного акростиха: КНЯЗЯ ИВАНА НИИМРИИВИЧИ ХЗОРОСТИЗИНИ... ИВАНА ПНКЗЯ ЛАНАН ХВОРОСТИИА... Печатается по изд.: Силлабика.— С. 63—67.

[1] *...Авель богу воздал... Каин... убити помышлял.*— Согласно Библии, первое братоубийство на земле было совершено сыном Адама и Евы, Каином, который возненавидел своего брата Авеля за то, что его жертвоприношения были угодны богу. За братоубийство Каин был проклят на вечные времена.

[2] *...не приимайте словес еретических...*— цитата из Послания апостола Павла к Ефесянам (IV, 29).

[3] *...кто тя кровию своею откупил...*— цитата из Откровения Иоанна Богослова (V, 9).

[4] *Цену крови своей истинно за тя дал...*— цитата из Евангелия от Матфея (XXVII, 6).

[5] *...Павел, буйством ея нарекше...*— цитата из Послания апостола Павла к Коринфянам (III, 19).

[6] *...согрешившаго спасл еси Лота...*— Лот, племянник Авраама, был единственным в Содоме, кому бог повелел покинуть вместе с семьей город, обреченный на уничтожение. Однако Лот усомнился в правдивости божественной вести, из-за чего ангелы были вынуждены вести его силой (библ.).

[7] *Платон* (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ, основатель европейского идеализма.

[8] *Пифагор* (ок. 571 — ок. 497 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, математик.

[9] *Аристотель* Стагирит (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий философ, основатель перипатетической школы.

[10] *Андрей Первозванный* — один из двенадцати апостолов, прозванный «Первозванным» потому, что стал учеником Христа прежде своего брата Петра (библ.). Древнерусская легенда, отраженная «Повестью временных лет», сообщает, будто Андрей посетил Русь: поставил на месте будущего Киева крест и поднялся вверх по Днепру — к Новгороду.

[11] *...в Патрех Ахайских за Христа пострадал...*— По преданию, апостол Андрей был распят в Греции, в Патрасе.

Двоестрочное согласие, вместо предисловия, к читателю

«Двоестрочным согласием» завершается «Изложение на еретики». По своему содержанию оно автобиографично.

Текст печатается по изд.: Силлабика.— С. 68—70.

[1] *Осмой собор не по истинне совершиша...*— Восьмой вселенский собор (869—870) состоялся в Константинополе, предав анафеме константинопольского патриарха Фотия и провозгласив римского папу неподсудным «орудием святого духа». Православная церковь признает только семь вселенских соборов. В свое время Хворостинин придерживался иной точки зрения, о чем рассказал споривший с ним С. И. Шаховской в своих «Домашних записках».

[2] *Не сыпте злата пред свиниами...* — парафраз евангельского стиха: «Не пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими».

ИВАН КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ

«Катыревы — виднейшая отрасль ростовских князей — принадлежали в XVI — начале XVII века к верхнему слою государева двора. Князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, возможно, начал служить еще при царе Федоре Ивановиче. На грамоте об избрании Бориса Годунова стоит его подпись. По первой жене И. М. Катырев приходился зятем будущему патриарху Филарету и шурином первому царю из рода Романовых, Михаилу Федоровичу. Василий Шуйский, его свойственник, сослал Катырева в Тобольск за «шатость» в борьбе с Лжедмитрием II, который в 1608 году подходил к Москве. Только в 1613 году, как раз к воцарению шурина, Катырев снова явился в Москве. При царе Михаиле ему давали важные поручения. Он ходил на Тулу против татар воеводой в большом полку, не раз оборонял Замоскворечье. Впрочем, Катырев долго оставался в стольниках. В 1622 году его повысили до дворянина московского и в перечнях дворян всегда писали первым. До 1630 года у него не было постоянной службы. Катырев жил в Москве, сопровождал государя в походы и богомолья, присутствовал на первой и второй свадьбах Михаила Федоровича, часто обедал за царским и патриаршим столом. В 1630 году его назначили начальником Владимирского судного приказа, который, должно быть, ведал исковыми делами жителей Владимира с уездом (кроме дел об убийстве, разбое и воровстве с поличным). Послужив здесь до сентября 1632 года, Катырев едет первым воеводой в Новгород и остается там три года. Остаток жизни он провел в Москве. Год его смерти не установлен». (Примеч. А. М. Панченко, см. в кн.: Силлабика.— С. 71).

Начало виршем, мятежным вещем

Настоящими «виршами» завершается «Повесть книги сея от прежних лет» (1626), автором которой большинство исследователей считает И. М. Катырева-Ростовского (текст опубликован по «Хронографу Сергея Кубасова» в кн.: Попов Андрей. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции.— М., 1869.— С. 314). Хотя есть мнение, что «Повесть» была написана С. И. Шаховским (см.: Кукушкина М. В. Семен Шаховский — автор «Повести о Смуте»//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974.— М., 1975.— С. 75—78). Помимо «виршей» в самой «Повести» встречается немало рифмованных строк и стихотворных фрагментов. Она написана ярким художественным языком и содер-

жит великолепные портретные зарисовки Ивана Грозного, Бориса и Ксении Годуновых, Лжедмитрия.

Текст стихотворения печатается по изд.: Силлабика.— С. 72.

[1] *...о похожении чюдовскаго мниха...*— Поэт полагает, что Дмитрий Самозванец и инок московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев, бежавший отсюда в Польшу в 1601 г.,— одно лицо.

[2] *...сын предиреченнаго князя Михаила...*— Отец предполагаемого составителя «Повести», Михаил Петрович Катырев-Ростовский, умер в 1606 г. в Новгороде от морового поветрия (эпидемии чумы).

[3] *...в труде своем никоея ползы обретох.*— По-видимому, «Повесть» была задумана автором с целью самореабилитации, но не оправдала его надежд.

ФЕДОР ШЕЛЕШПАНСКИЙ

К началу XVII в. в России насчитывалось много княжеских и боярских семей, которые постепенно растеряли и титулы, и видное общественное положение. В этом отношении показательна судьба некогда славной династии Шелешпанских. В XVI и XVII вв. ни один из ее представителей не упоминается в думных чинах. В редких случаях местничества замечается полный упадок рода, уступавшего место людям очень неродовитым. Единственный, кто по своей значимости еще как-то выделялся из рода Шелешпанских, был князь Федор Андреевич. О его службе известно немного. В Смутное время он исправлял должность воеводы в Царицыне. Двадцатые годы, по всей вероятности, прошли для него без особых потрясений, а в конце их он мог занимать неплохое место где-нибудь в столице или неподалеку от нее, так как его родной брат Яков ходил в тот период (1628—1629) в звании патриаршего стольника. Около 1633 г. Ф. А. Шелешпанский, по неизвестной пока причине, попадает в тюрьму (терпит «оземствование»). Но уже в 1635 г. он был направлен воеводой в дальний город Царев-Кокшайск. Фактически это была ссылка, в которой он пробыл почти три года. Позднее положение Ф. А. Шелешпанского изменяется к лучшему. Под 1640 г. его имя встречается в Боярских книгах, где он назван дворянином московским без должности. В августе 1645-го, декабре 1646-го, в 1647 и 1648 гг. он назначается главой Холопьего приказа, ведавшего учетом холопов и крестьян, а также судебными исками, спорными делами, возникавшими между ними и их владельцами. На 1648 г. документальные сведения о Ф. А. Шелешпанском обрываются.

Послание князю Семиону Ивановичу

Послание было направлено князю С. И. Шаховскому между 1633 и 1634 г., когда последний, «безвинно пострадав», вернулся из ссылки и «по печалней тризне терпения мзду приял», т. е. был пригрет цар-

ской милостью. Поводом для написания послания послужил арест Шелешпанского, возможно, сопровождавшийся конфискацией имущества (ср.: «оземствование мое нынешнее явило тщету»). Поэт явно надеялся найти поддержку у человека справедливого, еще недавно побывавшего в такой же тяжелой ситуации, в какой оказался он сам. В послании читается акростих: ГОСПОДАРЮ МОЕМУ КНЯЗЮ СЕМИОНУ ИВАНОВИЧЮ ФЕДКА ШЕЛЕШПАЛСКОЙ ЧЕЛОМ БИЕТ.

Текст послания печатается впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 225 об.— 226 об.

[1] *Авраамля дела слышу боголюбиве творима тобою...*— Очевидно, поэт, бывший дальним родственником Шаховского, намекает здесь на активное заступничество библейского Авраама за свою родню. Так, по Библии, Авраам спас своего племянника Лота и его семью, захваченных в плен месопотамскими воинами.

[2] *От благих... ухлеби мя... сим напои мя.*— Перефразируются слова из Послания апостола Павла к Римлянам (XII, 20): «Аще алчет... ухлеби его, аще ли жаждет, напои его».

[3] *...оземствование...*— тюремное заключение.

[4] *Шествия твоя права по добродетелному ти пути слышу...*— Ср. аналогичную характеристику Шаховского дьяком Третьяком Васильевым (см. выше, с. 405).

Послание князю Алексею Никитичу

Послание относится к началу — середине 30-х гг. XVII в. Ряд стилистических черт и выражений в этом сочинении позволяет предположительно атрибутировать его Ф. А. Шелешпанскому. Так, в нем, как и в предыдущем послании, читается фраза: «Аще без пестроты добродетел... совершиши», которая подчеркивает позицию автора, хотя и просящего о помощи, но не желающего унижать своего княжеского достоинства. Здесь также говорится, что автор «лишен всякаго добра», пребывая «в напастех и скорбех» и т. п. Получатель послания — князь, боярин Алексей Никитич Трубецкой был близок к царскому двору. Известно, что позднее (с 1646 по 1663) он занимал весьма престижные должности, был главою Казанского дворца, а также приказов Сибирского и Полковых дел. Послание содержит акростих: КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ НИКИТИЧЮ.

Текст послания печатается впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 225.

[1] *Стих* — это оригинальный молитвословный стих, построенный на развертывании традиционных метафор: «солнечные лучи милосердия» и «зима бед».

АЛЕКСЕЙ ЗЮЗИН

Впервые имя Алексея Ивановича Зюзина упоминается в грамоте 1598 г., подтверждающей условия избрания царем Бориса Годунова. С 1601 по 1603 г. он служит воеводой на Пелыме, с 1603 по 1605 г.— в Польше, затем в Великом Устюге (1610—1611) и Каргополе (1612). В начале весны 1613 г. Зюзин возвращается в Москву, а 7 июля, по указанию царя Михаила Федоровича, назначается послом в Англию. В последующие годы он — активный дипломатический деятель. 27 февраля 1617 г. при его непосредственном участии был подписан со шведами важный для России Столбовский мир, за что Зюзин был «пожалован в государевы окольничьи». В 1617—1618 гг. он, видимо, исполняет различные поручения Посольского приказа. Одно из последних известий о нем относится к осени 1618 г.: во время осады Москвы польскими войсками во главе с королевичем Владиславом Зюзин был среди защитников города. В архиве историка Г. Ф. Мюллера есть запись, без ссылки на конкретный источник сообщающая, что А. И. Зюзин «в том же <1625-м> году умре». Однако в рукописном отделе ГБЛ хранится сборник 30-х гг. XVII в., в котором читаются черновые записи Зюзина, точнее — его стихи с характерными поправками и пометами. Таким образом, не исключено, что в это время Зюзин еще жил и работал.

Послание Стефану Матвеевичу

Послание было написано в период с конца 10-х до начала 30-х гг. XVII в. Вероятнее всего, его адресатом являлся окольничий Степан Матвеевич Проестев, возглавлявший в 1619—1622 гг. и в 1634 г. Земский приказ. Зюзин говорит о своей преданности дружбе с ним и сообщает о постигшей его «печали» (ср.: «ныне год безвременен нам ко всему наста»). Послание демонстрирует искушенность автора в технике изящной словесности, включая акростих: МИЛОСТИВИИ ПРИЯТЕЛ МО<И>, числовую тайнопись, дающую в расшифровке фразу: СТЕФАНУ МАТВЕЕВИЧУ, литорею АСЕТЛЕЙ ФЮФИК (ОЛЕШКА ЗЮЗИН) и второй акростих: ГОСПОДЕ ЗДРАВ.

Текст послания печатается впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андропова, ф. 726, № 2, л. 232 об.— 233 об.

[1] *Довлеет же, по апостолу, таковыя печали лишатися...*— Имеются в виду слова из Второго послания апостола Павла к Коринфянам: «сего мира печаль смерть соделовает...» (VII, 9).

[2] *...верну несть измены... доброт его.*— Цитата из Книги премудростей Иисуса сына Сирахова.

МИХАИЛ ТАТИЩЕВ

Михаил Юрьевич Татищев родился в 1620 году в семье думного дворянина (Татищевы, как Шаховские и Шелешпанские, принадлежали к самой родовитой династии — Рюриковичей, но в отличие от последних утратили княжеское достоинство). В 1639 г. Татищев был пожалован в стольники. В течение 1640-х годов он служил в Туле, Мценске и в Ливнах. Все это время и в последующие годы он занимал весьма престижные должности, однако думных чинов достиг только к старости. Чин думного дворянина Татищев получил в 1684 г., потом стал окольничим и с 1691 г.— боярином. Постоянная близость к государеву двору ставит Татищева в первые ряды русской аристократии XVII столетия. Образованный, умный, умеющий постоять за свою честь, он с успехом строил свою карьеру царедворца. Ее подъему особо способствовало устройство женитьбы царя Иоанна Алексеевича на внучке Татищева Прасковье Федоровне Салтыковой в феврале 1684 г. Прадед будущей императрицы Анны Иоанновны — Татищев умер в 1701 г.

Послание царю

Послание, по-видимому, написано в середине 40-х гг. XVII в., так как в именованиях царя («благочестивый», «славный», «богомудрый», «милостивый» и др.) здесь нет определения «тишайший»; вошедшего в титулатуру Алексея Михайловича (1645—1676). Зато адресат послания называется «любителем и хранителем изрядным заповедей богословных», «Европы и Азии многих государств... самодержцем». Именно так обычно именовался отец Алексея, царь Михаил Федорович (1613—1645).

В послании прочитывается акростих: ВЕЛИКИИ ГОСПОДАР БЛАГОЧЕСТИВИИ ЦАР ПОЩАДИ ХОЛОПА СВОЕГО МИХАЛКА ТАТИЩЕВА ВЕЛИ ГОСПОДАР БЫТИ ПРИ СВОИХ ЦАРСКИХ СВЕТЛЫХ ОЧАХ.

Послание печатается по изд.: Панченко.— С. 246—247 (по рукописи конца XVII в. ГИМ, собр. Е. Барсова, № 470, л. 23—26).

[1] *...огненосную уставляет о них ярость.*— Очевидно, скрытое уподобление царя Михаила его св. патрону «огненосному» «архистратигу небесного воинства», архангелу Михаилу.

[2] *...им же кто... усрамится.*— Цитируется Послание апостола Павла к Римлянам (VI, 16).

[3] *...от вас, государей...*— Такое обращение к царю Михаилу было принято при жизни его отца Филарета Никитича (ум. в 1633). Возможно, автор имеет в виду царя и его ближайших родственников по мужской линии.

БОРИС РЕПНИН-ОБОЛЕНСКИЙ

Князь Борис Александрович Репнин-Оболенский принадлежал к потомственной знати, состоявшей в родстве с царствующим домом Романовых. Чин стольника он получил в 1616 г. Во время осады Москвы войсками королевича Владислава (1618—1619) участвовал в обороне города.

В последующие годы периодически возглавлял разные государственные учреждения: в 1638 г.— Иконный приказ, Оружейную и Серебряную палаты, в 1639-м — Золотую палату. С 1640 по 1643 г. он руководил приказами Сыскным, Рудного сыска, Новой и Галицкой четями. В 1643 г. Репнин посылается воеводой в Астрахань, но уже в следующем году возвращается в Москву и вновь возглавляет Оружейную и Серебряную палаты. Видимо, это назначение не было случайным — Репнин зарекомендовал себя отменным знатоком оружейного и изящного искусства. Только спустя четыре года его поставляют судьей Владимирского судного приказа. С 1650 по 1651 г. он служит полковым воеводой в Севске, а затем в Белгороде. В 1652 г. для переговоров с прибывшими в Москву литовскими послами ему дан титул «наместника Великопермского». Вскоре после этого он возглавляет русское посольство в Польшу. Вернувшись в Россию, он получил прибавку к жалованью и определение в судьи Разбойного приказа (1653—1654). С начала русско-польской войны Репнин находился в действующем войске, в 1655 г. участвовал в походе Алексея Михайловича против короля Яна Казимира. Тогда же, после освобождения Смоленска, был оставлен в нем на воеводстве.

По окончании войны (1660) Репнин живет в Москве, управляя делами Владимирского судного приказа, Новгородского разряда, заведует до 1664 г. денежным сбором. В 1665 г. его отправляют полковым воеводой в Белгород. Последние годы жизни князь, видимо, провел в столице. В это время он уже ходил в чине боярина. Умер Репнин 17 мая 1670 г.

Казание о человеческой жизни двоестрочно...

«Казание» датируется предположительно концом 30-х — 40-ми гг. XVII в., на которые приходится период наиболее интенсивной деятельности Репнина в качестве начальника ряда московских приказов. В произведении читается акростих: ...НИВИНО<И> ВОИН БИСИДУ ЗЧИИ РИППНИН... Свое имя поэт обозначил с помощью антономазии — риторического приема замены имени собственного нарицательным оборотом («невинный воин»): современникам Репнина было хорошо известно, что так часто назывался св. мученик, князь Борис (ср. «Сказание о Борисе и Глебе» и проч.). Несомненно Репнин чтил тезоименитого ему св. Бориса как своего главного заступника и покровителя.

До наших дней дошло два списка «Казания» третьей четверти XVII в.: ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 7 и ГИМ, Чудовск. собр., № 359 (последний озаглавлен: «Нравоучение, о еже не гордетися, о еже во властех бывающим»).

Текст «Казания» печатается впервые, по рукописи 70-х гг. XVII в. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 7, л. 1—1 об.

[1] *...прегордому фарисею...* — Имеется в виду евангельская притча о мытаре и фарисее, ставившем себя выше всех людей, которая завершается словами: «всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется» (Евангелие от Луки, XVIII, 10—14).

[2] *...но ревнуй... боговидцу пророку Моисею...* — По библейской легенде, пророк Моисей вывел израильтян из египетского плена и сорок лет блуждал с ними в пустыне на пути к «земле обетованной». Все это время израильтяне постоянно роптали на Моисея и даже несколько раз восставали против него. Однако он с помощью бога Яхве, с которым постоянно советовался, терпеливо смирял их гнев.

[3] *...Асиристии царие возревноваша на пророка Елисея...* — Согласно Библии, пророк Елисей был ближайшим учеником и преемником Ильи-пророка. Он дважды отвел войска сирийского (но не ассирийского!) царя Венадада от Самарии, подстроил его убийство, а перед своей смертью предрек тройное поражение Сирии от Израиля.

[4] *...при Илии посланных от Ахава царя огнем пожещи?* — В начале библейской четвертой Книги Царств помещен рассказ о том, как разболевшийся иудейский царь Охозия (а не Ахав, царь Дамаска!) дважды посылал за Ильей-пророком по пятьдесят воинов, которых Илья пожег небесным огнем; третьему посольству он не противился и предрек царю скорую смерть.

[5] *...ни на кого руки не налагай...* — цитата из Первого послания апостола Павла к Тимофею (V, 22).

Приказная школа стихотворства

Образование и расцвет приказной школы поэзии приходятся на 30—40-е гг. XVII в. Однако ее отголоски были слышны в русской литературе как минимум в течение еще трех последующих десятилетий. Довольно широкий круг принадлежавших к ней стихотворцев составляли дьяки и подьячие разных московских приказов. Хотя в творческом и идейном отношении все они так или иначе консолидировались вокруг Книжной справы Печатного двора. Профессиональные и духовные интересы справщиков во многом обусловливали жанровый репертуар школы. В основном это — виршевые предисловия и послания, которые могли облекаться в форму похвалы, увещания, обличения, духовного наставления или слезного ходатайства, но во всех случаях несли на себе отпечаток традиционной книжности и ди-

дактизма. Некоторые важные признаки поэтики приказного стихотворства (акростихи, этимология имен, основанная на ассоциациях и уподоблениях образная система) обнаружили в себе зачатки того барочного стиля, который стал ведущим в русской литературе и искусстве только в последней трети «переходного столетия».

СТЕФАН ГОРЧАК

Биография Стефана Стефановича Горчака практически неизвестна. О нем сохранилось чрезвычайно мало сведений. Представитель белого священства — поп, в 30—40-е гг. XVII в. он, как выясняется из его деловой переписки, работал в Москве в Книжной справе. Вместе с ним в это время сотрудничали справщики поэты Иван Наседка, Савватий, Михаил Рогов. Судя по всему, имя «Горчак» служило его прозвищем. У Горчака была семья, один или несколько сыновей. Сам он говорит о себе, что не получил систематического образования в училищах. Однако это не помешало ему самостоятельно подняться до уровня наиболее авторитетных в вопросах грамматики и книжной премудрости людей своего времени, стать заметной фигурой среди приказных стихотворцев. Правда, например, в отличие от справщика Савватия, Горчак не стремился к широким связям со светской администрацией. Дошедшие до нас его послания адресованы только представителям клира, причем сравнительно невысокого чина. Все это может свидетельствовать, что поэт не искал себе могущественных покровителей, был скромен, удовлетворяясь тем положением в жизни, которого достиг.

Послание Ивану Васильевичу
Двоестрочие

Послание адресовано И. В. Наседке. Оно относится к концу 10-х (или же к 30-м) гг. XVII в., когда Наседка мог быть высланным из Москвы. В опубликованном И. Ф. Голубевым списке послания Горчака старцу Арсению Глухому (см. ниже) текст «Двоестрочия» представлен с ним слитно — без заглавия и с искаженным акростихом. Текстологически этой публикации близки списки последней трети XVII в. ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 306 об.— 308 об. и ГБЛ, ф. 236, № 70, л. 392 об.— 394 об., которые также не позволяют выяснить подлинную композиционно-смысловую структуру «Двоестрочия». Сделать это позволила нам рукопись ГИМ, Муз. собр., № 2936, л. 173—174, по которой оно и воспроизводится здесь впервые.

«Двоестрочие» содержит акростих: СОСУДУ ИЗБРАННОМУ ИВАНУ РАДОВАТИС<Я> АМИН.

1 *...обоим вам вкупе...* — возможно, Наседке и Арсению Глухому.

Послание справщику Арсению Глухому

По мнению И. Ф. Голубева, опубликовавшего послание, оно было написано приблизительно в 1636—1637 гг. и адресовано бывшему справщику, монаху Арсению Глухому-Селижаровцу (выходцу из с. Селижаровки близ Ниловой пустыни). Арсений занимался исправлением предназначенных для печати книг с 1615 г., когда жил в Троице-Сергиевом монастыре. Предположительно с 1619 по 1635 г. он работал на московском Печатном дворе. Во всяком случае, в 1635 г. он уже значился головщиком кремлевского Богоявленского монастыря, откуда вскоре, по-видимому, был вынужден отправиться странствовать по другим русским обителям; в частности, побывал в Кирилло-Белозерском монастыре. Время и место смерти его неизвестны.

Текст послания Арсению Глухому печатается по изд.: Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.//ТОДРЛ.— Т. XVII.— М.; Л., 1961.— С. 404—410 (по рукописи XVII в. Калининского педагогич. ин-та, № 29, л. 34—38 об.).

[1] *...по именованию венец...*— т. е. Стефан (греч. στέφανος венец).

[2] *...литоръских остроном...*— следует читать «риторъских». Имеются в виду известные на Руси с XV в. астрологические трактаты и альманахи, содержавшие рассуждения о том, как прогнозировать характер и судьбу человека по расположению небесных светил в момент его рождения, и т. п. Церковь запрещала чтение этих «отреченных книг».

[3] *Свободь всяк инок трех страстей...*— Обычно в эту триаду включались: похоть, гордыня, гнев или ожесточение (Иоанн Лествичник, Ефрем Сирин и др.).

[4] *...четырми делесы душа иноку оскверняется...*— По Иоанну Лествичнику — блудом, пьянством, объядением и сквернословием. В русской учительной традиции, идущей от «нестяжателей» и Максима Грека (XVI в.), названный ряд душепагубных дел непременно включал в себя лихоимство (стяжательство).

[5] *Великому елефандру...*— большому слону (от греч. ἐλέφαντος).

[6] *...Дамаскиновы многоразумныя книги...*— Видимо, подразумевается сборник творений Иоанна Дамаскина. Подобные сборники могли содержать его Грамматику («О осми частех слова»), «Диалектику», «Священную философию» и другие сочинения.

Послание старцу Венедикту

Послание точно датировано 1642 (7150) годом. Завершающий его адрес («Подпись») свидетельствует, что оно было отправлено в Кирилло-Белозерский монастырь настоятелю Успенской церкви, старцу Венедикту. Последний также назван и в акростихе: ГОСПОДАРЮ

МОЕМУ ВЕЛИКОМУ СТАРЦУ ВОНЕДИКТУ ПОП СТЕФАН ПО РЕКЛУ ГОРЧ<А>К ПАДАиТ Нич Да ЗЕМЛИ ЧЕЛОМ БИЕТ ЗА СААПРаН (т. е. «за шафран» — пряность, приготовляемую из пыльцы цветов).

Текст послания печатается впервые, по рукописи конца XVII в. ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 291 об.— 294.

[1] *Адаманския...*— алмазно-крепкой.

[2] *Сияют бо яко солнце на тверди небесней...*— цитата из служебного Канона всем святым (Канонник.— Вильна, 1794.— Л. 239 об.— 240).

[3] *...на всех тогда прииде... гонение...*— Видимо, поэт имеет в виду первые годы после «Смуты».

[4] *...акростихиды и краегранесии...*— синонимы, обозначавшие акростих.

[5] *...богословенна... таковым званием нареченна* — т. е. Венедикта (от лат. benedictus — благословенный).

Послание старцу Симеону

Послание относится к 30—40-м гг. XVII в. Как явствует из его содержания, оно было написано Горчаком в ответ на акростишную эпистолию монаха Симеона (о котором пока ничего не известно).

Стихотворение содержит акростих: СТАР<Ц>У СИМИОНУ ПОП СТЕФАН ЧЕлОМ БИЕТ. По своему характеру это — примирительное послание. Воздавая должное мудрости адресата, поэт призывает его оставить «фарисейское кичение» и «нас не сотворити никогда во оскорблении».

Текст послания печатается впервые, по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, ф. 236, № 70, л. 359—360.

Послание Федору Кузьмичу

Очевидно, послание следует датировать началом 30-х гг. XVII в., до смерти патриарха Филарета, ибо в нем патриарх назван отцом царя и «великим государем». Оно было послано из Москвы в Казань, священнику Федору Кузьмичу, судя по всему, когда вопрос о его приглашении для работы в Книжной справе еще не был решен окончательно. Как бы упреждая назначение, Горчак говорит адресату о желательности их совместной деятельности и обещает ему свою поддержку. Произведение содержит акростих: *СВЯЩЕННоИЕРЕЮ ФЕОДОРУ КОЗМИЧУ ПОП СТЕФАН ЧЕЛОМ БИЕТ.*

Текст послания печатается по изд.: Панченко.— С. 244—245 (по рукописи конца XVII в. ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 214 об.— 218).

[1] *...троерожные страсти рог...*— Здесь — гордыня, спесь.

[2] *...тезоименит доблести... добрей бодрости...* — Возможно — Григорий (в переводе с греч. — бодрый, стойкий).

[3] *...нарекование замарай...* — по прозвищу Замарай.

[4] *...не год...* — не время.

[5] *...нам есть тезоименит...* — Отца Горчака звали Стефаном.

[6] *...Казани, о ней же многия сотворишася... брани...* — Начиная с 1487 г. Казань не раз осаждалась и была взята русскими войсками. В 1552 г. Казанское ханство было окончательно завоевано и присоединено к России. Обо всем этом подробно рассказывает «Казанская история» (см.: ПЛДР: Середина XVI века. — М., 1985. — С. 300—565).

[7] *...тезоимениту дару божию...* — Феодору (греч. Феодор — «дар божий»).

[8] *...рождьшаго же имеющу соименна миру...* — Имя отца Феодора — Козма: оно созвучно греческому слову «космос» — мир, вселенная.

Виршевый Домострой

Стихотворение «Наказание некоего отца к сыну своему...» могло быть написано в 40-е гг. XVII в. Горчаку оно атрибутируется условно (некоторые ученые склонны считать, что автором был справщик Савватий), на том основании, что в обнаруженном нами ответном Послании от сына ко своему отцу (см. с. 139) последний называется Стефаном. Под таким именем известен только Стефан Горчак.

«Наказание... к сыну» составлено из облеченных в удобную для запоминания стиховую форму жизненных наставлений в духе традиционной домостроевской морали. Отсюда и название «Виршевый Домострой», данное этому памятнику его первым исследователем, академиком В. Н. Перетцем.

Сохранилось две редакции «Виршевого Домостроя»: 1. «Наказание некоего отца к сыну своему» и 2. «Поучение и наказание отца к своим сыновом», включающее ряд сведений конкретно биографического характера. Какая из двух редакций является начальной, определить пока сложно.

Текст «Наказания...» печатается по изд.: Перетц В. Н. Виршевой Домострой начала XVIII столетия//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. — Л., 1934. — С. 19—22 (по рукописи начала XVIII в. ГИМ, Муз. собр., № 3578, л. 72—76). Пропуски и искажения в тексте восстанавливаются по списку последней трети XVII в. ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 251—253 об.

Текст «Поучения...» печатается впервые, по тому же списку из собрания А. П. Гранкова, л. 261—265.

[1] *...к церкви господни притекати... вежливо говорити.* — Следуют парафразы Домостроя (см.: Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. — М., 1908. — С. 10—12, 22, 62).

[2] *И со злыми... не знатися... аки глаза береги...* — ряд свободных интерпретаций библейских изречений и Домостроя.

[3] *...погубит господь вся глаголющыя лжу* — цитата из Псалтыри (Пс. V, 6).

[4] *...держати бы их всегда в велицей грозе...* — парафраз слов Домостроя: «положи на них грозу свою...» (см.: Орлов А. С. Домострой... — С. 15).

[5] *...вода огнь угашает... грехи потребляет...* — парафраз изречения Иисуса сына Сирахова: «Огнь горящь угасит вода, и милостыня очистит грехи» (III, 30).

[6] *...господень оскорд.* — Ср. в 73-м псалме: «сечивом и оскордом» (оскорд — кирка).

[7] *аще кто... семидален хлеб вкушает.* — См. примеч. 1 на с. 400.

[8] *Оцет* — уксус.

[9] *...от некоего мудра мужа...* — парафраз слов Иисуса сына Сирахова: «Муж зря на чуждую трапезу, несть живот его в числе живота» (XL, 30).

[10] *Просфора* (греч. — приношение, дар) — евхаристический хлеб, предназначаемый для поминания.

[11] *Обаче может бог... убога богата учинити ...* — парафраз изречения Иисуса сына Сирахова: «Удобно есть пред очима господнима внезапу обогатити нищаго» (XI, 22).

СЫН СТЕФАНА ГОРЧАКА

Биографию этого поэта позволительно сравнить с книгой, большая часть листов которой безвозвратно утеряна. Единственное, что мы знаем определенно, — им было написано ответное послание отцу (Стефану), в котором обыграны многие мотивы известного читателю «Наказания... к сыну своему» Стефана Горчака, а также — послание к матери. Анализ посланий приводит к следующим выводам и предположениям: скорее всего их автором был сын Горчака, унаследовавший от своего родителя склонность к стихотворству. К моменту составления посланий он жил вне отчего дома и, по-видимому, еще не успел снискать себе по службе каких-либо доходных чинов (ср.: «никогда же еси, государь мой, — говорит он отцу, — от моих грешных рук и трудов напитовался»), что заставляло его нередко обращаться за материальной помощью к своим родителям. Делать это приходилось несмотря на многие «досады», каковые он, по собственным словам, доставлял им «злым неразсудным противлением» своим и «упрямством». Вместе с тем стихотворца отличала широкая начитанность, отменное владение техникой книжного стиха, хотя, в отличие от своего отца и, вероятно, учителя, он не использовал акростишную форму, являвшуюся заметным признаком поэтического искусства приказных стихотворцев 30—40-х гг. XVII в.

Послание от сына ко своему отцу...

Послание могло быть написано в конце 40-х или в начале 50-х гг. XVII в. Текст его публикуется впервые, по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 253 об.— 256.

[1] *...тезоименитому добродетелному венцу...*— т. е. Стефану (см. примеч. 1 на с. 419).

[2] *...сынишка твой, имярек...*— Очевидно, имя автора заменено на неопределенное «имярек» (некто, некий) позднейшим переписчиком текста.

[3] *Аще кто отца своего и матерь чтит... господь его защищает* — парафраз библейской заповеди: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли...» (Исход, XX, 12).

[4] *...скончаются грешницы... и беззаконницы...*— цитата из Псалтыри (Пс. XXXVI, 35).

[5] *...и яко неистовый конь... Подобне же тому и сыну досадливу...*— интерпретация фразы из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова: «Конь неукрощен свиреп бывает, и сын самовольный продерз будет» (XXX, 8).

[6] *...раны таковым подобает давати...*— Сентенция восходит к словам той же библ. книги: «Любяй сына своего участит ему раны» (XXX, 1).

[7] *...и егда с покорением к ним приидут... аки во гробе зрятся.*— Содержание этих стихов соотносится с евангельской притчей о блудном сыне, который, растратив все имение, вернулся к отцу и был прощен им. Свою доброту отец блудного объяснял тем, что его сын «мертв бе, и оживе, и изгибл бе, и обретеся» (Лук. XV, 11—32).

[8] *Вем бо, яко отча молитва... мертвых воскрешает...*— Поэт контаминирует мотивы двух поучений — «О молитве господней» и «Яко подобает детем чтити родителя своя» (Измарагд).

Послание к матерем...

Хронологически данное послание примыкает к предыдущему, но заглавие его, по-видимому, было приписано позднее (другим стихотворцем) с целью придания ему некой универсальной направленности в духе традиционных письмовников. Любопытно, что сам автор определяет свое произведение как «послание» и вместе с тем как «умиленное слово», чем формально сближает его с так называемыми «стихами умиленными» или «покаянными», представлявшими собой молитвословные песнопения, обращенные к Христу и Богородице.

Текст послания печатается впервые, по рукописи первой трети XVII в. ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф 711, № 98, л. 256—261.

[1] *...и матерне сердце твое... возвеселити...*— парафраз слов из Книги притчей Соломона: «Сын мудр веселит матерь свою» (XVII, 21).

[2] *...скорби и болезни в себе обновила.*— Здесь и далее поэт разви-

вает тему, означенную в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова: «Всем сердцем твоим прославляй отца твоего и матерних болезней не забуди: помяни, яко тема рожден еси, и что има воздаси, яко они тебе?» (VII).

3 *...мною радостна и весела бываеш...* — парафраз слов Иисуса сына Сирахова: «Да веселится... мати о тебе, и да радуется рождшая тя» (XXIII).

4 *...достойно бы нам писати на своих сердечных скрижалех* — цитата из Книги притчей Соломона (III, 3).

5 *...родителем, велию честь предаде...* — Подразумеваются слова Иисуса сына Сирахова: «Господь бо прослави отца на чадех, и суд матере утверди на сынех... Бояйся господа... яко владыкам послужит родившым его» (III, 2—7).

6 *Яди паки и пития... все суть тленна...* — свободная интерпретация слов Екклесиаста (IX).

7 *...вода и огнь угашает...* — См. примеч. 5 на с. 422.

8 *...Слову сему подражай...* — т. е. Христу.

9 *...отцова молитва сушит... коренит* — парафраз слов Домостроя: «Отча клятва иссушит, а матерня искоренит».

СПРАВЩИК САВВАТИЙ

Среди поэтов-книжников первой половины XVII столетия заметно выделяется фигура чернеца Савватия. Его перу принадлежит наибольшее число из дошедших до нас стихотворных произведений этого периода. Как правило, свое авторство он отмечал в акростихе, именуя себя своеобразно — «Савватиища». Не исключено, что в конце 20-х — начале 30-х гг. Савватий состоял при дворе Михаила Федоровича, о чем как будто свидетельствует одно из его посланий к царю, в котором он представляется как «прежде бывшей у тебя, государя, служитель олтарев». Возможно также, в это время он положительно зарекомендовал себя и на педагогическом поприще. Во всяком случае, позднее поэт не раз говорил о своем «дидаскальстве» (т. е. учительском звании), а его служба в московской Книжной справе началась в сентябре 1634 г., с подготовки к печати учебной Азбуки. Приходно-расходные книги Книжной справы свидетельствуют, что в справщиках чернец Савватий пробыл до сентября 1652 г. За этот период им был создан широкий круг поэтических произведений и, по-видимому, не менее широкий круг именитых последователей и литературных оппонентов. Савватия-поэта отличала многогранность творческих интересов: он успешно работал в жанрах традиционной гимнографии, обращался и к полемической прозе (Книга мудра и удобна: вопросы и ответы разные.— ГИМ, Синод. собр., № 370, автограф). Однако эти стороны его творчества практически не изучены.

Учитывая скудость документальных сведений о Савватии, заслуживает внимания следующая запись в Синодике нижегородского Макарьева монастыря: «Род государева духовника Благовещенскаго протопопа Стефана Внифатьевича: Дорофеа, священника Василия, инока Иустина... инока Саватиа» (цит. по: Белокуров С. Арсений Суханов.— Ч. I.— М., 1891.— С. 170). Таким образом, поэт и справщик Савватий мог быть старшим родственником знаменитого духовника царя Алексея Михайловича, Стефана Вонифатьева.

Послание Силе Матвеевичу

В послании, написанном приблизительно в 30—40-е гг. XVII в., проводится основная мысль о необходимости постоянно учиться, продолжать оттачивать ум, даже если он «остр», поскольку «учение свет есть души словесней». Послание адресовано в некий монастырь, монаху Силе Матвеевичу, исполнявшему обязанность священника монастырской церкви (на что указывает фраза: «в подновеленном чину пребываеш и многия монастырския службы сохраняеш»). В нем прочитывается слегка искаженный акростих: ЧСТНОМУ МУЖУ СИЛЕ МАТФЕЕВИЧЮ <М>НОГОГРЕЧНОИ МОНАХ САВАТ<ИИ> ЧЕЛОМ БИЕТ.

Текст послания печатается впервые, по рукописи конца XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 411, л. 187—189.

[1] *Мертва вера без дел является...*— цитата из Соборного послания Иакова (II, 26).

[2] *...учение свет есть души словесней...*— Мысль эта выражена в Библии, в Прогласе Константина Философа к Евангелию (X в.); она прошла через древнерусскую учительную литературу, отразилась и в стихотворном предисловии к старопечатной Азбуке 1634 г. (см. с. 321).

[3] *Несть мощно хитрости снавыкнути...*— Выражение приписывалось Иоанну Златоусту. Хитрость — искусство, ремесло.

Послание князю Алексею Ивановичу

Послание было написано предположительно в конце 30—40-х гг. XVII в. Несмотря на юный возраст, его получатель, по словам автора, превосходит всех своим любомудрием, «хвалим... и славим во царских чинех», «яко ближний... царев приятель». По-видимому, адресатом послания был князь, стольник Алексей Иванович Воротынский, отец которого, Иван Михайлович, был в такой великой чести у государя (например, в начале 20-х гг. он назначался главным воеводой Москвы), что и сын его, Алексей, числился у царя в первых вельможах. На это указывают Разрядные книги 30-х гг. и документы по местническим спорам. Послание содержит акростих: КНЯЗЮ аЛЕКСЕЮ ИВАНОВИЧЮ МНОГОГРЕШНИ <МО>НАХ ЧЕЛОМ Б<И>ЕТ.

Текст послания печатается впервые, по рукописи конца XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 411, л. 197 об.— 199 об.

[1] *Имя же твое... «толкование»...*— Согласно Азбуковнику: «греч. Алексей — пособитель или толковник» (ГИМ, Муз. собр., № 439, л. 135).

[2] *Аравицкое злато...*— Аравийское (белое) золото — одно из названий платины, бытовавшее в древнерусской лексикографии.

[3] *Шлем спасения...*— цитата из Послания апостола Павла к Ефесянам (VI, 17).

[4] *Хрустолиф камык...*— термин восходит к библ. книге Исход (XXVIII, 17), откуда попал в Хронику Георгия Амартола (X в.), Изборник Святослава 1073 г. и др. памятники древнерусской литературы. Имеется в виду «хризолит» — драгоценный минерал золотисто-зеленого цвета.

[5] *...милостивии помиловани будут...*— цитата из Евангелия от Матфея (V, 7).

Послание Кизолбаю Петровичу
Писание от отца духовнаго к сыну духовному

Послание может быть датировано периодом 30—40-х гг. XVII в. Имя адресата его — Кизолбай — представляется русской огласовкой персидского «кизылбаши» (красные шапочки), как в России XVII в. называли иранцев или персов. Видимо, Кизолбай Петрович был одним из тех персов, что, перекрестившись в православие, состояли на государевой службе (к примеру, в должности «слоновых толмачей», т. е. водителей слонов, подаренных царю персидским шахом Аббасом). Становясь христианином, Кизолбай Петрович, по традиции, избирал себе на всю жизнь духовного отца, призванного исповедовать его и наставлять к покаянию. В послании Савватий как раз и напоминает об этом. «Писание» содержит искаженный переписчиками акростих: КИЗОЛБАЮ ПЕТРОВИЧЮ МНИГОГ<Р>ЕШНИ ЧИР<Н>ЕЦ САНИПИИАще АЕЛНМ БТИТ...

Текст «Писания» публикуется впервые, по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 301—302 об.

Послание боярину Ивану Никитичу

Послание относится приблизительно к 30-м годам XVII в. Адресат его — боярин Иван Никитич Романов — родной брат отца царя Михаила, Филарета (Федора) Романова, принадлежал к самому верхнему слою придворной аристократии. Судя по всему, Иван Никитич покровительствовал Савватию и щедро «жаловал» его еще с того времени, когда тот служил непосредственно при дворе. Умер И. Н. Романов в

1640 г. Текст послания строится по акростиху: ГОСПОДАРЮ ИВАНУ НИКИТИЧЮ МОНАХ САВАТИИЩА ПАДАЯ НА ЗЕМЛИ ЧЕЛОМ БИЕТ.

Памятник воспроизводится по его первому изданию: Лопарев Х. М. Описание рукописи московского Чудова монастыря № 57—359//ЧОИДР.— 1886.— Кн. III.— Июль — сент.— С. 8—9.

[1] *В лепоту реченное благодатное звание...*— Иоанн (с др.-евр.— благость или глас).

[2] *...родьший быв п о б е д и т е л...*— Такое значение имеет греческое имя Н и к и т а.

[3] *...тебе, великому государю...*— Поэт явно завышает звание адресата. «Великим государем» тогда было принято называть только царя и патриарха.

[4] *Червию и виссом красятся...*— т. е. красной и белой льняной тканью.

Второе послание боярину Ивану Никитичу

«Писанейце» написано вскоре после смерти патриарха Филарета (1 октября 1633 г.) как утешительное послание его брату И. Н. Романову. Обращает на себя внимание представленная в нем характеристика умершего патриарха, в которой он показан скорее как вселенский самодержец, чем просто глава русской церкви. В послании использованы многие фразеологические обороты и приемы, отличающие предыдущее послание Ивану Никитичу. Так, поэт называет себя «многогрешным монахом», обыгрывает имя адресата (Иван — «б л а г о д а т и тезоименит»), его отчество («рождьшему же звание «победител», т. е. Никита) и т. п.

Текст «писанейца» печатается впервые, по рукописи XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 106—108.

[1] *Великому государеву синклиту...*— Синклит (греч.) — совет. Здесь: «государеву советнику».

[2] *...яко же господь две цате оноя убогия вдовы.*— Подразумевается евангельский рассказ о вдове, отдавшей последние две монеты на нужды иерусалимского храма. Христос назвал ее дар самым большим (Марк, XII, 41—43).

Послание Алексею Саввичу

«Посланейце двоестрочно» составлялось в середине 30-х гг., точнее — до 1636 г., когда А. С. Романчуков (подробнее о нем см. ниже) в чине посланника был направлен в Персию. Судя по содержанию эпистолы, еще до отъезда за границу Романчуков был близок к царю, и Савватий искал с ним дружбы. «Посланейце» содержит акростих:

АЛЕКСЕЮ САВИЧЮ ЧЕРНЕЦ САВАТИИЩА ЧЕЛОМ БИЕТ. Ныне известны три его списка: 1. середины XVII в. БАН, Архангельское собр., № 527, л. 94—98 об.; 2. последней трети — конца XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 110—112; 3. ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 193 об.— 197.

Текст послания печатается впервые, по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380.

1 *Елень течет на источники водныя...* — цитата из Книги притчей Соломона.

2 *Аристотелския премудрости... естествословный устав весь.* — Возможно, поэт имеет в виду конкретную книгу — «Тайная тайных», известную также под названием «Аристотелевы врата». Книга эта была переведена в конце XV — начале XVI в. и вскоре осуждена церковью как еретическая.

3 *Адаманту камыку... покаряются...* — См. примеч. 4 на с. 399, Слово 2-е.

4 *Алавастр* (греч.) — алебастровый флакон с благовониями.

5 *...да простыми гранесами навершим...* — Отмечая здесь конец акростиха, поэт говорит, что продолжит послание обычными стихами («гранесами»).

6 *...аки в жажду анагри.* — Онагри (греч.) — дикие ослы.

О слабом обычае человечестем

Стихотворение написано в форме дидактического наставления другу, просившему укрепить «свой слабый обычай и нрав». Оно может быть датировано условно 30—40-ми гг. XVII в. Имя адресата выясняется из фразы — «звание бо твое «крепость божия» нарицается», чему соответствует еврейское «Кирилл». Сведения об адресате ограничены данным наставлением и в основном сводятся к следующему: это был начитанный светский человек средних лет из уважаемой благочестивой семьи, в которой занимал положение старшего брата.

Текст стихотворного наставления печатается впервые по рукописи последней трети XVII в. ГИМ, Муз. собр., № 2936, л. 186—196, 206—209 об.

1 *...во время подобно и неподобно младенец во чреве зачинается.* — Видимо, здесь идет речь об астрологическом учении — ятроматематике, согласно которому способности и характер человека ставились в зависимости от «благоприятного» или «неблагоприятного» расположения небесных светил в момент его зачатия и рождения.

2 *...врачебная художества...* — медицинские науки.

3 *...Илии пророка образ на себе имеет* — т. е. будет сожжен небесным огнем (см. примеч. 4 на с. 417).

4 *...в толковании нарицается «советник»... всея вселенныя проповедник.* — Имеется в виду апостол Павел. В толкованиях на Евангелие Григория Двоеслова он именуется «советником божиим» (от евр. Савл).

[5] *«Како убо... богу угодити»* — парафраз слов апостола Павла (Деяния, XXII, 19—20).

[6] *И паки благовестник вопиет...* — апостол Иоанн Богослов (см примеч. 1 на с. 427).

[7] *Аще кто токмо научит, а не сотворит...* — парафраз изречения Христа из Евангелия от Матфея (XXIII, 3—4).

[8] *...повелевает нам преже всякому себе учити...* — Это наставление читается в ряде «Поучений к иереям» — Григория Богослова, Иоанна Златоуста, а также Афанасия Александрийского (295—373).

[9] *...«врачю, исцелися сам»* — цитата из Евангелия от Луки (IV, 23).

[10] *Брат бо... яко град тверд бывает...* — цитата из Книги притчей Соломона (XVIII, 19).

[11] *Возрим, како... небо и земля стоят...* — Следует парафраз слов «Шестоднева» Иоанна, экзарха болгарского.

[12] *...ефирь же и вся небеса...* — Эфир — верхний чистейший слой воздуха (в противоположность нижнему слою — аеру).

[13] *Ипостась* (греч.) — букв. сущность.

[14] *И звание бо твое «крепость божия» нарицается...* — Кирилл (см. выше).

[15] *...по божественному писанию, «сын света»...* — парафраз слов апостола Павла: «Вси бо вы сынове света есте» (Первое послание к Солунянам, V, 5).

[16] *...идолом поклонися и на... мадиямку прелстился.* — Об этом повествует 3-я книга Царств (XI). Мадиане — кочевой народ, родственный Израилю.

[17] *Александр Афартос прелстися...* — Имеется в виду царь Сирии сын Антиоха IV Епифана (греч. Афартос — Несмелый). О его женитьбе на дочери египетского царя Птолемея Клеопатре рассказывается в Первой книге Маккавейской (XI, 58—60).

[18] *Ирод* — видимо, Ирод Великий, сын Антипатра, царь иудейский.

[19] *...нелепо рещи, аки Софрона.* — Сафрон (греч.) — больной, плохой; дрянь.

[20] *...всю силу свою жене своей отда.* — Легенда о Самсоне и Далиде, которая с помощью хитрости лишила его сказочной силы, приведена в библ. книге Судей Израилевых (XVI, 4—22).

[21] *...не успел ухватити своиво жребяти.* — Это кратчайшее переложение нескольких глав (VI—XV) библ. книги Иудифь.

[22] *...Александр царь макидонский* — Александр Македонский, прозванный «Великим» (356—323 до н. э.).

Послание архиерею, взыскующему мудрости

Послание составлено приблизительно в 30—40-е гг. XVII в. и адресовано настоятелю, по-видимому, одного из московских монастырей.

Адресат носил высокий сан — недаром он именуется «преподобством», «именитым отцом», имеющим «великоименитое звание». К поэту он был расположен по-дружески, приглашал его в гости и даже выслушивал от него философские наставления. Послание известно в двух списках последней трети XVII в. (ГБЛ, собр. А. П. Попова, ф. 236, № 70, л. 390—392 об. и ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 411, л. 195—197 об.).

Оно публикуется впервые, по более исправному списку Тихонравова.

1 *...божественный параклит* — божественный заступник, утешитель (от греч. «параклетос»).

2 *«Ищущему обретается, толкующему отверзается...»* — парафраз слов Христа: «Ищите и обрящете, толцыте, и отверзется вам» (Евангелие от Матфея, VII, 7).

3 *...добрый дидаскал* — хороший учитель.

От дидаскала некого к высокоумну

Стихотворение можно условно отнести к тому же периоду, что и предыдущее. По форме это — назидательное послание, обращенное к некоему «мудроумцу», отказавшему поэту в дружеском расположении. Настойчивая просьба к нему обозначена в акростихе: МИЛОСТИВО ПОЖАЛОВАТ УЧИНИТИ НАДО МНОЮ. Сохранилось несколько списков этого послания XVII — начала XVIII в. (ГБЛ, ф. 726, № 2; ГБЛ, ф. 299, № 380; БАН, Архангельское собр., № 527 и 210; ЦГАДА, ф. 181, № 250 и др.).

Текст послания «к высокоумну» печатается впервые, по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 114—115 об.

1 *...безлестно друг друга любили...* — контаминация из нескольких посланий апостола Павла.

Фрагмент послания некоему, обвиняющему в неразумном исправлении книг

Послание относится ко времени работы Савватия в Книжной справе (30—40-е гг.) и содержит его любопытные суждения по поводу своей профессиональной деятельности. Первая акростишная часть послания утрачена, однако по ее последним строкам можно предположить, что акростих завершался словами: ...<САВА>ТИИ ЧЕЛОМ БИЕТ. Вторая часть послания известна в двух списках конца XVII в.— ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 204 об.— 210 об. и ГБЛ, собр. А. Н. Попова, ф. 236, № 70, л. 374 об.— 380 об.

Текст сохранившегося фрагмента послания печатается впервые, по последнему из названных списков.

[1] *...человек пишется еллинским языком «анфропос»...* — Греч. ἄνθρωπος — человек.

[2] *...подобно есть морстей глубине...* — Источником стиха являются слова Ефрема Сирина: «Книги бо глубины морю подобни суть» (Слово святаго Ефрема како подобает слушати книг. — Измарагд. — Ч. I. — Л. 3 об.).

[3] *...человек человеком учим бывает...* — парафраз выражения: «Учаще учением человеческим» (Евангелие от Марка, VII, 7).

[4] *...еже рещи Домасковы похвала...* — Видимо, имеется в виду похвала знанию, читаемая в первой главе «Диалектики» Иоанна Дамаскина.

[5] *...в философском училищи не бывах и риторских строк не читах...* — традиционная оговорка многих древнерусских писателей-книжников.

Послание дьяку Василию Сергеевичу

Послание адресовано учителю царевича Алексея Михайловича, дьяку В. С. Прокофьеву, который состоял в этой должности с марта 1634 по ноябрь 1637 г. По мнению Л. С. Шептаева, исследовавшего и опубликовавшего памятник, он был составлен Савватием не позднее сентября 1634 г. В это время поэт еще не был справщиком и говорил о себе, что «пребывает в малом званейце». Акростих: ВАСИЛІИЮ ЦЕРГКЕВИЧЮ ЧЕРНЕЦ САВАТИИЩЕ ЧЕЛПМ БИЕТ.

Текст послания печатается по изд.: Шептаев. — С. 12—14 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250. л. 227 об. — 230).

[1] *По Соломону аки граду тверду быти* — выражение из библ. Книги притчей Соломона (XVIII, 19).

Послание дьяку Василию Львовичу

Дьяк В. Л. Волков принадлежал к верху приказной бюрократии. С начала 30-х гг. он служил в Оружейной, а затем в Серебряной палате. Адресуя ему послание, Савватий просил о том, чтобы Волков походатайствовал за него перед своим покровителем. Имя последнего означено в послании с помощью этимологических толкований, это — князь Алексей Михайлович Львов, ведавший с 1638 по март 1652 г. приказом Большого Дворца и Печатным двором. Строки послания В. Л. Волкову «связаны» акростихом: ВАСИЛІИЮ ЛВОИПЧЮ ЧЕРНЕЦ САВАТАИ ЧЕЛОМ ГИЕТ.

Текст послания печатается по изд.: Шептаев. — С. 14—16 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 230—233 об.).

[1] *Червит виссон...* — красит виссон (см. примеч. 4 на с. 427).

[2] *Статир* (статер) — греческая золотая и серебряная монета (средние века).

[3] *Звание же толкование менит.* — По Азбуковнику, значение «по-

собитель или толковник» придано имени Алексей (ГИМ, Муз. собр., № 439, л. 135).

[4] *Дукс* (лат.) — князь, государь.

[5] *Рождьшаго же имеет тезоименита лицу божию...* — Михаила (с евр.— «лицо божие»).

[6] *По реклу же именит твоему отцу...* — т. е. Львов.

[7] *Осмочастием* называлось грамматическое учение о восьми частях слова («Еже о осми частех слова»), приписывавшееся Иоанну Дамаскину.

[8] *Противу рожну прати невозможно* — греческая поговорка, с которой господь обратился к Савлу (Павлу), возводившему гонения на христиан (Деяния апостолов, IX, 5).

Послание князю Семену Ивановичу

Данная эпистолия написана в ответ на акростишное послание Савватию от князя Семена Ивановича Шаховского, по-видимому, где-то в 40-х гг. В ней Савватий утешает своего именитого адресата, просившего развеять сгустившееся над ним «облако уныния». Стихотворение содержит слегка искаженный акростих: КНЯЗЮ СЕМЕНУ ИВАНОВВЧЮ ЧЕРНЕЦ САВАТИИ ЧЕЛОМ БИЕТ.

Печатается по изд.: Шептаев.— С. 17 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 190—191).

Послание Михаилу

Произведение представляет собой обличительное послание бывшему ученику, который посещал дом Савватия, старательно записывал все, что ему «предподавали», а после не только возвел на своего учителя «поносныя глаголы», но и «грешныя труды» его приписал себе.

Послание Михаилу написано в первой половине XVII в. Дошедший до нас текст содержит испорченный позднейшими переписчиками акростих: МИХАИлУ ЧЕРНЕЦ САВАНЯТАИ <И>кИЧАИТСИ...

Печатается по изд.: Шептаев.— С. 18—20 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 243—246 об.).

[1] *...в... лукаву душу премудрость не вселится...* — выражение из библ. Книги притчей Соломона (XXIV).

Послание князю Алипию Никитичу

Можно предполагать, что послание было создано не позднее середины XVII столетия. О его адресате известно только то, что он был близок к царю, часто общался с Савватием, беседовал с ним о «божественных догматах» и, очевидно, покровительствовал ему. В тексте посла-

ния читается акростих: ГОСПОДАРЮ КНЯЗЮ АЛИПЮ НИКИТИЧЮ МНОГОГРЕЧ<НИ> <МО>НАХ САвАТИИЩЧ ПАДАП АА ЗЕМЛИ ЧЕЛоМ БИЕТ.

Печатается по изд.: Шептаев.— С. 21—22 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 191 об.— 193 об.).

[1] *Глагол убо багатаго всем людем сладок и приятен является...* — свободная интерпретация слов: «Богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша даже до облак» (Книга премудростей Иисуса сына Сирахова, XIII, 28).

[2] *Хрусалиф убо камык...* — См. примеч. 4 на с. 426.

Послание протопопу Никите Васильевичу

Никита Васильевич Кавадеев, которому адресовано послание, был известен в качестве духовника царя Михаила Федоровича и протопопа кремлевского Благовещенского собора (с янв. 1635 по апр. 1644 г.). По смерти Михаила — после 1645 г.— он принял постриг в монахи Троицкого Богоявленского монастыря под именем Никифор. Ясно, что Савватий составил свое послание задолго до ухода Никиты в монастырь; вероятно, в начале 40-х гг., когда в Москве в связи с приездом датского королевича Вольдемара горячо обсуждался вопрос об отношении православных к лютеранству и другим вероучениям. На это, в частности, указывает характер самого послания, в котором поэт просит показать царю написанные им вирши «о иноверных» и выражает надежду, что они могут быть напечатаны.

Текст послания печатается по изд.: Шептаев.— С. 22—24 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 239—242 об.).

[1] *В толкованиих победителному званию...* — т. е. Никите (см. примеч. 2 на с. 427.).

[2] *Рождьшему же тезоимениту бывшу царскому именованию.* — Отсюда следует, что отчество Никиты — Васильевич (см. примеч. 8 на с. 400.).

[3] *...по господню словеси водою и духом не крещены...* — Имеются в виду слова Иоанна Крестителя в Евангелии от Марка (I, 8).

[4] *...в последованном писании скажет...* — Имеется в виду Псалтырь особого состава — с последованием («восследованием»), включавшая помимо псалмов избранные песнопения, молитвы, поучения и т. д.

[5] *Аки жаждущую душу... студеною водою напаяти* — выражение из библ. Книги притчей Соломона (XXV, 26).

Послание царю Михаилу Федоровичу

Послание написано в период между осенью 1634-го — летом 1645 г. В жанровом отношении его можно определить как придворное «приветство». Текст послания содержит акростих: ПРЕРЛАВНОМУ И

БЛАГОЧЕСТИВОМУ ГОСПОДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАЙЛУ ФЕДОРОВИЧЮ ВСЕЯ РУСИИ<И> САМОДЕРЖЦУ РАДОВАТИСЯ...

Печатается по изд.: Шептаев.— С. 25—28 (по рукописи ГБЛ, ф. 299, № 380, л. 102—106).

1 *...твое царское звание реченно лице божие...*— Михаил (см. примеч. 5 на с. 432).

2 *Анфакс камык зелен видением...*— Анфракс (греч.) — рубин, прозрачный красный самоцвет, драгоценный камень; называя его «зеленым», поэт ошибается.

3 *Адамант камык дражае во всех камыцех...*— См. примеч. 4 на с. 399, Слово 2-е.

4 *Червию и виссом красятся...*— См. примеч. 4 на с. 427.

5 *...царская милость паче камени сапфира...*— Сапфир (греч.) — синий драгоценный камень.

6 *Да и рождьшее червишко наше... пребывает в твоем царском чину...*— Савватий говорит о своем сыне, состоящем на царской службе.

7 *...званием убогии* <Савватиища>*...*— В рукописи — «имярек».

Наставления ученику князю Михаилу Никитичу

Князь М. Н. Одоевский не достиг такого же высокого положения при дворе, как его отец Никита Иванович, управлявший в разные годы Казанским и Сибирским приказами, возглавлявший выборный совет по составлению известного Уложения 1649 г. Он умер в юном возрасте в ноябре 1653 г. Следовательно, адресованные ему наставления — «Прещение вкратце» и «Азбука отпускная» — могли быть составлены Савватием не позднее этого времени. Из наставлений явствует, что Савватий выполнял обязанности приходящего домашнего учителя М. Н. Одоевского. «Прещение вкратце» содержит акростих: КНЯЗю МИХАДЛУ НИКИТИЧЮ ЧЕРНЕЦ САвАТИИ РАДОВАТИСЯ; «Азбука отпускная» включает азбучный акростих (от буквы А до Щ).

Печатается по изд.: Панченко.— С. 248—252 (по рукописи БАН, Архангельское собр., № 527, л. 108—114).

1 *Свет убо есть и разум доброе учение...*— См. примеч. 2 на с. 425.

2 *...аки злат сосуд, бисера наполнен... аки сосуд скуделнии пуст...*— парафраз выражения из Второго послания апостола Павла к Тимофею (II, 20—21).

3 *...изрядным калигравством...*— В условиях России XVII в. владение каллиграфией (греч.) — искусством изящного начертания слов — имело большое практическое значение, но подлинными его мастерами становились немногие из тех, кто выработал в ученических штудиях красивый почерк

[4] *Дискос* (греч.) — круглое блюдо с крышкой, используемое в церковном ритуале символического пресуществления святых даров (Причастия).

АЛЕКСЕЙ РОМАНЧУКОВ

Алексей Саввич Романчуков был незаурядной личностью. Сын дьяка, ярославского помещика Саввы Юрьевича, он вместе с тремя своими братьями рьяно пошел по стопам отца, занимавшего видное положение в приказной бюрократии. В документах 1627 г. он значился «стряпчим с платьем», а через девять лет уже был назначен «малым послом» в Персию. В сентябре 1636 г. Романчуков присоединился к голштинскому посольству, также направлявшемуся к шаху. Секретарь голштинцев, Адам Олеарий, проявил интерес к общительному русскому посланнику. По его словам, это «был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку... Он также быстро... уразумел употребление астролябии и все то, что относится до высоты солнца, часов и геометрии» (ЧОИДР.— 1869.— Кн. 1.— Отд. IV.— С. 464—465). Считается, что по возвращении из Персии Романчуков вызвал на себя гнев государя, недовольного результатами переговоров с шахом. Угроза опалы или какая-то иная причина привела поэта к самоубийству.

Послание

По-видимому, послание было написано Романчуковым незадолго до смерти, о чем могут свидетельствовать звучащие в нем трагические ноты. Адресат его не известен. В тексте послания прочитывается начало акростиха: АЛЕШКА РАМАНЧУКОВ...

Печатается по изд.: Панченко.— С. 243 (по рукописи ГБЛ, ф. 299, № 380, л. 108 об.— 109, где произведение объединено с другими виршевыми посланиями под общим заглавием «Послания многоразлична»).

[1] *Ерихона животнаго стены разрушаются...*— О падении стен древнего Иерихона от звука труб израильских воинов рассказывает библейская легенда. В толкованиях христианских апологетов и отцов церкви это событие приобрело характер многозначного символа; в данном случае имеется в виду «разрушение» человеческой плоти, тела.

[2] *Прузи* — саранча (образ не лишен эсхатологического оттенка).

[3] *...даже и фригийския претвердыя стены падоша...*— Фригия — древнее государство в центральной Малой Азии. Здесь идет речь либо о завоевании Фригии войсками Александра Македонского (334—333 до н. э.), либо о ее превращении в римскую провинцию (ок. 25 до н. э.).

Запись в альбом Гартману Грамману

Доктор медицины из Тюрингии Гартман Грамман состоял в должности лейб-медика голштинского посольства 1637—1639 гг. в Россию и Персию, во время которого познакомился с Алексеем Романчуковым. Стихотворная запись в альбом Граммана сделана Романчуковым 15 января 1638 г., как сам он писал,— «для памяти дружелюбныя Голштенския земли дохтура Артъмана Грамба. Всякому прочитающему напоминаю, что пять месяцов я, Алексей, одержим был febris stranguria, сииречь студеною дорогушею (т. е. лихорадкой.— *В. Б.*, *А. И.*). И тот дохтор... мне пособил». Составляя «дружелюбные» вирши, поэт продемонстрировал незаурядную технику: начальные слова стихотворения он повторил в акростихе — НЕ ДИВНО.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 35 (по рукописи ГБЛ, собр. А. С. Норова, ф. 201, № 40, л. 47—47 об.).

НАФАНАИЛ

Послание

Об авторе и адресате послания ничего не известно; во всех известных списках оно читается в составе «Посланий многоразличных». Один из таких списков (ГБЛ, ф. 726, № 2) относится к первой половине XVII в. Акростих: НАФАНАИЛ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 242 (по рукописи ГБЛ, ф. 299, № 380, л. 108).

МАРТИРИЙ

Послание

Стихотворение входит в состав «Посланий многоразличных»; достоверных сведений о его составителе и адресате также нет. Акростих: МАРТИРИИ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 242—243.

[1] *Иисусовым именем сей токмо побеждается...*— Ср. слова Иоанна Лествичника: «Иисусовым именем бий ратники, крепчайши бо сего оружия несть».

МАРДАРИЙ

Послание

Стихотворение входит в состав «Посланий многоразличных»; о его авторе и адресате сведений нет. Акростих: МАРДАРИИ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 243.

МИХАИЛ ЗЛОБИН

Известия о жизни и деятельности Михаила Злобина весьма ограниченны. Безусловно, он принадлежал к большой приказной семье Злобиных: только в первой половине XVII в. в ней значились подьячие и дьяки Афанасий, Иван, Никита, Семен, Федор и др. В 1638 г. поэт служил подьячим Посольского приказа, владел собственным двором в Москве. Круг адресатов и литературных оппонентов Злобина свидетельствует, что в 30—40-е гг. он имел влиятельных покровителей, был связан с сотрудниками Книжной справы (по крайней мере, с одним из них — Савватием). Последнее известие о Злобине относится к 1664 г.: по данным Приходной книги Печатного двора, 11 марта этого года он купил за пять серебряных рублей только что изданную в Москве Библию.

Послание дьяку Василию Львовичу

О дьяке В. Л. Волкове уже шла речь в связи с комментированием послания ему Савватия. Как и Савватий, Злобин просит Волкова быть посредником между ним и своим «жалователем» (имеется в виду князь А. М. Львов), чтобы тот помог ему, оклеветанному и «неимущему», «в местечко сести». Про Львова в послании сказано, что царь возложил на него «многое бремя» и великую «честь урядства». Отсюда следует, что послание было написано Злобиным, когда Львов еще исполнял должность дворецкого, т. е. до 1652 г. В тексте памятника читается акростих: ВАСИЛИЮ ЛВОВИЧЮ МИХАЛКО ЗЛОБИН ЧЕЛОМ БИЕТ. Ныне известны три его списка конца XVII в.— ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 235—238 об.; ГБЛ, ф. 236, № 70, л. 369—373 и ГБЛ, ф. 299, № 411, л. 200—204 об.

В основу настоящего издания положен последний список. Текст печатается впервые.

[1] *Омакая кто с кем руку в солило...*— выражение из библ. Книги премудростей Иисуса сына Сирахова (XXXI, 16).

[2] *...тезоименито бо высоте твое звание...*— Василий (греч.) — царственный; здесь — в перенос. смысле: высочайший.

[3] *...не всякому духу верити повелевает, но паче искушати... подобает* — парафраз изречения Иоанна Богослова (Первое Соборное послание, IV, 1).

[4] *...погубит господь вся, глаголющая лжу...*— цитата из Псалтыри (V, 6).

[5] *Фиял* (греч.) — чаша, бокал с широким дном.

Дружеское послание Алексею Саввичу
Прошение Михалка Злобина

Послание написано в конце 30-х гг. XVII в., по-видимому, в период совместной службы Михаила Злобина и Алексея Романчукова в Посольском приказе. В нем употреблен акростих: АЛЕКСЕИ САВИЧ ПОЖАЛУИ МИХАЛКУ ВИНЦА КАК ТЕБЕ БОГ ИЗВЕСТИТ. «Прошение» сохранилось в нескольких списках — ГБЛ, ф. 299, № 389, л. 112—112 об.; БАН, Архангельское собр., № 527, л. 99—100 об. (конца XVII в.) и др.

Текст «Прошения» печатается впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, ф. 726, № 2, л. 208 об.— 209.

[1] *Кроники...*— Имеются в виду хроники или хронографы — книги, описывающие события мировой истории в их временной последовательности (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы.— Л., 1975).

Ино <послание> ко иному о щедротстве

Послание не содержит имен автора и адресата. Однако оно включает в себя ряд выражений, поэтических приемов, свойственных стихам Михаила Злобина. Кроме того, в рукописях ГБЛ, ф. 299, № 380 и БАН, Архангельское собр., № 527 оно следует непосредственно за текстом «Прошения Михалка Злобина». Послание «о щедротстве» содержит акростих: СОВЕРШИ ГОСПОДАР СВОЕ МИЛОСТИВОЕ КО МНЕ СЛОВО ЕЖЕ ОБЕЩА ЗСУДИТИ.

Печатается впервые, по рукописи конца XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 113—114.

[1] *Его же лествица утверждена к богу...*— Лестница — средневековый символ духовного самосовершенствования человека.

АГАФОН ТИМОФЕЕВ

По-видимому, Агафон Тимофеев принадлежал к большой семье приказных служащих, представители которой еще в XVI в. поверстывались в подьячие или в дьяки. Сведения о нем немногочисленны. Известно, что в 1631 г. он был переведен из Тобольска в Москву, чтобы «быти... на Печатном дворе у государева дела у книжной справки». Тут он встретился с целой кагортой московских стихотворцев — справщиком Савватием, Стефаном Горчаком, иеромонахом Федором Кузьмичом и др. Буквально за три года до назначения Тимофеева на службу в это привилегированное ведомство здесь трудился его племянник Григорий Анисимов (тот самый «Гришка от книжныя справки», который по приказу патриарха в 1627 г. вместе с богоявленским игуменом Ильей диспутировал с киевским ученым Лаврентием Зизанием о догматичес-

ких «погрешностях» написанного им Катехизиса). В том же году Григорий был зачислен в Приказ Казанского дворца, а в 1638 г. сюда же получил перевод и Агафон Тимофеев. С этого момента дороги дяди и племянника, кажется, окончательно сошлись. В бывшем собрании Троице-Сергиевой лавры (ныне ГБЛ, ф. 304, № 151) имеется рукопись со следующей записью: «Продал сию книгу, глаголемую Андреятис, *по приказу* дяди своего Агафоника Тимофеевича подъячево племянник Гришка Анисимов лета 7148 (1639) декабря в 18 день». Последний раз имя Тимофеева упоминается в разряде Казанского приказа летом 1645 г. Видимо, вскоре после этого времени он умер. Агафон Тимофеев значится автором двух прозаических посланий — Суздальскому архиепископу Серапиону «о единогласном пении» и «своему духовному отцу, кир Иакову, по грамматическим вопросам». Хотя не исключено, что среди русских книжников XVII в. у нашего поэта были тезки.

Послание боярину Борису Ивановичу

Судя по некоторым признакам, по тому, какими «титулами» наделяется адресат («твое благородие», «твоя милость», творитель «Авраамля дела», т. е. наставник и семейный патриарх, «самый благоразсудный» судья), речь идет о воспитателе царевича Алексея Михайловича, боярине Б. И. Морозове. Послание ему могло быть написано не ранее конечных чисел мая 1633 г., когда Морозов возглавил управление Большой Царской мастерской палатой. Тимофеев, «от язв ударений бедный», слезно молит именитого боярина милостиво выслушать его просьбу (очевидно, жалобу на обидчика). Акростих: ГОСПОДАРЮ БОРИСУ ИВАНОВИЧЮ БИЕТ ЧЕЛОМ АГАФОНКО ТИМОФЕЕВ.

Печатается впервые, по рукописи первой половины XVII в. ГБЛ, собр. И. К. Андронова, № 2, л. 223 об.— 224 об.

[1] *Любов убо, по апостолу, и есть и глаголется сам бог...*— цитата из Соборного послания Иоанна Богослова (IV, 8).

[2] *Фалию подобный...*— Фалей, библейский персонаж, родственник Авраама.

[3] *...в слезосоставной сей хартийцы...*— Хартия (греч.) — бумага, на которой написана рукопись.

МИХАИЛ РОГОВ

Михаил Стефанович Рогов (или Рогуев) был заметной фигурой в культурной жизни России второй четверти XVII в. Протопоп собора Черниговских чудотворцев в Москве, он также принимал активное участие в работе Книжной справы. С конца 1639 г. Рогов становится, наряду с Иваном Наседкой, ее ведущим сотрудником. К этому времени он снискал себе особое расположение патриарха Иоасафа (ум. в 1642),

покровительство которого позволило Рогову сделаться фактическим главой над остальными справщиками. В 1644 г. писатель «с товарищи» бурно диспутировал о вере с духовником датского королевича Вольдемара, пастором Матвеем Фельхабером. А еще через пять лет — в ноябре 1649-го — его постигла опала: по проискам Никона, занимавшего тогда новгородскую кафедру, Рогов был лишен скуфьи и удален с Печатного двора. Формальной причиной для этого послужили стихи Рогова, напечатанные им в «Кирилловой книге», в коих говорилось, что грешники могут покаяться и получить прощение. Сцену суда над Роговым ярко описал знаменитый протопоп Аввакум: «Никон возился над ним (Роговым.— *В. Б., А. И.*), скуфию снимал и проклинал ево, а он плакал, каяся, и то дело и плюнуть не на што!» Однако, несмотря на случившееся, Рогов не утратил положения и в июле 1650 г. вместе с избранными людьми был направлен правительством в Псков, на подавление вспыхнувшего там мятежа. На этом документальные известия о нем обрываются. Погиб ли он в Пскове, неизвестно.

Предисловие к «Кирилловой книге»

Свое название «Кириллова книга» (М., 1644) получила от имени Кирилла Иерусалимского (IV в.), раннехристианского церковного деятеля и писателя-богослова, творения которого были в нее включены. Издание книги осуществлялось в программе общей подготовки к встрече в Москве королевича Вольдемара. Среди литературных источников книги особо выделяется трактат Ивана Наседки «Изложение на люторы» и стихотворный комментарий к нему. Последний, судя по всему, был активно использован Роговым при написании своего виршевого предисловия (хотя не исключено, что Наседка принимал и непосредственное участие в его составлении). Предисловие содержит акростих: ГОСПОДАРЕВ ЦАРЕВ РАБОТНИК И ВАМ БОЖЕСТВЕННаГ<О> ЗаКОНА ИСТ<И>ННМ РАЧИТЕЛЕМ И ЛЮБИТЕЛЕМ О БОЗЕ РАДОВАТИсЯ и ВЕСЕЛИТИСЯ А ВРАГОМ Божественнаго КРЕСТА ХРИсТОВА И РАЗВРАТНИКОМ Нашему же християньскому закону НаШЕЯ ПРАВОСЛАВНиЯ ХРИСТИяНСКИЯ ВЕРы СКОРБЕТИ И ПЕЧАлОВАТИ.

Печатается по изд.: Кириллова книга.— М., 1644.— Л. 6—14; 14 об.— 15.

[1] Об *Арии* см. примеч. 8 на с. 405.

[2] *Савелий* — епископ города Птолемаиды в Ливане (250—260 гг.). еретик, учивший, что у бога одна сущность и одно лицо, которое может иметь лишь разные проявления (к примеру, в Троице).

[3] *Весь убо Восток прельстил окаянный Бахмет...*— Имеется в виду Мухаммед (ок. 570—632), видный арабский религиозный и государственный деятель; мусульмане считают его мессией — «посланником

Аллаха» и пророком, основателем ислама, автором священного Корана.

[4] *Агарянами* называли восточные народы, якобы происходящие от библейской Агари, рабыни и внебрачной жены Авраама.

[5] *...окаянный папа Формос...* — См. примеч. 1 на с. 404.

[6] *Злый же убо Петр Гугнивый...* — См. примеч. 2 на с. 404.

[7] *Лютор Мартин* — См. примеч. 1 на с. 403.

[8] *Рода ради, тезоименита себе...* — т. е. христианского рода.

[9] *Калвин* — См. примеч. 2 на с. 403.

[10] *Михаил Сервет* — Мигель Сервет (1509—1553), выдающийся испанский богослов и ученый, которому принадлежит открытие малого круга кровообращения (сердце — легкие — сердце). Как христианский мыслитель, он выступал против догмата о триединстве божества, против жестокости инквизиции и некоторых реформаторов, чем вызвал на себя гнев и католиков и протестантов. См. примеч. 4 на с. 404.

[11] *Фряги* — представители латинской, западной культуры.

[12] *Несторий* — антиохийский священник, возведенный в 428 г. в епископы Константинопольские, еретик, учивший, что Дева Мария не является богородицей и что Христос — простой человек, который постепенно становился богом. Несторий и его последователи были осуждены Вселенским собором 431 г., сам «ересиарх» сослан в Египет, где и умер в 440 г.

ЛАРИОН И ФЕОКТИСТ

К сожалению, о жизни этих стихотворцев ничего не известно, кроме того, что оба они были монахами. Литературный характер их переписки, бесспорно, указывает на то, что они принадлежали к приказной школе поэзии 30—40-х гг. По наблюдениям А. М. Панченко, эпистолии Лариона и Феоктиста, «во-первых, наглядно демонстрируют, как частный акростих становится образцовым. В результате его жанровая функция многократно усиливается. Во-вторых, в акростихе Феоктиста появляются рифмы. Это явление для приказной школы не типично» (Панченко.— С. 74). И все же вкус к рифмованному акростиху русские поэты второй половины XVII в. унаследовали от своих предшественников — стихотворцев-дисметриков, каким, в частности, был старец Феоктист.

От Лариона к Феоктисту

Сохранилось четыре списка этого послания: ГБЛ, ф. 299, № 380; БАН, Архангельское собр., № 527, № 210; ГПБ, Софийское собр., № 1546, которые относятся к концу XVII—XVIII в. Акростих: СТАРЕЦ ГОСПОДАР ФЕОКТИСТ ДАИ МИ КНИГУ СПИСАТ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 259—260 (по рукописи ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 125—125 об.).

[1] *...та азбука и послание лаодикийское...* — По-видимому, речь идет о так называемом Азбучном стихе (типа: «А: Аз бо есмь. Б: Бога живаго сын. В: Виде славу божию» и т. д.), а также о «Лаодикийском послании» Федора Курицына — дьяка, ведавшего посольскими делами (до 1500 г.) при Иване III и бывшего главою московских еретиков-«жидовствующих» (см.: ПЛДР: Вторая половина XV в.— М., 1982.— С. 538, 675—676).

От Феоктиста к Лариону старцу отвещание

Известно семь списков «отвещания» Феоктиста: первой половины XVII в.— ГБЛ, ф. 726, № 2; последней трети XVII—XVIII в.— ГБЛ, ф. 299, № 380; БАН, Архангельское собр., № 527 и № 210; ГПБ, Софийское собр., № 1546; ГИМ, Муз. собр., № 2936; ГБЛ, ф. 299, № 411. Акростих: СТАРЕЦ ГОСПОДАР ПОТРУЖЕННАЯ ТОБОЮ ЛЮБЕЗНЕ ВОСПРИЯХ И ПРОТИВУ ТВОЕГО АЩЕ И НЕ ТАКО НО АБАЧЕ ВОСПИСАХ ТИ ВСЯКО ТоЖЕ МЯ В ТОМ ПРОСТИ И НИКОМУ ЖЕ ВОЗВЕСТИ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 260—262 (по рукописи ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 380, л. 125 об.— 129 об.).

[1] *...побеждает мысленнаго Аммалика.*— Амалик — вождь амаликитян, населявших земли между Палестиной и Египтом. По библейскому преданию, амаликитяне были побеждены Моисеем.

ПЕТР САМСОНОВ

Петр Самсонов происходил из митрополичьих детей боярских. Еще в конце XVI в. он имел поместье в Ростовском уезде, о чем сообщают писцовые книги того времени. В мае 1615 г. Самсонов уже в чине подьячего был вместе с Федором Беседным дозорщиком в Вологодском уезде. В последующем Самсонов успешно строил свою служебную карьеру, видимо, не без поддержки патриарха Филарета. Так, в апреле 1625 г. он значился подьячим, а с 28 сентября 1631 г.— уже дьяком Патриаршего дворцового приказа. В том же звании им подписана патриаршая («государева святительская») грамота 1632 г., направленная в Нижний Новгород, в которой было «велено в Печерском монастыре каменной храм строити». На этом сведения о Самсонове в официальных документах прерываются. Не исключено, что, лишившись своего покровителя, Самсонов попал в опалу, был удален из Москвы, после чего им и была написана большая часть его акростишных посланий.

Послания Михаилу Стефановичу

Обе эпистолы М. С. Рогову могут быть датированы приблизительно 40-ми гг. XVII в. Первая содержит похвалы любомудрию адресата,

в ней читается акростих: МИХАИЛУ СТЕФАНОВИЧУ РАДОВАТИСЯ ПРИСНО ПЕТРУША САМСОНОВ ЧЕЛОМ БАЮ. Второе послание — утешительное, оно написано в связи со смертью сына Рогова; в его тексте также имеется акростих: МИХАИ<л> СТЕФАНоВИЧ НЕ СКОРБ<и> О ЧАДЕ СВОЕМ.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 263—264 (по рукописи ЦГАДА ф. 181, № 250, л. 249—251 об.).

[1] *...книгу, иже списа премудрый грек Максим.*— Имеется в виду один из рукописных сборников произведений Максима Грека (ок. 1470—1556), выдающегося русского писателя и переводчика.

[2] *...господь даде — той взят...*— парафраз изречения «господь дает, господь и отъяст» из библ. книги Иова.

[3] *...их же любит господь, тех и наказует...*— цитата из Послания апостола Павла к Евреям (XII, 6).

Послание Фоме Стефановичу

Грамотка, писана сопротив написания, извитье лукавством

«Грамотка» представляет собой ответ на обличительное послание Фомы Стефановича, о котором ничего не известно. Почтительный по тону акростих — ФОМЕ СтЕФАНОВИЧЮ РАДОВАТИСЯ ПЕТРУШКА САМСОНОВ ЧЕЛОМ БИЕТ — резко диссонирует с содержанием «грамотки».

Печатается по изд.: Панченко.— С. 265 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 255—256 об.).

Послание Василию Иосифовичу

В послании Василию Иосифовичу, человеку близкому ко двору, выражена просьба о заступничестве от лютых врагов, бывших когда-то «любезными друзьями» поэта. Акростих: ВАСИЛИЮ ИОСИФОВИЧУ РАДОВАТИСЯ ПЕТРУША САМ<СОНОВ ЧЕЛОМ БИЕТ>. Известно два списка памятника конца XVII в.: ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 252—253 и ГИМ, Муз. собр., № 1209, л. 253 об.— 254 об. Текст печатается впервые, по гимовскому списку.

Послание Михаилу Федоровичу

Послание атрибутируется Самсонову условно: в единственной рукописи ГИМ (собр. Е. Е. Барсова, № 470), где на листах 21 об.— 22 читается это произведение, его текст замыкает цикл самсоновских посланий. Оно адресовано высокоименитому «другу» (акростих: МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧЮ...), в котором, однако, не следует усматривать царя Михаила Федоровича, так как обращение к царю требовало бы совсем иной этикетной формы.

Печатается впервые, по названной выше рукописи XVII в.

Послание Ивану Киприановичу

Как следует из послания, Иван Киприанович — один из бывших «доброхотов» Самсонова, у коих он искал поддержки, просил вызволить его из трудного положения. Послание содержит ряд смутных намеков, касающихся биографии поэта. Так, можно понять, что главной причиной постигших его невзгод сам он считал свою давнюю службу самозванцу — Лжедмитрию I. Акростих: ПОЩАДИ ИВАН КИПРИАНОВНЧ ВЕЛИ БыТИ <П>ЕТРУШКА САМСОНОВ ЧЕЛОМ БИЕК.

Печатается по изд.: Панченко.— С. 266 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 256 об.— 258).

[1] *...еретик рострига Гришка.—* Самсонов придерживается версии, что Лжедмитрий I был беглым иеродьяконом Чудова монастыря, Григорием Отрепьевым.

[2] *...треклятому Сатурнусу подклонишася.—* Сатурн (бог времени), во имя сохранения верховной власти пожиравший своих детей; в римской мифологии отождествлен с греческим Кроносом.

Послание Григорию Евдокимовичу

Послание написано в духе практических наставлений юному ученику, приготовляемому к государственной службе. Об адресате ничего не известно. Акростих: ГРИГОРИю ЕвДОКИМОВИЧЮ РАДОВАТИСЛ ПЕТРУША САМСОНОВ ЧЕЛОМ БИЕТ. Печатается по изд.: Панченко.— С. 267 (по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 258—259 об.).

Послание Михаилу Игнатьевичу

Сведения о Михаиле Игнатьевиче пока ограничены теми замечаниями о нем, какие прочитываются в послании. Это — почтенный отец семейства, преуспевающий чиновник, состоящий при важной особе (возможно, при каком-то митрополите или патриархе). Послание к нему составлено с сугубо практической целью, на что указывает акростих: МИХАИЛУ ИГНАТИЕВИЧУ РАДОВАТИСЯ ВЕЛИ ГОСПОДАР ПЕТРУШКЕ ДАТИ ЗАПАСЦУ КАК ТЕБЕ БОГ ИЗВЕСТИТ. Печатается по изд.: Панченко.— С. 268—269 (по рукописи ГИМ, собр. Е. Е. Барсова, № 470, л. 19—21).

[1] *Инорога ли тя святости того добродетели уподобим...—* Единорог — мифическое животное с рогом во лбу. Согласно Физиологу и Азбуковникам, символизировал силу и целомудрие (ср. также в Библии: Числа XXIII, 22; Второзаконие XXXIII, 17; Иов XXXIX, 9—11); «духовным единорогом» именовался Христос.

МИХАИЛ ИГНАТЬЕВИЧ

Ответ Петру Самсонову

На просьбу Самсонова о получении «запасца» Михаил Игнатьевич ответил позитивно, сказав об этом в столь же изысканной — акро-

стишной форме: ПРИКАЗАЛ ДАТИ. Печатается по изд.: П а н ч е н к о.— С. 269 (по рукописи ГИМ, собр. Е. Е. Барсова, № 470, л. 21—21 об.).

[1] *...мамоне...*— богатству.

ЕРМОЛАЙ АЗАНЧЕЕВ

Биографические сведения о Ермолае Азанчееве очень фрагментарны. Вообще первые известия о нем представляют нам человека, уже прошедшего добрую половину своего жизненного пути, занимающего прочное социальное положение. До наших дней сохранилась Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г., в которой есть следующая запись: «163 (1655) году апреля в... день келарь старец Арсений Суханов дал вкладу в дом живоначалныя Троицы конь сер по цене за 12 рублев, и тот конь отдан на службу великаго государя слуге Ермолаю Азанчееву...»

Следовательно, в 1655 г. Азанчеев служил при царском дворе, по-видимому, в качестве конюха (мог быть он и в чине стремянного). В 1657 г. он впервые был жалован от государя поместьем, т. е., как подтверждается родословной Азанчеевых, явился фактическим родоначальником этой дворянской династии. О литературных занятиях и связях Азанчеева судить трудно, поскольку пока найдено лишь одно написанное им стихотворение. Но немаловажно, что составлено оно достаточно уверенной рукою и адресовано талантливому писателю, каким был автор «Новой повести о преславном Российском царстве» (1611), дьяк Марк Иванович Поздеев.

Послание Марку Ивановичу

Послание написано в ответ на неизвестную нам эпистолию дьяка М. И. Поздеева (ср.: «радостию приях твое прежнее ко мне начертание») приблизительно в первой половине — середине 40-х гг.: до этого времени (до 1644 г.) Поздеев еще служил в Разбойном приказе и упоминался в боярских и разрядных книгах, а далее его имя в них уже не встречается. В послании о нем говорится как о человеке весьма преклонного возраста. Акростих: ГОСПОДАРЮ МАРКУ ИВАНОВиЧЮ ЕРМОЛКА АЗАНЧЕЕВ ЧЕЛОМ БИЕТ.

Печатается впервые, по рукописи XVII в. ГИМ, Чудовское собр., № 359, л. 9 об.— 11.

[1] *И с твоими государьскими домочады...*— Известно, что М. И. Поздеев был женат, имел детей; одного из сыновей звали Иваном.

ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ

В октябре 1617 г. в Вологде, в семье стрельца, родился мальчик, имя которого стало последним всполохом в длинном каскаде самозванческих авантюр, вызванных эпохой «Смуты». Тимофей Демидович Акундинов получил начальное воспитание в доме вологодского архиепископа

Варлаама, затем служил подьячим в Москве. В 1645 г., после падения своего покровителя — дьяка Ивана Патрикеева, он бежал в Литву, где выдал себя за воеводу вологодского и наместника великопермского. Свой вояж по загранице новоявленный авантюрист начал с Молдавии, откуда вскоре перебрался в Константинополь. Там Акундинов провел три года, объявляя себя прямым потомком царя Василия Шуйского (то его сыном Семеном, то внуком Иоанном-Тимофеем). В Турции Акундинов принял магометанство, но это не спасало его от надвигавшейся опасности разоблачения. Поэтому, заручившись поддержкой сербов, он отправился в Рим, где перешел в католичество. Потом он скитался по Австрии, Трансильвании, Украине, подвизался при дворе шведского короля (уже в качестве лютеранина). Затем Акундинов направляется в Пруссию и Голштинию. Голштинский герцог выдал его московскому правительству в обмен на некоторые привилегии в торговле. В 1653 г. Акундинов был четвертован.

Декларация Московскому посольству

Находясь в Константинополе, Тимофей Акундинов (девятнадцатый по счету лжецаревич) вступил в переговоры с русскими дипломатами, стольником Телепневым и дьяком Кузовлевым, которым 11 декабря 1646 г. вручил свою стихотворную декларацию.

Печатается по изд.: Силлабика.— С. 87—90 (по рукописи ЦГАДА, ф. 149, № 73).

[1] *...Давыд... шол смело против страшного Галиада...*— По библейской легенде, юноша Давид, будущий царь Израиля, убил камнем из пращи филистимлянского исполина Голиафа (1-я книга Царств, XVII, 40—50).

[2] *...турсково Ибрагим султана...*— Ибрагим — султан Оттоманской Порты (1615—1648).

[3] *...крал Аполон Тирский* — герой переводной повести, известной русскому читателю по сборнику «Римские деяния». Аполлонию Тирскому пришлось пройти через многие странствия и приключения.

[4] *...Овиан, цесарь Римский* — персонаж из «Римских деяний», усомнившийся в справедливости евангельского изречения: «богатии обнищаша и нищии обогатеша», за что был сурово наказан богом — лишился своего престола и долго странствовал в нищете.

[5] *На Филарета митрополита...*— Имеется в виду патриарх Филарет (1619—1633). Акундинов называет Филарета «митрополитом» намеренно, не признавая за ним патриаршего сана, которым он был наречен трижды: в 1606, 1608 и 1619 г.

[6] *...гордому королевичу польскому...*— Имеется в виду сын польского короля Сигизмунда III Владислав (1595—1648). В августе 1610 г. земский собор под давлением боярской думы избрал Владислава на русский престол.

[7] *...тушинскому вору...* — Речь идет о Лжедмитрии II (Матюше Веревкине, или Дмитрии Нагом), который претендовал на московский трон, когда в 1608 г. несколько месяцев стоял с польско-казачьим войском у самых стен Москвы — в Тушине. Отсюда его прозвище — «Тушинский вор». Убит в Калуге 11 декабря 1610 г.

[8] *...кто ся власти противляет... богу ся противляет* — цитата из Послания апостола Павла к Римлянам (XIII, 2).

ЕВФИМИЯ СМОЛЕНСКАЯ

«Бунташный» XVII в. произвел решительные перемены во взглядах и самой психологии русского общества; он вызвал к жизни идею «ценности человеческой личности самой по себе, вне зависимости от ее официального положения» (Д. С. Лихачев). Одним из проявлений возрастания личностного начала в русской литературе этого времени явилось более активное приобщение к литературному труду женщин. Среди них особо выделяется «смоленская» поэтесса Евфимия — едва ли не первая русская женщина, показавшая свой бесспорный талант в виршевом стихотворстве. Сведения о Евфимии крайне скудны. Жена священника, мать троих детей, она в 1654 г. оказалась разлученной с любимым супругом, после того как Смоленск был взят войсками царя Алексея Михайловича и многие его исконные жители насильственно разосланы по другим городам России. Правда, сама Евфимия, судя по ее словам, была родом не из Смоленска (ср.: «во граде, где не родися...»). Стремясь вызволить мужа из плена, она написала пронизанную неподдельным лиризмом «Молитву господу богу... и песнь плачевную», которая могла адресоваться либо царю и патриарху, либо кому-то из их приближенных. «Молитва» свидетельствует о высокой образованности Евфимии, ее хорошем знакомстве не только с традиционной книжностью и духовной поэзией, но и с некоторыми приемами западного — схоластического искусства (в частности, со школьными диалогами и декламациями). Как сложилась судьба Евфимии и ее семейства в дальнейшем, не известно.

Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная

В жанровом отношении данное произведение неординарно: оно сочетает в себе литературную молитву «о разлучении супружества» (ср. у С. И. Шаховского), традиционную форму плача и элементы театрального диалога (или декламации), непременными участниками которого являются «отроки». «Детская речь способна вызывать особое умиление у слушателей»,— отмечали теоретики школьного театра, и Евфимия могла знать подобные суждения. В рукописи последней трети XVII в. ГБЛ (собр. Н. С. Тихонравова, № 249) «Молитва» Евфимии (л. 266 об.— 271 об.) читается в общем корпусе произведений, посвя-

щенных взятию в сентябре 1654 г. Смоленска войсками царя Алексея Михайловича.

Текст «Молитвы» печатается впервые, по указанному списку.

[1] *Воспевати... на глас Прекрасныя пустыни и Прекраснаго Иосифа.* — Имеются в виду духовные стихи, входившие уже в XVI в. в круг самых популярных среди русских мирян внецерковных песнопений. Стих «Прекрасная пустыня» прославлял идеал аскетического уединения, «пустынножительства»; стих «Иосиф Прекрасный, странник» имеет в своей основе библейский сюжет о том, как Иосиф, сын Иакова, был сначала избит и брошен в глубокий колодец, а потом продан в рабство своими же старшими братьями.

[2] *...именуемый Савин.* — Видимо, это субстантивированное прилагательное (значит, мужа Евфимии звали Саввой).

[3] *...в Вифании...* — Подразумевается текст из Евангелия от Матфея (XXI, 15—17). Вифания — селение на склоне горы Елеонской в 3 км от Иерусалима.

[4] *Осанна в вышних грядый...* — молитвенное восклицание; осанна (евр.) — спаси же, о господи!

[5] *...яко мытарь...* — Подразумевается евангельская притча о мытаре и фарисее: «Мытарь... бияше перси своя, глаголя: боже, милостив буди мне грешнику!» (Еванг. от Луки, XVIII, 13).

[6] *...и яко хананея...* — Хананеи — жители Ханаана (Палестины), покоренные израильтянами (библ.).

АЛЕКСЕЙ ОНУФРИЕВ

Алексей Захарьевич Онуфриев был сыном дьяка Казенного приказа, «пожалованного» в эту должность из торговых людей. Сам Алексей в 50-е годы XVII в. служил подьячим в приказе Большого дворца. По своему служебному статусу он мог иметь деловые связи с Книжной справой. Однако если это еще нуждается в подтверждении, то его творческие связи с московским центром стихотворства, каким в те годы оставалась Книжная справа, почти не вызывают сомнения.

Стихи двоестрочни о книзе сей...
Стихи кресту господню похвални двоестрочни
Ини стихи всечестному и животворящему кресту господню...
Молитва честному и животворящему кресту

Цикл стихотворений, по мнению его исследователя С. И. Николаева, был написан Онуфриевым по случаю основания патриархом Никоном (1652—1667) в 1656 г. на о. Кие на Белом море Крестного монастыря в память о своем спасении от бури на этом острове еще в 30-е гг. По-видимому, стихи предназначались в качестве предисловия для книги, излагавшей историю создания монастыря, известной под названием «Сказание о святем и животворящем кресте господни, что в Крестном монастыри». «Ини стихи...» содержат акростих: СЛОЗИ ПРИКАЗУ

БОЛШАГО ДВОРЦА ПОДИАЧЕГО АЛЕКСИЯ ЗАХАРИЕВА СИНА АНОФРИЕВА ПЕРВОЕ ПИСАСЯ В СЛАВУ КРЕСТУ.

Печатается по изд.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII века// ТОДРЛ.— Л., 1985.— Т. XXXIX.— С. 373—376 (по рукописи ГПБ, Q. XVII. 227, л. 23—27; «Молитва» — по рукописи ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 21—22).

[1] *Иногда Константин пред полки ношаше...*— Имеется в виду византийский император Константин Великий (306—337).

[2] Имеется в виду царевич Алексей Алексеевич (1654—1670).

Анонимное стихотворство

В этот раздел включены произведения виршевой поэзии, авторская принадлежность которых не установлена. Некоторые из них обнаруживают частичные текстовые совпадения с прокомментированными выше авторскими стихотворениями, но это не дает оснований приписать их соответствующим авторам: гораздо вероятнее, что аноним просто заимствовал отдельные мотивы или даже целые фрагменты текста из известных ему памятников — ситуация, вполне характерная для древнерусской литературы. В целом же по своему жанровому составу и художественному уровню «безымянное» виршеписание мало чем отличается от «именитого».

Послание дворительное недругу

Литературная пародия сатирического содержания в форме «послания» возникла, по-видимому, в начале XVII в. под влиянием широко бытовавших в это время «письмовников», или «формулярников», которые рекомендовали примеры письменного обращения к людям, занимавшим различное социальное положение в обществе. Автор «Послания дворительного недругу», подражая образцам такого типа, использует разнообразные стилевые формы народной сатиры (близкие пословицам и поговоркам фразеологические обороты, особое построение фразы, когда вторая ее часть комически не соответствует содержанию первой, и пр.).

Текст послания печатается по изд.: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.

[1] *Дворительное* — от глагола дворити (см. также в тексте «подворити»), в значении служить, услужить, послужить.

Обличительное послание подьячему Семену Горяинову

О подьячем Горяинове, адресате обличительного послания, известно, что в 30—40-е гг. он служил при архиерейском доме в Вологде, имел в Москве свой двор.

Текст печатается по публикации: Судаков Г. В. Из вологодской поэзии XVII в.//Русская литература.— 1987.— № 4.— С. 223.

[1] *И у тех печатей усы... И твои приказщичьи усы...* — Усы как деталь канцелярской принадлежности (казенной печати), с которой небрежно обращается подьячий, и усы самого подьячего, которые ему обещают выдрать за указанную нерадивость.

Сатира на духовенство

Памятник относится к первой трети XVII в., в нем обличается чревоугодие, «высокоумие», стяжательство и нравственная распущенность духовенства. Содержание этой стихотворной сатиры позволяет утверждать, что ее автор выступает с позиций «ревнителей древлего благочестия», ставивших своей целью поднять религиозный и нравственный уровень духовенства. Обобщенный сатирический образ духовного пастыря, нарисованный автором, отчасти предвосхищает сатирические портреты никонианского духовенства в сочинениях протопопа Аввакума.

Текст печатается по изд.: Сатира XI—XVII веков.— С. 380—384.

[1] *Вы... имянуетеся «соль земли»... вы есть «свет миру»...* — слова Христа из Евангелия, обращенные к ученикам.

[2] *Паки тем же... величанием несетеся...* — свободная интерпретация цитаты из библейской книги пророка Иезикииля: «Егда пасут пастыри самих себя, не овец ли пасут пастыри; се млеко ядите, и волною одеваетесь, и тучное закалаете, а овец моих не пасете».

[3] *...златый языком Иоанн... воспоминает...* — ссылка на Иоанна Златоуста.

Предисловие к книге «Лабиринт»

«Сие слово двоестрочием сложено и от великия сея книги вкратце обьявлено» — памятник представляет собой стихотворное предисловие к книге великого чешского философа и педагога Яна Амоса Коменского и относится к 30-м гг. XVII в., свидетельствуя о раннем знакомстве русской культуры с его сочинением «Лабиринт мира и рай сердца» (впервые издано в 1631 г.), которое русский поэт называет «книгой Лавиринф». Традиционный мотив лабиринта связан у Коменского одновременно с концепцией мира, в котором человек обречен блуждать и заблуждаться, и с впечатлениями от схоластической науки, в которой так трудно разобраться и так легко запутаться. Если дальнейшая жизнь Коменского (ум. в 1660 г.) сопряжена с плодотворными поисками выхода из этого «лабиринта» схоластики, то его русский почитатель, автор публикуемого предисловия, отразил лишь первоначальную настроенность молодого чешского ученого, схоластику еще не преодолевшего.

Текст публикуется впервые по рукописному сборнику ГИМ, Муз. собр., № 2936, л. 183 об.— 195.

[1] *...камык акинф... аер прообразует...* — Отголосок алхимических поверий, предполагавших мистико-символические связи между элементами и стихиями (камык акинф — камень гиацинт, аер — воздух).

[2] *Еще же глаголет четверокружное наше прехождение... в той же четверице живот нашь скончевается.*— Мотивы цикличности, коловращательности человеческой жизни, в которой главную роль играет магия числа 4: четыре возраста, четыре страны света и т. д.

[3] *...житие наше яко коло обращается...*— т. е. как колесо,— развитие того же мотива.

[4] *Ты же...*— обращение к заказчику списка или, возможно, перевода книги «Лабиринт».

Вирши, или согласныи стишки о человечестем естестве

Философски-нравоучительное сочинение, одобряющее смиренномудрие и осуждающее греховное высокоумие. Автор провозглашает идеал праведной русской самобытности — в противовес переимчивости «ляхов» с их стремлением ко всему чужеземному (по-видимому, отголосок русско-польских военных конфликтов в начале XVII в.), живописует адские муки, ожидающие грешников, напоминает о необходимости выбора между добром и злом, ратуя за добро.

Текст публикуется впервые, по рукописи ГБЛ, собр. М. С. Тихонравова, ф. 299, № 233, л. 15—17 (список конца XVII в.).

[1] *...налог аки ножем отрезует...*— Слово «налог» может означать и тяжесть, и напасть, нападение, которые не страшны добродетельному человеку: он вооружен против них (как ножом...).

[2] *Божии созидают, миролюбцы разоряют.*— Здесь миролюбцы в значении «приверженные ко всему мирскому», т. е. равнодушные к божественному и потому осуждаемые.

[3] *Марк Фраческий* — Марк Фряжсский, святой, год смерти неизвестен.

[4] *Авраам, Исаак, Иаков* — библейские праведники.

Сказание и написание к разумным

Апология честной бедности, которая избегает богатых, сторонится их. Бесполезно, полагает автор «Сказания», учить их добру и безрассудно ждать от них добра. Здесь желание автора сочетается с христианским принципом «блаженны убогие».

Текст публикуется впервые, по рукописному сборнику ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98 (список последней трети XVII в., л. 291—292 об.).

[1] *...яко свинии бисирие ногами своими попирают...— ...сам господь глаголет: не сыплите бисер пред свиниями...*— реминисценция из Евангелия (Нагорная проповедь Христа).

Предисловие к Хронографу 1627 г.

Хронограф (в переводе с греч.— летопись) — монументальное сочинение, претендующее на охват истории от сотворения мира до текущего года. О русских памятниках этого жанра см.: О. В. Творогов.

Древнерусские хронографы.— Л., 1975. Публикуемое предисловие к одной из редакций хронографа восхваляет эту «преславную книгу» и приглашает читателя насладиться сею.

Текст предисловия публикуется впервые, по рукописи ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98, № 1979, л. 34—35 (список последней трети XVII в.; другой список, хранящийся в Болгарии, представлен в кн.: Б. Цонев. Опис на рукописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София.— София, 1910.— Т. 1.— С. 442—443).

Предисловия многоразлична

Это цикл предисловий к разным памятникам, относящимся к разным жанрам, эпохам и восходящим к разным национальным культурам.

Предисловие к «Шестодневу». Шестодневы — сочинения, излагающие библейский рассказ о сотворении мира в шесть дней. Принадлежали греческим авторам, переводились на славянский, в частности Иоанном экзархом Болгарским (X в.), чей труд оказался «распространенным произведением на Руси» (Бараикова Г. С. Шестодневы повествовательные//Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР.— Вып. 2.— Ч. 1.— М., 1976.— С. 170). Именно к этому памятнику и написал стихотворное предисловие русский поэт.

Предисловие к Историии о Варлааме и Иоасафе. «История» явилась одной из древнейших по времени своего появления у нас византийских повестей, переведенных, видимо, непосредственно на Руси» (Гудзий Н. К. История древней русской литературы.— М., 1956.— С. 160). «История» повествует о том, что сын индийского царя Авенира Иоасаф, увлекаемый примером пустынника Варлаама, принимает христианство вопреки воле отца, который, впрочем, впоследствии тоже стал христианином; герои ведут праведную жизнь и достойно, по-христиански, встречают смерть в старости. Автор предисловия изложил этот сюжет в стихах.

Предисловие на еретики. Судя по тексту, это предисловие к богословскому трактату антилютеранской направленности, перекликается с сочинениями Ивана Наседки (Шевелева) — см. комментарий к ним. Свидетельствует об актуальности полемики с лютеранами, сопровождавшей оживление русско-датских исторических связей в 20-е гг. XVII в.

Предисловие на книгу прений Григория Амиритского. Византийский церковный деятель архиепископ Григорий Амиритский жил в

VI в. Одержал верх в богословском споре с иудейским проповедником Ерваном, даже обратил его в христианство. Автор публикуемого предисловия видит в этом прежде всего неотразимую победительность христианской веры.

Предисловие Песней Песнем. Песнь Песней, включенная в канон Библии (17-я книга), приписывалась царю Соломону. Восславила чувственную любовь, культивировала эротическую символику, налет которой ощущается и в тексте публикуемого стихотворного предисловия, хотя в большей мере оно пропитано духом христианства и новозаветными реминисценциями.

Предисловие в Лествицу. В древнерусской литературе бытовали произведения с названиями типа «Лествица к небеси» (см., например: Силлабика.— С. 322—347). Лествица (лестница) — как бы средство сообщения земли с небом, путь праведного восхождения мирян из земной юдоли в рай, и долг христианина — найти при жизни начало этой лестницы и подниматься по ней, не увлекаясь посторонними соблазнами.

Надписание или приповедь. Это переделка «Виршей на Езопа» Ф. К. Гозвинского (см. комментарий к ним).

Предисловие к Царьственной книге, сиречь к Гранографу. *Гранограф* — здесь: Хронограф (см. предыдущий комментарий). Но гранографами называли и описания границ, «границ землемерных писания». В XVII в. наиболее осведомленные книжники предостерегали против смешения этих слов: «Ино бо есть гранограф, и ино хронограф» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв.— Т. 4.— М., 1977.— С. 124). Автор стихотворного предисловия к Царственной книге, называя — видимо, вслед за ее переписчиком — хронограф гранографом, т. е. как бы повторяя «ошибку» переписчика, в то же время вводит в это предисловие мотив границы (между градом и предградием, книгой и предисловием), подсказанный словом «гранограф».

Все «Предисловия многоразлична» печатаются по изд.: Б ы л и н и н В. К. «Предисловия многоразлична» в рукописях первой половины XVII в.//Записки Отд. рукописей ГБЛ.— М., 1983.— Вып. 44.— С. 19—37.

[1] *...бытеиския Моисеовы книги сказуют...*— отсылка к ветхозаветной Книге Бытия.

[2] *...камык...*— драгоценный камень, символизирующий здесь христианскую веру.

[3] *...посполито радою бысть...*— слова, заимствованные из польского политического обихода, неожиданные в произведении на индийскую тему; не сумев соблазнить Иоасафа женской прелестью, его теперь пытаются отвратить от христианства соблазнами политического честолюбия.

[4] *Символ православия бе великий Рим...*— Здесь под православием разумеется христианство, возникшее в Древнем Риме.

[5] *...Мартина Лютора и Калвина учения...*— См. об этом в сочинениях Ивана Наседки и комментарии к ним.

[6] *...Ион...*— По-видимому, ошибка: имеется в виду Сион (см. о «Сионе и Ерусалиме» тремя строками выше).

[7] *...и веру и крещение с прочими. Ерван на ся навлече.*— Иудейский законоучитель и проповедник Ерван, убежденный аргументами Григория, вынужден принять христианство, что, впрочем, даже не ставится ему в заслугу, поскольку это заслуга христианства и его проповедника — Григория.

[8] *...до тридесяти лет человеку не повелеваху их во евреох прочитати.*— Возрастные ограничения, возбранявшие молодым читать эротическую Песнь Песней, согласовались с упорным нежеланием многих древних иудейских законоучителей включать ее в библейский канон ввиду сомнений в ее священном происхождеиии.

[9] *...им же побеждают мысленнаго Аммалика.*— См. примеч. 1 на с. 442.

[10] *...великий царь Констянтин...*— Константин I Великий, римский император, основатель Константинополя.

[11] *Максентий* — римский император с 305 по 312 г., гонитель христиан. Разбит в бою Константином, бежал, утонул в Тибре.

[12] *...яко же Федосий... царь Роман...*— Здесь названы правители Византии и их ближайшее окружение.

[13] *Ираклий* — византийский император с 610 по 641 г. Повинен в кровосмешении и пособничестве еретикам; умер в мучениях от водянки, в чем современники видели божию кару.

[14] *Юлиан Отступник* — в 355 г., двадцати трех лет, назначен правителем Галлии. С 361 по 363 г.— византийский император. Живя в Европе, строго соблюдал христианские обряды, но в Византии стал язычником и гонителем христиан. Умер насильственной смертью.

[15] *Валент* — с 364 по 378 г. византийский император. Еретик-арианин, преследовавший православных. Был разгромлен в бою гуннами, ранен и сожжен.

[16] *Анастас,* Анастасий — с 491 по 518 г. византийский император, пособствовал еретикам, притесняя православных.

[17] *Лев III Исавр* — византийский император (ок. 675—741). Положил начало иконоборчеству.

[18] *...гноетезный Костянтин* — Константин, прозванный Копронимом (Гноетезным) за свое пристрастие к запаху конской мочи; византийский император с 741 по 775 г., иконоборец, считал Христа обычным человеком и чернокнижником.

[19] *Лев Армянин* — византийский император с 813 по 821 г. Возобновил иконоборчество. Отличался жестокостью. Убит заговорщиками.

[20] *Фока* — византийский император с 602 по 610 г., навлек на себя

общую ненависть болезненной подозрительностью и убийствами граждан. Обезглавлен в собственном дворце.

[21] *Феофил* — византийский император с 829 по 842 г. Показал себя ревнителем просвещения и правосудия, но усилил преследования икон и монахов.

[22] *Маврикий* — византийский император с 582 по 602 г. Казнен Фокой.

[23] *Василий Македонянин* — византийский император с 867 по 886 г.

[24] *Михаил* — византийский император с 842 по 867 г. Восстановил почитание икон. Убит Василием Македонянином.

Из книги «Пчела»

«Пчела» — сборник поучительных изречений, афоризмов, почерпнутых из разных памятников церковной и светской литературы. Популярность этой книги была долговечной: имеются ее списки, относящиеся даже к XIX в. (Щеглова Ф. А. Пчела: По рукописям Киевских библиотек//Памятники древней письменности и искусства.— CXXV.— Спб., 1910.— С. 50—51).

Текст стихотворной записи в книге «Пчела» печатается по указ. изд.

Предисловие «Первоучебней сей малей книжице Азбуце»

В 1637 г. в Москве была издана «Азбука» — учебное пособие для детей и отроков, которое обычно называют «Азбукой» В. Ф. Бурцева. Нужно, однако, заметить, что Бурцев был лишь печатником, но не автором книги. Автор неизвестен. Вполне вероятно, что неизвестный автор сочинил и стихотворное предисловие к ней.

Текст предисловия печатается по изд. 1637 г., л. 6 об.— 10.

Предисловие книги сея добрый читателю

Трудно судить о том, к какой именно книге было составлено публикуемое предисловие, равно как и предполагать, соответствует ли его тон и содержание характеру и содержанию книги. Автор предисловия вложил в него мысль о парадоксальности человеческого существования: не утонешь в море — утонешь в луже, и т. п.

Текст публикуется впервые, по сборнику ГИМ, Чудовское собр., № 359, л. 4 (рукопись 50—60-х гг. XVII в.).

Предисловие

Как и предыдущее предисловие, публикуемое не указывает на ту книгу, которой оно должно быть предпослано. Основная мысль автора созвучна пословице «Не рой яму ближнему — сам в нее попадешь».

Текст публикуется впервые по сборнику ГИМ, Чудовское собр., № 359, л. 16—16 об.

Стихотворные подписи к «Соборнику» 1647 г.

«Соборник» — сборник поучительных слов и бесед отцов церкви из 71-го Слова. Эти слова и беседы приурочены к датам церковного календаря. «Соборник» был издан в 1647 г. в Москве. Стихотворные подписи к каждому тексту «Соборника» предназначались для печати, но напечатаны не были.

В период подготовки «Соборника» к печати в Книжной справе трудились такие известные поэты, как Савватий, Иван Наседка, Михаил Рогов и др. Но кто конкретно был автором этих стихотворений, сказать сложно. Не исключено и то, что весь стихотворный цикл явился плодом коллективных усилий. Также неясной остается пока причина, по которой стихи не были изданы в 1647 г. вместе с основными текстами «Соборника». По-видимому, в Москве нашлись достаточно влиятельные силы (может быть, благочестивый патриарх Иосиф?), которые воспрепятствовали их публикации. Скорее всего неприятие у церковной цензуры вызвал сам факт соединения в единый комплекс выдающихся творений отцов церкви (многие из которых были давно известны древнерусским читателям по таким популярным на Руси поучительным сборникам, как «Измарагд», «Златоструй», «Златая цепь») с «новомодными» неравносложными виршами. Ведь последние в первой половине XVII в. еще не так часто появлялись на страницах старопечатных, преимущественно церковных, книг. А когда их (стихи) все-таки удавалось издать, они вызывали резкие нападки или серьезные нарекания со стороны многих «ревнителей» буквы и духа Св. писания — как это было, например, со стихотворным предисловием М. С. Рогова к «Кирилловой книге», вышедшей в свет всего лишь за три года до издания «Соборника».

Предназначенный для него стихотворный цикл состоит из 67 отдельных частей. Судя по форме и содержанию этих частей, в общей композиции книги им отводилась неодинаковая функция. Одни стихотворения (например, «Кирилла архиепископа Александрийскаго, от еуаггельскаго указания», «Златоустаго, на умовение ног», «Златоустаго, в Великий Пяток») выглядят как поэтические заглавия либо же эпиграфы к учительным Словам; другие (например, «Иоанна Дамаскина, о иже в вере усопших», «Григория Богослова в неделю мясопустную» и пр.) — как стихотворные предисловия или послесловия; наконец, третьи (вроде стихов, озаглавленных «Мучение святаго Феодора Тирона» или «Григория папы Римскаго, ко Лву царю Исаврянину») напоминают стихотворные вставки внутри соответствующих прозаических сочинений. Такие стихотворные вставки «в прозу» в данный период уже были общим местом для украинской и белорусской старопечатной литературы; в России они получат широкое применение несколько позднее — во второй половине XVII в.

Четыре Слова «Соборника» 1647 г. из семидесяти одного оставлены автором (или авторами) стихотворных приложений к нему без

внимания. Это — Похвала Иоанна Златоуста «о четверодневном Лазаре» (гл. 38), апокрифическое «Слово Евсевия Самосадскаго о сошествии Иоанна Предтечи во ад» (гл. 48), «Слово Иоанна Златоуста о страсти Христове и о положении во гроб» (гл. 57) и «Слово Епифания Кипрского о погребении тела Христова» (гл. 59).

В остальных случаях виршевые приложения соответствуют следующим текстам (условным главам) старопечатного «Соборника» (цифрой вначале помечается порядковый номер стихотворения в публикуемом цикле):

1 — Слову Иоанна Златоуста о мытаре и фарисее (гл. 1, л. 1—5 об.),

2 — Толкованию Григория Двоеслова евангельской притчи о блудном сыне (гл. 3, л. 7 об.— 9 об.),

3 — Слову Кирилла Александрийского «От евангельскаго указания евангелиста Луки» (гл. 2, л. 6—7 об.),

4 — Слову Иоанна Златоуста «в неделю о блудном сыне» (гл. 4, л. 9 об.— 17 об.),

5 — Слову Иоанна Златоуста «еже о умерших не скорбети» (гл. 5, л. 18—30),

6 — Слову Иоанна Дамаскина «о иже в вере усопших, яко о них бываемыя службы и благотворения пользует их» (гл. 6, л. 30 об.— 45),

7 — Слову Григория Богослова «о нищелюбии» (гл. 7, л. 45 об.— 108),

8 — Слову Кирилла Александрийского «о исходе души от тела и о втором пришествии» (гл. 8, л. 108 об.— 119 об.),

9 — Слову Ипполита Римского «о скончании мира и о антихристех и о втором пришествии господа нашего Иисуса Христа» (гл. 9, л. 120—140),

10 — Слову Палладия мниха «о втором пришествии Христове и о страшном суде и о будущей муце и о умилении души» (гл. 10, л. 140 об.— 158),

11 — Беседе Василия Великого «о благодарении в понеделник сырный» (гл. 11, л. 158—167),

12 — Слову Василия Великого «о еже внимай себе» (гл. 12, л. 167—176 об.),

13 — Слову Василия Великого «о утвержении мира и совершении духовнем» (гл. 13, л. 176 об.— 187 об.),

14 — Слову Василия Великого о посте (гл. 14, л. 188—194 об.),

15 — Слову Иоанна Златоуста «от евангельских святых указаний» (гл. 15, л. 195—202 об.),

16 — Слову Анастасия Синайского о 6-м псалме (гл. 16, л. 203—216 об.),

17 — Слову Василия Великого о посте (гл. 17, л. 217—226 об.),

18 — Похвале Анастасия Синайского «о отшедших отцех» (гл. 18, л. 227—231 об.),

19 — Похвальному слову Григория мниха «древле в посте просиявшым преподобным отцем» (гл. 19, л. 232—256),

20 — Слову Григория Богослова «о отце молчаще язвы ради града» (гл. 20, л. 256—291 об.),

21 — «Мучению» Феодора Тирона (гл. 21, л. 291 об.— 295 об.),

22 — «Исповеданию» Нектария Константинопольского о памяти Феодору Тирону (гл. 22, л. 295 об.— 301),

23 — «Епистолии» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах (гл. 23, л. 301—307),

24 — «Епистолии» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах (гл. 24, л. 307—313 об.),

25 — Слову Германа Константинопольского о кресте, иконах «и на еретики» (гл. 25, л. 313 об.— 321 об.),

26 — Слову Иоанна Дамаскина об иконах и «на вся иконоборцы» (гл. 26, л. 322—338),

27 — «Сказанию известному» о чудесах иконы Богородицы, «яже и Римляныни нарицатися обыкши» (гл. 27, л. 338 об.— 359),

28 — Статье «О покланянии на восток и о кланяющихъся на восток» из книги Иоанна Дамаскина «Небеса» (гл. 28, л. 359 об.— 360),

29 — «Многосложному свитку» патриархов к греческому царю Феофилу об иконах (гл. 29, л. 360 об.— 392),

30 — Слову Иоанна Златоуста о покаянии и о Авеле, пророке Данииле, царе Ахаве и пр. (гл. 30, л. 392 об.— 398 об.),

31 — Слову Иосифа Фессалоникийского на поклонение кресту (гл. 31, л. 399—403),

32 — Слову Феодора Студийского на поклонение кресту (гл. 32, л. 403—406 об.),

33 — Слову Иоанна Златоуста о покаянии, «в нем же воспомяну и вся страсти человеческия» (гл. 33, л. 407—436 об.),

34 — Слову Кирилла Туровского «о души человечестей и телеси» (гл. 34, л. 436 об.— 447 об.),

35 — Слову Иоанна Златоуста «како с разумом искати спасения» (гл. 35, л. 448—452),

36 — «Повести душеполезней в чину притчи о дворе и о змии и что есть житье сие настоящее всякого человека» Иоанна Златоуста (гл. 36, л. 452 об.— 460),

37 — Слову Тимофея Иерусалимского «о востании еже от мертвых четверодневнаго Лазаря» (гл. 37, л. 461—465 об.),

38 — Слову Кирилла Александрийского «во святую неделю цветоносную» (гл. 39, л. 467 об.— 476),

39 — Слову Тита Всторского о просвещении Лазаря (гл. 40, л. 476 об.— 483),

40 — Слову Кирилла Туровского «от сказания евангельскаго» (гл. 41, л. 483—486),

41 — Слову Иоанна Златоуста «в неделю цветоносную» (гл. 42, л 486 об.— 489 об.),

42 — Слову Иоанна Златоуста об иссохшей смоковнице (гл. 43, л. 490—493 об.),

43 — Слову «о смокви и о жене блуднице и беседе ея лестней и о змии» без автора (гл. 44, л. 493 об.— 495),

44 — Слову Иоанна Златоуста «о реченнем: «Отче, аще мощно, чаша си да преидет от мене» (гл. 45, л. 495—501 об.),

45 — Слову Иоанна Златоуста о собрании евреев на Христа (гл. 46, л. 501 об.— 504 об.),

46 — Слову Иоанна Златоуста «о десяти девах и о милостыни и о покаянии и о молитве» (гл. 47, л. 504 об.— 514 об.),

47 — Слову Иоанна Златоуста о зависти (гл. 49, л. 523 об.— 528 об.),

48 — Слову Ефрема Сирина о блуднице (гл. 50, л. 528 об.— 536 об.),

49 — Слову Иоанна Златоуста о покаянии и умилении, «в нем же повесть о Арааве блуднице» (гл. 51, л. 537—550 об.),

50 — Слову Иоанна Златоуста о предательстве Иуды «и еже не поминати зла» (гл. 52, л. 551—561),

51 — Слову Иоанна Златоуста «егды умы Христос нозе учеником своим на вечери» (гл. 53, л. 561—564 об.),

52 — Слову Иоанна Златоуста «о кресте и о отвержени Петрове» (гл. 54, л. 564 об.— 569 об.),

53 — Слову Георгия Никомидийского «о еже стояху при кресте Иисусове мати его и сестра матери его» (гл. 55, л. 569 об.— 586 об.),

54 — Слову Иоанна Златоуста о распятии Христовом и похвале кресту (гл. 56, л. 587—593 об.),

55 — Слову Иоанна Златоуста «во святую и Великую суботу» (гл. 58, л. 598 об.— 601 об.),

56 — Слову Григория Богослова на Пасху «и на опождение» (гл. 60, л. 616—631),

57 — Слову Григория Богослова на Пасху (гл. 61, л. 631—737),

58 — Слову Григория Богослова о весне, о мученике Мамонте и о обновлении (гл. 62, л. 737—766),

59 — Слову Кирилла Туровского о снятии тела Христова со креста и о мироносицах и похвале Иосифу (гл. 63, л. 766 об.— 774),

60 — Слову Иоанна Златоуста «о разслабленом и еже не судити на лица» (гл. 64, л. 774 об.— 780),

61 — Слову Иоанна Златоуста «о жене самаряныни» (гл. 65, л. 780—783 об.),

62 — Слову Иоанна Златоуста об исцелени слепца Христом (гл. 66, л. 784—800),

63 — Слову Иоанна Златоуста на вознесение Христа (гл. 67, л. 800—802 об.),

64 — Слову Кирилла Туровского «о воскресении всероднаго Адама из ада» (гл. 68, л. 803—807),

65 — Слову Кирилла Туровского на собор 380 отцов и похвале отцам Никейского собора (гл. 69, л. 807—813),

66 — Слову Григория Богослова «на святую пятъдесятницу» (гл. 70, л. 813 об.— 863 об.),

67 — Похвале Иоанна Златоуста всем святым (гл. 71, л. 864—874 об.).

Итак, тексты «Соборника» охватывают широкий круг важнейших религиозно-нравственных, канонических и догматических вопросов православного вероучения. Особое место в книге принадлежит сочинениям, посвященным раскрытию глубокого смысла поклонения святым, святому и животворящему кресту, а также защите иконописи и иконопочетания. Интерес к этой проблематике мог быть вызван, в частности, в связи с заметно обострившейся к середине «переходного столетия» полемикой русской церкви с протестантами.

Подписи публикуются впервые, по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 359, л. 238—282 об.

[1] *Григорий, папа римский* — в русской традиции известен как Григорий Двоеслов, или Беседовник (590—604).

[2] *Кирилл Александрийский.* — Ранневизантийский церковный деятель, проповедник и писатель. Патриарх с 412 по 444 г.

[3] *Иоанн власы велбуждыими покрываяся...* — Речь идет об Иоанне Крестителе, ходившем в накидке из верблюжьей шкуры.

[4] *Петр* — апостол.

[5] *Ипполит* — папа римский, раннехристианский церковный деятель и писатель (170—235).

[6] *Палладий мних.*— Палладий Еленопольский, ранневизантийский церковный писатель, собрал легенды египетского монашества (364—430).

[7] *...бесовские соузы* — цепи, обольщения и пр.

[8] *Даниил — идолом низложитель...* — Имеется в виду пророк Даниил (библ.).

[9] *Анастасий инок* — ранневизантийский церковный поэт.

[10] *Анастасий прозвитер* — Анастасий Синайский, церковный писатель, жил в Александрии, выступал против еретиков (670-е гг.).

[11] *Григорий прозвитер* — византийский богослов-мистик (1296—1359).

[12] *Фиваида и гора Нитрийская...* — Имеются в виду г. Фивы и гора в Нитрийской пустыне (Египет).

[13] *Харитон* — «исповедник», жил в пустыне около Иерусалима в III в.

[14] *Помплий Африканский* — христианский мученик, жил в III в.

[15] *...Ефрема наказующа...* — Речь идет о Ефреме Сирине.

[16] *...Павлу ликом подобна...* — апостолу Павлу.

[17] *Феодосий Великий* (424—529) — основатель монастыря близ

Иерусалима, один из основоположников православного монастырского общежития.

[18] *...Иоанновыми писании...* — писаниями Иоанна Кущника (Пустынника), христианского подвижника, монаха (ок. 425—450).

[19] *Исидор Александрянин* — христианский мученик, казнен на острове Хиос в 251 г.

[20] *Виссарион* — раннехристианский мученик, годы жизни неизвестны.

[21] *Даниил и Алимпий* — Столпники, христианские аскеты (ум. в V в.).

[22] *...ова же — звезда Селуньская...* — Речь идет о солуньских (фессалоникийских) мучениках, как-то Димитрий Солунский (ум. в 305 г.) и др.

[23] *Иоиль, Михей, Аммос* — библейские пророки.

[24] *Феодор Тирон* — христианский мученик (ум. в 306 г.).

[25] *Нектарий* — архиепископ Охридский (ум. в 1626 г. в Вологде).

[26] *Лев* III Исавр — византийский император (ок. 675—741).

[27] *Герман патриарх* Константинопольский (с 715 по 730 г.) — писатель и проповедник.

[28] *О чюдесех... Богородицы римляныни.* — Имеется в виду сказание об иконе богоматери, написанной евангелистом Лукой и чудесным образом прибывшей из Рима на Русь. Ранние списки этого сказания относятся к концу XV в.

[29] *Книга «Небеса»* — книга сочинений Иоанна Дамаскина (русские списки — с XVI в.), включающая три его Слова о почитании икон и в защиту иконописи.

[30] *«Многосложный свиток»* — полное название: «Многосложный свиток патриархов греческих к царю Феофилу» (II в.). Произведение написано в защиту икон.

[31] *...Авгар князь от недуга свободися.* — Излагается библ. легенда о чудесном исцелении князя Авгаря (лицо не историческое) благодаря мозаичному изображению Спаса, выполненному по его заказу апостолом Фаддеем.

[32] *Хоздрой,* Хосров — персидский царь, шах, казнен византийским императором Ираклием в 628 г.

[33] *Феодосий* II Малый — император византийский (408—456).

[34] *Македоний* — патриарх Константинопольский с 342 по 361 г., основоположник ереси македониан, считавших Св. Духа силой бога, а не лицом (отсюда эпитет «духоборный»). Изгнан не Феодосием (как сказано в тексте), который жил позже (см. примеч. 32), а правившим тогда императором Констанцием.

[35] *Аравитский Азант...* — библейский персонаж.

[36] *...Лев царем поставляется...* — См. примеч. 25.

[37] *Иосиф, епископ Фессалоникийский* (Есиф Солунский) — христианский проповедник, причислен к лику святых (VIII—IX вв.).

[38] *Феодор Студийский* — византийский церковный деятель, монах, писатель, поэт (759—826).

[39] *...Тимофея присно поминай...* — Возможно, говорится о мученике Тимофее Газском (ум. в Александрии в 504 г.).

[40] *Притча Кирилла мниха...* — Кирилла Туровского (1130—1162), выдающегося русского писателя и проповедника.

[41] *Тимофей, презвитер Иерусалимский* — раннехристианский писатель, автор «Слова о восстании еже от мертвых четверодневнаго Лазаря».

[42] *Кайяфа,* Каиафа — иудейский первосвященник, настоявший на казни Христа.

[43] *Манихей и Арий, и Маркиян...* — ересиархи. Манихей — Манес, родом из Вавилона, маг, принявший христианство и выдававший себя за бога, объявивший мирозаконом борьбу добра со злом (сущность манихейства); в 260 г. отлучен от церкви, в 277 г. казнен — с живого содрали кожу. Арий — см. примеч. 8 на с. 405. Маркиян — Маркион, отлучен от церкви в 148 г., после чего распространял ересь, отчасти предвосхищающую манихейство.

[44] *Павел Самосатский* — епископ Антиохийский с 260 г., еретик, абсолютизировавший единство бога (что отрицало тезис о его триединстве); был склонен к чрезмерному самовозвеличению; низложен и проклят священным собором в 269 г.

[45] *Тит, епископ Всторский* — христианский проповедник, писатель (VIII—IX вв.).

[46] *О Арааве блуднице* — так в рукописи; следует читать «о Агаве блуднике» (Деяния апостолов, XXI, 10).

[47] *...Михаил и Гавриил* — архангелы.

[48] *Григорий Нисский* — ранневизантийский церковный деятель, писатель, богослов (ок. 335 — ок. 394).

[49] *Гнезненский епископ* — лицо неустановленное.

[50] *Кирилл епископ* — имеется в виду Кирилл Туровский.

[51] *Днесь Симеоново постиже мя пророчение.* — Говорится о Симеоне богоприимце, предрекшем смерть и воскресение Христа (Евангелие от Луки, II, 25—35).

[52] *Авессалом* — библейский персонаж.

[53] *Ермий,* Эрмий — Гермес, бог-покровитель путешественников, торговли и воровства (миф.).

[54] *Дионис* — в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия.

[55] *Афродита* — богиня любви и красоты.

[56] *...волховныя ради хитрости почитается Зевес...* — смысл: Зевс почитается как волшебник.

[57] *Сосана,* Сусанна — библейская героиня, оклеветанная сластолюбивыми старцами, приговоренная к казни и спасенная пророком Давидом.

Посланейце

Образцовое просительное послание. Адресат неизвестен.

Текст печатается впервые, по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 359, л. 289—290.

Послание с покаянием от духовнаго сына ко отцу духовному

Послание выдержано в традиционной форме, характерной для данной жанровой разновидности. Имеются отдельные текстовые переклички с «Виршевым Домостроем» и «Посланием от сына ко своему отцу» (Стефану Горчаку). Акростиха (краегранесия) нет, на что указывает сам автор.

Текст печатается впервые, по рукописи ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 302 об.— 305.

[1] *...число их арметичное...*— т. е. арифметическое (в XVII в. арифметика иногда называлась «артемитикой»).

[2] *Арафметичное* — то же, что «арметичное».

Стишки согласныи что есть человек...

Стихотворение написано неизвестным автором, вероятно, в 50-е годы XVII в., когда в русской литературе с особой силой зазвучала тревога «ревнителей» старинных нравственных устоев и обычаев за их «порушение», призывавших своих читателей крепить веру, «за благочестие головы складати». Своеобразна композиция этого назидательно-обличительного сочинения: она состоит из двух монологов, первый ведется от лица Бога, второй, заключительный,— от лица самого автора. Такая форма повествования широко использовалась в древнерусской гимнографии, а также в учительной литературе.

Текст стихотворения печатается впервые по рукописи последней трети XVII в. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 233, л. 6—11 об.

Молитва на вирш ко Господу Богу

Стихотворение ориентировано на традиционный жанр азбучной молитвы, на что указывают следующие слова: «Имать же краегранесие по алвафитным словесем». Оно включает предисловие и собственно «Молитву и покаяние» по азбуке.

Азбучная молитва является одной из наиболее древних форм древнерусской книжной поэзии. Ранние образцы азбучной молитвы построены на основе так называемого молитвословного стиха. К примеру:

Аз есмь всему миру свет.
Бог есмь прежде всех век.
Вижу всю таину человеческую.
Глаголю же вам, сыном человеческим:
Добро есть верующим въ имя мое...

В данном же случае азбучная молитва написана неравносложным рифмованным стихом. По своему содержанию это — исповедальная молитва. Вряд ли она имела мнемоническую функцию, т. е. предназначалась для запоминания азбуки при одновременном усвоении основных христианских догматов. Однако полностью исключать такое ее прочтение нельзя. Молитвенная форма в русской поэзии первой половины XVII в. отнюдь не случайное явление. Она не просто традиционна — молитва была наиболее привычной и наиболее естественной формой религиозно-лирического самовыражения древнерусского человека. С молитвы начинался его день (чин утренних молитв), в течение которого он обращался к молитве неоднократно — когда шел в храм, когда принимался за какое-либо дело, за трапезу и т. д. до тех пор, пока не наступало время приготовления ко сну (чин вечерних молитв). Молитва не делала его пассивным, напротив, она воспринималась им как дарованное свыше сильнейшее оружие против греховности и зла. Молитва не делала его своекорыстным и самолюбивым, ибо воспитывала в нем любовь ко всему творению и к ближним. Не о своем личном спасении заботились предки наши, вознося денно и нощно пламенные молитвы. В этом они следовали заветам Христа и отцов церкви, многим были хорошо памятны слова Иоанна Златоуста: «Вам предоставлено молиться и о вселенной, и о Церкви, распространенной до концов земли...» (Беседа вторая о неясности пророчеств).

Таким образом, в первой половине XVII в. сам дух молитвы, молитвенные этикет и этика заметно отобразились в поэтическом творчестве русских виршеписцев. И не только в жанре литературной молитвы, а и в ведущем жанре поэзии этого периода — в стихотворном послании. Недаром в содержании многих виршевых посланий, как мы видели, похвалы адресату и прошения о помощи являются доминирующими темами. Причем нередко прошения в них поданы в очень экспрессивной, эмоциональной форме, звучат как настойчивые требования — что и полагалось делать во время сердечной молитвы и, безусловно, не должно было восприниматься ни тем, кто просил, ни тем, у кого просили, как-то негативно. На «молитвенную» настроенность авторов виршевых посланий указывало и частое упоминание ими своего «окаянства» и греховности, а также подчеркивание того обстоятельства, что к написанию стихов их подвигла верность «союзу духовней любви».

Текст печатается впервые, по рукописи ГБЛ, собр. А. П. Гранкова, ф. 711, № 98, л. 270—279.

[1] *...страшных оных ефиопов...* — дьяволов.

[2] *...бесовския мытарства...* — Согласно православному вероучению, душа умершего первые сорок дней ходит по мытарствам, после чего попадает на предварительный суд, откуда направляется в ад или в рай.

[3] *Шестомерителных заповедей...* — речь идет об основных моральных заповедях христианства.

Словарь
древнерусских и иноязычных слов.

Абие — тотчас, внезапно
Агаряне — язычники, мусульмане
Аггел (греч.) — ангел, вестник.
Агиос (греч.) — святой
Аер (греч.) — воздух
Аз, яз — я
Аки — как
Алтарь, олтарь (греч.) — жертвенник; часть церковного храма, где находится престол
Алкание, алчба — голод, страстное желание
Аминь — так есть, да будет
Амо — куда, где
Анафема (греч.) — проклятие
Аспид (греч.) — ядовитая змея, мифич. змей
Аще — если, хотя, когда

Багряница — пурпуровая мантия, порфира
Безказние — безнаказанность
Безстрастие — умеренность
Безстудие — бесстыдство
Блажити — восхвалять
Блазнити — соблазнять, обманывать; порочить
Бо — ибо, потому что, же
Борзо — быстро
Брашно, бражда — еда, пища
Бытеиския книги — Книга Бытия (библ.)

Варити — предварять, встречать; стремиться, бежать навстречу
Век — время, возраст
Велеречити — многословить, ораторствовать
Велеумный — высокоумный
Велий — большой, великий, знаменитый
Вельми — очень, весьма, крайне
Верста — возраст
Вертеп — сад, пещера
Вертоград — сад
Весть (**веси**) — знает (знаешь)
Ветия, вития — оратор, проповедник; ученый муж
Ветрило — парус
Вещ — вещь, дело; проступок; естество, суть
Взуститися — возбудиться, желать
Взущати — напоминать, внушать, предостерегать

Вина — причина
Винник — виновник
Виноград — виноградник, сад
Внегда — когда
Внити — войти
Воня — благоухание, запах
Вонче — вместе, заодно
Воскрилие — пола (одежды)
Вскую — почему
Всуе, вскуе — тщетно
Выну — всегда
Выспрь — вверх, вверху
Выя — шея
Вящше — больше

Гаждати — хулить, ругать
Геена (греч.) — преисподняя, ад
Главизна (край главизны) — глава, отдел; главное (самое главное)
Глум — шум, забава
Гнести — зажигать
Говор — шум, гул; пузырь на воде
Год, година — час, время
Голдуют (польск.) — поклоняются, служат
Гонзати — избегать, бежать
Горé — вверху
Горушный — горчичный
Гощение — любовь к гостеприимству, хлебосольство
Гривна — ожерелье в виде обруча

Дельма — из-за, ради
Деля — для, ради
Десный — правый; истинный
Диадима (греч.) — бармы, оплечье в царской одежде; царский головной убор
Дидоскал, дидаскал — учитель, наставник
Диолектит — диалект, говор, наречие
Днесь — сегодня, ныне
Дондеже — до тех пор, пока
Донели(же) — пока, пока не

Егда — когда
Еже, во еже — которое, что; те, что, те, которые
Еже бы — если бы, чтобы
Елень, еленстий — олень, олений

Е л и к и й — который, каковой
Е л и к о — сколько
Е л л и н с т в о в а т и — выражать приверженность к языческой, античной премудрости
Е л м а, е л ь м а — так как, хотя, хотя бы, тогда как, как только
Е п и т е м и я, е п и т и м ь я (греч.) — наказание за грехи
Е р а р х — см.: иерарх
Е х и д н а (греч.) — гадюка, змея

Ж а д н ы й — желающий, стремящийся
Ж е р е б ь и — жребий, доля
Ж и в о т — жизнь, имущество
Ж р е т и — приносить жертвы

З а б р а л о — городское укрепление, стена; башня
З а д е л ч а т ы й — сделанный искусно, затейливо
З а з р и т и — осуждать, порицать
З а м а т о р е в ш и й — состарившийся; созревший; матерый
З а н е (ж е) — потому что
З а с е н ь — тень
З а у ш а т и — бить, избивать
З а у ш е н ы й — наученный, сведущий
З а х о д н ы й — западный
З г у ж е н и е — созвучие, согласное звучание или пение
З д а н н ы й — созданный
З д е — здесь
З е л н ы й — обильный, сильный, крепкий и для выражения превосходной степени
З е л о — очень
З л е — плохо, зло, ужасно
З ы б е л ь — зыбь, хлябь

И — его (вин. падеж)
И д е ж е — где, куда
И е р а р х (греч.) — верховный служитель; священник высокого сана
И ж е — который, кто
И з в е р г — выкидыш, недоносок
И з в е т — отговорка; наговор, обман; нарушение клятвы
И з в ы ч е н — привычен
И з о щ и т и, и з о т щ и т и — изъять
И з я щ н ы й — родовитый, влиятельный; лучший
И м а т ь б ы т и — должен быть
И н д е — в другом месте, где-либо; в иное время
И н о — то, так
И н о г д а — некогда, однажды; прежде

Камо — куда
Камык — камень
Капище — языческий жертвенник; идол
Карк — спина, хребет, затылок
Кийждо — каждый, всякий
Клас — колос
Клеврет — раб, слуга; преданный друг
Клуша — наседка, галка
Ключимый — удачливый, способный
Ключитися — случиться; быть угодным
Ков — злой умысел, злое ухищрение
Ковчег — ящик, ларь; сокровищница, хранилище священных реликвий
Колми паче — тем более, особенно
Коло — колесо
Комуждо — каждому
Конец — край, отдаленное место
Коснение — воздержание
Кощуны деяти — увеселять, скоморошествовать
Крава — корова
Красгранесие — акростих
Крин — лилия
Крыж — крест
Купа — кипа, груда, куча

Лавра (греч.) — улица
Лепок, лепкий — хлипкий, слабый
Лепота; лепый; в лепоту — красота; красивый, хороший; достойно, прилично
Лествица — лестница
Лесть — обман, притворство, ложь
Леть — можно
Лех кольки — нисколько
Лечба — лечение, врачевание
Ливан — ладан
Лик — лицо, образ; собрание, сонм
Лихва — неправедный прибыток
Лише — свыше, более
Лишек — излишек
Логофет (греч.) — букв.: словоположник; составитель официальных актов
Ложесна — материнская утроба
Лучитися — случиться, приключиться
Лысто — голень
Любо — либо

Любомудр, любомудрец — философ, книжный человек
Любы — любовь

Мамона — богатство, сокровища
Мана — соблазн, наваждение
Мание — мановение; знак, поданный рукою, взглядом и т. п.
Мера — в частности: положение, состояние человека
Метание — земной поклон
Миро — благовонное масло, используемое в церковном обряде миропомазания
Мирра, смирна — благовонная смола
Мнас — древнегреческая монета
Мощно — можно
Мрежь — сеть, невод
Мусетворный — сделанный из мусии, мозаичный
Мусикийский — музыкальный
Мытоимец — сборщик податей; корыстолюбец

Надолзе — долго
Нарочитый — известный, знатный, выдающийся
Наук — навык
Негли, некли — нежели, чтобы, едва ли, возможно; да (в сослагат. наклонении)
Неже, нелиже — нежели
Неизгодный — нежданный, неожиданный
Нелеть — нельзя
Необратный — неизменный, неисправимый
Непщевати — думать, полагать, рассуждать
Несть — нет
Ниже́ — также не, и не
Низ — подол платья (обычно украшавшийся расшивкой)
Нико́ли (же) — нисколько не, ничуть не
Нужный — бедный, нищий; печальный; трудный
Ны (на ны) — нам (на нас)
Нырище — развалины; глубокий овраг; нора, логовище
Нь (вонь, зань, нань) — (в, за, на) него

Обаче — но, однако
Ов, ова, ово — тот, та, то; этот, эта, это
Овогда — иногда
Оглядало — зеркало
Одесную — справа
Оздоба (польск.) — украшение
Он (ый), она (я), оно (е) — тот, та, то
Онде — в ином месте

О п о н а — покров, защита
О с к о р д — секира
О с н, о с т е н — острая кость, жало
О т г р е б а т и с я — отстраняться, отметаться
О т ж е н и т и — отторгнуть, оттолкнуть, отогнать
О т н е л е (ж е) — с тех пор как
О т н ю д у (ж е) — откуда
О т о р о м — особливо, особняком
О т р е в а т и — отбрасывать, отсекать
О т щ е т и т и с я — отпасть, отказаться, отстраниться
О ф е р а (польск.) — жертва
О ц е т — уксус
О ш у ю (ю) — слева

П а к и — снова, еще
П а п е ж (польск.) — римский папа
П а р а — пар
П а р а к л и т (греч.) — утешитель
П а р д у с — барс, леопард
П а ч е — больше
П а у ч и н а — паутина
П е л ы н ь — полынь; горечь
П е н я з и — деньги, монеты
П е р с т ь — прах земной
П и с м я — буква
П л о т н ы й — плотский
П о в н е г д а — когда, как только
П о з а з р и т и — упрекнуть
П о з о р (польск.) — наружность, вид, подобие
П о л у н о щ н ы й — северный
П о н е (ж е) — так, как, хотя, даже
П о р е к о в а л о — прозвище
П о с л е ж д е — после того как
П о с п о л и т ы й (польск.) — всеобщий, всенародный; обычный, простой
П р а з и, п р а г — пороги, порог
П р е в е с и — весы
П р е з о р с т в о — высокомерие, кичливость
П р е д и к а т о р (лат.) — проповедник, священник
П р е к о — наперекор; распря
П р е т у ч н е в а т и (с я) — утучняться, толстеть
П р е щ е н и е — угроза, предостережение
П р и к л а д — пример
П р и л о г — нападение, напор; намерение; приклонение
П р и с н о — всегда

Приторгнути — привлечь
Прузи — саранча
Псифия (греч.) — камешек, смальта для мозаичного набора

Работная — созданное, произведенное
Рада (польск.) — совет
Ражец — рожок (муз. инструмент)
Рало — соха
Рамо — плечо
Рачитель — благожелатель, попечитель
Реснота — осуждение, выговор
Рискати — бежать, мчаться, скакать
Рог — сила, власть, могущество
Рожон; рожны — кол, заостренный шест; вилы
Руб, рубы — рубище

Седало — седалище, сидение
Семо (**и овамо**) — сюда (и туда)
Сень — тень
Сигклит, синклит (греч.) — совет правителей
Сииречь, сиречь — то есть
Сице, сицев(ый) — так, такой
Скуделный — глиняный; бренный
Сликовствовати — предстоять вместе с избранными ликами (см.: лик)
Слично — достойно, прекрасно, как подобает
Сметие — сор, грязь; отруби
Снести — съесть
Сотрыти — стереть
Спекулатор (греч.) — надсмотрщик, тюремный сторож
Спона — препятствие
Ссати — сосать
Ставило — установление, норма
Стень — тень
Стогна — площадь
Сторичный — прибыльный
Стропотно — возбраняюще, с укоризной, небезропотно
Студенец — глубокий колодец, родник
Студодеяние — постыдные поступки
Стужати — досаждать, требовать, надоедать
Сугубство — парность, сочетание по два
Сходатай — потомок
Сый — сущий, находящийся
Сягати — доставать, постигать

Та же, тажде — потом
Тартар — подземное царство мертвых
Тать, татьба — вор, воровство
Твердонырный — обитающий в земной тверди, подземный
Тезоименитый — соименный, тезка
Тимение — помрачение; сгущение темноты, сумерек
Тобола — сумка
Тожде — тоже
Той — тот
Токмо — только
Толикий — такой
Толико — столько
Толмач — истолкователь, переводчик
Толь — настолько
Торопом — торопливо, опрометчиво
Точию — только
Тощно — скоро; усердно; равно
Тристат — лютый враг
Трость — специальная палочка для письма (стило)
Тужде — здесь, тут
Тул — колчан
Туне — тщетно, попусту; даром
Тщитися — стараться, усердствовать
Тще — напрасно, бесцельно
Тщий — порожний

У (с отрицанием «не») — еще не
Убо — же, итак, ибо
Уды — члены
Удобь — удобно, легко
Уже — веревка, узы
Узор — порицание, хула, зависть
Укрух — кусок, крошка
Умет — навоз, кал
Уне — лучше
Унея, уния (лат.) — союз церквей под эгидой римского папы
Усов — засов, запор
Устие, устье — проход; отверстие
Уядовленный — отравленный
Уясти — укусить, ужалить

Фелонь (греч.) — накидка, плащ; часть торжеств. облачения священника
Фиал, фиял (греч.) — чаша
Фимиам (греч.) — благовонное курение; ладан
Фряги, фрязи — итальянцы, франки, вообще европейцы

Х а п а т и с я — касаться, припадать
Х а р т и я — пергамен, рукопись
Х а р я — маска, личина
Х в р а с т и е — хворост
Х и т р о с т ь — искусство
Х о т ь — желание
Х р а м и н а — палата, покой
Х у д о ж е с т в о — искусство, наука
Х у п и т и с я — кичиться, выделяться
Х у х н а н и е — порицание, хула

Ц а т а — мелкая монета
Ц е в н и ц а — свирель
Ц е с а р с т в о — царство

Ч а с — время, час
Ч е р в а, ч е р в и ш к и — приплод (обычно о пчелах)
Ч е р н е ц — монах
Ч е с о — чего (род. падеж от «что»)
Ч е с т н ы й — благородный, знатный
Ч и н — порядок, должность, сан; собрание
Ч и н и т и — делать, сотворять
Ч р е в а т а я — беременная
Ч р е с л а — поясница, стан

Ш и п о к — цветок розы, розовый куст
Ш е п о т н и к — наушник, доносчик
Ш у р м о в а т и — штурмовать, атаковать

Ю — ее (вин. падеж)
Ю ж е — которую
Ю з а — узы, путы, оковы
Ю х а н и е — благоухание, запах

Я — их (вин. падеж)
Я в е — явно, зримо, воочию
Я г л о — обильная пища
Я д ь — еда, снедь
Я ж е — которых, что
Я з в и т и — ранить
Я з ы к, я з ы ц ы — народ, народы
Я к о (ж е) — как
Я т и — взять, брать, хватать
Я т и с я — начать, взяться

Список иллюстраций

Стр. 131

Осада Казани русскими войсками. Миниатюра списка «Казанской истории». БАН, XVII в.

Стр. 144

«Письмоносец». Рисунок из списка Жития и службы преподобных Ефросинии и Евфимии Суздальских. Собрание Научной библиотеки МГУ, № 686/969, 3-я четверть XVII в., л. 20.

Стр. 154.

«Пишущий монах». Миниатюра Радзивилловской летописи. БАН, XV в.

Стр. 183

«Печатник». Гравюра на дереве из Книги сословий Иоаста Аммана (Германия, XVI в.).

Стр. 211

Азбука — пропись. ГБЛ, ф. 178, № 704, XVII в., л. 4.

Стр. 295

Предисловие к «Шестодневу» Василия Великого. ГБЛ, ф. 173, I, № 32, XVII в., л. 8.

Стр. 302

Варлаам беседует с Иоасафом. Фронтиспис кутеинского издания 1637 г. Истории о Варлааме и Иоасафе.

Стр. 311

Видение Иоанна Лествичника. Лествица. ГПБ, Софийское собр., № 1249, XVII в., л. 13 об.

Стр. 313

Миниатюра лицевого свода «Царственной книги». ГИМ, Синодальное собр., № 149, середина XVI в., л. 651.

Стр. 322

«Училище». Гравюра старопечатной Азбуки Василия Бурцева (М., 1637).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗНАЯ ШКОЛА СТИХОТВОРСТВА

АНОНИМНОЕ СТИХОТВОРСТВО

Сокровища древнерусской литературы

Виршевая поэзия

(первая половина XVII века)

Редактор Э. С. Смирнова
Художественный редактор Г. В. Шотина
Технический редактор Л. А. Фирсова
Корректор М. Е. Козлова

ИБ № 7369

Сдано в набор 03.05.89. Подп. в печать 25.08.89. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,41. Уч.-изд. л. 27,51. Тираж 100 000 экз. Заказ 150. Цена 2 р. 50 к. Изд. инд. ЛХII-96

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.